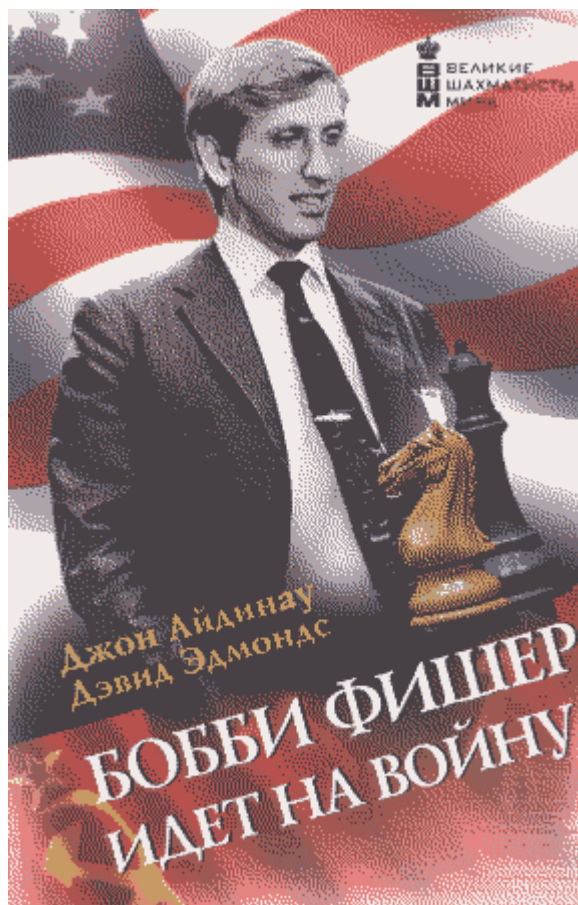

Джон Айдинау Дэвид Эдмондс БОББИ ФИШЕР ИДЕТ НА ВОЙНУ

«БОББИ ФИШЕР ИДЕТ НА ВОЙНУ»: РИПОЛ классик; Москва; 2008
ISBN 978-5-386-00694-5

Аннотация

Перед вами захватывающая история о легендарной шахматной битве в Рейкьявике (1972) между советским чемпионом Борисом Спасским и американским претендентом Бобби Фишером, эпическая конфронтация времён холодной войны и самый известный шахматный матч двадцатого века. Опираясь на ранее неизвестные документы и личные беседы с главными действующими лицами тех событий, авторы — известные британские журналисты Джон Айдинау и Дэвид Эдмондс — сумели создать настоящий триллер на шахматную тему!

Выход этой книги на русском языке совпал с безвременным уходом из жизни 11-го чемпиона мира Бобби Фишера. Величайшему шахматисту современности было отпущено всего шестьдесят четыре года, по числу клеток на шахматной доске.

БОББИ ФИШЕР ИДЕТ НА ВОЙНУ

Посвящается Элизабет Айдинау, а также Филипу, Ричарду и Джулии — братьям и сестре Эдмондсам

С 1948 года в чемпионатах мира по шахматам доминировал Советский Союз. Москва утверждала, что победы свидетельствуют о превосходстве советской политической

системы. Но вот появился Бобби Фишер.

Эксцентричный гений, Фишер обладал уникальными данными для того, чтобы принять вызов Советов. Каждый час его жизни был посвящён игре. Он преодолел все препоны ради достижения чемпионства. Когда непредсказуемое поведение Фишера достигло апогея, ему позвонил Генри Киссинджер, убедив сразаться за свою страну.

Против него вышел Спасский: сложный, тонкий игрок, не похожий на предыдущих советских чемпионов мира. Авторы выяснили, что, когда Спасский начал проигрывать, на сцену вступил КГБ¹.

Основанная на неопубликованных документах из архивов Советского Союза и США, эта удивительная история посвящена прошлому, политике и шахматам. А в основе её — человеческая драма, история блеска и триумфа, гордости и отчаяния.

«Это действительно борьба свободного мира против лгущих, изворотливых, лицемерных русских... Сражение между мной и Спасским — микрокосм мировой политической ситуации. Они всегда говорят, что мировые лидеры должны вести борьбу лицом к лицу. Именно это мы и делаем — но без бомб, сражаясь на доске». Бобби Фишер, интервью Би-би-си, 1972

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Американцы

Бобби Фишер , претендент на звание чемпиона мира

Пал Бенко , гроссмейстер², предоставивший Фишеру возможность участвовать в чемпионате

Роберт Бирн , гроссмейстер, соавтор Иво Нея в написании книги о матче

Фред Крамер , главный помощник Фишера в Рейкьявике

Брэд Даррах , журналист журнала «Life», член команды Фишера в Рейкьявике

Эндрю Дэвис , юрист Фишера

Эд Эдмондсон , исполнительный директор Шахматной федерации США и наставник Фишера

Ларри Эванс , американский гроссмейстер, бывший помощник Фишера

Регина Фишер , мать Фишера

Честер Фокс , телевизионный продюсер

Виктор Джакович , младший советник американского посольства в Рейкьявике

Генри Киссинджер , советник президента США по национальной безопасности

Уильям Ломбарда , католический священник, гроссмейстер, секундант³ Фишера

¹ КГБ (Комитет государственной безопасности): наследник тайной полиции — НКВД. НКВД (Народный комиссариат внутренних дел): отвечал за государственную безопасность, просуществовал до 1943 года. Обладая собственными вооружёнными силами и контролем над пенитенциарной системой, он подчинялся непосредственно Сталину и включал в себя политическую полицию, милицию и пограничников.

² Гроссмейстер: высшая международная категория игрока. Титул дается через сложную систему рейтингов, но обязательно требует нескольких высоких результатов на турнирах экстракласса. Международный мастер — следующая за ним категория. В 1972 году в мире было примерно 90 гроссмейстеров; сейчас их в шесть раз больше.

³ Секундант: шахматист, помогающий другому игроку в турнире или в матче; готовит с ним дебюты, а если партия отложена, то анализирует отложенную позицию.

Пол Маршалл , юрист Фишера
Пол Неменьи , предположительно биологический отец Фишера
Ричард Никсон , американский президент
Энтони Сейди , шахматист, предоставивший Фишеру жилище
Дон Шульц , помощник Фишера и будущий президент Шахматной федерации США
Фрэнк Скофф , помощник Фишера и президент Шахматной федерации США с августа 1972 года
Кен «Топ Хэт» Смит , американский шахматист и игрок в покер, помогавший Фишеру в подготовке
Теодор Тремблей , американский поверенный в делах в Исландии
А также адвокаты, журналисты, шахматисты, комментаторы и знакомые Фишера

Советские

Борис Спасский , чемпион мира по шахматам
Лев Абрамов , бывший начальник отдела шахмат Спорткомитета⁴ СССР
Сергей Аставин , советский посол в Исландии
Юрий Авербах , председатель Шахматной федерации СССР и тренерского совета, гроссмейстер
Виктор Батуринский , директор ЦШК СССР, начальник отдела шахмат, главный тренер-инспектор по шахматам Спорткомитета СССР, бывший полковник и помощник главного военного прокурора
Евгений Бебчук , журналист, бывший президент Российской шахматной федерации
Михаил Бейлин , бывший начальник отдела шахмат Спорткомитета СССР
Исаак Болеславский , гроссмейстер
Игорь Бондаревский , гроссмейстер, тренер Спасского
Михаил Ботвинник , экс-чемпион мира по шахматам
Валерий Шаманин , переводчик в советском посольстве
Пётр Демичев , секретарь ЦК КПСС⁵, отвечающий за пропаганду
Анатолий Добрынин , посол в Вашингтоне
Ефим Геллер , гроссмейстер, секундант и тренер Спасского
Виктор Ивонин , заместитель председателя Спорткомитета СССР, ответственный за шахматы
Анатолий Карпов , будущий чемпион мира по шахматам
Николай Крогиус , психолог, гроссмейстер, секундант и тренер Спасского, будущий начальник управления шахмат Госкомспорта СССР
Иво Ней , помощник Спасского и партнёр по теннису
Сергей Павлов , председатель Спорткомитета СССР
Тигран Петросян , экс-чемпион мира по шахматам, побеждённый Фишером в матче претендентов
Лариса Спасская , вторая жена Спасского
Марк Тайманов , гроссмейстер, побеждённый Фишером в матче претендентов,

⁴ Комитет по физической культуре и спорту при Совете министров СССР (Госкомспорт): министерство спорта. По составу Госкомспорт был частью правительства, но на практике подчинялся соответствующему отделу ЦК КПСС. Он управлял шахматами через отдел шахмат, Центральный шахматный клуб и Шахматную федерацию СССР (в тексте называется Спорткомитетом).

⁵ Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС): руководящий орган коммунистической партии. Генеральный секретарь был истинным лидером СССР.

профессиональный пианист

Дмитрий Васильев , второй секретарь посольства СССР в Рейкьявике

Александр Яковлев , заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС

А также чиновники, психиатры, журналисты и теневые фигуры из КГБ

Исландцы

Гиссли Гестссон , оператор

Олафур Йоханнессон , премьер-министр

Фрейстейнн Йоханнссон , пресс-атташе Исландской шахматной федерации

Фридрик Олафссон , гроссмейстер, позже секретарь исландского парламента

Сэмундур «Сэми-рок» Палссон , полицейский, телохранитель Фишера

Гудмундур Тораринссон , президент Исландской шахматной федерации, главный организатор и ответственный за проведение матча в Исландии

А также торговцы машинами, рыбаки, техники, учёные, врачи, каменщики и блондинки

Официальные лица матча

Лотар Шмид , немецкий гроссмейстер и главный арбитр

Гудмундур Арнлаугссон , помощник главного арбитра

Макс Эйве , голландский гроссмейстер и президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ⁶), экс-чемпион мира по шахматам

Гарри Голомбек , английский шахматный мастер и вице-президент ФИДЕ, корреспондент газеты «Times»

Остальные

Леонард Барден , английский шахматист и журналист, друг Джеймса Слейтера

Димитрий Белица , югославский журналист

Светозар Глигорич , югославский гроссмейстер и комментатор матча

Бент Ларсен , датский гроссмейстер, побеждённый Фишером в матче претендентов

Джеймс Слейтер , английский финансист, multimillioner

Боб Уэйд , английский международный мастер, помогавший Фишеру в подготовке

ЧЕМПИОНЫ МИРА ПО ШАХМАТАМ ДО 1972 ГОДА

1886 Стейниц

1894 Ласкер

1921 Капабланка

1927 Алёхин

1935 Эйве

1937 Алёхин

1948 Ботвинник

⁶ (Международная шахматная федерация): учреждена в 1924 году, отвечает за организацию шахматных турниров международного уровня, включая разработку правил игры и международных чемпионатов. Членство в ней имеют национальные шахматные федерации.

1957 Смыслов
1958 Ботвинник
1960 Таль
1961 Ботвинник
1963 Петросян
1969 Спасский

ГЛАВА 1 МАТЧ ВЕКА

После всех этих лет я снова почувствовал себя военным корреспондентом.

Артур Кёстлер

Когда вы играете с Бобби, вопрос не в том, выиграете вы или нет;
вопрос в том, выживете вы или нет.

Борис Спасский

11 июля 1972 года, вторник, пять часов вечера. Все места в зале «Лаугардалсхолл» невыразительного спортивного комплекса Рейкьявика распроданы. На сцене Борис Васильевич Спасский, тридцатипятилетний чемпион мира по шахматам, в одиночестве сидит за шахматной доской. Он играет белыми. Точно в назначенный час немецкий арбитр Лотар Шмид пускает часы. Спасский берет ферзевую пешку и двигает вперёд на две клетки. Шахматный король из Советского Союза защищает свой титул, завоёванный в 1969 году; титул этот его страна наследовала без перерывов с конца Второй мировой войны. Он смотрит на противоположную сторону. Привезённое специально для его соперника дорогое низкое кресло на шарнирах, покрытое чёрной кожей, пустует.

Через шесть минут прибывает американский претендент на звание чемпиона мира Бобби Фишер. По залу проносится вздох облегчения. Из-за отказа Фишера покинуть Нью-Йорк к открытию матча первая партия уже была отложена, и многие опасались, что он может так и не появиться: с Фишером ни в чем нельзя быть уверенным. Но вот над доской протягивается большая рука, берет чёрного королевского коня и ставит на f6.

В тихой столице далёкой Исландии начинается поединок, уже названный «Матчем века».

Чемпионат мира по шахматам проводится с 1886 года. Но этот матч породил невиданный ажиотаж впервые за все время соревнований; его призовой фонд составил 250 тысяч долларов, почти в двадцать раз больше, чем на последней схватке, когда Борис Спасский победил действующего чемпиона, своего соотечественника Тиграна Петросяна.

Почему же именно эти партии попали в телевизионные новости, сделав из комментаторов звёзд? Хотя в странах коммунистического блока шахматы давно превратились в народную игру, как случилось, что на Западе они мигом стали предметом всеобщего помешательства, модным увлечением, как чарльстон, канаста или обруч, о котором можно поболтать в баре с незнакомцами или за обеденным столом с друзьями?

Чемпионат 1972 года был увековечен в фильме, на сцене и в песне. Он остается самой знаменитой шахматной дуэлью в истории. Такой больше не будет. И это почти не имеет отношения к самой игре. Если бы это было не так, история, произошедшая в Рейкьявике, осталась бы в книгах и сотнях репортажей, посвящённых сугубо шахматам и подробно разбирающих детали каждой партии (существует множество таких источников, по большей

части созданных во время матча или сразу после него). Но то, что превратило этот матч в уникальное и неотразимое противостояние, не имело отношения к шахматной доске; всё началось с убеждения, что происходит историческое событие.

Для западных комментаторов значение такой схватки было совершенно очевидно. Одинокая звезда Америки бросала вызов давнишнему господству советских шахматистов в чемпионате мира. Успех Фишера разрушил бы утверждение Советского Союза, что преимущество в шахматах отражает превосходство советской политической системы. Шахматная доска символизировала арену «холодной войны», где чемпион свободного мира боролся за демократию против чиновников советской социалистической машины. Это был солнечный зенит шахмат, ласкающий своими лучами аудиторию в бетонном зале исландского спорткомплекса.

Принимая во внимание взаимную враждебность двух великих держав времён «холодной войны», такое прочтение схватки было неизбежным. Но теперь на историю можно взглянуть с новых перспектив, без искажённого восприятия того беспокойного времени, найти в ней тонкие и удивительные детали, незаметные в далёком 1972 году. Конец «холодной войны» открыл доступ к людям и документам, позволившим увидеть жизнь внутри монолита Советской империи. Белый дом, Государственный департамент США и источники в ФБР⁷ предлагают по-новому взглянуть на официальное отношение и к матчу, и к самому Фишеру. Соревнования, помимо простейшего их понимания как идеологической конфронтации, проходили на многих уровнях, из которых шахматы сами по себе были лишь одним из аспектов; Рейкьявик оказался местом переплетения интересов множества личностей, моральных и юридических обязательств, социальных и политических убеждений.

Однако в большей степени это событие обязано своей славой Бобби Фишеру, изменчивому гению, очаровывающему и шокирующему, притягательному и отталкивающему. В 1972 году ему было лишь двадцать девять, но на вершине шахматного Олимпа он пребывал уже целое десятилетие, являясь объектом всё возрастающего восхищения с тех пор, как был ребёнком.

ГЛАВА 2 МАЛЬЧИК ИЗ БРУКЛИНА

Фишер хочет войти в историю один.

Мигель Найдорф

Роберт Джеймс Фишер пришёл в этот мир ради игры в шахматы 9 марта 1943 года, родившись в Чикаго, в 2.39 пополудни. Он вырос в беспокойной, суматошной среде, образ которой создавался Норманом Рокуэллом на обложках «Saturday Evening Post», представляя из себя идиллический портрет Америки среднего класса: процветающей, доброжелательной, с хорошей работой, где на первом плане всегда семья, равно как и забота об обществе.

Однако семья Фишера не попала бы на обложку этого журнала. Фишер никогда не знал человека, чьё имя в свидетельстве о его рождении стояло в графе «отец», — Герхард, немецкий биофизик. Его мать Регина, из польских евреев, была поразительной женщиной, умной и властной. Помимо Бобби она растила дочь Джоан, которая была старше брата на пять лет. Всё детство Фишера Регина постоянно нуждалась в деньгах, выбиваясь из сил,

⁷ ФБР (Федеральное бюро расследований): основано в 1908 году как Бюро расследований, является отделом расследований Американского департамента юстиции и подчиняется министру юстиции. Оно расследует случаи, связанные с федеральными интересами. Во времена нашей истории ФБР было неотделимо от Эдгара Гувера, возглавлявшего его с 1924 года.

чтобы одеть и накормить детей. Однако она оказалась более чем изобретательна.

Работу можно было найти: для американцев наступало время свободных рабочих мест. Федеральные вложения в военный комплекс, сочетание производственных технологий и позитивного отношения «мы можем» превратило нацию в наиболее сильную и продуктивную за всю историю. Американская экономика давно превосходила европейскую, теперь же доход на душу населения в два раза превышал уровень наиболее развитых стран Западной Европы, которые довольно медленно восстанавливались после Второй мировой войны, несмотря на огромные вливания американского капитала. Демобилизованные войска возвращались из Европы и тихоокеанского региона к рабочим местам, высоким зарплатам и карьерному росту, к обедам и стойкам с хот-догами; дома были наполнены машинами, предназначенными экономить труд и время хозяек, а центральные улицы изобиловали разнообразными товарами. Победный марш по стране начинало телевидение; наступало время культурного оптимизма.

Солдаты возвращались в период правления президента Трумэна, вдохновлённого ощущением собственной миссии — сдерживанием экспансии Советов и стремлением сделать мир безопасным для демократии.

Во время войны Регина отправилась из Чикаго в Вашингтон навестить близкого друга, венгра по происхождению, доктора Пола Неменьи, затем переехала в Айдахо, где несколько месяцев училась (химии и иностранным языкам), следом нашла работу стенографистки в Орегоне, затем поступила на верфь сварщицей. После этого она оказалась на юге, в Аризоне, где какое-то время преподавала в начальных классах, потом отправилась на восток, чтобы получить диплом медсестры и начать работать по специальности. В конце концов, семья обосновалась в Бруклине, в квартире «Q» на Линкольн-плейс 560, небольшой, простой, но вполне достойной, и именно в Бруклине Фишер провел свои детские годы. Это было удачей: если в Америке и существовала шахматная столица, то ею, без сомнения, был Нью-Йорк.

Фишер рос молчаливым ребёнком, приходящим в восторг лишь от настольных игр и головоломок; когда мальчику было шесть, сестра Джоан принесла ему комплект шахмат. Вместе они начали учиться играть, следуя инструкции. Вскоре Фишер настолько погрузился в игру, что его мать испугалась, не слишком ли много времени он проводит в одиночестве. Она решила поместить в местную газету «Brooklyn Eagle» объявление, чтобы найти для своего сына спарринг-партнера, но оно не было опубликовано, поскольку редакторы не решили, в какую категорию его поместить. Однако то, что они сделали, позволяет им занять почётное место в шахматной истории: объявление было направлено ветерану шахматной журналистики, влиятельному чиновнику Герману Хелмсу. В январе 1951 года он написал матери Фишера письмо, предлагая ей привести сына в Бруклинский шахматный клуб.

Следующие несколько лет Фишер проводил в нем долгие часы, тренируясь у президента клуба Кармайна Нигро. Расстроенный упрямым сопротивлением собственного сына, не желающего понимать всего очарования игры, Нигро испытывал воодушевление от энтузиазма новичка. Если клуб бывал закрыт, Фишер приставал к матери, чтобы та отвезла его в манхэттенский «Вашингтон-сквер», где игра уравнивала все классы, сюда вместе игроков любых социальных ниш Нью-Йорка, от богатых фондовых брокеров с Уолл-стрита до бездомных пьянчуг. К тревоге Регины, помешательство Фишера на шахматах оставалось прежним, и она решила отвести его в отделение детской психиатрии Бруклинской еврейской больницы. Там мальчика осмотрел доктор Гарольд Клайн и сказал, что не стоит беспокоиться по мелочам. По мере взросления Фишер начал посещать Манхэттен самостоятельно; поздними вечерами мать приезжала его забирать.

Гений Фишера проявился не сразу. Он был талантлив, обладал глубоким интуитивным пониманием шахмат, хорошо проявлял себя в клубных партиях и турнирах, но не блистал. До одиннадцати лет Фишер, по его собственным словам, был «просто хорош». В 1955 году он начал посещать Манхэттенский шахматный клуб и быстро стал расти. Этот клуб был для влиятельных лиц; по словам американского игрока Джима Шервина, атмосфера в нем была «довольно спокойной, приходили приличные белые». Год спустя Фишер вошёл в

Хоторнский клуб, неформальное объединение шахматных мастеров, минимум дважды в неделю собиравшихся в доме Джека Коллинза. Прикованный к инвалидному креслу, Коллинз жил со своей сестрой Этель, служившей ему сиделкой, и воспитал несколько многообещающих игроков, в том числе будущих гроссмейстеров Уильяма Ломбарда и Роберта Бирна. Коллинз очень серьёзно повлиял на жизнь Фишера. Он собрал огромную шахматную библиотеку, и именно в его доме юный Фишер впервые почувствовал вкус к чтению книг о шахматах, аппетит к которым постепенно стал ненасытным. Он посещал и другие шахматные клубы, например клуб Маршалла в Гринвич-Виллидже, привлекающий толпы молодёжи, и «Фли-хаус» на Сорок второй улице. Игра в этих клубах иногда происходила на небольшую ставку. Если кому-то во «Фли-хаусе» хотелось немного пополнить содержимое своего кошелька, самой лёгкой добычей был «рабби Сэм».

Слухи о появлении нового вундеркинда постепенно распространялись по шахматному сообществу. Мальчик с таким потенциалом не появлялся с 1920 года, когда девятилетний поляк Сэмми Решевский впервые совершил турне по США. В тринадцать Фишер уже получал приглашения на сеансы одновременной игры, где сражался с несколькими игроками сразу. Один такой сеанс он дал на Кубе, отправившись туда в сопровождении матери. В июле 1956-го он выиграл чемпионат США среди юниоров, став самым молодым победителем за всю его историю. В том же году ему предложили выступить в элитном турнире на Кубок Розенвальда. Это было состязание по круговой системе (каждый участник играет со всеми остальными) для лучших шахматистов страны, считавшееся наиболее престижным в американском шахматном календаре. Тактический шедевр Фишера против Дональда Бирна (брата Роберта) мгновенно, хоть и несколько преувеличенно, стал именоваться лучшей партией века. Ослепительное произведение искусства, многослойное по своей сложности и демонстрирующее отважное, дерзкое видение, эта партия сосредоточенно изучалась по всему миру. По словам международного мастера Боба Уэйда, 17-й ход, которым Фишер (чёрные) отступил слоном на е6, игнорируя нападение на своего ферзя, поднял партию на «непревзойдённую высоту». На самом же деле у Фишера не было никаких альтернатив этому ходу, поскольку все остальные привели бы к поражению; но быстрота, с которой его противник потерпел крах, казались чудом для любителей шахмат. Уже на 25-м ходу стало ясно, что фигуры Бирна в отчаянном положении. Советский гроссмейстер Юрий Авербах говорит, что после этой партии он понял: над шахматной гегемонией СССР нависла угроза.

Фишер превращался в высокого, неуклюжего подростка, и его способности развивались и крепились с невероятной быстротой. Зимой 1957/58 года он снова участвовал в Розенвальдском турнире. На этот раз значимость результата была вдвойне высока: по нему определяли чемпиона Соединённых Штатов и тех американских игроков, которые выйдут в межзональный турнир. Фишер не проиграл ни одной партии и за два месяца до своего пятнадцатого дня рождения стал чемпионом США! Он завоёвывал этот титул ещё восемь раз.

Фишеру четырнадцать. Самый молодой чемпион США среди юниоров через несколько месяцев станет самым юным чемпионом США.

Теперь Фишер попал в заголовки газет. Пресса восхищённо сообщала, что познания в дебютах⁸, технические навыки и интуитивные прозрения у этого мальчика такие же, как у ветеранов-гроссмейстеров. В 1957 году Регина написала советскому лидеру Никите Хрущеву письмо с просьбой прислать её сыну приглашение на Международный фестиваль молодёжи и студентов. Однако ответ утвердительный пришёл слишком поздно, чтобы Фишер смог туда поехать. К тому времени он был уверен, что однажды станет чемпионом мира, и готовился посетить Москву, эту Мекку шахматистов, чтобы сыграть с лучшими мастерами. Он отправился в Москву год спустя, на этот раз с сестрой.

Поездка превратилась в кошмар. Дело не в том, что его плохо встречали. Напротив, Советский Союз принял его как почётного гостя, поместив в роскошный отель, предоставив машину, водителя и переводчика. Ему предложили посетить Кремль и Большой театр. Однако Фишер отверг все предложения — он приехал играть в шахматы! По утрам он отправлялся в Центральный шахматный клуб, возвращался в гостиницу пообедать и снова пропадал в клубе до самого вечера, где его противниками, среди прочих, были молодые русские мастера Александр Никитин и Евгений Васюков. Начальнику отдела шахмат Спорткомитета Льву Абрамову, отвечавшему за его пребывание в СССР, Фишер заявил, что хотел бы сыграть с гроссмейстерами. Абрамов утверждает, что обращался ко многим гроссмейстерам, но юный американский чемпион поинтересовался, сколько ему заплатят. Абрамов ответил, что не в обычаях его страны платить гостям. В результате Фишер провел лишь несколько блиц-партий с будущим чемпионом мира Тиграном Петросяном. Даже в том возрасте стремление Фишера к признанию было очевидным. Его неуважение питалось въевшейся в сознание антипатией ко всему советскому, активно подкрепляемой нарастающим антикоммунистическим климатом США. Переводчик Фишера пожаловался начальству, что тот проявляет грубость, и паломничество было закончено. Американские правительственные документы содержат сообщение, что, будучи в Московском шахматном клубе, Фишер назвал русских «стадом свиней» и написал оскорбительную открытку, которую цензор мог показать советским шахматным властям.

Следующие пятнадцать лет карьера Фишера представляла собой длинную, неровную, извилистую тропу; он сводил с ума тех, кто его поддерживал, следуя к желанной цели — сразиться за шахматную корону. В то время, чтобы стать участником матча на первенство

⁸ Дебют, миттельшпиль, эндшпиль: в принципе, нет точных границ, разделяющих три фазы шахматной партии — дебют, миттельшпиль и эндшпиль. Дебют означает начало партии, часто хорошо знаком игрокам по предыдущему опыту и из собственных исследований. В миттельшпиле большинство фигур ещё на доске, но игра проходит на неизвестной территории. Эндшпиль обычно начинается со взятия ферзей.

мира, необходимо было преодолеть три препятствия. Первым был региональный этап — зональный турнир. Затем международный этап — межзональный турнир. Наконец, победители последнего сходились в битве, называемой турниром претендентов. Победитель этого соревнования получал право встретиться с чемпионом мира в борьбе за титул. Весь цикл чемпионата проходил примерно раз в три года.

Выиграв американский чемпионат, Фишер автоматически попал в межзональный турнир 1958 года, проходивший в югославском курортном городке Портороже. Он самонадеянно объявил, что его стратегия на пути к турниру претендентов — сыграть вничью с сильными гроссмейстерами и побить слабых, и эти прогнозы были восприняты как юношеская бравада. Однако Фишер почти добился обещанного, победив в шести партиях, проиграв лишь две и сделав пять ничьих. Таким образом, он стал самым молодым международным гроссмейстером в истории шахмат. Его игра совершенно справедливо была названа поразительной, дав ему место в турнире претендентов, который должен был проходить на следующий год в Югославии.

Контраст между звёздным статусом в международных шахматах и обыденной жизнью ученика средней школы тяжело выдержать любому пятнадцатилетнему подростку, даже из благополучной семьи, а таковая у Фишера отсутствовала. Он беспрестанно ругался со своей властной матерью. В нем были её собственные черты — к примеру, высокий интеллект. Она являлась великолепным лингвистом, говоря помимо английского ещё на пяти языках — французском, немецком, русском, испанском и португальском. Диплом медсестры в нью-йоркском университете она получила, как говорят (возможно, это преувеличение), с лучшими оценками за всю историю. Подобно Бобби, она обладала врождённой нелюбовью ко всякого рода авторитетам и была нонконформистом. Сложная, бескомпромиссная личность, Регина мало общалась и почти ни с кем не дружила. Часто она вела себя так, будто основной функцией шахматной федерации и правительства США было холить и лелеять талант сына: Регина регулярно посещала заседания федерации, проявляя бурную энергию и пытаясь доказать необходимость большего финансирования её мальчика. Короче говоря, для трудного, необщительного, одержимого и независимо мыслящего подростка она должна была казаться «источником всех трудностей».

В местной школе Эрасмус-холл Фишер вел себя замкнуто и ничем не интересовался; он мало работал и игнорировал навязываемые авторитеты. Он не понимал, как диплом средней школы может способствовать успеху в уготованной ему судьбе и истинной карьере. Учителя видели, что в Фишере кроется чрезвычайный ум, но учить его было невозможно. Иногда на уроках он доставал карманные шахматы, и даже если они оказывались конфискованы, учителя все равно не могли остановить жадные блуждания его ума по шестидесяти четырём клеткам. Возможно, они не осознавали, насколько незащищённым Фишер чувствовал себя вне доски. Как только представилась такая возможность, Фишер оставил школу.

Живя в собственном мире, Фишер не выказывал никакого интереса к внешнему. Тем временем Америка оказалась на краю социального переворота: общество «Saturday Evening Post» Нормана Рокуэлла раздирало в клочья. Самый глубокий раскол проходил в расовом вопросе: улицы захлестнули марши протестов за гражданские права. В 1963 году Мартин Лютер Кинг провел 250 тысяч демонстрантов через Вашингтон, произнеся историческую речь: «У меня есть мечта...» В 1964-м Кассиус Клей отказался от своего «рабского имени» и стал Мохаммедом Али. В 1968 году на Олимпийских играх в Мехико спринтер Томми Смит, получивший «золото», поднял руку, сжатую в кулак, как символ борьбы негров за свои права. В гетто по всей стране прокатилась волна мятежей. Доктрина Кинга о мирном протесте была отвергнута воинственно настроенными Малколмом Х и Стокли Кармайклом.

Правительство Линдона Джонсона всё глубже погружалось в долги, создаваемые не только войной с неравенством, дискриминацией и бедностью, но и постоянно растущими проблемами во Вьетнаме, где было убито 58 тысяч американцев и 300 тысяч ранено. Подсчёт «мешков с трупами» вошёл в язык публичных дебатов и выражений личной боли;

антивоенные демонстрации на улицах и в университетах потрясали американские устои. Антивоенное движение слилось с кампанией за равные права, и студенты начинали играть в политике всё более значимую роль.

Эсмонд Райт в «Американской мечте» описывает, как «родители в изумлении смотрели на детей, которые бросали колледжи, сжигали призывные повестки, отращивали волосы и присоединялись к свободным коммунам, где выпивка, наркотики и секс были легкодоступны». «Заведись, настройся, слови кайф» — мантра гарвардского гуру ЛСД Тимоти О'Лири (он использовал шахматные партии в качестве визуального подкрепления своей теории о наркотиках: «Жизнь — шахматная игра опыта, в которую мы играем»). Но в некоторых районах, где процветала контркультура, всё более широкое распространение получали наркотики и оружие, банды и жестокость. Резко росла городская преступность, множилось количество заключённых в тюрьмы.

Президент Никсон, сменивший Джонсона, противопоставлял студентов — «лентяев, взрывающих университетские городки», — молодым людям, которые «просто выполняют свой долг... Они стоят прямо, и они горды». Четвёртого мая 1970 года солдаты Национальной гвардии открыли огонь по демонстрантам в Кентском университете в Огайо, убив четырёх и ранив одиннадцать студентов. Возникли беспорядки, и губернаторы штатов, испугавшись возможных глобальных волнений, послали Национальную гвардию в учебные заведения по всей стране. И все же основой общества оставалась старая Америка. В начале 70-х войска начали активно выводить из Вьетнама, появилась «миллиардная экономия до эндшпиля лларов», и в 1972 году «тихое большинство» уже было готово вернуть Ричарда Никсона в Белый дом.

Юный Фишер начинал демонстрировать те черты характера, которые позже заставят относиться к нему как с опаской, так и с уважением. Правительственные документы того периода сообщают, что «Государственный департамент больше не желает посылать его за границу как представителя Соединённых Штатов». К помешательству на шахматах и к убеждению, что он является лучшим в мире, прибавилось стремление к полному контролю, не терпящее никаких компромиссов. И без того накалённые отношения с матерью ухудшились настолько, что она переехала в другую квартиру, поселившись у друга в Бронксе, на Лонгфелло-авеню, оставив сына в одиночестве. Гости видели, что он живет в полнейшем хаосе, одежда разбросана по полу, повсюду валяются шахматные книги и журналы. В квартире было четыре комнаты и три кровати. Рассказывали, что он спал каждую ночь на новой кровати и рядом обязательно стояла шахматная доска.

Бориса Спасского Фишер впервые увидел в 1960 году, на турнире в Мар-дель-Плате, в Аргентине. Оба разделили первый приз, опередив на два очка советского гроссмейстера Давида Бронштейна, занявшего третье место. В личной встрече Спасский, игравший белыми, разыграл королевский гамбит, агрессивный дебют, в котором белые жертвуют пешку для овладения центром доски и быстро наращивают фигурную мощь (этот дебют позже будет дискредитирован: внимательная игра чёрных практически не оставляет белым возможности компенсировать потерю пешки). Фишер анализирует партию в книге «Мои 60 памятных партий». По его мнению, главная ошибка состояла в том, что он не разменял ферзей на 23-м ходу, когда мог перейти в эндшпиль с лишней пешкой. На 25-м ходу Фишер «начал испытывать некоторое беспокойство, однако трудно было предположить, что позиция развалится уже через четыре хода!» После трех ходов стало ясно, что его слон беззащитен. «Я понимал, что проигрываю фигуру, но просто не мог поверить своим глазам. Последнего хода можно было и не делать...» В том же году Фишер выиграл небольшой турнир в Исландии, впервые побывав в этой стране.

В марте 1962 года Фишер, которому не исполнилось и двадцати, с большим отрывом победил на межзональном турнире в Стокгольме. Он был первым не советским игроком, выигравшим такое состязание, и в итоге оказался в списке участников турнира претендентов, который проходил через два месяца на острове Кюрасао голландской Вест-Индии. Фишер

являлся одним из фаворитов, или, по крайней мере, так называл себя сам. Однако начал он очень плохо и, хотя затем сумел все-таки упрочить положение, финишировал лишь на четвертом месте, на несколько очков отстав от лидеров — Тиграна Петросяна, Пауля Кереса и Ефима Геллера. Мнения комментаторов разделились: либо Фишер ещё не достиг шахматной зрелости, либо был просто не в форме. У неудавшегося чемпиона было своё объяснение, подкрепляющее убеждение в собственной несокрушимости: если он не выиграл, то лишь потому, что стал жертвой тайного сговора.

В статье, помещённой в американском еженедельнике «Sports Illustrated», он яростно нападал на советских гроссмейстеров, обвиняя их в заговоре. Все двенадцать партий между Петросяном, Кересом и Геллером, указывал он, были сыграны вничью, многие оказались быстрыми. Он писал, что игроки договорились об этом заранее, чтобы сохранить интеллектуальную и физическую энергию для борьбы с зарубежными шахматистами, особенно с Фишером. И заключал: «Контроль русских достиг той степени, когда в мировом чемпионате уже нет места честному сражению».

Даже если советские участники не играли друг с другом в полную силу (гроссмейстер Виктор Корчной, ныне гражданин Швейцарии, а тогда советский подданный и участник турнира на Кюрасао, утверждает, что так и было), они могли делать это лишь потому, что Фишер отставал по очкам. В противном случае, чтобы опередить его, они должны были бы активно сражаться за победу. Гроссмейстер Артур Бисгайер, бывший на Кюрасао помощником как Фишера, так и второго американского участника Пала Бенко, опровергает это мнение: «Абсурдно говорить, что советские обманывали. Разумеется, они соглашались на ничью, но лишь потому, что были далеко впереди остальных игроков. Жалобы Фишера — просто его личная неприязнь».

Стремление Фишера к контролю было несовместимо с уважением прав других, и его гнев мог проявиться практически в любой ситуации. На Кюрасао Бисгайер, основной работой которого являлось «приглаживать встопорщенные перья Фишера, если у него оказывались плохие результаты», сам попался в сети мрачного настроения юного шахматиста. Фишер считал, что, поскольку в турнире он является лучшим представителем Америки, Бисгайер должен заботиться только о нем, предоставив Бенко самому себе. Незадолго до полуночи 9 мая Бенко, которому было тогда тридцать три года, пришёл в номер Фишера в поисках Бисгайера: ему нужна была помощь в анализе отложенной партии с Петросяном. Фишер и Бенко начали ссориться — Бисгайер назвал стычку «кулачным боем». На следующий день Фишер отправил в организационный комитет письмо, требуя, чтобы Бенко оштрафовали и/или исключили из турнира. Однако на письмо не обратили внимания.

Бисгайер помнит и более странные события, происходившие на Кюрасао. После первой половины турнира участники отправились на тропический остров Сен-Мартен. «Я приходил к нему каждый день, чтобы подбодрить и вывести из подавленного настроения. Однажды я увидел, что дверь в комнату открыта, а в руке у Фишера ботинок. Я спросил: «Зачем ты открыл дверь? В комнату налетят насекомые». А он ответил: «Я того и хочу». Выяснилось, что он ловил этих несчастных созданий и отрывал им ноги. Происходили и другие вещи подобного рода. Это пугало. Если бы он не был шахматистом, то вполне мог бы стать опасным психопатом».

Этот турнир выиграл Тигран Петросян, став в 1963 году чемпионом мира. Учитывая сильное соперничество за титул в 1966 году, Фишер заявил, что не будет участвовать в отборочном цикле чемпионата мира, пока систему не реформируют для предотвращения сговора. Он добился, чего хотел: вскоре было объявлено, что круговой турнир претендентов заменяется серией матчей на выбывание.

Начали появляться проблемы и с организаторами турниров. Присутствие Фишера требовало высоких гонораров, которые спонсоры давали с неохотой, хотя понимали, что участие американца добавляет блеска любому составу участников и стимулирует интерес публики. Однако деньги были лишь частью проблемы. Суровым стандартам Фишера должны были отвечать и условия проведения соревнований: освещение шахматной доски — только

прямое, зрители располагаются далеко, чтобы не мешать. Более понятным оказалось требование составлять расписание партий согласно календарю его религиозных практик (Решевский, ортодоксальный еврей, выдвигал такие же условия).

В середине 60-х Фишер оказался втянут во Всемирную церковь Господню, хотя формально никогда в неё не входил. Это была быстро растущая фундаменталистская секта со штаб-квартирой в Пасадене на юге Калифорнии, куда входило примерно 75 тысяч человек из 300 конгрегаций по стране и за её пределами. Основателем секты был Герберт Армстронг, бывший оформитель газетных объявлений, превратившийся в харизматического радиопроповедника. Он создал на основе Библии теологический коктейль, совместив иудаизм, спасение через Иисуса Христа и строгую мораль. Последователи должны были соблюдать еврейскую субботу, еврейскую пасху, а также придерживаться кошерной пищи. За одним исключением, Фишер следовал религиозным установкам этой церкви, стараясь питаться согласно правилам, а также строго соблюдая субботу. Однако даже в этом случае создавалось впечатление, что американец по-своему интерпретировал правила церкви, как и правила турниров. Евгений Васюков пишет: «Я не хочу подвергать сомнению искренность религиозных воззрений Фишера, но было странно наблюдать, как он в субботу приходил в турнирный зал, анализировал закончившиеся партии, а однажды подошел к нашим гроссмейстерам и попросил их научить его игре в домино». Правило, которое Фишер полностью проигнорировал, касалось церковного запрета на настольные игры, рассматриваемые как «фривольные».

В декабре 1963 года Фишер принял участие в американском чемпионате. Он уже выигрывал его пять раз, но никто не предвидел результатов этого года. Играя против одиннадцати самых именитых шахматистов страны, он выиграл все партии! Это было уникальным событием, «историческим», как справедливо отмечала пресса. Выиграть национальный чемпионат — одно, побеждать в нем несколько лет подряд — другое, но сыграть в турнире, не проиграв ни одной партии и не сделав ни одной ничьей, — просто поразительно. Фишер доказал самому себе, что является игроком совсем другого уровня.

В такой великолепной форме он представлял реальную угрозу советским гроссмейстерам, и шахматный мир гудел в предчувствии его выступления в межзональном турнире 1964 года, проводимом в Амстердаме. Пропустить этот отборочный цикл означало невозможность бороться за чемпионский титул до конца следующего цикла, то есть до 1969 года. Разумеется, это был шанс, который не следовало упускать. Однако, всё ещё злясь на «советских жуликов», Фишер отказался от участия. При этом, лишившись того, чего так страстно желал, он обратил ярость на самого себя. Полтора года он не участвовал в турнирах. Предложения приходили, но Фишер отклонял их или запрашивал такие суммы, которые отпугивали даже самых щедрых спонсоров. Так в возрасте двадцати одного года он впервые вышел в отставку.

Соревнование, побудившее его вернуться, проходило в Гаване и открывалось в августе 1965 года. После катастрофы на Кюрасао, как он сам называл тот турнир, это было первое появление Фишера на международной арене. Для американца участие в Мемориале Капабланки было дипломатическим вызовом. Турнир проходил через несколько лет после фиаско в заливе Свиней и кубинского ракетного кризиса. Контакты между Кубой и США были сокращены, и, когда Фишер обратился в Госдепартамент за разрешением посетить Кубу, ему решительно отказали.

Вместо того чтобы бороться с американской бюрократией, Фишер нашёл другой выход и предложил играть по телексу (некоторые утверждают, что идея эта принадлежит кубинскому шахматному организатору Хосе Луису Баррерасу). Такое решение обходилось кубинцам в 10 тысяч долларов. Однако стремление Фишера к контролю оказалось недооцененным. Перед началом турнира он прочитал, что Кастро назвал участие Фишера пропагандистской победой. Фишер немедленно послал кубинскому лидеру телеграмму, в которой заявил, что отказывается от участия: «Я мог бы принять участие в турнире только в

том случае, если бы вы немедленно прислали мне телеграмму с заверением, что ни вы, ни ваше правительство не попытаются нажать политический капитал на моем участии в турнире».

Для изучающих психологию Фишера ответ Кастро представляет большой интерес, поскольку кубинский лидер наотрез отказался следовать его указаниям. Куба, ответил он, не нуждается в подобных «пропагандистских успехах». «Если вы испугались, то было бы лучше придумать другие отговорки или иметь мужество остаться честным». Фишер согласился играть и с трудом добрался до второго места.

В январе 1966 года он в седьмой раз стал чемпионом США, получив тем самым право участвовать в межзональном турнире в Тунисе, в городе Сусе. Это была уже его вторая попытка достичь своей главной цели — титула чемпиона мира. Полгода спустя в Сайта-Монике (США) прошёл двухкруговой турнир, в котором принимал участие чемпион мира Тигран Петросян вместе с поверженным претендентом Борисом Спасским. Первая половина соревнования сложилась для Фишера очень плохо, он проиграл три партии кряду, в том числе Спасскому. Однако, как это часто бывало, ему удалось преодолеть спад, собраться с силами и начать подъем. В предпоследнем туре он снова встретился со Спасским. На этот раз Фишер свел партию вничью — он всё ещё не мог победить русского, — и Спасский занял первое место, а Фишер пришёл вторым.

Фишер и Спасский сошлись за доской ещё раз во время шахматной олимпиады на Кубе в ноябре 1966 года. Тогда произошёл инцидент почти на дипломатическом уровне, когда советская сторона отказалась поставить время проведения матча в зависимость от распорядка религиозной жизни Фишера. В конечном итоге матч СССР — США перенесли, и сотни зрителей наблюдали за тем, как Фишер и Спасский добавили в свою копилку ещё одну ничью. На тот момент они сыграли друг с другом четыре раза: Спасский дважды победил, две партии кончились вничью. Во время олимпиады Кастро и Фишер дружески общались между собой, словно трений между ними никогда не было.

Межзональный турнир 1967 года проводился в отеле «Сус-Палас». То, что произошло тогда, до сих пор вызывает споры. Фишер был фаворитом, и организаторы сделали всё, чтобы обстановка отвечала его требованиям, включая дополнительные лампы за столом и составление расписания туров таким образом, чтобы и Фишер, и Решевский были свободны от игры в течение суток с начала вечера пятницы и во время религиозных праздников. Тем не менее турнир потонул в конфликтах. Фишер оказался чрезвычайно чувствителен к шуму и суете, потребовав однажды, чтобы из зала удалили фотографов. Хотя Бобби шел в лидерах, в середине соревнования он, обиженный тем, что ему не дают дополнительный выходной день, внезапно покинул турнир и уехал в город Тунис.

Назавтра Фишер получил ноль за неявку на партию с советским гроссмейстером Айваром Гипслисом. Секретарь американского посольства отправилась на встречу с ним вместе с президентом Тунисской шахматной федерации, прося Фишера вернуться... В следующем туре он должен был играть со своим старым противником Сэмюэлем Решевским. Решевский смотрел, как на часах Фишера медленно заканчивается время, убеждённый в том, что получит очко без игры, однако за пять минут до истечения контрольного срока Фишер все-таки появился в зале и с невероятной скоростью начал делать очень точные ходы! Психологически сломленный Решевский не был в состоянии играть и быстро капитулировал, несмотря на громадное преимущество во времени. Возмущённый американский ветеран ходил по другим участникам с петицией, протестующей против такого поведения Фишера.

Вслед за тем Фишер потребовал, чтобы ему дали сыграть пропущенную партию с Гипслисом. Судейская коллегия и организаторы обсуждали создавшуюся ситуацию, понимая, что если пойдут на уступки, другие участники сочтут это чрезмерным потаканием одному игроку. Возникнет недовольство. В конце концов, Фишеру было решено отказать, и он покинул турнир, на прощание порвав на клочки счета за «дополнительные услуги», выданные ему у стойки администратора.

На пике своей силы Фишер на целых два года исчез из шахматного мира. Казалось, что та партия с Гипслисом могла навсегда лишить его возможности завоевать чемпионский титул. После межзонального турнира в Сусе Фишер превратился в terrible шахмат, а его эксцентричные выходы привлекли всеобщее внимание к спокойной, благородной и глубокой королевской игре. Однако некоторые из пострадавших утверждали, что такое определение слишком мягкое и в Фишере было нечто дьявольское. Помимо этих выходов, не нужно забывать, что у него практически отсутствовало понимание окружающих, сколь бы верны они ему ни были, что он пробуждал в людях не только уважение, но и страх, и мог рисковать высочайшей целью ради того, чтобы всё вокруг отвечало его требованиям.

ГЛАВА 3 МИМОФАНТ

В основе — абсолютная боль.

L.A. Free Press

Как-то раз журналист Би-би-си спросил Фишера, не беспокоит ли его, что он сосредоточил свою жизнь исключительно вокруг игры. Это действительно проблема, подтвердил Фишер, «поскольку, играя в шахматы, вы теряете контакт с реальностью — не ходите на работу, не общаетесь с людьми. Время от времени я подумываю оставить шахматы, но что ещё я умею делать?» Этот ответ демонстрирует большее понимание ситуации, чем обычно приписывается Фишеру.

Даже с точки зрения других шахматистов столь глубокое погружение Фишера в шахматы было необъяснимо. Гроссмейстер Юрий Авербах рассказывает о своей первой встрече с ним на межзональном турнире в Портороже в 1958 году. Новый американский чемпион пятнадцати лет от роду был одет в свитер и джинсы — элегантные костюмы были ещё впереди. «Несколько дикий в общении, он без всякого интереса взидал на чудесную природу лазурного берега Адриатики, ни разу не побывал на пляже, ни разу не искупался в море». Возможно, мальчик из Бруклина чувствовал себя неуютно на роскошном югославском курорте, но та же картина наблюдалась и в 1971 году, когда Фишер, которому было уже двадцать восемь, готовился к матчу с Петросяном и остановился в первоклассном нью-йоркском отеле «Шератон». Управление отеля зарезервировало ему шикарные апартаменты, встретив как звезду. Однако прекрасный вид из окна отвлекал, и Фишер отверг предложение, поселившись в простой комнате в заднем крыле.

Известно, что у него были и другие интересы. Он любил слушать музыку (особенно «Temptations», «Four Tops», джаз и тяжёлый рок), читал комиксы, даже повзрослев («Тарзан» и «Супермен»), изредка смотрел кино (большой поклонник Джеймса Дина). Ему нравились космические корабли и автомобили. Он получал удовольствие от плавания и настольного тенниса. Как-то он сразился с весьма опытным теннисистом Марти «Иглой» Райзманом, который позже писал: «Фишер играл в настольный теннис также, как в шахматы: свирепо, яростно, отыскивая в противнике самое уязвимое место. Он был беспощадным, бессовестным, хладнокровным убийцей...».

Но все эти занятия были только временным отдыхом от его всепоглощающей страсти. Отсутствие у Фишера воспитания казалось поразительным. Если с ним заговаривали, он часто не утруждал себя даже повернуть в ответ голову. Бывший президент Шахматной федерации США Дон Шульц вспоминает, как однажды обедал с Фишером и другими игроками. Если разговор уходил от шахмат, «Фишер тут же склонялся над краем стола, обращаясь к своим карманным шахматам». Если же он не выказывал равнодушия к происходившему, то часто бывал подозрителен. Один журналист писал, что Фишер,

наверное, даже старого друга приветствует так, словно тот явился с повесткой в суд.

Он славился своей бесчувственностью, проявляющейся в поведении на турнирах. Его опоздание могло нарушить душевное равновесие противника, как это случилось с Решевским в Сусе, но он никогда не извинялся. Единственным объектом, к которому Фишер испытывал влечение, были шахматы. «Он соперничал позиции с такой силой, — пишет его биограф Фрэнк Брэйд, — что можно было почувствовать, как любой недочёт в игре, например отступившая пешка или неудачный ход конем, причиняет ему почти физическую и совершенно точно психическую боль. Если бы он мог, то превратился бы в пешку и сам бы прошёл до нужной клетки. В такие моменты Фишер становился самими шахматами».

Он обладал неистощимой энергией для шахматной работы. Когда в 1959 году датчанин Бент Ларсен, бывший на восемь лет старше Фишера, помогал ему в качестве секунданта готовиться к партиям на турнире претендентов в Югославии, шестнадцатилетний подросток допоздна не отпускал его, настаивая, что всё свободное время, включая вечера, необходимо заниматься дебютами.

Как человек, живущий ради шахмат, проходит через поражение? Наблюдавшие за Фишером имели на этот счёт две точки зрения. Одни полагали, что от поражения он впадал в ступор, что оно было самым глубоким его страхом, а постоянно выдвигаемые им разного рода требования являлись сознательной или бессознательной стратегией, нацеленной на уклонение от игры. Эту точку зрения разделяли советские официальные круги. Бывший начальник отдела шахмат Спорткомитета Лев Абрамов написал статью под названием «Трагедия Бобби Фишера». Почему же «трагедия»?

Трагедия состоит в том, что Фишер боялся садиться за доску. Самое парадоксальное здесь то, что выдающийся, удивительный шахматист временами не мог заставить себя выйти на партию, а если и справлялся со своим «недугом», то был не уверен в себе до тех пор, пока не добивался победы. Думаю, это действительно был недуг.

Советский гроссмейстер и психолог Николай Крогиус соглашается с этим утверждением: «Как психологический тип, Фишер напоминает французского маршала Массену, который не мог собраться перед битвой, но полностью менялся, как только она начиналась. Наполеон говорил, что Массена демонстрировал свой талант полководца лишь с того момента, "когда начинали стрелять пушки"».

Согласно другой точке зрения, Фишер настолько был убеждён в своем превосходстве, что о поражении попросту не мог помыслить. Поэтому даже случайное фиаско наносило сокрушительный удар по его уверенности в себе. Имеется тому и реальное подтверждение: известно, что после редких проигрышей он играл ниже своего обычного уровня, с менее высоким процентом побед. После поражений легче восстанавливаются те игроки, чьё мировоззрение включает возможность собственных ошибок. Ещё мальчиком Фишер, оказываясь побеждённым в блице, где не существует пауз для размышлений, мгновенно возвращал фигуры на место и требовал играть новую партию; это наводило на мысль о глубокой психологической необходимости восстановить свой образ победителя. Часто проигрыш сопровождался слезами. Бобби плакал на турнире претендентов 1959 года, когда у него выиграл Михаил Таль. Слезы были и в следующем году, после проигрыша Спасскому в Мар-дель-Плате. Преследуемый репортёрами перед матчем с Петросяном: «Вы плачете после поражений?» — двадцативосьмилетний Фишер ответил, как дерзкий школьник: «Если я плачу, то русские после поражений заболевают».

Однако наиболее интересным в феномене Фишера было не то, как шахматы влияли на него самого, а то, какое воздействие его игра оказывала на противников, подрывая их боевой дух, заставляя чувствовать себя в тисках жестокой неведомой силы, противостоять которой человек был не в силах. «Он шахматный компьютер», — в качестве комплимента говорили его поклонники. «Он не более чем шахматный компьютер», — пренебрежительно оценивали Бобби те, кому он не нравился.

Что они имели в виду? То, что компьютеры не испытывают эмоций. У них отсутствует психологическая привязанность к определённым правилам или стилю, они играют быстро и точно. В этом смысле Фишер казался своим противникам автоматом на микрочипе. Он с удивительной скоростью анализировал позиции, а его партнёры всегда отставали по времени. Что касается шахматных компьютеров, то американский игрок Джим Шервин, хорошо знавший Фишера, описывал его как «прототип "Дип Блю"». Советские анализы его партий говорят о том, что, даже столкнувшись с неожиданной позицией, Фишер за пятнадцать-двадцать минут находил верный ход; другим гроссмейстерам зачастую требовалось в два раза больше. Он не был скован определённой психологически обусловленной системой или техникой. Возьмём лишь один пример: 22-й ход в седьмой партии с Тиграном Петросяном в матче претендентов 1971 года. Кто ещё, кроме Фишера, обменял бы своего коня на слона? Отдать активного коня за слабого слона казалось невыносимым, это нарушало самые основы шахмат, бросало вызов всему жизненному опыту! Однако, как доказал Фишер, это было абсолютно правильным решением, превратившим критическую позицию в ясное победное преимущество.

Шахматисты часто испытывают неуверенность в открытых, сложных позициях, поскольку многие боятся неизвестности. Они избегают раскрывать своего короля, опасаясь, что эта самая важная фигура неизбежно окажется под перекрёстным огнём. Здравый смысл и исторический опыт говорят о верности этого мнения. Свойственный игрокам пессимизм тревожит, изводит и предупреждает их о потенциально смертельном ходе. Но только не Фишера! Если он считал, что противник не сможет извлечь никакой выгоды из открытого положения его короля, если он не видел прямой опасности, то позволял ему стоять нахально и провокационно беззащитным.

Столкнувшись с невероятным хладнокровием Фишера, уверенность противников начинала рассеиваться. Ход, который на вид выглядел слабым, мог впоследствии оказаться сильным. В любом из них чудился глобальный замысел, недоступный простым смертным (и в этом они бывали правы). Американский гроссмейстер Роберт Бирн назвал этот феномен «страхом Фишера». Противники слабели, костюмы их мялись, на лбу выступал пот, нервная система поддавалась панике. Постепенно вкрадывались ошибки, начинались просчёты. Говорили, что Фишер гипнотизирует партнёров, подрывая их интеллект тёмной, коварной, мистической властью. Временами, особенно в долгих матчах, его соперники страдали от упадка сил. Фишер вызывал головную боль, озноб, лихорадку, повышенное кровяное давление и истощение, от чего сам практически никогда не страдал. Он любил шутить, что никогда не побеждал здорового противника.

Часть этого деструктивного влияния относилась к поведению Фишера во время игры. Высокий (182 см), уверенный в себе, он повсюду выделялся своей впечатляющей фигурой. Бывший президент Шахматной федерации США Дон Шульц говорит, что «глядя на него за доской, вы думали: "Этот парень точно выиграет"». То, что Фишер не стремился к ничьей и редко на нее соглашался (только если в позиции была какая-то неопределённость), повышало умственные усилия противников в борьбе с ним.

Писатель Артур Кёстлер, освещавший матч со Спасским в Рейкьявике, выдумал для описания Фишера неологизм «мимифант». «Мимифант — это гибрид, нечто среднее между мимозой и слоном (elephant). Такой вид ранит, как мимоза, если затронуты его чувства, и толстокож, как слон, когда дело касается чувств других».

Нет сомнения, что Фишер, будучи психопатом, наслаждался ощущением полной власти над своим соперником. Такой тип личности не предполагал угрызений совести по поводу своего воздействия. В письме к приятелю-шахматисту, говоря об олимпиаде в Болгарии 1962 года, он вспоминает партию с великим Михаилом Ботвинником. В конечном итоге она закончилась вничью, поскольку Фишер попался в ловушку (после чего Ботвинник «выпустил пар из груди, уверенно встал из-за стола, словно богатырь, и ушёл тяжёлыми большими шагами»). Однако основную часть партии инициатива была у Фишера, и в письме он весело рассказывает о состоянии Ботвинника, подсмеиваясь над тем, как тот «задышался, краснел,

бледнел», и добавляет, что «он выглядел так, будто умирает».

В этом состоял парадокс. Шахматистов часто делят на объективных и субъективных: на тех, что играют против фигур, и тех, что играют против соперника. Однако в разрежённом воздухе гроссмейстерских шахмат, где стиль и дебюты каждого всем известны, не может быть такого точного деления, неизбежна смесь обоих подходов. Фишер был одним из тех, кто определённо играл против фигур. Ему были приятны страдания противника, но их не требовалось, чтобы получить удовольствие от игры. Некоторые полагали, что с точки зрения Фишера единственной неправильной вещью в шахматах была необходимость наличия живого существа по ту сторону доски, делающего ходы.

В средней школе Эрасмус-холл интеллектуальный коэффициент Фишера составил 189 баллов, и было совершенно ясно, что он способен на великие интеллектуальные подвиги в шахматах. Фишер обладал невероятной памятью. Он мог вспомнить все сыгранные им партии, включая быстрые. Гроссмейстеры поражались, когда он напоминал о блицпартиях, сыгранных между ними более десяти лет назад. Его способности простирались и за пределы шахмат. Существует история о том, как однажды он услышал разговор на незнакомом языке, а затем повторил его целиком.

Это был интеллект, не имеющий отношения к знаниям или мудрости. Фишер не был «образован», он плохо разбирался в текущих событиях, не был «культурным» и не выражал никакого желания таковым стать. Никто бы не назвал американца зрелым, взрослым человеком. Те, кто хорошо знал Фишера, поражались отсутствию у него социального и эмоционального развития.

У него было бедное чувство юмора, он не использовал иронию или сарказм, никогда не играл словами, не каламбурил. Он всё воспринимал прямо. Югославский шахматный журналист Димитрий Белица вспоминает, как в 1959 году он ехал по Цюриху в одной машине с Фишером и будущим чемпионом мира Михаилом Талем. Водитель гнал на бешеной скорости. «Фишер сказал: "Осторожно, мы можем разбиться". И я пошутил, что если мы разобьёмся, то завтра газеты всего мира выйдут с заголовками: "Димитрий Белица погиб в автокатастрофе вместе с двумя пассажирами". Таль засмеялся, а Фишер сказал: "Нет, Димитрий, в Америке я более знаменит, чем ты"».

Многие взгляды Фишера кажутся неизменными с подросткового возраста — к примеру, его отношение к женщинам. «Женщины, они все слабые. И глупые по сравнению с мужчинами», — как-то раз сказал он. Его неловкость в общении с противоположным полом была широко известна и особенно проявлялась, если женщины мало знали или совсем не интересовались шахматами. Он считал, что женщины — это ужасное отвлечение, и Спасский должен был оставаться холостым. «Спасский сделал огромную ошибку, когда женился».

У него никогда не было друзей, хотя иногда он рассказывал о каких-то своих предпочтениях: «Мне нравятся живые девушки с большой грудью». Его любимым чтивом был журнал «Playboy». На олимпиаде 1962 года он признался Талю, что находит привлекательными азиаток, особенно тех, что из Гонконга или с Тайваня. Американские девушки слишком суетны, поскольку думают только о своей внешности. К тому же он учитывал и экономическую выгоду, связанную с выбором азиатской невесты. Он оценил дорожные расходы на неё в 700 долларов, на уровне подержанного автомобиля; а если невеста не понравится, её всегда можно отправить обратно.

В 1971 году Фишер отправился в Югославию, где остановился у Белицы, делавшего серию телепередач о великих шахматистах прошлого. Белица воспользовался помощью Фишера в анализе некоторых партий. В выходной день они решили заглянуть на конкурс красоты, проходивший в Сараево, и заказали себе кресла в первом ряду. Белица вспоминает, как в середине конкурса «Фишер внезапно вытащил свои карманные шахматы и спросил: "А что ты думаешь о ферзе на g6?"».

Ненависть была одним из механизмов, с помощью которых Фишер взаимодействовал с

миром за пределами шахматной доски. Он мог бы стать гроссмейстером ненависти. Причём однажды возникнув, она уже не подвергалась переоценке; у Фишера не было концепции прощения.

После турнира на Кюрасао его подозрительность и нелюбовь к Советскому Союзу в конце концов переросла в манию. Он говорил, что его целью в отборочном цикле мирового чемпионата и в матче против Спасского было показать советским «их место». Советские шахматисты не только были «мошенниками», пользовавшимися всеми преимуществами государственной поддержки, но и представляли угрозу лично для него. Это убеждение унесло Фишера в мир фантазий: он должен был проявлять бдительность на тот случай, если ему решат что-нибудь подсыпать в еду, и тревожился перед полётами, боясь, что Советы испортят самолёт.

Он ненавидел евреев. Задолго до Рейкьявика он делал антисемитские замечания и выражал своё восхищение Адольфом Гитлером шахматистке Лине Груметт, проводившей в Лос-Анджелесе сеанс одновременной игры, когда Фишеру было семнадцать, а в 1967 году приютившей его на пару месяцев после переезда на тихоокеанское побережье. Поскольку Регина была еврейкой, по еврейским законам и сам Фишер был евреем, однако он всегда это отрицал. Обнаружив своё имя в списке знаменитых евреев «Иудейской энциклопедии», он написал редактору письмо, объясняя, насколько потрясла его такая ошибка, и потребовал в будущем исключить из энциклопедии любые упоминания о нем. Он никогда не был и не будет евреем! В подтверждение своего статуса он объявил, что не был обрезан.

Возможно, нежелание принять свою национальность было нежеланием принять свою мать, несмотря на то что она казалась далёкой от религии (хотя и обращалась за помощью в еврейские благотворительные организации ради помощи своим детям). Однако Фишер отделял ненависть к иудаизму как религии и к евреям как этнической группе от конкретных людей. Он дружески общался с еврейскими шахматистами из США и СССР.

Мы уже касались главного аспекта личности Фишера. Естественно, все гроссмейстеры хотят, чтобы обстановка во время игры была максимально благоприятной. Однако в истории шахматных соревнований никто не навязывал таких условий, которых требовал Фишер, и не рисковал всем ради их достижения.

Он был очень чувствителен к шуму, освещению, цвету доски и близости зрителей. Шорохи или беспорядок в зале являлись для него не обычным раздражителем, как для большинства игроков, — они могли вызвать у него сильный стресс, уровень которого постепенно возрастал (Фишер наверняка одобрил бы немецкую книгу под названием «Руководство для зрителей шахматных турниров», состоящую из трёх сотен пустых страниц, на последней из которых было напечатано слово «МОЛЧИТЕ!»).

Фишер в 1970 году: воля к победе.

Что касается освещения доски, оно должно было быть не слишком ярким, но и не слишком тусклым, иначе, говорил он, невозможно сконцентрироваться.

Однако сила концентрации Фишера была феноменальной. Иногда он гневно смотрел в зал, услышав шёпот или хруст конфетной обёртки, но в других случаях не обращал никакого внимания на передвижение зрителей или хлопанье дверей. В ресторанах он ставил на стол карманные шахматы и полностью отключался от окружающего мира. На турнирах

шахматисты, сделав ход, могли прогуляться, посмотреть другую партию или поговорить со знакомыми соперниками. Но Фишер большую часть времени оставаясь в кресле, нависая над доской или откинувшись назад: голова склонена набок, длинные ноги в больших ботинках вытянуты под столом, а глаза буквально сверлят поля доски, фигуры и их расположение.

В ответ на упрёки, как это часто бывало, что участники турнира должны играть на его условиях, Фишер мог бы вполне справедливо заметить, что именно его участие привлекает такое внимание публики; если зрителей не сдерживать, они вплотную окружили бы его столик. Пресса хотела иметь снимки не Смыслова или Геллера, не Петросяна, Ларсена, Олафссона или Портиша, а только Фишера — фотографы начинали за ним охотиться, как только он прибывал на турнир, и не отставали до самого отлёта.

В требованиях определённого освещения и отсутствия шума можно усмотреть элемент иной мотивации. Такое впечатление, что Фишер стремился к тотальному контролю. Добиваясь уступок со стороны организаторов, обеспечивая выполнение своих условий, он как бы утверждал свою власть над ними. Даже когда организаторы турнира делали всё от них зависящее, чтобы предупредить его возражения, заранее обещая, например, что публика будет располагаться далеко от сцены, Фишер все равно находил в подготовке один-два недочёта. Он то и дело испытывал их терпение: скажем, мог внезапно и без всяких объяснений передумать и либо выставить дополнительные условия, либо, наоборот, обойти молчанием ранее высказанную жалобу, словно её никогда не было.

Отношение Фишера к деньгам казалось столь же таинственным. Он полагал, что его гонорары должны быть сравнимы с доходами спортивных звёзд, таких как Арнольд Палмер или Джо Фрезер. Пусть шахматы никогда не были в том же ряду, что настольный теннис, не говоря уже о гольфе или боксе. Не важно, что шахматы с их ограниченной зрительской аудиторией и небольшой спонсорской поддержкой не имели прочной финансовой основы за пределами Советского Союза. Фишер не скрывал, что в его намерения входит разбогатеть. Он говорил об этом постоянно и настолько откровенно, что краснели даже американцы. «Меня интересуют только шахматы и деньги», — заявил он журналисту итальянской газеты «Corriere della Sera». Его вечные требования денег были ещё настойчивее в Европе, где подчёркивание финансовой заинтересованности считалось неприличным и вульгарным. Взвешивая предложенные городами-кандидатами призовые фонды за матчи претендентов с Таймановым, Ларсеном и Петросяном, Фишер заявил, что ехать надо в тот город, который больше заплатит. В письме восходящему шахматному дарованию Уолтеру Брауну, датированному январем 1971 года (он приглашал Брауна стать его постоянным менеджером и помощником), Фишер утверждает, что шахматы, по его глубокому убеждению, «всего лишь средство делать деньги». Безо всякой видимой иронии он пишет, что шахматисты не становятся богатыми, поскольку эгоцентричная природа понуждает их работать в одиночестве. Однако возможности обогащения в шахматах поистине безграничны. В шахматном бизнесе, говорит он, можно сделать 100 тысяч долларов в первый год и удвоить эту сумму в следующем.

Однако что же, кроме покупки дорогих костюмов, делал Фишер с деньгами? Он никому не помогал, он проявлял равнодушие к таким роскошным увлечениям, как опера или коллекционирование предметов искусства. У него не было машины, он никогда не путешествовал ради путешествия и, насколько известно, больше внимания уделял количеству, а не качеству еды. Создавалось впечатление, что деньги для Фишера не были связаны с материальными благами. Он всегда противился участию в рекламе, какими бы ни были финансовые доходы от неё, приходя в смятение от мысли, что кто-то ещё сделает на его имени деньги. Когда мать захотела выпустить кошельки с его профилем и автографом, он гневно отверг эту идею.

Деньги сами по себе имели отношение лишь к статусу и, как всегда, к контролю и превосходству: если ему предлагали пять, он хотел десять, если предлагали двадцать, требовал пятьдесят. Возможно, его нежелание ставить свою подпись под контрактами выросло из страха потерять столь важный для него контроль. Каким-то образом реальная

значимость происходящего не относилась к материальной стороне дела.

В прессе Фишера неизменно описывали как высокомерного, заносчивого, грубого, неуклюжего, избалованного, эгоистичного, жестокого, неприятного, тщеславного, жадного, вульгарного, невоспитанного, неуважительного, хвастливого, нахального, нетерпимого, фанатичного, дикого, склонного к паранойе и подверженного навязчивым идеям. Однако люди, знавшие его, редко говорили о нем плохо. «О, это же Бобби», — доброжелательно улыбались они, если речь заходила о том или ином странном эпизоде с его участием. Что-то в Фишере делало его вечным подростком, вызывая о помощи, а не о наказании, порождая желание помочь в раскрытии его уникального потенциала и не мешать идти вперёд. Даже учитывая естественное желание многих людей быть частью свиты знаменитости, удивительно, что все в один голос отзывались: «Он был замечательным парнем», имея в виду уже взрослого Фишера.

Американский шахматист Джим Шервин говорит, что Фишер был просто «грубым мальчишкой» из Бруклина. Лотар Шмид, главный арбитр матча в Рейкьявике, пытался с пониманием отнестись к американцу, словно к ребёнку: «Он не был плохим мальчиком». Борис Спасский видел его «вечно семнадцатилетним». «Он так и не повзрослел, — вторит ему бывший капитан американской шахматной сборной Элиот Херст, — Мне бы не хотелось, чтобы у вас создавался негативный образ, — он очень приятный человек». Фишер был способен на проявление искренней доброты. Ребёнком он играл на ставку доллар за партию и отдавал двадцать пять центов с каждого выигранного доллара своему прикованному к инвалидному креслу наставнику Джеку Коллинзу. На Кюрасао Фишер оказался единственным участником турнира, навестившим Михаила Таля, когда тот попал на больничную койку.

Его биограф Фрэнк Брэйди указывает, что истерики Фишера на турнирах всегда были нацелены на организаторов, а не на игроков. Ни один из них не жаловался на поведение Фишера, когда тот наконец оказывался за доской. Он был истинным джентльменом. Он никогда не позволял себе никаких «штучек»; Фишер никогда намеренно не пытался отвлечь или побеспокоить соперника. Он строго следовал правилам и требовал того же от других. В 1960 году, играя в Буэнос-Айресе с немецким гроссмейстером Вольфгангом Унцикером, Фишер коснулся пешки, намереваясь ею пойти, но тут же увидел, что ход будет иметь для него катастрофические последствия. Менее честный игрок мог бы сказать «*j'adoube*» («я поправляю»), что является законной возможностью прикоснуться к фигуре с целью поправить её положение. Однако Фишер пошёл пешкой и быстро проиграл. Унцикер, который всё это видел, хотя не был рядом с доской, говорит: «Если бы он сделал другой ход, я бы не стал протестовать. Но с того момента я понял, что Фишер за шахматной доской — настоящий джентльмен».

Возможно, самым удивительным проникновением в суть явления Фишера — удивительным до степени сверхъестественного — является роман Элиаса Канетти об одержимости «*Die Blendung*» («Ослепление»), переведённый на английский как «Аутодафе» и опубликованный за восемь лет до рождения Фишера.

Одним из центральных героев романа является Фишерле, горбатый еврей-карлик, шахматный фанатик. Вор, живущий на доходы своей жены от проституции, он мечтает победить чемпиона мира Капабланку, доведя его до слез. Он представляется так: «Вы играете в шахматы? Человек, который не играет в шахматы, не человек». Фишерле проводит полжизни за шахматной доской, и только за ней люди относятся к нему как к нормальному, или, возможно, ненормально нормальному, имея дело с его удивительной памятью на партии и неистовством в схватках.

В ходе игры партнёры настолько боялись его, что ни в чем ему не возражали... Пока противник делал ход, он мечтал о жизни, в которой бы не было ни еды, ни сна.

У Фишерле были необычайно длинные руки и абсолютная память на любую

шахматную партию, которую он изучал. Он представляет себя чемпионом мира, меняя своё имя на Фишер. «У него были бы новые пиджаки, созданные лучшими портными... Огромный дворец из настоящих ладей, слонов и пешек». Фишер, у которого тоже были длинные руки и абсолютная память на партии, как-то сказал, что хотел бы нанять архитектора и построить дом в форме ладьи.

Канетти писал «Ослепление» в Вене 30-х годов, погруженной в хаос. Пророческое сходство между Фишером и выдуманным Фишерле имеет свои корни в попытках молодого Канетти найти смысл в бессмысленности человеческих действий. Каждый из персонажей романа обладает собственной перспективой и, равнодушный к внешнему миру, интересуется только своим путём. Мировоззрение Фишерле/Фишера однонаправленное; оно выражается через шахматы, руководствуясь только игрой, её властью и наградами, которые она приносит.

Комментаторы находят сходство между Фишером и Спасским, указывая на то, что Спасский тоже был вторым ребёнком, тоже вырос в неполной семье и провел свои ранние годы в бедности. На самом деле вряд ли можно найти более противоположные личности и отношение к жизни. Кроме того, американское послевоенное процветание и демократическое правление не сравнимы с ужасами сталинизма, во время которых рос Спасский, в стране, где шахматная доска защищала, прославляла и, с точки зрения советских людей, приносила богатство.

ГЛАВА 4 ДИТЯ ТЕРРОРА

Шахматы бесспорно подтверждают превосходство социалистической культуры над загнивающей культурой капиталистических обществ.

Александр Котов и Михаил Юдович. «Советская шахматная школа»

Борис Спасский родился в Ленинграде 30 января 1937 года, в самый разгар подозрений, доносов, арестов, пыток, обвинений и смертных казней Большого террора — сталинских репрессий, стремящихся искоренить мифическую сеть заговоров против советского государства. Потрясения 37-го года были столь масштабны, что практически каждый из наиболее важных постов в периферийных комитетах партии и государственного аппарата освобождался и вновь занимался в среднем пять раз. Большой террор унёс от двух до семи миллионов человеческих жизней. Уничтожение было всеобщим, и точную цифру жертв мы не узнаем никогда.

Родной город Спасского, Ленинград, Сталин видел центром воображаемых интриг, против которых действовал с чрезвычайной жестокостью. Ленинградский поэт Евгений Рейн, не публиковавшийся в советскую эпоху, передал царящий кругом ужас, описывая Витебский канал родного города: «...зловонный, липкий, словно отравитель, / циан расположивший под рукой», и продолжал:

Я это видел сам и не забуду,
Меня война сгубила и спасла.
Она со мной, и мой канал — покуда
Я жив ещё, до смертного числа.

22 июня 1941 года Адольф Гитлер приступил к осуществлению плана «Барбаросса», массовой наземной и воздушной атаки на Советский Союз. Фюрер придавал особое

значение взятию Ленинграда — города, который он назвал «колыбелью большевизма». 8 сентября Ленинград подвергся мощнейшей бомбардировке; зажигательные бомбы стёрли с лица земли продовольственные склады. Перед лицом голода городские власти организовали эвакуацию тысяч детей. Со своим семилетним братом Георгием четырёхлетний Борис Спасский оказался в Кировской области, под сенью Уральских гор. «К счастью, наш эшелон не бомбили», — рассказывает он. Именно тогда он впервые познакомился с шахматами, наблюдая за игрой других обитателей детского дома. В 1943 году родители вырвались из блокадного города и забрали детей в Свердловку, что в сорока километрах от Москвы, спасая их от голода.

Ленинград прошёл через блокаду, продолжавшуюся 900 дней и закончившуюся в январе 1944 года. За это время умерло около миллиона жителей: 200 тысяч от артобстрелов и воздушных налётов, а остальные — от голода и холода, потому что зимой температура держалась ниже 20 градусов. Живые были слишком истощены, чтобы хоронить мёртвых, или сходили в могилу следом за ними. Случался и каннибализм; обычно предпочитали тела детей — они были нежнее, и еще долгое время после снятия блокады ленинградцы не могли заставить себя покупать на улицах пирожки с мясом. Будущий соперник Спасского, юный Виктор Корчной выжил лишь потому, что многие его близкие погибли, оставив свои продовольственные карточки. «Были ли мы сильными и более выносливыми благодаря нашему прошлому? — задал нам Корчной риторический вопрос. — Наоборот. Только представьте, чего бы мое поколение смогло достичь без этих ударов судьбы».

Вернувшись в Ленинград в 1946 году, девятилетний Спасский видел вокруг себя лунный пейзаж — разрушения после ухода немецкой армии были грандиозными. Пригороды стёрты с лица земли. На месте густых лесов торчали одиночные деревья. Царское Село, в год рождения Спасского переименованное в честь Александра Пушкина, было покрыто свежими могилами, а от уникального Екатерининского дворца в барочном стиле остались одни стены. По словам писателя Ильи Эренбурга, все здания в городе были повреждены, на каждом — свои раны и шрамы.

Среди этих руин шахматы дали почти нищему Спасскому возможность общения, средства к существованию и столь необходимое чувство порядка.

Ни в одной стране мира шахматы не предоставляли ребёнку такой финансовой помощи, какую получил Спасский. И ни в какой другой стране шахматы не считались частью государственной системы, а успех игроков не рассматривался как символ её превосходства. В Советском Союзе шахматные звезды превозносились до небес и пользовались различными привилегиями; имена лучших игроков были широко известны, результаты их выступлений публиковались в газетах, а их самих узнавали на улицах.

Официальное признание шахмат началось ещё до революции 1917 года. Некоторые русские цари одобряли игру в шахматы; Николай II даровал первые титулы «гроссмейстеров» пятерым легендарным победителям большого Санкт-Петербургского турнира 1914 года: Эмануилу Ласкеру, Хосе Раулю Капабланке, Александру Алёхину, Фрэнку Маршаллу и Зигберту Таррашу. После революции возникла идея рассматривать игру как социалистический спорт. Три года спустя сильный шахматист Александр Ильин-Женевский, старый большевик, в ссылке игравший в шахматы с Лениным, был назначен в Москве главным комиссаром Главного управления Всеобуча — организации, готовившей молодых заводских рабочих для Красной гвардии, а позже для Красной Армии, тренируя их и давая военные знания. Физические упражнения включали в себя различные виды спорта: игры с мячом, атлетику, плавание, бокс и т.д.

Ильин-Женевский считал, что шахматы способны взять на себя политическую роль и должны стать одним из элементов идеологической борьбы. В СССР, писал он, «шахматы не могут быть аполитичны, как в капиталистических странах». Спорт улучшает дисциплину, учит терпению, самообладанию, стойкости и силе воли, оттачивает и укрепляет ум. Шахматы, как ничто другое, помогут повышению культурного уровня пролетариата, отточат

умы рабочих, предлагая им идеологически здоровый отдых после тяжёлого трудового дня на заводе или в колхозе.

В 1924 году была организована Всесоюзная шахматная секция при Высшем Совете физической культуры. Её председателем стал Николай Крыленко, низкий, лысый, крепко сложенный большевик-ленинец, воодушевлявший массы на борьбу во время Октябрьской революции. В гражданскую войну Ленин назначил его Верховным главнокомандующим и народным комиссаром. Позже он стал председателем Верховного трибунала и прокурором РСФСР, вселяя в подсудимых ужас и посылая на смерть тысячи, а в 1938 году и сам пал жертвой репрессий. Британский агент Брюс Локкарт назвал его «дегенератом-эпилептиком».

За четырнадцать лет совместной работы с Ильиным-Женевским Крыленко создал поточную шахматную систему. «Мы должны раз и навсегда положить конец аполитичности шахмат... Мы должны организовать ударные бригады шахматистов и немедленно приступить к выполнению пятилетнего плана», — заявлял он. Сотни шахматных специалистов начали получать от государства жалование. Их посылали в самые далёкие уголки советской империи пропагандировать игру и привлекать новых сторонников. Крыленко основал шахматный журнал «64», выходящий до сих пор. Главные центральные газеты, такие как «Правда» и «Известия», открыли регулярные шахматные отделы.

Результаты оказались впечатляющими. В 1923 году в стране была зарегистрирована лишь тысяча шахматистов. В 1929 году их количество возросло до 150 тысяч! В 1949-м, за четыре года до смерти Сталина, турнир колхозников собрал 130 тысяч участников. В 1951 году был зарегистрирован миллион игроков, к концу десятилетия — почти два миллиона, а в середине 60-х — три.

Сразу после Второй мировой войны, к удовольствию Сталина («Молодцы, ребята», — говорилось в его послании), советская команда дважды победила Соединённые Штаты, однако высшая награда — шахматная корона — ещё ждала своего часа. В 1945 году титул чемпиона мира принадлежал русскому эмигранту Александру Алёхину. Он не был тем, кого Советы считали своим, поскольку (с их точки зрения) имел смелость постоянно осуждать большевистский переворот.

Во время войны Алёхин, живший во Франции, дискредитировал себя, позволив нацистам использовать своё имя для пропаганды расистских воззрений. Репутация его была разрушена, и в марте 1946 года этот несравненный чемпион умер в одиночестве в гостинице португальского курорта Эшторил. На фотографии, сделанной после его смерти, он сидит за столом в пальто, перед ним — шахматная доска. В 1948 году Международная шахматная федерация организовала матч-турнир, чтобы выяснить, кто же будет преемником Алёхина. В нем участвовали пять лучших игроков мира: Ботвинник, Смыслов и Керес из СССР, Решевский из США и экс-чемпион мира Макс Эйве из Голландии.

Победителем вышел Михаил Ботвинник, типичный образец сталинской модели гражданина, если не считать того, что он был евреем; впрочем, среди советских шахматистов было много евреев — по происхождению, но не по религиозной практике. «По крови я еврей, по культуре — русский, по воспитанию — советский», — говорил Ботвинник (в возрасте девяти лет он решил, что будет членом коммунистической партии). Государству удачливые еврейские спортсмены приносили двойную выгоду: они свидетельствовали как о преимуществах политической системы, так и об отсутствии в Советском Союзе антисемитизма.

После того как Ботвинник стал игроком номер один, звание чемпиона мира в течение четверти века переходило от одного советского игрока к другому. Дважды он терял титул, дважды возвращал. Он был первым среди равных в поколении уникальных талантов, возникших на огромной территории послевоенного Союза Советских Социалистических Республик.

Шахматы управлялись через Государственный комитет по физической культуре и спорту и ещё более властный идеологический отдел ЦК партии. Лев Абрамов, одиннадцать лет возглавлявший отдел шахмат в Спорткомитете СССР 50—60-х годов, наделяет

Ботвинника миссией укрепления идеологической значимости шахмат. «В шахматах у нас были достижения значительнее, чем во всех других областях. Именно шахматы считались осязаемым доказательством того, что система работает, и поэтому на них можно полностью положиться. Они — одна из опор государства». По словам гроссмейстера Марка Тайманова, советские власти выстроили свою пропагандистскую доктрину на трёх основных китах: «шахматы, цирк, балет. Во всем этом Советский Союз был намного впереди Запада».

Пока балетные танцоры и клоуны развлекали мировую публику, на шахматном Олимпе царили представители СССР. В первый раз Ботвинник проиграл серьёзному и очень музыкальному Василию Смыслову, славившемуся прекрасным баритоном. Затем был Михаил Таль, тактический гений, чьи партии изобиловали блестящими комбинациями. За ним следовал Тигран Петросян, стиль которого опирался на глубокую, но не очень яркую стратегию надёжности. Его преемник Борис Спасский стал первым советским чемпионом, которому пришлось защищать свой титул в борьбе с иностранцем.

Как же после войны и эвакуации Спасский обрел своё шахматное будущее?

Подобно Фишеру, Спасский был вторым ребёнком в семье, где фактически не было отца. В краткой автобиографии, которую чемпион мира предоставил Яну ван Рику для книги «Большая стратегия», говорится о его матери, Екатерине, родом из крестьянской семьи, незаконнорождённой и воспитанной крестным отцом. Она была плохообразованной, глубоко верующей женщиной и в хорошем настроении, рассказывает Спасский, любила петь песни, сочинённые после гражданской войны, «с оптимистическим настроением. Я же предпочитал слушать русские народные». Спасский вспоминает, как в отчаянном стремлении помочь своей семье она искала поддержки у известного старца Серафима Вырицкого. «Старик посмотрел на мать и сказал: "Успокойся. Скоро всё будет хорошо"».

Его отец, Василий, был строителем, начав с рабочего на стройплощадке и через какое-то время добившись повышения, сперва до прораба, потом до бригадира. Он происходил из семьи священника, что является для Спасского источником гордости. Его дед, священник, избирался от Курской губернии в Четвертую Думу 1916 года. Николай II лично вручал ему золотой крест. Спасского часто называют наполовину евреем. Он объяснил авторам, что в этом нет ни капли правды, и удивился, откуда возникло такое мнение.

В 1944 году родители Спасского развелись. Василий оставил жену и троих детей, Георгия, Бориса и Ираиду, младшую дочь, которая родилась в том году и позже стала блестящей шашисткой, несколько раз победив в женском чемпионате СССР. Екатерина начала одинокую борьбу за выживание, работая до тех пор, пока сорокакилограммовые мешки с картошкой, которые она должна была таскать, не повредили ей спину. Василий старался помогать чем мог, продолжая общаться с детьми.

Лето 1946 года Спасский провел в шахматном павильоне «с чёрным конем на фронте», расположенном на одном из островов Невы. «Длинные ходы ферзя меня восхищали, — вспоминал он. — Я просто влюбился в белого ферзя. Мечтал о том, как положу его себе в карман, но украсть не осмеливался. Шахматы для меня — это чистота». У него было тринадцать копеек на проезд и на стакан воды с сиропом; домой он возвращался с последним трамваем. Ходил Спасский на босу ногу: «Солдатские сапоги были моими злейшими врагами».

Когда павильон закрылся, «это было трагедией. Жизнь без шахмат была как смерть». Он рыскал по всему городу в поисках шахматного клуба, «словно голодная собака». Дворец пионеров, занимавшийся воспитанием будущих комсомольцев, оказался сценой для его явления миру. Мраморное здание с видом на Неву, украшенное грандиозными колоннами, бывший Аничков дворец был когда-то домом множеству фаворитов, включая князя Потёмкина, возлюбленного Екатерины Великой, а также резиденцией царя Александра III. Когда дети не получали идеологических установок и не пели хвалебных песен колышущимся полям колхозной пшеницы, они играли, в том числе и в шахматы. Шахматный клуб

помещался в бывшем кабинете царя, отделанном ореховым деревом, под огромной хрустальной люстрой, где на стене висела картина с изображением Ленина с Горьким за шахматной доской на залитом солнцем острове Капри (Горький не играл в шахматы). Спасский брал у матери ботинки и отправлялся в шахматный клуб. До сих пор он помнит лекцию гроссмейстера Григория Левенфиша, который рассказывал о партии 1925 года между Алёхиным и английским игроком Фредериком Ейтсом: «Атака пешечного большинства, начатая ходом b2-b4, была очень поучительной».

Клуб повлиял на становление Спасского. К детям приезжали ведущие шахматисты страны Михаил Ботвинник, Давид Бронштейн и Игорь Бондаревский; в нем занимались будущие гроссмейстеры Марк Тайманов, Александр Толуш и Семён Фурман. В «Большой стратегии» Спасский сравнивает Левенфиша и Ботвинника, причём даваемые характеристики позволяют судить о его отношении к ним. В Ленинграде «Левенфиш считался человеком русской культуры и склада ума... Ботвинника воспринимали как представителя комсомола⁹, тридцатилетнего человека советской культуры».

И среди таких звёзд настоящего и будущего старший тренер клуба Владимир Зак сразу же выделил громадный талант маленького мальчика. Тридцатитрёхлетний Зак взял на себя роль наставника и учителя. Помимо шахмат, он требовал, чтобы Борис занимался плаванием, катался на коньках, посещал оперу и балет. По словам Спасского, Зак обращался с ним, «словно я чудо или вундеркинд». Скорее всего, так и казалось: все остальные были старше его минимум на пять лет. В одиннадцать Спасский провел сеанс одновременной игры в минском Доме офицеров (сеанс был прерван на пятнадцать минут, поскольку юный талант расстроился после проигрыша, разрешив сопернику взять ход назад; он поклялся больше никогда не быть таким великодушным). На полученные деньги он купил своё первое зимнее пальто. Под руководством Зака Спасский развивался настолько быстро, что в 1948 году начал получать ежемесячную стипендию в размере 1200 рублей, что было всего на 400 рублей меньше, чем получал его отец, и превышало среднюю зарплату инженера. Он оказался спасением для семьи. Юный кормилец проявлял во время игры сильные эмоции, которые научился сдерживать лишь с годами; поражение влекло за собой потоки гневных слез.

Одиннадцатилетнего Спасского тренер Владимир Зак считал «шахматным чудом»

⁹ Комсомол: молодёжная лига КПСС.

В 40-е и в начале 50-х годов карьера Спасского шла легко и успешно, шахматные авторитеты готовили его к званию гроссмейстера, что при таких способностях не составляло труда. В 1952 году он расстался с Заком. Его тренер, учитель и друг понимал, что дал Спасскому всё возможное. Для дальнейшего роста молодой талант нуждался в более серьёзном и сильном наставнике. Его тренером стал Александр Казимирович Толуш. В шахматном отношении Толуш, мастер атаки, был как раз тем, в ком Спасский нуждался. Он «с восхищением смотрел, как Казимирыч мобилизует резервы, маневрирует и создает на доске угрозу за угрозой». Толуш продолжал расширять кругозор Спасского: «Учил меня, как есть вилок и ножом, как завязывать и носить галстук, как использовать салфетку и носовой платок, и тому подобное».

В 1953 году на турнире в Бухаресте необходимость расставания с первым тренером оправдалась потрясающей победой в 34 хода над претендентом на звание чемпиона мира Василием Смысловым. Но в Румынии он научился большему, чем игре в шахматы на высшем уровне. Дело происходило незадолго до смерти Сталина в марте, и отголоски его последней чистки — «дела врачей» — сотрясали партию и правительство. В турнире лидировал венгерский гроссмейстер Ласло Сабо, и на собрании советской команды её «комиссар» прочел телеграмму из Спорткомитета: «Перестать бороться друг с другом. Делайте ничьи. Остановите Сабо». Беспокойство Спорткомитета было излишним, говорит Спасский: «Сабо был остановлен потому, что недостаточно сильно играл. Даже я его победил».

Через два года Спасский выиграл юношеский чемпионат мира в Антверпене, а ещё годом позже стал бронзовым призёром чемпионата СССР и самым молодым шахматистом в истории, вошедшим в круг претендентов. В 1956 году на турнире претендентов в Амстердаме он финишировал третьим, что сделало его одним из пяти лучших игроков мира, и это в девятнадцать лет! Впереди открывалось многообещающее будущее, очевидным атрибутом которого была слава. В 1955 году он поступил в Ленинградский университет, предпочтя математике журналистику. Он объяснял, что шахматные соревнования не позволяют учиться каждый день, к тому же у него нет таланта математика. О молодом студенте говорили как о будущем чемпионе мира. Благодаря шахматам его семья миновала бесконечную очередь на улучшение жилья, переехав из одной комнатухи в четырнадцать квадратных метров во «дворец» — две комнаты в два раза большей площади.

Но в тот момент, когда от него ожидали упрочения своих позиций в рядах мировой элиты, карьера честолюбца вошла в штопор. Перелом пришёлся на схватку с Михаилом Талем в чемпионате СССР 1958 года. Спасский, которому нужна была победа, чтобы попасть на межзональный турнир в Портороже, проиграл и впервые за несколько лет плакал. Его будущий соперник в борьбе за первенство мира Тигран Петросян, принимавший участие в турнире, вспоминает: «Когда я подошёл к доске, Спасский поднял на меня глаза. Это был взгляд загнанного зверя».

Спасский увидел, как легко милостивые улыбки властей превращаются в хмурые лица. В том же году на командном чемпионате мира среди студентов в своем родном городе он проиграл на первой доске талантливому американцу Уильяму Ломбарда, который будет секундантом Фишера в Исландии. Сборная США взяла первое место. За плохую подготовку Спасскому на два года запретили играть за границей. Дважды подряд ему не удавалось выйти в межзональные турниры и, следовательно, в турниры претендентов 1959 и 1962 годов. «Моя нервная система была полностью разрушена», — вспоминает Спасский.

Спад в его игре совпал с беспорядком во взаимоотношениях. В 1960 году он расстался с Толушем. Михаил Бейлин, который с 1967 по 1971 год был начальником отдела шахмат Спорткомитета, рассказывает: «Толуш очень расстроился — ведь у него не было собственных детей, и он все время уделял Борису. Он сопереживал «трудным подросткам» и очень многому научил Спасского». Спасский отдает Толушу должное:

Моя игра стала активной по всей доске. Воображение, интуиция, умение жертвовать и тактика улучшились. Я почти достиг своей максимальной силы, оставаясь

хладнокровным в критических ситуациях.

Влияние Толуша продолжалось. В матче на первенство мира с Петросяном, уже после того как учитель и ученик расстались, гроссмейстер Ефим Геллер еще замечал в игре Спасского «отпечатки пальцев» старого тренера. В критический момент, писал Геллер, «начинали грохотать пушки Казимирыча».

Но после восьми лет, проведённых вместе, их отношения, по словам Спасского, постепенно зашли в тупик. «Толуш жаловался, что я превратился в неуправляемую ракету». Тренер был утомлён необходимостью постоянно вытаскивать своего ученика из неприятностей с учёбой, КГБ и шахматной федерацией. Существовали и домашние проблемы.

В 1959 году, вопреки желанию Толуша, Спасский женился на студентке филологического факультета университета Надежде Латынцевой. Год спустя родилась дочь Таня. Супружеская жизнь была нелёгкой: они жили у Спасских вместе с его матерью, братом и сестрой во «дворце» площадью двадцать восемь квадратных метров. Вскоре после рождения дочери Спасский начал настаивать на разводе, позже объяснив причину так: «Мы превратились в слонов противоположного цвета». Жена не давала развода и отказывалась покидать «дворец». Завязалась внутренняя война. В конечном итоге, через профсоюзные контакты, Спасский нашёл ей однокомнатную квартиру, и Надежда уехала. Однако процедура развода все равно затянулась, что, естественно, пагубно сказалось на его душевном состоянии.

Во время этого сложного этапа Спасский часто проигрывал, упускал выгодные возможности, был склонен к меланхолии и пессимизму. Однако в 1962 году его личная жизнь стабилизировалась и шахматные показатели улучшились. Он получил развод и встретил Ларису Соловьёву, ставшую его второй женой. Они познакомились на пляже небольшого городка Зеленогорска и обнаружили, что живут в Ленинграде в одном доме. В 1966 году состоялась свадьба.

Со Спасским начал работать новый, близкий ему по духу тренер Игорь Бондаревский. Предками Бондаревского были донские казаки, что дало ему прозвище «Казак». Пережитая война сказалась на нервах, помешав реализовать шахматное дарование, и в последний раз он участвовал в турнире в 1963 году. Спасский описывает его как пронизательного, живого, пытливого человека, с благородными и честными манерами. Он добавляет, что взрывной темперамент Бондаревского в сочетании с «амбициями и тщеславием не давал возможности прощать грехи других». Тем не менее Спасский, называвший его «фатером», признаёт, что годы, проведённые с ним, с 1961 по 1969-й, были «лучшими в жизни» (Бондаревский оставался его тренером вплоть до 1972 года). «Он стал моим другом, опытным наставником, великолепным учителем, прекрасным психологом и, в определённом смысле, отцом». Терпение, дисциплина, стремление сражаться до последней пешки — вот те качества, которые новый тренер развивал в своем ученике.

Под влиянием Бондаревского результаты Спасского постепенно улучшались. В конце 1961 года он выиграл чемпионат СССР: десять побед, девять ничьих и лишь одно поражение. В следующем году он поделил 2-3-е места на крупном турнире в Гаване, а в чемпионате СССР-1963 снова претендовал на первое место, но пропустил вперёд гроссмейстера Леонида Штейна. Спасский начал всерьёз задумываться о мировом титуле, заявив тренеру в 1964 году: «Я стану чемпионом». Он имел в виду, что отберёт корону у другого советского шахматиста, армянина Тиграна Петросяна.

Межзональный турнир 1964 года проходил в Амстердаме, и делёж первого места с Талем, Смысловым и Ларсеном вывел Спасского в претенденты. После обвинения в сговоре, выдвинутого Фишером, претендентский этап проводился не в виде турнира, а как серия стыковых матчей. Существовало дополнительное условие: лишь три представителя СССР могли участвовать в матчах претендентов, поэтому конкуренция между советскими игроками в межзональном турнире была более жёсткой, чем между шахматистами других стран. Ведь советский участник должен был финишировать третьим, чтобы попасть в

претенденты, тогда как остальным участникам достаточно было занять восьмое место. Спасский полагал, что это нечестно.

Турниры с большим количеством игроков были обычной формой соревнований. Но Спасский никогда ранее не принимал участия в продолжительных матчах — серии партий против одного противника — и считал их физически и умственно истощающими. Тем не менее 1965 год стал его *annus mirabilis* (год чудес — лат.): он стал претендентом номер один, сперва победив Кереса в драматичной битве, потом Геллера, а затем и экс-чемпиона мира Михаила Таля. Итак, только Петросян отделял теперь Спасского от титула чемпиона мира. Спасский не был его поклонником, характеризуя Петросяна как короля, который «царствует, но не правит»; чемпион мира, но не сильнейший в мире. Борис понимал всю трудность своего положения: он, бедный студент, столкнулся лицом к лицу с социально и политически защищённым национальным героем Армении.

Матч 1966 года проходил в Москве и, за исключением шахматных кругов, был фактически проигнорирован Западом. Спасский выступил вполне достойно, уступив лишь одно очко. Его стиль и манера игры Петросяна были диаметрально противоположными. Прямая, открытая, атакующая игра Спасского, часто называемая «универсальной», не имела системных слабостей: он был напорист в атаке, крепок в защите, осторожен в миттельшпиле, грандиозен в эндшпиле; способен и на марафонские битвы, и на ошеломляющие миниатюры. Стиль Петросяна был стратегическим, неторопливым и для тех, кто не был в состоянии оценить его невероятную тонкость, скучноватым. Большинство игроков имеет свой стиль — так сказать, шахматный отпечаток пальцев, но редко у кого он бывает таким отчётливым, как у Петросяна. Его игра требовала от оппонента либо приспособиться, либо умереть. На вопрос, почему Спасский проиграл, Ботвинник ответил, что он не смог «запрограммировать себя на Петросяна».

Два месяца спустя Спасский выиграл турнир в Санта-Монике, названный им «турниром жизни» (Фишер пришёл вторым). Победа принесла ему много денег — пять тысяч долларов. Затем последовал небольшой спад в игре, который связывают с личным счастьем, обретённым им в совместной жизни с Ларисой, и рождением в 1967 году сына Василия. Вспоминая те времена, Спасский говорит: «Я был примерным советским гражданином. Путешествовал, играл и наслаждался жизнью». В матчах претендентов 1968 года он успешно справился с Геллером (5,5:2,5), Ларсеном (5,5:2,5) и Корчным (6,5:3,5), проиграв лишь две партии из двадцати шести. За победу над Ларсеном он удостоился ордена «Знак Почёта» (в 1955-м ему дали медаль «За доблестный труд», довольно заурядную советскую награду, и он прокомментировал это в книге «Большая стратегия» так: «Вот и всё, что я получил»).

В 1969 году он вновь встретился с Петросяном в борьбе за мировой титул. Церемония открытия матча прошла в Московском телевизионном театре, так что свидетелем этого события была вся страна. Однако у широкой западной публики битва Петросяна со Спасским снова не вызвала интереса. Большинство считало, что сорокалетний чемпион имеет мало шансов против тридцатидвухлетнего соперника. Игра Петросяна достигла своего потолка, хотя необходимо отметить, что он был единственным чемпионом мира с 1934 года, успешно отстоявшим свой титул. Он не чувствовал себя комфортно то ли от самого титула, то ли от потоков лести, изливавшихся на него от армянского сообщества всего мира. После одной блестящей партии в зале раздались оглушительные аплодисменты, и группа поклонников Петросяна попыталась прорваться на сцену. Английский шахматный деятель и писатель Гарри Голомбек был этому свидетелем: «Только один пожилой армянин смог миновать охранников, оказался на сцене и схватил Петросяна за руку». Известны слова Петросяна, сказанные им перед вторым матчем со Спасским: «Я никогда не хотел становиться чемпионом мира. Я только хотел хорошо играть в шахматы. Шесть лет я не курю, не беру в рот ни капли спиртного. Врач запрещает мне смотреть футбольные и хоккейные матчи, потому что необходимо беречь нервы для игры. Что это за жизнь?».

У Спасского всё было наоборот, и стиль жизни, и моральное состояние. «Накануне

матча с Петросяном, — рассказывал он, — я чувствовал себя на коне». Тем не менее лёгкой победы он не ждал, и исход матча был непредсказуем. Спасский разделил его на четыре части:

1. партии 1—9: быстрый рывок и усталость;
2. партии 10-13: я — боксёрская груша;
3. партии 14—17: поворотные;
4. партии 18—23: финальное наступление.

После семнадцатой партии Спасский отдыхал у себя в комнате, как вдруг раздались тяжёлые удары в дверь. «Какой-то армянин узнал, в каком номере я живу, и попытался в него вломиться. Он кричал: "Спасский, не смей выигрывать у нашего Петросяна!" Я крикнул в ответ: "Не беспокойся, я у него выиграю". Тогда парень замолк и исчез».

Он действительно выиграл, завоевав титул чемпиона мира с перевесом в два очка после шести побед, четырёх поражений и тринадцати ничьих. Партии не всегда были блестящими, хотя некоторые — например, великолепная пятая, в которой Спасский довёл ферзевую пешку до седьмого ряда, — признаны классическими. Тигран Петросян был, пожалуй, самым трудным соперником в истории шахмат. Его имя происходит от слова «тигр». Но своей игрой он напоминал скорее не тигра, а змею или хитрую лису. Терпение Петросяна казалось безграничным, он мог долго выжидать наиболее подходящего момента для нанесения удара. Спасский считал его «уникальным матчевым бойцом, чья сильная сторона в том, что до него практически невозможно добраться». Петросян оценивал это иначе: «Я стараюсь избегать случайностей. Те, кто полагается на случай, должны играть в карты или в рулетку».

Дважды пройдя изнурительный отборочный процесс, Спасский утверждал: «Система стала ещё хуже, чем прежде». В предвидении матча 1972 года он сказал: «Я хочу заранее выразить свою глубокую и искреннюю симпатию тому, кто сумеет прорваться через все эти препоны».

ГЛАВА 5 РУССКИЙ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Наша цель — сделать жизнь советских людей ещё лучше, ещё краше, ещё счастливее.

Леонид Брежнев, 1971

В России истина почти всегда принимает совершенно фантастический характер.

Фёдор Достоевский. «Некоторые наблюдения о лжи»

По мнению советского общества, Спасский отправился в Рейкьявик не только как игрок, но и как символ. Однако он не был идеальным символом, во всяком случае с точки зрения властей. Спасский выделяется на общем фоне, относясь, скорее, к проблемным элементам системы. Почему к проблемным? Ответ на этот вопрос можно узнать, более широко рассмотрев политический и культурный контекст советской жизни.

Навязывая свою волю, коммунистическая партия не действовала в историческом вакууме. В книге «Советский Союз после падения Хрущева» Арчи Браун проводит параллели с эпохой царизма: тенденция укреплять в людях веру в сильного лидера, а не в общественные структуры, постоянная угроза хаоса и высокая награда за верность и

единство. Вдобавок существуют и системные характеристики: пропасть между правящей элитой и гражданами, между интеллигенцией и народом, государственные меры контроля, такие, как внутренние паспорта, секретность, цензура, надзор и ссылки. Страх анархии и ее последствий, необходимость порядка, пронизывающая все классы, создали широко распространённое недоверие к либерализации режима.

Сталин умер 5 марта 1953 года, но пережитый страной Большой террор сформировал менталитет всех последующих поколений советских людей, создав общество, постоянно приспособляющееся к неопределённости жизни, к несправедливому и выборочному использованию власти. Разоблачительная пятичасовая речь Хрущева на Двенадцатом съезде партии три года спустя и начало так называемой «оттепели» явились наиболее важными событиями жизни Спасского того периода, однако открытие ворот лагерей не означало реабилитации для тысяч бывших заключённых. Многие советские граждане были убеждены, что те «наверняка в чем-то виноваты». Подозрительность висела в воздухе, подобно смогу, и, как пишет автор книги «Ночь камня», историк Кэтрин Мерридейл, «среди обширного наследия Сталина привычка к бдительности оказалась наиболее стойкой».

Речь Хрущева породила полемику, у которой не было конца. Демократическое движение увидело, что режим может пасть, но цена за это была слишком высока. Между догматиками и либералами завязалась долгая, тяжёлая, так никогда и не разрешившаяся борьба, а партия тем временем пыталась найти способ, как удержать свою власть над всеми аспектами жизни, не возвращаясь при этом к варварству сталинской эпохи.

Каковы же были границы личной свободы в этот период? Их можно было понять лишь по реакции властей в бесплодном вулканическом пейзаже советской культурной жизни; несогласие вспыхивало, подавлялось и вспыхивало снова. От шахматистов ожидали того же, чего и от остальной творческой интеллигенции: говоря словами Союза писателей, «всем сердцем посвятить себя идеям коммунизма и быть безгранично верными делу партии».

Утром 14 октября 1964 года Хрущёв был отстранён от власти Косыгиным и Брежневым за «безрассудные планы, поверхностные идеи, необдуманные решения, действия, не имеющие отношения к реальности, хвастливую и пустую риторику, стремление управлять указами, нежелание принять во внимание современные достижения науки и практического опыта». Средний возраст входящих в Политбюро¹⁰ и Секретариат ЦК КПСС — контролирующий государственный орган — двадцати двух человек был примерно шестьдесят два года. Брежнев, родившийся в 1906 году, вступил в партию в 1931-м. Самый молодой член Политбюро Фёдор Кулаков родился в 1918 году и являлся членом партии с 1940-го. Эти люди были закалены в кузнице сталинской эпохи и привыкли к суровому языку социализма. Новый лозунг дня звучал так усилиями советских людей строительство социализма продолжалось даже во времена сталинских «перекосов». От любого, кто попадал в поле зрения общественности, включая шахматистов, ожидали поддержки социалистических ценностей.

В газете «Правда» тогдашний комсомольский лидер Сергей Павлов писал, что режим столкнулся с необходимостью «борьбы с явлениями нигилизма, безрассудством и дерзким отрицанием авторитетов, пренебрежением или игнорированием исторического опыта старшего поколения советских людей». В тот момент он вряд ли думал о шахматах, но, как председатель Спорткомитета, сыграл позже центральную роль в саге Спасского в Рейкьявике.

Однако Арчи Браун указывает, что, хотя при Брежневе культурная свобода и была подавлена, в ту эпоху не возникло полного запрета на свободную интеллектуальную деятельность; власти отнеслись к этому прагматично, сознавая необходимость большей открытости в естественных науках и, до определённой степени, в социальных, поскольку экономику надо было модернизировать. Существовали и дипломатические перспективы

¹⁰ Политбюро ЦК КПСС: директивный орган, средоточие советской политической власти.

развития, такие, как необходимость налаживания отношений с Западом по мере нарастания напряжённости с Китаем. Но эти многочисленные проблемы не остановили Брежнева от угрозы, что интеллектуалы, не желающие служить делу построения коммунизма, получают по заслугам.

Как власти навязывали свои взгляды? В случае с профессионалами это делалось напрямую через государственные организации. В то время как Александр Солженицын с горечью говорил, что руководство Союза писателей видит свою роль в представлении идей партии писателям, а не наоборот, Лев Абрамов, руководивший на разных постах шахматами более одиннадцати лет (с середины 50-х), наделял себя двойной функцией: «Я передавал мнение игроков властям и в то же время пытался проводить общую политику нашей партии и государства». Он исходил с позиции высокой государственной ответственности и доверия. Будучи строительным инженером, Абрамов в конце своей профессиональной карьеры достиг должности главного инженера на строительстве всесоюзных оборонных заводов. Его опыт общения с партией и правительством означал, что Спорткомитет может полагаться на него в понимании, какой должна быть политика, даже если её не выражают открыто.

Власти имели в своем распоряжении широкий выбор кнутов и пряников для контроля над элитными игроками. Одним из самых мощных контролирующих механизмов являлось жёсткое партийное руководство поездками за рубеж. Границы Советского Союза были закрыты, и у народа отсутствовали законные права для их пересечения. Горькая советская шутка гласила, что есть два класса советских граждан: те, кто получил заграничный паспорт, и все остальные. Чтобы добиться загранпаспорта, человек должен был представить исчерпывающее персональное досье, куда входила и партийная справка о его моральной и политической зрелости. Даже если все препоны были преодолены, в паспорте могли отказать в самый последний момент или сообщить, что он «потерялся» в Министерстве иностранных дел. Несостоявшийся путешественник должен был извиниться перед принимающей стороной, сославшись на служебные обстоятельства, болезнь или семейные трудности. Гроссмейстеры Давид Бронштейн и Эдуард Гуфельд столкнулись с подобной «потерей» паспортов, что сделало невозможным их поездки на международные турниры. Даже латвийский экс-чемпион мира Михаил Таль не относился к числу неприкасаемых. Во время кубинской олимпиады 1966 года его в ночном клубе ударили бутылкой по голове (говорят, это был ревнивый приятель дамы, с которой он танцевал), и он попал в больницу, вследствие чего вынужден был пропустить несколько партий. Следующая олимпиада проходила в Лугано двумя годами позже. Таль вместе с другими гроссмейстерами уже находился в аэропорту, когда к нему подошёл зампред Спорткомитета и сказал: «А вы, Михаил Нехемьевич, можете возвращаться в Ригу».

Шахматные функционеры того периода категорически отрицали, что ограничения применялись в качестве наказания. Их ответ был таким: поездки лимитируются нехваткой фондов. Таким образом, все случаи ограничений получали вполне убедительное толкование: кто-то был не в форме, кто-то уже побывал за границей, кто-то был там недавно и должен уступить другому, столь же подготовленному коллеге.

Хотя Спасский столкнулся с недовольством властей, великолепная игра спасла его от подобного отношения. По словам Михаила Бейлина, «Спасский делал то, чего не позволялось никому другому. Чем выше вы поднимались в шахматах — мастер, международный мастер, гроссмейстер, — тем больший вред вам могли нанести. Другим никогда бы не позволили выезжать за границу, веди они себя так, как Спасский. Он был исключительно независимой личностью».

Однако многие советские граждане на собственном опыте поняли, что власть не терпит независимой личности. Спасский не мог быть свободным в советской системе. Тем не менее он обладал редкой личной свободой в своих убеждениях и выражении собственной независимости, которую демонстрировал и в Рейкьявике. Для понимания, что же именно его выделяло, мы должны обратиться к войне, в которой он выжил, и к городу, в котором он

вырос.

«Битва против нацизма была величайшей проверкой, какую только прошли советские граждане; возможно, величайшей во всей истории России, — пишет Кэтрин Мерридейл. — Сила воли, упорство и стоицизм, которых она требовала, превышали весь предыдущий опыт, будучи более мощным и более длительным, чем всё, что большая часть советского народа, прошедшего через многие кризисы, могла себе представить».

Без сомнения, это относится и к защите Ленинграда. Тем не менее в отношении властей к блокаде существовал устойчивый элемент мифотворчества, и миф этот рассказывал о самоотверженном патриотизме советских граждан, особенно выделяя героическую роль партии в защите города и его жителей. Миф противоречил реальности: среди властей была паника, а политический контроль путём террора продолжался даже в самые суровые дни немецких атак. Миф игнорировал ожесточённость людей. В своей книге «Европа: история» Норман Дэвис сообщает: «Описания кутежей в Доме партии, в то время как на улицах лежали трупы, а учёные умирали от голода за столами в лабораториях, только дополняют картину царившей жестокости».

Мифотворчество, родившееся в результате победы над Германией, повлияло на Бориса Спасского несколькими путями. Согласно его современнику, советскому журналисту и писателю Василию Гроссману, тяготы Великой Отечественной войны имели для русского самосознания решающее значение. После Сталинградской битвы 1943 года, стоившей миллион жизней, русские начали отделять себя от других национальностей и слово «русский» обрело положительный смысл. Прекрасно известно, что Сталин решил возродить русский патриотизм для укрепления титанических усилий военных, но также использовал войну для пропаганды государственного национализма. Государственный национализм отличался от национализма европейских стран тем, что не имел ничего общего с любовью к родине. Советский националист испытывал глубокое признание, уважение и любовь к социалистическому государству, которое защищало и заботилось о своих верных гражданах. Государственный национализм стал единственной формой патриотизма, приемлемого в социалистической стране, и именно такого рода национализм обязан был демонстрировать Спасский. Шахматисты не должны забывать, что играют в красных майках.

Вторым источником влияния, выросшего из мифологии войны, являлось убеждение, что «наше — значит, лучшее», что система должна непременно победить. Отсюда постоянный страх публичного принижения и того, что недостатки системы могут проявиться. Многолетний советский посол в Вашингтоне Анатолий Добрынин едко пишет в своих мемуарах, что когда Брежнев в 1973 году посещал Никсона, то лично инструктировал советскую службу безопасности организовать свой визит так, чтобы «он ни в чем не казался американцам хуже, чем президент США».

На пути попыток создать реальность из лозунга «Наше — значит, лучшее» стоял собственноручно выстроенный барьер — секретность и изоляция, вынуждающие людей жить в поразительном невежестве. Это касалось не только простых граждан. Когда в 1959 году Хрущёва пригласили погостить у президента Эйзенхауэра в его уединённом жилище Кемп-Дэвид, никто из окружения советского лидера не знал, что это и где находится. В своих воспоминаниях Хрущёв пишет: «Я так и не смог найти, что это за Кемп-Дэвид. Начал наводить справки в нашем Министерстве иностранных дел. Они сказали, что тоже не знают». Хрущёв беспокоился, что американские власти, предлагая посетить Кемп-Дэвид, выражают таким образом ему презрение, что его опять дискриминируют, помещают на карантин. В конечном итоге он понял, что это приглашение было честью, а Кемп-Дэвид оказался президентской дачей. «Можно над этим посмеяться, но мне стыдно. Это говорит о том, насколько невежественными мы были в некоторых отношениях».

Шахматный мир был информирован не лучше. На встрече шахматного руководства со Спасским и его командой 13 августа 1971 года обнаружилось поразительное отсутствие знаний о происходящем с Фишером. Отчёт директора Центрального шахматного клуба

Виктора Батурина гласит: «Было потребовано узнать (через советских корреспондентов в США или каким-то иным образом) причины, по которым Фишер около полутора лет (1968-1970) не принимал участия ни в одном состязании, где он находился в этот период, что делал, а также собрать информацию о поведении Фишера и его заявлениях». Составленный в тот же самый месяц «Тренировочный план» Спасского содержал требование найти, приобрести и перевести на русский язык зарубежные шахматные статьи с информацией по Фишеру для последующего анализа. Цензура и нехватка твёрдой валюты влекли за собой необходимость официальной поддержки этого столь важного аспекта подготовки.

В 60-е годы, пока Спасский взбирался на шахматный Олимп, государственный национализм приобретал всё большую значимость, несмотря на смену поколений. Советские лидеры видели насущную потребность в широком распространении информации о последних достижениях советского государства в науке и вооружении, о том, что сперва собака, а затем и советский человек первыми побывали в космосе. Им требовались достижения в сфере быта — советские джинсы, новые жилые дома. И — спортивные победы. В своей книге «Русский ум» Рональд Хингли размышляет над исторически сложившейся способностью русской нации к тому, что он называет «престижными проектами». «Одарённые в таких различных областях, как шахматы, ракетостроение и спорт, русские часто добиваются успеха, обращая совместные усилия на престижные проекты, многие из которых не только функционально эффективны, но и впечатляюще обставлены. Важнейшей дополнительной целью этих проектов является стремление поразить зарубежных наблюдателей в надежде, что те будут ослеплены и не обратят внимание на чрезвычайно скромную жизнь, которую ведет средний советский гражданин».

Советский гражданин видел роль Спасского в контексте лозунга «Наше — значит, лучшее», отражающего, помимо прочего, доминирование СССР в мировых шахматах. До Рейкьявика он получал бесконечный поток писем от советских граждан, напоминавших о его обязанности как патриота победить империалистическую Америку, пытавшуюся разрушить советскую шахматную крепость.

Партии была важна не игра в шахматы, а защита престижа советского государства. «Разумеется, — говорит бывший президент Российской шахматной федерации, журналист Евгений Бебчук, — партийные шишки так и думали. Вы должны умереть за Родину и за партию. Что до самих партий, ими интересовались одни шахматисты. Имело значение лишь то, что за доской ты представляешь Советский Союз». Сегодня он улыбается, вспоминая те накачки, которым подвергались участники студенческих турниров, когда всю команду собирали в отделе пропаганды и агитации ЦК.

Они усаживали нас перед каким-нибудь представителем власти, который и понятия не имел, что такое шахматы. Он прохаживался по комнате. Никитин, Спасский и я тихо сидели. Он говорил: «Вы осознаёте ту ответственность, которая на вас лежит? Вы понимаете, что это честь? Вы хорошо это понимаете? Да или нет?» Мы молчали. Он продолжал: «Кто играет сегодня? А, Бебчук, вы ведь журналист. Ваши коллеги понимают, что им предстоит отстаивать?» — «Да, они понимают». — «Вы должны были объяснять лучше. Правильно или нет они видят ситуацию?»

Перед матчем в Рейкьявике сомнения в том, осознаёт ли Спасский свою ответственность в полной мере, возникли на самом высоком уровне. Виктор Батурицкий был вызван к Александру Яковлеву, заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК, а позже правой руке Михаила Горбачёва. «Скажите, Спасский понимает, что несет перед советскими людьми моральную ответственность за результат матча?» — спросил он. Батурицкий дипломатично ответил: «Надеюсь, что понимает». Через тридцать лет после этого разговора он подтвердил, что лицемерил: было ясно, что Спасский об этом даже не думает.

Бывший помощник главного военного прокурора, полковник Батурицкий был обязан своим интересом к шахматам и своим юридическим образованием одному из основателей советской шахматной школы Николаю Крыленко, вдохновившему его и на то, и на другое.

Полковник Батуринский прослужил в армии тридцать пять лет. Он был вторым номером в команде, занимавшейся раскрытием британско-американского шпиона, полковника Олега Пеньковского. Батуринского прозвали «чёрным полковником». Когда Виктор Корчной в 1976 году покинул страну, он говорил, что Батуринского надо повесить, утопить и четвертовать за его активное участие в сталинских репрессиях.

Слепой и плохо слышащий, этот когда-то главный шахматный чиновник прожил свои последние годы в одном из тех больших, мрачных, серых районов, что окружают Москву (он умер в декабре 2002 года). Он удивлялся, как можно не понимать, почему Спасский несет моральную ответственность за отстаивание превосходства советской системы. Ответ казался слишком очевидным, чтобы быть достойным дискуссии. «Разумеется, это вопрос идеологии».

Спасский многим был обязан советскому государству, поэтому как мог он не принимать — по крайней мере с точки зрения властей — свои ответные обязанности? А если он отрицал государственный национализм, во что же он тогда верил? Два важнейших факта позволяют понять характер Спасского и эволюцию его взглядов: он был этническим русским и он был ленинградцем, жителем бывшей столицы империи, окна в Европу, прорубленного Петром Великим. В «Записках из подполья» герой Достоевского называет Санкт-Петербург «самым отвлечённым и умышленным городом на всем земном шаре». В «переводе» с литературного языка это означает, что город был мостом между обыденной реальностью жизни и странным, таинственным, скрытым миром.

Западная пресса выделяла Спасского среди других советских шахматистов, поскольку он называл своим любимым писателем Достоевского. Спасский, поклонник Достоевского, выгодно контрастировал с американцем Фишером, который если и читал что-то кроме шахматных журналов, то только комиксы. Кое-кто на Западе мог подумать, что Спасский рисковал, говоря о таких литературных пристрастиях. Однако его увлечение Достоевским не было запретным; говорили, что даже Сталину нравились «Бесы». Хотя некоторые работы Достоевского в 50-е и 60-е годы подверглись цензуре, в 1971 году, когда писателю исполнилось 150 лет, было выпущено большое собрание его трудов.

В то же время характерные особенности прозы Достоевского — реализм, психологическая глубина характеров, подчёркивание двойственности человеческой природы, иррациональная мотивация — делали автора наиболее подрывным из дореволюционных писателей. Он выбирает жизнь ради путешествия, а не ради конца, как это видно в «Записках из подполья». Герой размышляет: «Но человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели...».

Это очень похоже на отношение Спасского к шахматам. Хотя в нем жил дух соперничества, процесс достижения результата имел не меньшее значение, чем итог борьбы. Он демонстрировал явную схожесть с характерами Достоевского. В романах перед героями встают экзистенциальные выборы, навсегда отмечающие тех, кто их совершает. Характеры Достоевского сложно классифицировать; они не завершены, обладают возможностью приспособливаться и эволюционировать. Теоретик и исследователь писателя Михаил Бахтин пишет: «Все они остро чувствуют свою внутреннюю незавершённость, способность перерастать себя изнутри... Человек — не конечная и определённая величина, к которой можно применить точные расчёты; человек свободен, а потому может нарушать все правила и нормы, которые ему навязывают».

Разумеется, Спасский не вписывался в модель простого советского человека; слава и статус предоставляли ему роскошь самоопределения, которой другие были лишены. Хотя государство вытаскило самого Спасского и его семью из нищеты, он всегда отрицал свой

долг перед ним. Говоря об этом, он указывает, что русский царь Николай II даровал талантливым детям содержание, причём из собственного кармана.

Однако помимо того, что Спасский шёл вразрез с нормами советского государства и во многих случаях выходил за предписанные рамки, он имел ещё множество общих черт с самим Достоевским. Достоевский – писатель глубоко христианский, пропитанный верой в мир духовного и в вечную жизнь; эту веру он считал ключом к нравственному здоровью. Спасский, воспитанный матерью в православных традициях, был очень горд своей связью с церковью по линии отца. В его любимом романе «Братья Карамазовы» было множество теологических размышлений. Роман указывает и на политическую позицию Спасского. В центральном эпизоде, где одного из братьев судят за отцеубийство, прокурор утверждает, что в этих троих братьях воплощено русское европейство, национальные принципы и открытая непосредственность русского характера. Упор здесь делается именно на русское. В период советского государственного национализма Спасский был русским патриотом, наследником русской православной традиции.

Учёба в университете укрепила национализм Спасского. Она пришлась на период культурных потрясений, которые поэт Евгений Рейн назвал «полулитературной, полубогемной жизнью, зарождающейся в Ленинграде». Отчасти это касалось отрицания советской культуры. По словам Рейна, «мы начали поворачиваться лицом к Западу, к современной западной культуре; мы стали интересоваться русской культурой, по-новому взглянув на девятнадцатый век, на Серебряный век и вновь замкнув кольцо традиции».

В «Большой стратегии» Спасский вспоминает свою дипломную работу в университете. Для этого он вернулся в дореволюционный период, выбрав тему «Шахматный листок 1859-1863», первый русский шахматный журнал. Он говорит, что всегда интересовался русской историей: «Для этой работы мне нужно было изучить журналы 60-х годов прошлого века. Я увидел русскую культуру того времени. Каким прекрасным городом был Петербург! А выходя из Национальной библиотеки, я оказывался в сонном, отвратительном, провинциальном городке Ленинграде. В какую же бездну рухнула Россия!».

Тоска по старой России объясняет и тревожащее многих заявление, что он «почётный антисемит». Достоевский был националистом-славянофилом с сильно выраженным антисемитизмом, жестоко критикуя то, что он называл «жидизм». Та же черта Спасского произрастает из его враждебного отношения к захвату России в 1917 году интернациональным движением большевиков, многие лидеры которого были евреями. Однако, поскольку часть старшего поколения советских гроссмейстеров и шахматных руководителей были евреями и одновременно членами коммунистической партии, мы должны предполагать, что Спасский разделял профессиональные отношения и историческую антипатию.

Гроссмейстер Николай Крогиус вспоминает, как Спасский подчёркивал, что играет за Россию, а не прославляет своими успехами Советский Союз. Крогиус фыркает: «Власти относились к этому терпимо (только на данный момент, как они говорили)». «Буржуазный национализм» — так чиновники описывали патриотизм Спасского. КГБ рассматривал такое отношение, как «разрушительный и опасный пережиток прошлого». Тем не менее, будучи гроссмейстером мирового уровня, Спасский пользовался терпением властей, которое, однако, не распространялось на простых смертных или людей, имеющих прямое воздействие на публику, то есть поэтов, писателей, театральных режиссёров и историков. Существовала большая разница между возможностью ходить по ленинградским улицам и играть за границы — и ссылкой в провинцию или заключением в психиатрическую больницу. Как же далеко Спасский зашёл в проверке терпимости государственной системы?

Как известно, Спасский не являлся членом коммунистической партии. Но из этого не стоит делать каких-то серьёзных выводов. Одни персонажи нашей истории — гроссмейстеры Авербах, Тайманов и Штейн, аппаратчики Батуринский, Абрамов и Ивонин — были коммунистами. Другие — гроссмейстеры Таль, Геллер, Крогиус и Смыслов — не были. Отец

советской водородной бомбы Андрей Сахаров отклонял настойчивые «предложения» стать членом КПСС задолго до обретения известности как диссидент, хотя в этом случае его бы доходы увеличились, а государство даровало бы ему различные привилегии. Спасский настаивает, что никогда не попадал под такого рода давление; возможно, с идеологической точки зрения его считали потерянным.

Гении за работой: Спасский и Михаил Таль (справа), чемпион мира 1960 — 61 годов.

Однако отсутствие партбилета не избавляло Спасского от политической ответственности и от демонстрации должной политической сознательности. Считая себя «политически независимым», он жил в стране, где такая фраза не имела смысла. С самого начала его карьеры в далёких от шахмат кругах о Спасском отзывались как о человеке, за которым надо присматривать из-за его «политической неблагонадёжности».

Одно бездумное замечание, сделанное им в ходе юношеского чемпионата мира в Антверпене в 1955 году, привело к расследованию на уровне Спорткомитета. Без всяких задних мыслей Спасский спросил комиссара команды: «А правда, что у товарища Ленина был сифилис?» Спасский вспоминает, что «глаза чиновника опасно сверкнули». Зачем рисковать, задавая подобный вопрос? «Ленина превратили в икону, и мне было очень любопытно узнать, что же там произошло на самом деле». Только заместитель министра спорта Дмитрий Постников предотвратил вынесение этого случая на комсомольское собрание, что, вне всякого сомнения, отрицательно повлияло бы на будущее Спасского.

Теперь среди тех, кто следил за карьерой шахматного честолюбца, оказались и офицеры ленинградского КГБ. Многочисленные информаторы этой организации создавали полную картину его слов и дел. Независимый дух Спасского отмечали многие из его коллег. В 1960 году, когда они прилетели в Аргентину на международный турнир в Мар-дель-Плате, гроссмейстер Давид Бронштейн сказал Спасскому, что они должны отметить в посольстве. У Спасского были дела и поинтересней: «Давид Ионович, вы идите, а я не пойду. Я — другое поколение, на меня эти правила не распространяются».

В середине 60-х интерес к Спасскому был таким, что Бондаревский настоял на его переезде из Ленинграда в Москву. «КГБ слишком тобой интересуется», — объяснил он Спасскому. В однокомнатной квартирке, сотрясаемой проходящими рядом поездами, в сорока километрах от столицы, двадцатисемилетний Спасский впервые оказался предоставлен самому себе.

Молодой игрок был в фокусе внимания международного шахматного сообщества, но продолжал вести себя так же независимо. В 1970 году, через два года после Пражской весны и советского вторжения в Чехословакию, в западногерманском городе Зигене проходила очередная шахматная олимпиада, и чемпион мира Спасский пожал руки всей чехословацкой команде. Даже несмотря на то что чешские власти были уверены в политической

благонадёжности выехавших на Запад игроков, жест Спасского все равно рассматривался как намеренное проявление симпатии к этой стране.

Затем в январе 1971 года он совершил свой знаменитый и вызывающий поступок, не подписав коллективное письмо в поддержку чернокожей американской коммунистки Анджелы Дэвис, арестованной в Соединённых Штатах. Он считал, что мировой чемпионат нельзя использовать в политических целях. Этот отказ не мог пройти для чемпиона бесследно. Ведущие представители советской науки, спорта и искусства поставили под этим письмом свои подписи. Ботвинник подписал сам и просил Спасского последовать его примеру, но тот отказался. Шахматный аппаратчик Михаил Бейлин испытывает к Спасскому тёплые чувства: «Он был милым, приятным человеком, и большинство людей хорошо к нему относились. Думаю, его любили за человеческие качества, но им не нравилось его отношение к партийным ценностям». Однако в данном случае Бейлин не одобрил такого решения: «Это письмо было подписано различными лидерами нашей культуры. Спасского просили поставить свою подпись от имени Шахматной федерации, и это считалось особой честью. Спасскому была оказана честь со стороны ЦК партии, а он эту честь не оценил». Для старого коммуниста Абрамова случившееся тоже было неприятно: «Спасский — продукт советской системы. Она давала ему всё, что требовалось для игры, но если дело не касалось шахмат, он не желал быть её частью».

Реакция властей была крайне негативной: зампред Виктор Ивонин собрал по этому поводу специальное заседание в Спорткомитете. Спасского не пригласили, и происходящее напоминало заочный суд. Среди участников были руководитель профсоюза Спорткомитета (в котором состоял и Спасский), представители Центрального Комитета комсомола и Центрального шахматного клуба, а также журналист агентства печати «Новости», написавший это письмо. В процессе оценки поступка Спасского и попытках решить, что же делать с его отказом, всплыло общее недовольство поведением чемпиона мира. Все сходились на том, что его, возможно, и не удастся заставить подписать письмо, но надеялись, что влияние Ботвинника, желание Спасского получить новую квартиру и слухи о его неподобающем поведении на президиуме Шахматной федерации окажут на него воздействие. В конце концов было решено, что Ивонин ещё раз с ним поговорит, хотя эта попытка тоже оказалась тщетной: решение Спасского было твёрдым. Его не заставил передумать даже телефонный звонок из КГБ.

Говоря о подготовке к встрече с Фишером, директор ЦШК Виктор Батуринский привел этот эпизод как пример незрелости Спасского. Михаил Бейлин рассказывает, что Спасский получал удовольствие, зля других, даже если рисковал их обидеть. Он говорил то, что никто больше говорить не решался. «К примеру, как-то раз он читал лекцию перед большой аудиторией в Нижнем Новгороде. Он отозвался об Эстонии как об очень приятной маленькой стране с очень трудной судьбой. Это мне не понравилось: в зале были люди, считавшие, что у Эстонии в высшей степени счастливая судьба. Нелегко привыкнуть к его манере позволять себе говорить неприятные вещи». Если вы как добропорядочный советский гражданин верите, что аннексия Советским Союзом была для Эстонии и её народа подарком судьбы, то наверняка найдете сомнительным косвенное неодобрение Спасским этого акта.

В стремлении Спасского выносить свои небезопасные политические мнения на всеобщее обозрение была даже какая-то жестокость. Вспоминает Николай Крогиус: «На публике он часто бравировал своими парадоксальными заявлениями: "Коммунизм уничтожает природу", "Керес живет в оккупированной стране" (то есть в Эстонии) и так далее. Если бы такие утверждения делались не знаменитым шахматистом, а обычным гражданином, последовали бы жестокие карательные меры — возможно, даже тюремное заключение».

Разумеется, власти прекрасно знали о взглядах Спасского. Оказавшись на вершине славы, он не ограничивался своим близким окружением, хотя знал, что кто-то доносит на него в КГБ. Батуринский жаловался на его «легкомыслие» в ходе публичных выступлений и

цитировал типичную речь Спасского, с которой он выступил перед жителями города Шахты Ростовской области 26 сентября 1971 года. Речь эта послужила темой для написания гневного письма секретарем Шахтинского горкома КПСС товарищем Казанцевым:

Б. Спасский внезапно заговорил о своем финансовом положении. Он отметил, что его зарплата составляет 300 рублей, которые он получает за пост тренера в клубе «Локомотив», при этом не неся на себе никаких обязанностей.

Товарищ Спасский подчеркнул, что шахматистам в Советском Союзе уделяется недостаточно внимания, их труд плохо оплачивается. Объясняя причины своего отсутствия на чемпионате СССР, он сослался на чересчур маленькую сумму, положенную за первый приз (250 рублей). Б. Спасский отметил в своей речи, что самый большой денежный приз, полученный им за рубежом, был пять тысяч долларов, тогда как в его родной стране это всего лишь две тысячи рублей.

Когда Спасский стал чемпионом мира, его стипендия выросла с 250 рублей в месяц до 300. Такая сумма могла казаться ему недостаточной, но Бейлин, подписывавший необходимые для этого повышения документы, вспоминает зависть коллег к богатству Спасского: «Когда молодой Спасский получил в Сайта-Монике 5000 долларов, многие переживали по этому поводу так, словно это их личная утрата». Чтобы понять, много ли получал Спасский, надо учесть, что в конце 60-х годов средняя зарплата квалифицированного рабочего или служащего составляла 122 рубля.

Спасский не только жаловался на низкую зарплату. На той встрече в Шахтах он потряс слушателей следующим заявлением: «Я вышел из семьи священника. И если бы я не стал шахматистом, то вполне мог стать священником».

Это письмо попало прямиком в отдел пропаганды и агитации ЦК, завершив свой путь у Александра Яковлева, которому доложили, что аудитория, слушавшая Спасского, выразила по поводу речи «недоумение и негодование».

Однако существовали более жёсткие и потенциально опасные суждения о Спасском. Батурицкий обвинял его в том, что он попал во власть «объективистских взглядов» в вопросе о месте проведения матча с Фишером. На предварительной беседе с руководством Шахматной федерации СССР Спасский заявил: «Я не считаю целесообразным проведение матча в СССР, поскольку это дает определённое преимущество одному из участников, а матч должен вестись в равных условиях...».

В широком смысле, «объективизм» означает выражение точки зрения, не основанной на марксистско-ленинском анализе. «Большая Советская Энциклопедия» определяет этот грех так: «Мировоззрение... ориентирующее познание на социально-политическую нейтральность и удерживающееся от выводов на основе партийности... Оно маскирует социальный и классовый субъективизм... объективизм ориентируется на скрытое служение господствующей консервативной или реакционной силе общественного "порядка вещей"». Другими словами, у Спасского было неправильное политическое сознание.

Спасский демонстрировал опасные политические колебания, но можем ли мы назвать его диссидентом? Таким он казался некоторым своим однокурсникам по университету. Виктор Корчной дает официальную оценку: «Когда я уехал, то считал себя диссидентом на двух ногах, а Спасский был одноногим диссидентом».

С высокого поста второго лица в Спорткомитете, ответственного за десять видов спорта, включая и шахматы, Виктор Ивонин относился к нему с мрачноватой терпимостью: «Мы принимали Спасского таким, какой он есть, зная, что менять его слишком поздно. Он нигилист. Иногда мы могли помочь ему говорить и действовать "более корректно". Пытались по крайней мере. Но человека невозможно переделать. Поэтому мы решили не реагировать, если он что-то говорил, возможно, даже в шутку. Однако он не был диссидентом».

Бывший президент Российской шахматной федерации Евгений Бебчук соглашается: «В принципе Спасский не принимал советский режим: он не высказал бы этого широкой

аудитории, но говорил среди друзей. Он с самого начала притворялся дурачком, как будто ничего не знал и не понимал. Меня по должности часто вызывали на официальные заседания, и коллеги в комитетах говорили: "Да, он талантливый шахматист, но немного странный на голову", а я отвечал: "Так и есть". Он себя так защищал. Это такая техника выживания: в русской культуре хорошо относятся к дурачкам, им многое прощают».

Здесь Бебчук делает любопытную ссылку на историю русской культуры. Примета царской России, «святой дурак», или юродивый (божий человек), был странником, подобным монаху; его чтили за возложенные на себя страдания во имя смирения и высокой веры. Юродивых наделяли мистической силой. Но важно здесь то, что подобно королевскому шуту юродивый мог с полным правом смеяться над правителями, обличать пороки и открыто говорить правду. И если кто-то из современников пытался понять Спасского, он проявлял терпимость к его «эксцентричным и необычным выходкам», схожую с терпимостью по отношению к юродивым.

Тренер Спасского Николай Крогиус, психолог, говорит, что убеждения чемпиона мира были следствием его сложного характера, одним из аспектов которого была нелюбовь к дисциплине: «Он независимый художник, очень несерьёзный человек, богемный тип. А поскольку на тот момент он был чемпионом мира, то считал, что все должны его слушать и принимать это к сведению, хотя, если быть откровенным, его мнение не всегда было обоснованным и не всегда ставило в разговоре точку».

Его своеволие не только развлекало, но и шокировало. Спасский был рискованный, непредсказуемый тип — шутник. Гроссмейстер Юрий Авербах поразительным образом охарактеризовал подход Спасского к жизни: «Спасский был актёром». Другими словами, он хотел постоянно быть в центре внимания. Авербах вспоминает, как они вместе со Спасским отправились на похороны Кереса: «Все оделись в чёрное, один Спасский пришёл в красном. Это было очень странно, потому что на улицах стояли сотни людей, и он разительно выделялся на общем фоне. Не знаю, то ли он пренебрёг обычными формальностями, то ли это его способ самовыражения. Подобный эксгибиционизм очень удручал».

Спасский был общительным, компанейским человеком. Некоторые его друзья и коллеги утверждали, что, став чемпионом, он отбросил всю свою немногословность. Он желал быть душой компании, стремился расширить социальный круг. Приглашений было предостаточно. Он знал множество замечательных историй и великолепно делал пародии. Среди его жертв оказались Батуринский и Авербах. Политиков он тоже не пропускал. Любимым персонажем был Брежнев, и Спасский даже осмеливался изображать (довольно узнаваемо) Ленина.

Итак, мнения его шахматных современников не предлагают какой-то одной картины чемпиона мира, сходясь лишь на том, что он был исключительным, независимым характером. Они помнят Спасского–художника, Спасского — авантюриста, Спасского — шутника, Спасского — актёра, Спасского — нигилиста, Спасского — свободного духом, Спасского — весельчака и Спасского — антисоветчика. Даже Спасского — юродивого.

Кем бы мы его ни назвали, создаётся впечатление, что власти не сопротивлялись решимости Спасского быть самостоятельным, максимально независимым от режима. Официальной реакцией на непослушного чемпиона было осуждение его точки зрения как неуместной и раздражающей, но всерьёз её не принимали.

Так было до тех пор, пока Фишер не бросил вызов советской гегемонии в шахматах. Тогда власти уже не смогли не замечать упрямого отказа Спасского от политического аспекта роли чемпиона мира, колеблясь между неприятием его отношения к политике и восхищением его бесспорным величием как шахматиста.

ГЛАВА 6

ЖИВЫЕ ШАХМАТЫ

Я не верю в психологию. Я верю в хорошие ходы.

Бобби Фишер

Нет ничего ненормального в том, что существуют ненормальные шахматисты. Это нормально.

Владимир Набоков

Как понять, что происходит в сознании шахматистов мирового уровня, когда они час за часом, партия за партией, неделя за неделей двигают фигуры по шестидесяти четырём клеткам шахматной доски? Изнуряющей битве в Рейкьявике предшествовали месяцы ментальной и физической подготовки. Каких ресурсов опыта и интеллекта, памяти и воображения, упорства и смелости требует матч?

В архивах Би-би-си хранится уникальная запись интервью Александра Алёхина, сделанного в 30-е годы. Алёхин готовится отстаивать свой титул в матче с д-ром Максом Эйве, единственным шахматистом-любителем, ставшим чемпионом мира (спустя почти четыре десятка лет, уже став президентом ФИДЕ, Эйве будет председательствовать на матче Фишер — Спасский). Отчётливым, прекрасно поставленным голосом интервьюер спрашивает, действительно ли Алёхин знает все шахматные комбинации? Высоким голосом с сильным акцентом Алёхин отвечает: «Поверьте мне, чтобы узнать о шахматах всё, не хватит и жизни».

Как и Фишер, Алёхин был одиночкой и фанатиком шахмат. Он жил и дышал одними шахматами, любил состязаться, постоянно искал возможности самосовершенствования, мог становиться жестоким в тех редких случаях, когда терпел поражение. Его знание дебютов было непревзойдённым. Во времена Алёхина дебютная подготовка элитного игрока простиралась до девятого или десятого хода, прежде чем игра начинала развиваться в нестандартном направлении. В начале 70-х теория достигла таких высот, что шахматистам зачастую были знакомы первые 15 ходов. Теперь с помощью компьютерных баз данных с их поразительными банками памяти шахматная элита может просеять виртуальную картотеку, состоящую из нескольких миллионов партий, обеспечив себе 25 и даже более ходов. Всё это время они будут знать каждую позицию после каждого хода, пользуясь информацией, почерпнутой из сыгранных партий, опубликованных анализов или собственных исследований. Однако в конце концов необъятные возможности уведут обоих игроков на неизвестную территорию. То, что обычная настольная игра порождает такую бесконечность вариаций, и есть подлинное чудо шахмат.

Писатели, пытающиеся передать всю их сложность, пользуются своей любимой математической картиной или сравнением, иллюстрирующим количество возможных ходов. В книге «Поля силы», посвящённой сражению Фишера со Спасским, Джордж Штайнер указывает, что существует 318 979 584 000 способов сделать первые четыре хода. Говорят, что в шахматах больше вариантов партий, чем атомов во Вселенной (примерно 1080) и секунд, которые прошли с тех пор, как Солнечная система начала своё существование (примерно 2×10^{17}). Утверждают, что имеется примерно 25×10^{116} способов ведения шахматной игры.

Это теоретическое количество ходов фигур, выполненных согласно правилам игры. Но в любой конкретной позиции серьёзный игрок может сразу же исключить большинство возможностей. Возьмём самый первый ход. Белые могут двигать любую из восьми пешек на одно или два поля, а также любого из коней к центру или от центра доски. Это двадцать возможных ходов. Но в действительности практически все серьёзные партии начинаются с хода на две клетки королевской, ферзевой или слоновой пешки (имеется в виду пешка ферзевого слона) либо с хода королевского коня к центру. Поэтому регулярно выбираются

лишь четыре из этих двадцати возможностей. Однако даже при этом вариации скоро выходят за пределы понимания. Предположим, что в типичном миттельшпиле для каждого игрока на каждый ход существует восемь вариантов развития борьбы. Всего через пять ходов белых и пять ходов чёрных будет уже $8 \times 8 \times 8 \times 8 \times 8 \times 8 \times 8 \times 8 \times 8 \times 8$ (или 810) вариантов, или 1 073 741 824; это более миллиарда траекторий, по которым может развиваться партия.

Как же игрок справляется со столь гигантскими размерами шахматного космоса? Дилетант может предположить, что ответ кроется в способности просчитывать ходы, и хороший шахматный игрок — это тот, кто просчитывает дальше других. Разумеется, в этом есть доля правды, хотя и небольшая. Глядеть на доску и угадывать возможности — такой путь уведет недалеко, поскольку на дереве почти безграничных размеров существует слишком много ветвей. Сегодняшние компьютеры способны просчитывать миллионы ходов в секунду и, тем не менее, все равно уступают человеческой проницательности ведущих гроссмейстеров.

Подлинное объяснение того, что делает шахматист, гораздо менее рационально. Оно ближе к тому, что мы считаем видением художника, и связано с интуицией. Шахматист, рассматривающий позицию на доске, видит не бездушный набор вырезанных из дерева или отлитых из пластмассы фигур, которые ждут, чтобы их двигали с клетки на клетку, но диагонали, ряды и потенциальные возможности — то, что Артур Кёстлер описал как «магнитное поле сил, заряженных энергией».

Как же гроссмейстеры понимают, что на каком-то этапе конь должен стоять на f5, а не на c4 или d5? Очевидно, они способны заранее предвидеть, что в неких позициях конь на f5 будет защищать важное поле, угрожать конкретной комбинацией ходов или поддерживать конкретный маневр. Поле f5 может оказаться временной остановкой на пути. Как бы то ни было, во всем этом присутствует как расчёт, так и интуиция. Гроссмейстеры «чувствуют», что f5 — правильное поле; оно удовлетворяет концепции данной партии, гармонируя с ее глубокой, неповторимой структурой. Немецкий гроссмейстер Михаэль Бецольд в 80-х годах несколько месяцев играл в шахматы с Фишером. «Он безо всяких вычислений чувствует, что некий ход будет правильным. И в процессе анализа мы видим, что так оно и есть». Кубинец Хосе Капабланка, чемпион мира с 1921 по 1927 год, полагался на свою знаменитую интуицию, но упрекал себя за это, словно подобный способ игры был достоин порицания или был менее выдающимся, нежели чистые вычисления.

Аналогия между шахматами и математикой или музыкой многое объясняет. Все эти занятия связаны с врождёнными талантами, наличием тех чудесным образом одарённых и не по годам развитых созданий, которые столь редко встречаются в мире живописи, поэзии, драмы, литературы, пения, балета или в других видах искусства, где начальное дарование требует постепенного роста, опыта и развития восприимчивости. Маловероятно, чтобы четырнадцатилетний подросток обладал достаточным диапазоном эмоций и опыта для написания «Войны и мира» или создания «Герники», однако он вполне способен сыграть скрипичный концерт Элгара, выдвинуть математическое доказательство или стать чемпионом США по шахматам. Гений в шахматах — это магическая смесь логики и искусства, врождённая способность узнавать рисунок позиции, инстинкт пространства, дар порядка и гармонии, смешанный с возможностью создавать неожиданные и доселе невиданные структуры. Макс Эйве говорил об Алёхине: «Он поэт, творящий произведение искусства из того, что вряд ли вдохновит другого даже послать домой почтовую открытку».

Сравнивая красоту шахмат и музыки, Гарольд Шонберг, главный музыкальный критик «New York Times», писал: «Если б шахматы были так же популярны, как музыка, если бы люди понимали их утонченность и видели все нюансы, то шедевры Стейница, Капабланки, Алёхина, Ботвинника и Фишера сравнились бы с шедеврами Баха, Моцарта, Бетховена и Брамса».

Творческое воображение необходимо как для великой шахматной партии, так и для великой музыки. Спасского сравнивали с Моцартом; подобно музыке Моцарта, его шахматы были блистательной, тончайшей комбинацией формы и фантазии. Он гордился тем, что его

называли «шахматным Пушкиным», пояснив одному югославскому журналисту: «Скорее всего, это из-за моего элегантного и гармоничного стиля». Музыканты часто бывают хорошими шахматистами, и наоборот, тогда как математики проявляют себя и в шахматах, и в музыке. В своих уравнениях математики находят ту же эстетическую красоту, которую шахматисты видят в своих комбинациях. Макс Эйве изучал математику, закон в векторной теории назван в честь немецкого чемпиона мира Эмануила Ласкера, а Марк Тайманов был виртуозным концертным пианистом.

Блеск игры Фишера в её чистоте и простоте; если бы его ходы были нотами, то их музыка не поразила бы аудиторию, не очаровала бы самого исполнителя остроумием или изощрённостью, не потрясла бы красотой — хотя в них, безусловно, была своя красота. Они вырастали из логики игры и глубокого, хотя и непостижимого, чувства гармонии, присущего Фишеру.

Фрагмент «Шахматной новеллы» Стефана Цвейга отражает уникальность шахмат и одновременно проводит параллели с музыкой и математикой.

Её простые правила может выучить любой ребёнок, в ней пробует силы каждый любитель, и в то же время в её неизменно тесных квадратах рождаются люди совсем особенные, ни с кем не сравнимые мастера — люди, одарённые исключительно способностями шахматистов. Это особые гении, которым полёт фантазии, настойчивость и мастерство точности свойственны не меньше, чем математикам, поэтам и композиторам, только в ином сочетании и с иной направленностью.

Одним из художников, превозносивших эстетические качества шахмат, был Марсель Дюшан, движущая сила дадаистов. Он обрел известность в 1917 году благодаря тому, что выставил писсуар под названием «Фонтан». Так он выразил своё презрение буржуазному искусству и был первопроходцем среди тех, кто возвел повседневные предметы в ранг объектов искусства. Однако уже в то время жизнью Дюшана владели шахматы, в конце концов разрушив его брак. В свой медовый месяц он анализировал шахматные задачи до тех пор, пока однажды вечером разгневанная жена не приклеила фигуры к доске. Позже он бросил искусство ради игры, выступая за Францию на шахматных олимпиадах, что дало ему возможность узнать не только мир художников, но и мир шахмат. «Благодаря своим близким контактам с художниками и шахматистами я пришёл к выводу, что хотя художники — не всегда шахматисты, все шахматисты — художники».

Творческий подход необходим, но он не является единственным условием для высоких достижений. Точно так же как профессиональный музыкант должен постоянно тренироваться, так и шахматный профессионал должен постоянно учиться. Он должен быть в курсе последних дебютных новинок. Должен исследовать партии своих коллег, наращивать в своем мозгу количество примеров, повышая уровень суждений и углубляя своё понимание различных типов позиций. Необходимо постоянно соревноваться, чтобы оставаться в боевой форме.

Помимо художественного видения необходимым качеством шахматиста является память, и все игроки мирового уровня демонстрируют уникальную способность запоминать партии. Абсолютная память Фишера потрясала даже коллег-профессионалов. Однако память шахматиста — особого рода. Во время Второй мировой войны голландский шахматный мастер и психолог Адриан де Грот совершил настоящий прорыв в понимании сознания шахматиста. Он провел серию экспериментов, в ходе которых показывал различные шахматные позиции множеству игроков, от экспертов до начинающих. Позиции были видны лишь несколько секунд, после чего испытуемые подходили к доске и должны были воспроизвести увиденное. Эта способность зависела от силы игры. Макс Эйве, принимавший участие в тестировании, все фигуры расставил абсолютно точно.

Де Грот показывал типичные шахматные позиции — те, что возникают в обычной игре. Позже психолог расширил эксперимент, проводя такие же тесты с фигурами, расставленными произвольно. Результаты оказались интригующими: в этом случае эксперты справлялись с заданием не лучше, чем начинающие! Эксперт узнавал только стандартные

узоры фигур. Так, после короткой рокировки¹¹ белые будут иметь несколько фигур на определённых полях (король на g1, ладья на f1 и пешки на f2, g2 и h2). Шахматисту практически не требуется времени, чтобы запомнить знакомое расположение фигур. Такие группы подобны фонемам в языке и являются базовыми игровыми блоками. Лучшие шахматные мастера могут мгновенно различать тысячи подобных групп.

Одни обладают талантом к изучению языков, а другие — способностью узнавать и запоминать схемы; это качество улучшается с накоплением опыта, быть может, даже физически расширяя соответствующую часть мозга. Было выяснено, что подобное происходит с водителями такси, которые для получения лицензии должны помнить расположение всех лондонских улиц.

Способность запоминать позиции ведет к поразительным публичным подвигам, таким, какой совершил гроссмейстер Мигель Найдорф. Найдорф родился в Польше в 1910 году, а в 1939-м, когда немецкие танки перешли польскую границу, находился в Буэнос-Айресе на шахматной олимпиаде. Он остался в Аргентине и во время войны дал сеанс игры вслепую на сорока досках. Вслепую — жаргон шахматистов; в реальности Найдорф сидел спиной к своим противникам, а ходы сообщались ему вслух. Он должен был запомнить позиции 1280 фигур (в начальном положении) на 2560 полях. Найдорф решился побить мировой рекорд в надежде, что его семья, с которой он потерял всякий контакт, прочтет о его подвиге в газетах. Гроссмейстер выиграл подавляющее большинство партий, но неизвестно, достигла ли эта новость дома.

Говоря о способностях, требующихся от шахматиста, о постоянном умственном напряжении от следующих одна за другой партий, не стоит удивляться, что, по словам Джорджа Штайнера, «эта сосредоточенность порождает патологические симптомы, нервный стресс и уход от реальности».

Однако к образу полубезумного шахматного чемпиона надо подходить осторожно. Для подавляющего большинства гроссмейстеров шахматное мастерство сочетается с нормальной социальной и эмоциональной жизнью. Образ жизни Спасского вполне понятен как для шахматистов, так и для всех остальных: семья, увлечения и страсти, дружба и вражда. Однако существуют великие игроки, чьё поведение может расцениваться как эксцентричное, граничащее с нелепым, и на это невозможно не обратить внимания. Некоторые чемпионы жили на грани между гениальностью и безумием, а несколько из них её перешли.

До Фишера Соединённые Штаты породили лишь одного игрока, способного стать лучшим в мире, — Пола Морфи, родившегося веком раньше в богатой новоорлеанской семье. Он был любимым игроком Фишера, который заявил: «По точности игры Морфи превосходил всех когда-либо живших шахматистов». Юношей Морфи победил всех самых сильных шахматистов США и в 1858 году отправился в Европу в поисках новых соперников. В Европе он также побил всех, кто решил с ним сразиться. Как и в случае Фишера, который часто сравнивал себя с ним, игра Морфи поражала воображение нации и вызывала оживлённые обсуждения в прессе. Его имя использовалось для продажи различных товаров, например сигар и шляп. Хотя он мало что делал помимо шахмат, Морфи были противны любые намёки на его профессиональное занятие игрой: он полагал, что более почётно жить на наследство, доставшееся от родителей. Кроме этого, он питал отвращение к шахматной «тусовке». Ему не было и тридцати, когда он впал в состоянии паранойи и депрессии, превратившись в отшельника. Иногда его видели бродящим по улицам Нового Орлеана, бормочущим что-то на французском. В возрасте сорока семи лет он был обнаружен мёртвым

¹¹ Рокировка: маневр, когда король идёт на два поля по последней горизонтали к ладье, которая в свою очередь прыгает через него на соседний квадрат. Каждая сторона может сделать рокировку лишь один раз в партии, и это единственный ход, когда две фигуры можно двигать одновременно. Для него необходимы следующие условия: между ладьей и королем нет фигур; ни ладья, ни король прежде не делали ходов; король не может перейти через поле, находящееся под ударом фигуры противника.

в ванне, в окружении женских туфель.

Первый официальный чемпион мира, уроженец Праги Вильгельм Штейниц, который умудрялся жить на доходы с шахматных турниров, в конце жизни пришёл к убеждению, что может победить Бога, даже если Господь будет ходить первым. Акиба Рубинштейн, поляк, один из выдающихся игроков начала двадцатого века, был уверен, что другие шахматисты хотят его отравить; он жил в доме для умалишённых, где по вечерам передвигал фигуры на карманных шахматах. В том же десятилетии мексиканский мастер Карлос Торре снял с себя всю одежду во время поездки в нью-йоркском автобусе; его нервный срыв, возможно, имел отношение к разладу с девушкой. С того момента рассудок к нему так и не вернулся. Несут ли за это ответственность шахматы? Международный мастер Билл Хартстон, психолог, говорит: «Шахматы не сводят людей с ума — шахматы позволяют безумцам оставаться в здравом уме». Ясно, что Морфи и несколько других игроков являются исключениями, но как насчёт Фишера? Его дальнейшая жизнь дает ответ на этот вопрос.

Шахматная ментальность — богатое пастбище, на котором могут кормиться многие психоаналитики. Особенно фрейдисты любят рассуждать о том, какие бессознательные механизмы владеют средним шахматным игроком. Эрнест Джонс, ученик и биограф Фрейда, написал в 1930 году статью под названием «Проблема Пола Морфи». Он сосредоточился на относительной беспомощности центральной фигуры, короля, придя к удивительному умозаключению: шахматы «в одно и то же время указывают как на гомосексуальность, так и на антагонистический аспект отношений отца и сына». Гроссмейстер Ройбен Файн, психоаналитик и автор книги о матче Фишер — Спасский, также интересовался фигурой короля и сексуальным подтекстом шахматной игры. Игнорируя игроков-женщин, он утверждал, что король пробуждает в мужчинах страх кастрации, поскольку «выступает в роли пениса мальчика в фаллической стадии, как образ «я» самого мужчины и отец, сведённый до размеров мальчика». Файн заключает: «Шахматы — битва между двумя мужчинами, в которой заметно мощное присутствие эго. В некотором смысле это касается конфликтов, связанных с агрессией, гомосексуальностью, мастурбацией и нарциссизмом».

Безжалостный большевик: в 1961 году Михаил Ботвинник (слева) в третий раз завоёвывает титул чемпиона, на этот раз обыграв Михаила Таля.

Файн использовал свои психоаналитические инструменты и для анализа самого Фишера. Он видит особую важность в утверждении Фишера, что он хотел бы «провести остаток жизни в доме, построенном в форме ладьи». Согласно Файну, невозможно не заметить либидозные подтексты, выраженные в этом желании. Психоаналитический взгляд дает «типичное двойное символическое значение: в первую очередь это пенис, которому он, по-видимому, находит мало применения в реальной жизни; во вторую — замок, где он, как древние короли, может жить, погруженный в грандиозные фантазии, отгородившись от окружающего мира».

Фрейдистская точка зрения в сущности недоказуема, а потому, с точки зрения большинства философов, ненаучна; разумеется, в столь экстравагантной форме её сложно принять всерьёз. Наблюдение за великими игроками свидетельствует, что они разнятся так

же, как и все остальные люди: среди них есть пьяницы и бабники, счастливо женатые и одиночки, с деловой хваткой и не от мира сего, верующие и атеисты, демократы и консерваторы, великодушные и подлые. Но, помимо своего интеллектуального блеска, в кульминационные моменты борьбы они обладают одним общим качеством: необычайной твёрдостью характера.

Ни в каком другом профессиональном спорте игроку не требуется столько психологической жёсткости, как в шахматах. Обычно нервное напряжение растворяется в физических действиях; в шахматах же существует огромное количество времени, предназначенного только для размышлений. Большинство партий профессионалов длится часами. Матч против одного противника может продолжаться несколько недель. Иной раз целый час проходит в ожидании, пока партнёр сделает ход, а в голове — неизбежный вопрос: нашёл ли он слабое место?

Если шахматист поддастся панике, сомнениям или пораженческим настроениям, под их воздействием он может потерять остроту мысли, начав играть чересчур осторожно или, напротив, слишком азартно. Вдохновение становится невозможным. Британский журналист и поклонник шахмат Доминик Лоусон описывает это так:

Уверенность важна во всех видах спорта. В шахматной игре, которая, в отличие от остальных, целиком проходит в уме, где нет натренированных рук и ног чтобы взять верх, — если сознание оказывается в кризисе, то уверенность рушится, и это смертельно. Противник чувствует ментальное кровотечение столь же ясно, как боксёр видит кровь, струящуюся по лицу соперника.

Как и во всех профессиях, в шахматах существуют различные механизмы управления стрессом. Возможно, Фишер трансформировал стресс в гнев. Некоторые игроки (известен этим Михаил Ботвинник) обладали талантом ссориться с противником; такое состояние улучшало их игру, обостряло ощущение соперничества и освобождало агрессию. Корчной также принадлежит к этому типу игроков — он способен разжечь в сопернике антипатию за одну-единственную партию.

Хотя Спасский по натуре был очень состязателен, он принадлежал к гораздо более редкой породе. Подобно Смыслову и Талю, он хотел подружиться с противником, создать благоприятную атмосферу для творческой магии. Для него шахматы были искусством, а не интеллектуальной борьбой сумо. И так же как Тайманов, этот художник нуждался в зрительском стимуле.

Конечно, Спасский научился контролировать свои эмоции и подавлять любое проявление чувств, хотя в ранние годы он после турниров часто болел, сваливаясь с воспалением миндалин и высокой температурой. Позже, когда немецкий гроссмейстер и психолог Хельмут Пфлегер на турнире в Мюнхене измерил уровень стресса (кровенное давление и т.д.) у гроссмейстеров, то обнаружил, что Спасский оказался самым спокойным. Спокойствие было очень ценным качеством: любой чемпион подвергался испытанию на психологическую прочность манерой игры Фишера, пробивавшегося к финальному матчу на первенство мира.

ГЛАВА 7 В РЕЙКЬЯВИК НАПРОЛОМ

Что касается борьбы за звание чемпиона мира, то Фишеру угрожает опасность превратиться в йети шахматного мира. Для организаторов подобных состязаний он должен казаться таким же неуловимым и пугливым, как и ужасный снежный человек.

Гарри Голомбек, «The Times», октябрь 1970

В цикле мирового чемпионата, состоявшем из зонального, межзонального и претендентского этапов, Соединённые Штаты, как и СССР, считались отдельной зоной. Американский чемпионат являлся зональным турниром США, и, согласно правилам, в следующий этап выходили три его победителя. Однако несколько лет подряд Фишер бойкотировал чемпионаты США. Его недовольство было вызвано слишком короткой дистанцией — всего лишь одиннадцать раундов, поэтому игрок, потерявший форму на один-два дня, мог легко выбыть из дальнейшей борьбы. Организаторы были категоричны — они не могут позволить себе более длительного турнира, так что в 1969 году Фишера снова в нем не было. В межзональный этап вышли трое: Уильям Аддисон, Сэмюэль Решевский и Пал Бенко.

В то время Фишер уже восемнадцать месяцев не выступал в соревнованиях, и многие считали, что он не вернется. Но тут, ко всеобщему удивлению, он согласился принять участие в матче «Советский Союз против остального мира», проходившем в 1970 году в Белграде. К ещё большему изумлению, когда датский гроссмейстер Бент Ларсен потребовал себе первую доску, справедливо указав на то, что за два последних года он достиг лучших турнирных результатов, Фишер уступил и согласился играть на второй. Это означало, что он, Фишер, будет играть с Петросьяном, а не со Спасским.

Однако, несмотря на добровольную уступку, Фишер был разозлён. Зная, как он умеет срывать свою злость на организаторах, пресса следила за каждым его шагом. Советский гроссмейстер Марк Тайманов говорит, что репортажи белградского радио были похожи на военные сводки: «Фишер покидает комнату», «Фишер заказал обед в ресторане». Однако настроение американца вскоре улучшилось; невзирая на недостаток практики, он победил Петросьяна в первых двух раундах и сыграл вничью в двух последних. Между тем Спасский и Ларсен выиграли по одной партии (победа Спасского стала знаменитой: он одержал ее в 17 ходов, и это одна из самых быстрых побед в его карьере). Советский Союз выиграл матч с разницей всего в одно-единственное очко.

В сентябре 1970 года Фишер и Спасский встретились на шахматной олимпиаде в западногерманском городе Зигене. Для обоих игроков это оказалось серьезнейшим испытанием. Перед схваткой Спасский напряжённо курил сигарету за сигаретой. Посмотреть на партию в зале собрались сотни людей, хотя Фишер лично проверил, чтобы стол отодвинули на несколько метров от зрителей.

Те, кому посчастливилось разглядеть происходящее на доске, не были разочарованы: партия оказалась поистине изумительной. Фишер играл чёрными, но быстро достиг равенства в одном из своих любимых дебютов, защите Грюнфельда, и, как обычно в этом дебюте, нацелился на центр белых. Американец установил коня на безопасное поле с4, где тот был защищён и доминировал над окружающими полями доски. Однако Фишер недооценил атаку Спасского на другом фланге силами ладьи, коня и ферзя. Победная комбинация была на редкость элегантной: неожиданная жертва ладьи, за которой последовало взятие ферзя Фишера. Шахматный корреспондент «Times» похвалил Спасского за «игру в стиле подлинного чемпиона мира».

Когда после пяти часов игры и 39 ходов Спасский победил, советский посол в Западной Германии Семён Царапкин на радостях его расцеловал. Спасскому повезло: по словам тогдашнего западногерманского канцлера Вилли Брандта, Царапкина прозвали «клешнями». «Мощные челюсти посла лязгали с силой, говорящей о намерении стереть слова в порошок». Царапкину подарили шахматную доску, подписанную всеми гроссмейстерами, принимавшими участие в матче, за исключением одного — Фишера.

Позднее Спасский сказал в интервью, что перед партией с Фишером ему удалось вызвать в себе «тот особый подъем, без которого немыслимы высокие достижения. Возможно, этому невольно способствовал сам Фишер. Мне всегда приятно с ним играть». Он отметил, что считает Фишера своим наиболее вероятным преемником и относится к нему с уважением, как к человеку, страстно любящему шахматы, для которого шахматы — это всё.

Выразив симпатию Фишеру, он назвал его «очень одиноким. В этом одна из его трагедий...».

Итак, Фишер вернулся, и за этим последовала серия впечатляющих турнирных результатов; казалось, с каждой партией он становится всё сильнее. Когда Фишер вновь достиг своей лучшей формы, с точки зрения простого шахматного любителя казалось настоящей катастрофой, что деструктивный американец сам лишил себя возможности участвовать в цикле чемпионата мира. Однако на помощь пришёл ангел-хранитель Фишера — Эд Эдмондсон.

Полковник Эдмондсон выглядел типичным американцем: квадратные челюсти, прямая осанка, крепкое телосложение. Он появился в шахматном мире на закате своей карьеры в американских военно-воздушных силах, будучи редактором журнала «Navigator». Шахматная федерация США пребывала в хаосе, когда в 1967 году Эдмондсон стал её исполнительным директором. Руководимая из захудалого нью-йоркского офиса в Гринвич-Виллидже, федерация была малочисленной и практически не имела денег. Он встряхнул это сонное царство, начав выискивать средства, создавая новую членскую базу и сменив штаб-квартиру.

Годами энергичный директор Шахматной федерации США действовал как бесплатный агент Фишера, стоя между шахматистом и потенциальными последствиями его эксцентричного поведения. Теперь полковник и Пал Бенко вынашивали план. Правила и раньше приспосабливались к требованиям Фишера — пришло время сделать это снова. Если ФИДЕ и другие участники зонального чемпионата США согласятся, Бенко передаст своё место в межзональном турнире Фишеру. Некоторые репортёры считали, что идея принадлежит Эдмондсону; Бенко говорит, что на самом деле инициатива исходила от него: он был уверен, что только Фишер имеет реальные шансы на титул. Возможность уступки своего места одним из трёх американских участников межзонального турнира обсуждалась в шахматном мире ещё с олимпиады в Зигене. Так или иначе, Эдмондсон убедил ФИДЕ принять такую сделку. От Шахматной федерации США Бенко получил вознаграждение в размере двух тысяч долларов. Место Фишера в чемпионате мира было куплено, и куплено дёшево, учитывая возможные прибыли.

Радость Фишера была умеренной; как обычно, в последний момент он выразил недовольство предложенными суммами. Его угроза не выступать в межзональном турнире заставила полковника Эдмондсона обратиться к Фишеру с умоляющим письмом:

Больше всего на свете я хочу помочь тебе стать чемпионом мира — но я смогу сделать это, только если мы будем плотно сотрудничать и доверять друг другу. Я настоятельно прошу тебя участвовать в межзональном и верить, что на каждом этапе твоего восхождения к вершине я буду отстаивать для тебя самые лучшие игровые и финансовые условия.

Я надеюсь, что ты согласишься с этим, и прошу ещё раз всё подтвердить.

Гонорары:

Межзональный турнир — \$4000

Матч претендентов, четвертьфинал — \$3000

Матч претендентов, полуфинал — \$3000

Матч претендентов, финал — \$4000

Матч на первенство мира — \$5000

Общая сумма гонораров — \$19 000

Гонорары, указанные Эдмондсоном, были добавкой к призовым деньгам. Обеспечивались и издержки: «Я гарантирую, что сумма на карманные расходы будет в два раза выше, чем полагается остальным участникам». Помимо прочего, он обещал, что Фишера разместят в самых роскошных отелях и что условия на каждом этапе чемпионата мира будут соответствовать его высоким требованиям. Просьба сработала, и Фишер отправился на межзональный турнир в город-крепость Пальма-де-Мальорка, что на Балеарских островах.

Так Фишер начал самый поразительный год в истории шахмат. Когда уровень происходящего чуда стал понятен даже обывателям, со стороны прессы и общественности поднялась волна интереса, следуя за ним до самого Рейкьявика.

Межзональный турнир проходил в ноябре-декабре 1970 года в концертном зале «Сала Моцарт», окна которого выходили на залив, собор и старый форт. Турнир насчитывал двадцать четыре участника. Многие из них были знаменитостями в шахматном мире, в том числе Ефим Геллер, Василий Смыслов, Марк Тайманов, Лев Полугаевский (СССР), Лайош Портиш (Венгрия), Бент Ларсен (Дания), Вольфганг Ульман (Восточная Германия), Светозар Глигорич (Югославия), Властимил Горт (Чехословакия), Энрике Мекинг (Бразилия) и Роберт Хюбнер (Западная Германия). Но именно Фишер привлекал внимание зрителей. Собравшись на тёмно-жёлтом паркете, они вытягивались, чтобы рассмотреть доску.

Лучшие шесть игроков выходили в следующий этап, где к ним присоединялись экс-чемпион мира Тигран Петросян и Виктор Корчной, финалист матчей претендентов 1968 года, проигравший Спасскому. Фишер начал хорошо, но потом сбавил обороты, проиграв Бенту Ларсену. Во второй половине турнира он неожиданно усилил игру и на одном дыхании прошёл последние семь туров без единого поражения, взяв первое место с огромным отрывом в три с половиной очка! Гроссмейстер Ульман, также вышедший в претенденты, говорил: «Просто невероятно, с каким превосходством он играл в межзональном турнире. В его партиях была энергия, а другие гроссмейстеры, судя по всему, заработали себе комплекс неполноценности».

Пока советские участники отдыхали и играли между турами в бридж, Фишер едва показывался из своей комнаты в шикарном отеле «Демар». Список условий, которые он выдвинул для своего участия в турнире, был, как всегда, длинным и включал, помимо прочего, флуоресцентное освещение без бликов и расписание туров, учитывавшее его религиозные практики, — он строго придерживался суббот. На свою партию с американцем Ларсен должен был встать ни свет ни заря. «Многие решили, что Фишер в последний раз пользуется такими поблажками, — заявил он. — Он получает всё, что только хочет. Но есть же пределы!».

Восемь игроков вышли в матчи претендентов, чтобы сразиться за право встретиться за доской со Спасским: Тайманов, Корчной, Геллер, Петросян, Ларсен, Ульман, блестящий, нервный Хюбнер — и Фишер. В четвертьфинале, проходившем в Британском Колумбийском университете Ванкувера, ему предстояла встреча с Таймановым.

До этого матча Марк Тайманов жил завидной двойной жизнью: он был не только шахматистом, но и профессиональным классическим пианистом. Он выступал в дуэте со своей женой Любовью Брук, и их совместная работа удостоилась места в коллекции записей «Великие пианисты двадцатого века». Позже на концертной сцене к ним присоединится сын Игорь. Иногда Тайманов занимался журналистикой и во многих отношениях был образцовым советским гражданином.

Ветеран шахматных сражений, сорокачетырёхлетний Тайманов уже сражался с Фишером на нескольких турнирах. Как и многие другие, он был потрясён преданностью Фишера своей единственной страсти. Он клялся, что «никогда не видел его без шахмат». Признавая очевидный дар американца, Тайманов был одним из немногих, скептически относившихся к возможности того, что Фишер прорвется на самый верх. Несмотря на всю зрелость американца за доской, Тайманов полагал, что Фишер — подросток имел слабину: он был «слишком глубоко убеждён в своей "гениальности"». Самоуверенность, граничащая с потерей объективности в оценке своих возможностей, — плохой союзник в трудном состязании».

Если чрезмерная уверенность и была недостатком, то Фишер не собирался его исправлять. В матче с Таймановым он видел себя фаворитом. И он был не одинок — некоммунистическая пресса думала так же. Только Тайманов настаивал, что может выиграть, считая Фишера простым компьютером. Однако даже официальный орган ЦК КПСС, газета

«Правда», была настроена пессимистично, не решившись напечатать столь самоуверенный прогноз.

Тайманов много готовился, ему помогал бывший чемпион мира Михаил Ботвинник, передавший Тайманову свой огромный архив по Фишеру. Архив был собран годом раньше, в 1970-м, когда велись переговоры о матче между Ботвинником и Фишером; местом его проведения предполагался голландский город Лейден. Планы рухнули из-за настойчивого требования Фишера, что победитель должен выиграть шесть партий, при этом ничьи не в счёт. Для организаторов это означало большие финансовые потери, поскольку теоретически подобный матч мог длиться вечно. Такой риск они брать на себя не хотели.

Анализ Ботвинником игры Фишера полон потрясающих, детальных прозрений. Скрупулёзно исследовав все опубликованные партии Фишера, он утверждал, что заметил определённые темы и структуры, которые Фишер сознательно или бессознательно создает на доске. Он вывел несколько умозаключений: к примеру, Фишер имел склонность к длинным ходам ферзем, а в эндшпиле предпочитал коня слону. Также в эндшпиле, по наблюдениям Ботвинника, американец любил предпринимать длинные рейды королем. Тайманов был благодарен, но: «Жаль только, что не в коня оказался корм...».

В дополнение к этому досье за Таймановым стояла такая совершенная организация, как советская шахматная машина. Ему помогали три гроссмейстера: руководитель команды Александр Котов, одарённый, но молодой и относительно неопытный Юрий Балашов и Евгений Васюков, старый партнёр по тренировкам. С точки зрения Тайманова, команда не идеальная: «Я хотел, чтобы рядом был Таль. Он мой друг, и в случае проигрыша Миша поддержал бы меня». Но Ботвинник считал Таля чересчур богемным, а любовь к выпивке могла лишить его способности к многочасовому трезвому анализу, требующемуся от секунданта. Пуританские чиновники Центрального Комитета не одобряли и три развода Таля.

По контрасту, Фишеру никто не помогал. Он надеялся, что его секундантом станет гроссмейстер Ларри Эванс, но Эванс отказался из-за двух требований, которые предъявил Фишер: он должен воздерживаться от журналистики и оставить дома жену. Однако рядом всегда находился полковник Эдмондсон, помогая и с разрешением любых конфликтов, и с подготовкой.

Матч начался на несколько дней позже намеченного срока, на этот раз из-за возражений соперника Фишера. Раздражение Тайманова вызвало решение организаторов установить доску в тесной задней комнате университетской библиотеки, чтобы предупредить истерику американца по поводу близости зрителей. Тайманов, привыкший к концертам перед большой, понимающей аудиторией, заявил, что комната слишком душная. В результате переговоров они сошлись на студенческом кинотеатре, рассчитанном на 200 мест. Матч состоял из десяти партий, для победы надо было набрать пять с половиной очков.

Одержав победу на старте, Фишер затем, после грубой ошибки Тайманова, выиграл грандиозную вторую партию в 89 ходов, а следом и третью. После перерыва, вызванного возникшими у Тайманова проблемами со здоровьем (у него поднялось давление), Фишер выиграл четвертую партию, а затем пятую, в которой Тайманов снова грубо ошибся. В шестой американец снова победил. Далёким от шахмат людям трудно оценить значение такой победы всухую. Типичным результатом матча двух выдающихся игроков может быть, скажем, шесть побед к четырём, при девяти ничьих. Фишер же выиграл у гроссмейстера мирового класса шесть партий, ни разу не проиграв и без единой ничьей. Английский шахматист П.Г. Кларк писал: «Это достижение Фишера, возможно, лучшее из всех личных единоборств, по крайней мере в терминах статистики».

Проигрыш матча перевернул всю жизнь Тайманова. Этот представитель советского шахматного истеблишмента пострадал от гнева системы, почувствовавшей себя преданной, униженной и даже напуганной глубиной катастрофы. Вспоминая об этом эпизоде в книге «Я был жертвой Фишера», Тайманов рассказывает о своей «гражданской казни»: «Если накануне матча я пользовался официальной и общественной репутацией "образцово-

показательного гражданина"... то после поражения от Фишера я внезапно попал под огонь безжалостно уничтожающей критики властей всех уровней».

Его «гражданская казнь» началась 5 июня 1970 года на таможне московского аэропорта Шереметьево по возвращении из Ванкувера. Он делал это уже десятки раз и без всяких инцидентов. Теперь же его тщательно обыскал старший таможенный чиновник, названный в отчёте «товарищем Дмитриевым». Багаж Тайманова запаздывал, но в его ручной клади таможенники нашли экземпляр книги Александра Солженицына «В круге первом». Вдобавок они обнаружили большое количество американской валюты — приз Тайманова плюс неизрасходованные средства на поездку. Тайманов сказал товарищу Дмитриеву, что в его портфеле находится конверт с 1100 голландскими гульденами, которые он не задекларировал. Макс Эйве просил Тайманова отдать это письмо гроссмейстеру Сало Флору — деньги были гонораром за статьи, которые Флор публиковал в голландской периодике. «Поскольку меня просил об этом президент ФИДЕ, человек, уважаемый в нашей стране, — объяснял Тайманов, — я решил, что будет невежливо ему отказать». Для подозрительного человека всё выглядело так, словно таможенники заранее знали, на что наткнутся.

Тайманов оказался на суде Спорткомитета за два таможенных нарушения — контрабанда валюты и провоз книги, о которой министр Сергей Павлов с яростью сказал, что её и в руки-то взять противно. «Они сидели с такими лицами, — пишет Тайманов, — будто я ограбил канадский банк, а миллионы долларов привез в Советский Союз».

Ввоз Таймановым зарубежного издания романа Солженицына был потенциально серьёзным обвинением. В 1969 году автора исключили из Союза писателей за «поведение, антиобщественное по сути и в корне расходящееся с принципами и задачами, сформулированными в уставе Союза писателей», после чего Солженицын уже не мог публиковаться в Советском Союзе: его последняя работа была издана в 1966 году. Он противился изданию своих книг за рубежом, но все равно обвинялся в том, что его книги «используются западными реакционными кругами в антисоветских целях».

В своей объяснительной записке Тайманов неуверенно доказывал, что книга Солженицына являлась для него необходимым чтением, поскольку-де западные журналисты всегда задавали вопросы о самом известном писателе СССР. Он не читал Солженицына прежде и «думал, что было бы целесообразно ознакомиться по крайней мере с одним из его произведений. Разумеется, я собирался избавиться от книги... но забыл это сделать». Он продолжал: «Я признаю, что с моей стороны это серьёзный проступок, который может быть объясним лишь состоянием шока после матча».

Он, как и все остальные, понимал: реальным обвинением было то, что в своей секретной записке в ЦК КПСС от 21 июня Павлов назвал «беспрецедентным поражением советского гроссмейстера». В сознании чиновников советский шахматист, проигравший со счётом 6:0 представителю американского империализма, совершил акт намеренного идеологического саботажа. Тайманов объяснял столь жёсткое отношение к себе так: «Я был первым. И они думали, что за этим лежит что-нибудь политическое».

Сегодня радиожурналист и шахматный обозреватель Наум Дымарский считает, что «преступление» Тайманова состояло в хранении запрещённой литературы, добавляя: «Но если бы Тайманов выиграл, таможня не обратила бы на книгу внимания». Тайманов вспоминает, как в Шереметьево начальник таможни сказал ему с сочувствием: «Что же вы, Марк Евгеньевич, так неосторожно. Сыграли бы с Фишером получше, я бы сам хоть полное собрание сочинений Солженицына донёс вам до такси...» Несмотря на суровые испытания, Тайманов сохранил чувство юмора, оценив шутку «своего друга, виолончелиста Мстислава Ростроповича: «Вы слышали, какие неприятности у Солженицына? У него нашли книгу Тайманова "Защита Нимцовича"».

Но Тайманов был не единственным козлом отпущения. Глава делегации Александр Котов также подвергся остракизму за провал в управлении. Котов подтвердил, что Тайманов играл как сломанная машина. Кроме этого, Котова обвинили в неуважении к товарищу Дмитриеву. Он отрицал это, утверждая: «Мы беседовали очень вежливо». В объяснительной

записке Павлову и Спорткомитету Котов писал, что на самом деле поблагодарил Дмитриева за то, что тот преподавал им полезный урок. Страх очевиден, как и унижение.

Последствия для Тайманова оказались печальными, и он считал, что чемпиону мира следует внять такому предупреждению. Его вывели из советской сборной и на два года закрыли выезд из страны. Ему запретили печатать статьи, урезали стипендию и даже лишили звания «Заслуженный мастер спорта СССР» (оно было возвращено ему только на закате существования Советского Союза). Павлов хотел даже лишить его звания международного гроссмейстера, но ему объяснили, что это не входит в компетенцию правительства. В довершение всего власти запретили ему выступать с концертами. Из элитного члена советского общества, живущего вполне комфортной жизнью, Тайманов превратился в опозоренную фигуру, оказавшись перед лицом финансового краха. Даже его брак подвергся испытаниям. Позже он писал, что «непредсказуемая судьба пошатнула единство семьи».

Лишь немногие друзья и коллеги Тайманова обладали смелостью публично выступить в его защиту, хотя некоторые выражали сочувствие лично. Было единственное исключение — Борис Спасский. Во время заседания Шахматной федерации СССР, на котором обсуждались результаты матча, чемпион задал риторический вопрос: «Когда мы все проиграем Фишеру, нас тоже будут разбирать?» Он выказал и некоторое непочтение. Когда Виктор Батуринский заметил, что вместо трёх гроссмейстеров «может быть, полезнее было послать врача», Спасский мигомотреагировал: «Сексолога». «Я вижу, Борис Васильевич в весёлом настроении», — раздражённо бросил Батуринский. Тайманов был благодарен Спасскому за публичную поддержку. «Все меня критиковали, а Спасский — один из немногих защитников — сказал в интервью: "Каким бы ни был результат, матч оказался очень интересным". Как это осмелились напечатать, я не представляю».

Следующим соперником Фишера был Бент Ларсен. Фишер вновь был фаворитом, но Спасский предсказывал сложную борьбу: «Ларсен немного сильнее духом». Датчанин был вторым западным игроком, угрожавшим в тот период советской шахматной гегемонии. Он дважды победил Фишера в турнирах. После рассмотрения заявок на место проведения матча игроки отправились в американский город Денвер.

Ларсен считает, что его согласие на Денвер было роковой ошибкой. Привыкший к мягкому летнему бризу северной Европы, он попал в изматывающую жару Колорадо. «Я не мог играть. Просто не мог. Было невозможно спать. Стояла такая жара, что людям, работавшим в офисах, разрешали оставаться дома».

Первая партия состоялась 6 июля в игровом зале женского колледжа «Темпл Бьюэлл». Фишер победил. Он выиграл вторую партию, затем третью и четвертую. После этого Ларсен пожаловался на усталость и недомогание, и врачи настояли на перерыве. Затем Фишер выиграл ещё дважды.

Американец блестяще провел последние семь партий межзонального турнира. После «сухой» победы над Таймановым, а теперь с тем же счётом 6:0 и над Ларсеном он достиг девятнадцати рядовых побед над выдающимися противниками — подвиг, равного которому ещё не было! Это как если бы теннисист не проиграл ни одного гейма за весь Уимблдонский турнир.

Хотя отчёты о шахматных событиях пока что пребывали на последних страницах газет, общественный интерес к Фишеру набирал обороты. Президент Никсон послал ему письмо:

Я присоединяю свои поздравления к тем многим, которые вы уже получили. Ваши девятнадцать побед подряд в соревнованиях мирового уровня являются беспрецедентными, и у вас есть все основания гордиться своим великолепным достижением. Готовясь к встрече с победителем матча Петросян — Корчной, можете быть уверены, что соотечественники всем сердцем поддерживают вас. Удачи!

Победителем дуэли Петросян — Корчной был сорокадвухлетний экс-чемпион мира Тигран Петросян. Результат его матча с Фишером определял соперника Бориса Спасского. Крестовый поход Фишера остановить было невозможно.

Петросян и Фишер встречались до этого восемнадцать раз, каждый одержал по три

победы при двенадцати ничьих. Петросян был известен как «маэстро ничьих». Он обладал уникальной техникой, которая, несмотря на высокую эффективность, не завоевала любви миллионов шахматных поклонников. Он избегал проблем, при любой возможности уходя в защиту. Он убаюкивал противников ложным ощущением безопасности, часто завлекая их в ловушки. А потом стирал в порошок безжалостной, убийственной точностью стратегии, используя тончайшие позиционные преимущества (кажущийся неуместным ход ладейной пешки может удивить наблюдателей; восемь ходов спустя она оказывается на лучшей из возможных позиций).

С предложением принять у себя матч выступили Афины, Белград и Буэнос-Айрес. Петросян хотел играть в Греции, Фишер — в Аргентине, сразу по двум причинам: там предложили больше денег и там отличные бифштексы. Бросили жребий — победил Буэнос-Айрес.

Ажиотаж, связанный с Фишером, ещё не охватил всей планеты, но в Аргентине уже был очевиден. Буэнос-Айрес являлся шахматным городом, в нем было более 60 клубов. Организаторы предложили победителю 7500 долларов, а проигравшему — 4500. Матч проходил в театре «Сен-Мартин», центре столичной культурной жизни. Он располагался на подобию Бродвея — Авениде Корриентес. Шахматы превращались в «развлечение».

Билеты поступали в продажу в девять утра, но к этому времени уже несколько тысяч людей стояли в очереди (партии начинались в пять вечера). Зал был рассчитан на 1500 человек — впечатляющее количество для спорта, который не считался зрелищным.

Повсюду Фишера окружали толпы восторженных поклонников, от девочек — тинейджеров до пожилых пенсионеров. У аргентинцев были иные представления о личном пространстве, нежели у склонного к уединению американца: они стремились пожать ему руку, ухватить за рукав или похлопать по спине. Фишер в ужасе отворачивался. Для него стало привычным проскальзывать через задние двери, прятаться и пытаться перегнать поклонников своими широкими шагами. Буэнос-Айрес предвещал грядущий ажиотаж Рейкьявика; местная и международная пресса начинала выискивать информацию, не касающуюся шахмат, например о любимых закусках Фишера (сэндвич с жареными почками).

Церемония открытия состоялась 29 сентября. Фишер, как всегда, опоздал. Его соперника спросили: «Не считаете ли вы, что опоздание Фишера — это борьба нервов?» Петросян так не считал: «Нет, это вопрос воспитания».

В одном письме Фишер написал — неясно, было ли оно отправлено, — что действительно нервничал перед началом матча, но успокоился, увидев, каким испуганным выглядит армянин. По словам Фишера, у Петросяна был повод бояться: «Для него это был момент истины. Когда Петросян был чемпионом мира, для русских он был инструментом для очернения моего имени, клеветы на мой характер и умение играть, принижения моих результатов, вообще высмеивания и вранья в мой адрес». Однако подобное обвинение было несправедливым. Петросян являлся редактором московского шахматного еженедельника «64», где действительно критиковали Фишера, но он всегда уважал талант американца.

По-видимому, даже присутствие Петросяна было для американца невыносимо. Оба игрока остановились в одном и том же отеле-небоскрёбе, Фишер на тринадцатом этаже, Петросян — на десятом. Однако вскоре Фишер переехал, объяснив главному арбитру, немецкому гроссмейстеру Лотару Шмиду, что, когда он встречается Петросяна в лифте, лицо бывшего чемпиона столь печально, что на него невозможно смотреть.

Фишер составил список условий, связанных с освещением, столом, стульями и часами, ни одно из которых не беспокоило организаторов матча. Он потребовал, чтобы первые три ряда в зрительном зале были пусты. Рона Петросян, маленькая, полная женщина, на каждую партию готовившая мужу термос с кофе, получила место в четвёртом ряду.

Хотя организаторы сделали всё для удовлетворения запросов Фишера, они не могли предусмотреть случай с газом, выпущенным из баллончика в задней части зала (запах не достиг сцены), и поломку тщательно настроенного осветительного оборудования. Фишер

постоянно жаловался арбитру на то, что, сделав свой ход, Петросян уходит прочь.

Относительное спокойствие было связано с присутствием полковника Эдмондсона и руководителя команды Петросяна Виктора Батурина. Кроме того, оба игрока доверяли главному арбитру. Лотар Шмид, вызванный с берлинского турнира, был единственным арбитром, приемлемым для обеих сторон. Он один из немногих иностранцев, заслуживших улыбку Батурина, у которого был образ типичного негибкого сталиниста. Шмид знал, что в обычае русских целоваться при встрече, поэтому, впервые встретив Батурина, крепко его обнял; бывший советский полковник был поражён и расплылся в улыбке.

Первая партия началась 30 сентября. В критический момент, когда Фишер неожиданно понял, что ему пора защищаться, в зале погас свет (остались гореть лишь лампочки боковых проходов). Часы были остановлены, Петросян покинул сцену, однако Фишер продолжал сидеть, уставясь на доску. Петросян пожаловался, что Фишер не имеет права обдумывать свой ход, пока часы не идут. Как ни странно, Фишер позволил Шмиду пустить его часы и продолжал размышлять в полутьме...

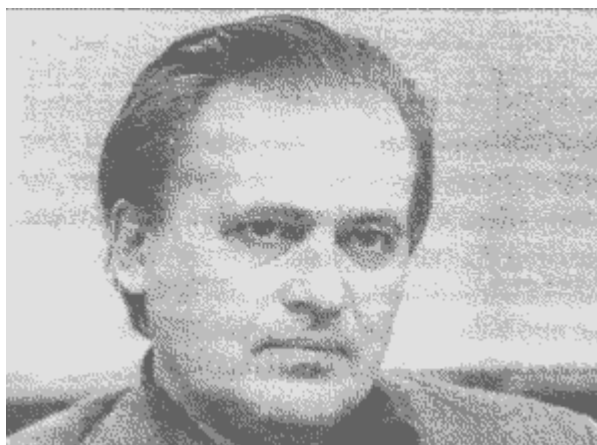
Фишер выиграл первую партию, и это была его двадцатая победа подряд над гроссмейстерами! Но все ожидания, что Петросяна можно побить так же, как и Тайманова с Ларсеном, рассеялись во второй партии. Фишер, страдая простудой, играл плохо. Когда он сдался, аудитория начала громко выкрикивать имя Петросяна. Действительно ли Фишер столкнулся с сильнейшим?

Итак, по одной победе у каждого; следующие три партии закончились вничью. Поклонники Фишера очень переживали. Для американца, стремившегося выиграть каждую партию, ничья казалась почти поражением. Для Петросяна, целью которого было не проиграть, тот же результат являлся почти победой. Чтобы восстановить психологическое преимущество, Фишеру нужна была вторая победа.

И она пришла в шестой партии, в которой Петросян сдался. Он взял несколько дней перерыва, жалуясь на усталость: у него оказалось низкое давление. Фишер назвал это моментом психологического разрушения противника: «Я чувствовал, что Петросян сломался после шестой партии». Это подтверждает и сам Петросян: «После шестой партии Фишер действительно стал гением, а я то ли сломался, то ли устал, то ли были ещё какие-то причины, но в последних трёх партиях это была уже не игра в шахматы». И в самом деле, когда Петросян вернулся к игре, Фишер победно завершил оставшиеся партии. Президент Никсон вновь написал Фишеру: «Победа в Буэнос-Айресе на шаг приблизила вас к титулу чемпиона мира, который вы заслуживаете, и я вместе с тысячами шахматистов Америки буду поддерживать вас в следующем году во время встречи с Борисом Спасским».

Побеждённый Марк Тайманов.

Побеждённый Бент Ларсен.

Побеждённый Тигран Петросян.

Хотя в матче не было серьёзных нарушений, Петросян позже сетовал: «Шахматисту трудно, когда он заранее знает, что играет в том городе и в том зале, где именно хочет играть его противник, что освещение делается по заказу соперника, что один получает за выступление экстра-гонорар, а другой нет... И дело тут не в том, что без экстра-гонорара плохо играть в шахматы, а в том, что невольно начинаешь чувствовать какую-то дискриминацию, обиду и даже почти унижение. Всё это создает у соперника Фишера определённый комплекс, подобный, наверное, тому, какой испытывают в окопах войска, подвергшиеся перед отражением атаки сильной артиллерийской обработке». Это также было предупреждением Спасскому.

В Москве Петросяна встретили как совершившего то, чего не удалось Тайманову: счёт 6,5:2,5 был поражением, но поражением достойным. Однако впервые за четверть века на мировую корону претендовал не советский шахматист. У Спасского поинтересовались перспективами борьбы за титул, но чёткого ответа не получили: «Одно лишь могу сказать: как мне думается, матч должен быть очень интересным». Свидетельства очевидцев говорили об уверенности Спасского: он считал, что может победить — и победит.

ГЛАВА 8 НЕПРИЯТНОСТИ В РАЮ

Не только у меня праздничное настроение, но и у моих товарищей...

Борис Спасский перед отъездом в Рейкьявик

19 июня 1972 года председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, для краткости министр спорта, Сергей Павлов давал прощальный приём в честь Бориса Спасского и его команды, улетающей в Рейкьявик. К ним присоединились его заместитель Виктор Ивонин и Виктор Батуринский. Спасский и Павлов произнесли краткие речи.

Не было радостных напутствий для улыбающегося войска, идущего на войну, не было развевающихся флагов и семей, размахивающих руками. Атмосфера казалась напряжённой, полной духа проведённых битв и пошатнувшихся позиций. Спасский сказал, что команда от всей души благодарит Спорткомитет за отличную организацию. Он слегка потерял в весе и казался моложе. Спасский упомянул помощь гроссмейстера Болеславского и отметил, что провел тренировочную партию с Анатолием Карповым. Затем он подтвердил своё решение не брать в Рейкьявик руководителя делегации, врача, повара и переводчика: «Такие люди должны быть совместимы с командой». Опроверг он и ходившие в шахматных кругах слухи о своей недостаточной подготовке. Матч, предрекал он, будет настоящим шахматным праздником.

В ответ Павлов указал на исторический характер предстоящего события. Несмотря на все сложности переговоров, советские требования к матчу были удовлетворены. Присутствующие в зале понимали, что под «сложностями» председатель имеет в виду не только американцев или ФИДЕ, но и самого чемпиона мира. Затем Павлов предупредил команду. Важно проявить жёсткость. На любую «грубость» по отношению к ним необходимо реагировать соответствующим образом. Павлов пытался облечь это в форму шутки, но было очевидно, что он имеет в виду именно то, что говорит, и замечание содержит скрытый упрёк. Слово «грубиян» уже упоминалось в атаке на личность Фишера в еженедельнике «64» — статью о нем заказал Павлов. Он советовал команде не попадаться на удочку загадочности Фишера, ссылаясь на общепринятое мнение, что американский гроссмейстер одарён исключительной, невероятной силой. Затем он пожелал Спасскому победы, все подняли бокалы, и приём был окончен.

На что именно намекал Павлов? Какие «сложности» создали Спасский и его команда? На Западе о советской шахматной машине практически ничего не было известно, кроме того, что она чрезвычайно успешна; бытовал образ беспощадной эффективности культурной и политической системы, не допускавшей никакого несогласия и внутренних дряг. Реальность же, по крайней мере в процессе подготовки к Рейкьявику, была полностью противоположной.

Начиная с весны 1971 года, ещё до того как американец победил Тайманова в первом из претендентских матчей, Борис Спасский и шахматные власти приступили к подготовке дуэли с Фишером. Обычно за тренировки гроссмейстера отвечает Шахматная федерация СССР, но благодаря своему положению чемпиона мира Спасский перепрыгнул эту ступень административной иерархии, обсудив свои планы напрямую с руководством Спорткомитета. Первая значимая встреча состоялась 1 марта 1971 года, когда Спасский и его тренер, гроссмейстер Игорь Бондаревский, встретились с замминистра спорта Виктором Ивониным, чтобы обсудить программу чемпиона на предстоящий год. Она включала в себя его личные тренировки, обязанности, возложенные на Спасского как на чемпиона мира, обучение членов профсоюзного шахматного клуба, участие в матчах и международных турнирах, общественные нагрузки, а также время на отдых и восстановление. Чемпион мира по должности был лидером советских шахматистов.

Виктор Ивонин — центральная фигура нашей истории. Его регулярные записи встреч и разговоров представляют собой уникальный источник информации о происходившем на советской стороне в период подготовки к матчу на первенство мира. Министр Сергей Павлов лично отвечал за готовность сборной СССР к мюнхенской Олимпиаде, поэтому Ивонин превратился в основное контролирующее лицо грядущей встречи с Фишером.

Невысокий, проницательный, общительный, полный энергии в свои семьдесят лет,

Ивонин принадлежит к тем, кому повезло уцелеть. Его путь начинался на ленинградской электростанции, где в возрасте четырнадцати лет он во время блокады работал токарем. Затем он вышел в партийные активисты, начав восхождение, которое провело его через все политические коллизии к просторному кабинету директора «Русских лотерей». Сперва он делал карьеру в комсомольской организации, затем оказался в Спорткомитете, а в 1962 году перешёл в отдел спорта ЦК КПСС (он очень любил спорт). В 1968 году, когда Павлов занял пост председателя Спорткомитета, он попросил Ивонина стать его заместителем: они хорошо знали друг друга ещё по работе в комсомоле и в ЦК. Ивонин высоко отзывается о Павлове, но какое-то время размышлял, поскольку ладить с ним было тяжело. Однако в результате они четырнадцать лет проработали вместе.

Заместитель министра спорта Виктор Ивонин. Пытается дозвониться до Спасского?

С точки зрения политики здесь есть что добавить. Павлов тогда потерял свои позиции. Жёсткий сталинист, достигший высших партийных эшелонов в качестве главы комсомола, он был профессиональным пропагандистом и оратором, умело и жёстко разбираясь с теми, кого он и власть считали «врагами государства». Павлов был известен своим взрывным темпераментом, хотя, рассказывает Ивонин, «кнут не был его принципиальным оружием». В середине 60-х он поддержал бескомпромиссного Александра Шелепина, бросившего безуспешный вызов лидерству Брежнева. Шелепин был исключён из секретариата партии, отправившись во мрак профсоюзного движения. Павлов пал вместе со своим руководителем, и, когда в 1968 году принял предложение, от которого не мог отказаться — возглавить Спорткомитет, — это существенно снизило его влияние и авторитет. Как первый секретарь ЦК ВЛКСМ, он был полноправным членом ЦК партии; как председатель Спорткомитета, оказался кандидатом в члены, лишённым права голоса. Однако на этой должности он достиг многого, став в итоге отличным руководителем.

Когда Спасский и Бондаревский прибыли в кабинет Ивонина, центральным вопросом была личность претендента на титул. Спасский и Бондаревский считали наиболее вероятным финалистом Фишера. Точное предсказание преемника было для Спасского очень важно. Шахматисты не могут эффективно тренироваться в вакууме; их тренировки связаны с конкретным противником.

Хотя цикл мирового чемпионата только начинался, подготовка Спасского уже была нацелена на борьбу с американцем. Ивонин провел целую серию встреч со специалистами для оценки шахматных качеств Фишера. Тон этих разговоров был уважительным, почти благоговейным. Техника Фишера являлась выдающейся. Он следил за своим физическим состоянием. Загадка его личности обсуждалась с любопытством и пониманием. Вспомнилась и старая обида на высказывание Фишера, что советские шахматисты играли нечестно и покупали друг у друга победы. Был ли Фишер гением, сумасшедшим — или и тем, и другим? Те же вопросы поднимались и на мартовском совещании в Спорткомитете у Сергея Павлова.

Привычки политического борца отмирали с трудом. Вскоре после совещания в Спорткомитете в «64» появилась статья, озаглавленная «Субъективно о Фишере». Она состояла из 1400 язвительных, поносящих Фишера слов и была написана журналистом Анатолием Голубевым под руководством Павлова. Вот один из типичных пассажей: «Трудное детство во многом предопределило как его место в шахматном мире, так и полное его невежество в большинстве сфер общественной жизни, без которых немислим современный культурный человек. Кстати, и многие его "экстравагантности" отсюда — от смеси невежества и полудетской озлобленности».

Таков был стиль министра, но другие члены Комитета оценили этот тяжеловесный выпад как постыдную ошибку. В конце концов, они прекрасно знали, что Фишер — выдающийся игрок. Гроссмейстеры плохо относились к политическим журналистам, поскольку те ничего не смыслили в шахматах. Михаил Бейлин, начальник отдела шахмат с 1967 по 1971 год, вспоминает: «Многие в шахматном мире симпатизировали Фишеру: когда вы смотрите на его игру, становится все равно, ходил он в школу или нет».

Спорткомитет постановил, что отныне в советских шахматных журналах должны появляться только серьёзные и объективные статьи о Фишере как шахматисте; переход наличности был запрещён. Этого решения придерживались даже перед лицом провокационных вспышек американца, как, например, во время матча с Ларсеном, когда он похвалялся, что разгромит любого русского, с которым встретится за доской. Павлов вынужден был воздержаться от жёсткого ответа на подобные высказывания.

Тем не менее даже статьи, отмечающие высокий уровень игры Фишера, напоминали советским читателям о менее похвальных качествах этого шахматиста. Он глубоко обидел советских официальных лиц. Без сомнения, эта враждебность была вызвана укоренившимся мнением о превосходстве советских шахматистов. В секретной записке в ЦК КПСС Сергей Павлов гневно, хотя и не совсем справедливо жаловался: «Фишеру оказывается большая моральная и материальная поддержка, для этих целей Шахматная федерация США получила от различных организаций около 200 тысяч долларов. В печати, по радио и телевидению организуются выступления Фишера, в которых он дает заверения стать в 1972 году чемпионом мира и оскорбительно высказывается о советских шахматистах».

Образцом сочетания похвалы и осуждения была и статья международного мастера Василия Панова. Сравнивая Фишера и Спасского, автор отмечал: «Оба игрока — искусные мастера тонких маневров и комбинационных атак, оба умеют выжимать всё из малейшего позиционного преимущества, оба обладают превосходной техникой эндшпиля... Творчество Спасского и Фишера является пиком шахматных достижений второй половины двадцатого века». И тут же переходил к другому аспекту характера Фишера, цитируя самого американца: «Шахматы дают мне счастье и деньги... Я слежу за тем, что происходит с моими деньгами. Мне хочется иметь шикарную виллу и дорогую машину...» Панов кажется шокированным: «Американские меценаты щедро платят за появления Фишера, не особо задумываясь о шахматах. Но они знают, что такое успех! Для них люди делятся на победителей и побеждённых. И только успех окупает всё!».

Оценка Фишера одновременно как человека и игрока стала приоритетной. В июне, уже после поражения от Фишера, Тайманов и подвергшийся взысканиям руководитель делегации Александр Котов выступали на заседании Шахматной федерации СССР. Что в Фишере бросается в глаза, сказали они, так это его «демоническое воздействие на противника». Убеждение советских гроссмейстеров, что Фишер — турнирный, а не матчевый игрок, оказалось ложным. Котов и Тайманов упрекали себя в том, что недооценили американца. Их потрясла его привычка изучать шахматы даже во время обеда.

Но не всё было так мрачно. Опыт показывая, что Фишер довольно медленно входит в колею матча: в первых трех партиях ему пришлось туговато. Вероятной ахиллесовой пятой американца был его ограниченный дебютный репертуар. В общем, сказал Тайманов, существует только один игрок, который сможет побить его: Борис Спасский.

Вместе с замечаниями других советских гроссмейстеров, участвовавших в заседании,

эта точка зрения на Фишера была представлена Спасскому, хотя матчи Фишера с Ларсеном и Петросяном ещё только предстояли. В начале июня собрали команду Спасского. Она состояла из трёх гроссмейстеров: его старого тренера, «фатера» Игоря Бондаревского, психолога Николая Крогиуса и Ефима Геллера. Крогиус принимал участие в подготовке Спасского с осени 1967-го и продолжал работать с ним до 1974 года.

У каждого из них была своя задача. Работа Бондаревского состояла в тщательном изучении пятисот партий Фишера и попытке понять его сильные и слабые стороны. Крогиус разработал методику для оценки психологии игрока и теперь применял ее к Фишеру. Его целью было найти критические позиции в игре Фишера и добраться до сути его мыслительного процесса, исследуя также его реакцию на поражение. Крогиус должен был проанализировать и Спасского, а затем сравнить результаты. Геллер сосредоточился на дебютах.

Позже Крогиус жаловался, что Спасский проигнорировал результаты его тяжелого труда, а Геллер был недоволен отказом чемпиона следовать его советам в дебютах. Ивонин записал в своем дневнике, что Спасский почти не обращает внимания на заметки о Фишере, предоставленные ему советскими гроссмейстерами — Талем, Смысловым и Петросяном, а также не воспользовался возможностью лично побеседовать с ними о Фишере. У чемпиона были на то свои причины, некоторые менее уважительные, чем другие. «Нам не нужны абстрактные советы стариков», — заявил он Ивонину. Он был уверен, что этим «старикам» нельзя доверять сведения ни об одной из его новых разработок против Фишера: «Главное, чтобы мы ничего им не говорили; информация может просочиться».

Гроссмейстеры действительно опасаются, что их оригинальные разработки могут стать общедоступными. Однако, по словам Бейлина, Спасский в этом отношении казался одержимым, вдобавок он с детства был подозрителен. «Он молчалив — такова его природа; он никому не верил и не доверял». Чемпион мира был убеждён, что некоторые гроссмейстеры — и Петросян в том числе — чрезвычайно его не любят. У него были все основания для осторожности. Поскольку зарубежные поездки и иные поощрения зависели от настроения властей, московские шахматы были осиным гнездом соперничества, интриг и козней.

С точки зрения Спасского, нужна была крепкая, преданная команда. К Бондаревскому, Геллеру и Крогиусу прибавился эстонский игрок Иво Ней, победитель юношеского чемпионата СССР 1948 года. Он был только международным мастером, так как неучастие в зарубежных турнирах лишило его шанса завоевать титул гроссмейстера. Недоумевая от подобного выбора, кое-кто полагал, что Ней взяли благодаря его близкой дружбе с эстонцем Паулем Кересом, которого, судя по отзывам, Спасский боготворил. Разумеется, Спасский восхищался Кересом, но главной причиной выбора Ней был его талант теннисиста. В задачу, стоявшую перед бывшим эстонским чемпионом по теннису, входило поддержание Спасского в хорошей физической форме. Ней был приятным, полным энергии человеком, и, по его словам, они со Спасским имели возможность разговаривать свободно, чего чемпион не позволял себе с другими. Вспоминая те времена, Спасский утверждает, что доверял Нейю и чувствовал себя с человеком не из Москвы проще, нежели с обитателями Центрального шахматного клуба.

Однако Спорткомитет считал, что Ней — чрезвычайно плохой выбор. Ведь он мало чем мог помочь в шахматном анализе, уступая в классе остальным членам команды, а если Спасскому настолько необходим тренер, можно было подобрать профессионала. КГБ также обратил внимание на эстонца, не состоявшего в партии; в ходе матча сомнения в его адрес вышли на новый, более угрожающий уровень.

В августе 1971 года, когда Петросян готовился к встрече с Фишером в последнем матче претендентов, Спасский обсуждал детали своей подготовки со Спорткомитетом. Батуринский уже проинформировал Ивонина, что весь предыдущий год чемпион не слишком себя утруждал. Спасский сыграл 92 партии, 88 из них за рубежом. Ивонин подозревал, что Спасский сознательно избегает серьёзных соревнований, и указал на то, что

он должен больше играть в Советском Союзе, где противники сильнее и сражаются жёстче. Было впечатление, что Спасский страдает синдромом потери формы после обретения титула чемпиона мира.

В июле 1971-го на небольшом турнире в шведском Гётеборге Спасский набрал восемь очков из одиннадцати (пять побед, шесть ничьих). На мемориале Алёхина в Москве, проходившем в ноябре-декабре того же года, он занял только шестое место, пропустив вперёд новое дарование — Анатолия Карпова и экс-чемпионов Смыслова и Петросяна. При этом он выдал серию не особо впечатляющих коротких ничьих. Однако Спасский был не единственным чемпионом, избегавшим жёсткого соперничества. Позднее в статье, опубликованной в «64», Василий Панов комментировал это так: «Ни один из наших чемпионов мира, за исключением Ботвинника, после обретения титула не играл в чемпионате СССР — сильнейшем современном турнире. Именно отсюда потеря ими вкуса к жёсткой борьбе. Даже в тех состязаниях, где чемпионы все-таки появлялись, они не отдавались игре полностью, не стремились к первому месту и часто — даже слишком часто! — вместо страстных поисков путей к победе довольствовались скромными «гроссмейстерскими» ничьими, уступая первое место более смелому и амбициозному сопернику».

Если от него ждали каких-то оправданий, то Спасский мог предъявить список своих личных проблем, которые Спорткомитет пытался помочь ему разрешить. Спасского выбивали из колеи обязанности, налагавшиеся на него, как на лидера советских шахматистов. Он должен был быть уверен, что Бондаревский и Крогиус могут официально проживать в Москве, что Бондаревскому увеличат зарплату. Ему хотелось поменять свою квартиру в сталинском доме на проспекте Мира, шумную и тесную, в которой негде было работать и ставить книги. Он требовал больше денег. Ему нужно было платить алименты первой жене и ухаживать за матерью. Вторая жена Лариса приехала в Москву с ребёнком, и он должен был заботиться о нем — для Василия нужно было найти подходящий детский сад. Учитывая все эти траты, 300 рублей в месяц ему не хватало, жаловался он Ивонину.

Высокопоставленный политик — заместитель министра — Ивонин также получал 300 рублей в месяц. Сначала он ответил Спасскому, что шахматы недостаточно финансируются по сравнению с другими видами спорта. Сам же он считал, что Спасский и так ведет привилегированный образ жизни; проблема была в том, что Спасский знал, как звезды спорта живут за границей. Однако требования чемпиона нельзя было игнорировать; когда они встретились в конце ноября, Ивонин сдался. Спасскому повысили стипендию до 500 рублей — теперь он получал на уровне министра; таким образом, он стал первым советским спортсменом, достигшим подобного уровня оплаты. Совет Министров — правительство — утвердил это увеличение как «персональный оклад».

16 ноября Виктор Батурицкий представил в Спорткомитет отчёт о подготовке Спасского, выразив беспокойство по поводу отношения чемпиона к защите своего титула. Явно сердясь, он говорил о неготовности Спасского к выступлению под советским флагом и давал безжалостный обзор общей подготовки чемпиона мира к грядущей миссии:

Из-за сложного детства и пробелов в воспитании он позволяет себе незрелые замечания, нарушает спортивный режим и не выказывает необходимый уровень трудолюбия. Некоторые лица в нашей стране и за рубежом стараются играть на этих слабостях, питая его ложные представления о собственном величии, всячески подчёркивая «особую роль» чемпиона мира и стимулируя живущий в нем дух корысти.

Два пункта вызывают особую тревогу:

- *он слишком много времени уделяет улучшению своих жилищных и бытовых условий (меняет квартиру, покупает дачу, чинит автомобиль); это может повлиять на тренировки, которые требуют стопроцентных затрат времени и энергии...*

- *бездумность во время публичных заявлений; его внимание на это обращали несколько раз.*

На следующий день Спорткомитет утратил контроль над подготовкой Спасского.

Внутри правительственной структуры Спорткомитет подчинялся Совету Министров. Однако Советский Союз имел два (неравных) источника руководства. Действуя параллельно с правительством, которым на тот момент руководил Алексей Косыгин, реальным центром власти была коммунистическая партия. На самой вершине партийной иерархии находился Центральный Комитет во главе с Политбюро. ЦК КПСС и его секретари были сердцем политической системы, а генеральный секретарь Леонид Брежнев являлся истинным лидером страны (дипломатические круги недоуменно почёсывали головы: как мог Брежнев наносить государственные визиты за рубеж, если у него не было официальной правительственной должности?). Любой вопрос большой идеологической важности отправлялся на обсуждение в ЦК. Если ответ был положительным, Совет Министров получал право действовать.

Не информируя Спорткомитет (другими словами, Виктора Ивонина и чиновников, которые должны были бы урегулировать все проблемы и найти деньги), Спасский встретился с высоким функционером ЦК и передал набросок своего плана тренировок. Неназванный чиновник отдал его Петру Демичеву, секретарю ЦК, курирующему шахматы. Шахматы относились к «идеологии», а Демичев начиная с 1961 года был секретарем, отвечающим за эту сферу, и кандидатом в члены Политбюро. Спасский говорит, что сам никогда не встречался с Демичевым.

Почему Спасский пошёл на столь радикальный шаг и отдал план своей подготовки в ЦК КПСС? Он утверждает, что произошло это из-за растущих разногласий с Батуриным; Спасский хотел обойти его и, возможно, остальных аппаратчиков Спорткомитета.

Хотя это был чемпионат мира, ЦК не вмешивался в такие дела – они оставались на уровне Спорткомитета. На вопрос, был ли он возмущён таким гамбитом Спасского, Ивонин отвечает, что подобный шаг элитного спортсмена, имеющего связи в партии, не был чем-то уникальным («чемпион мира есть чемпион мира»), но в данном случае Спасскому не стоило идти к Демичеву. Спорткомитет, говорит Ивонин, уже начал выполнять его требования. Ивонин предполагает, что Спасскому просто хотелось, чтобы ЦК приложил свою руку к решению его личных проблем, включая и новую квартиру.

Как бы то ни было, спустя два дня председатель Спорткомитета Сергей Павлов, человек, отлично знакомый с советскими методами управления, впервые прочел программу тренировок чемпиона мира, готовившегося отстаивать свой титул. Читая с удивлением, а возможно, даже с гневом сопроводительное письмо, он понял, что Спасский переплюнул шахматных бюрократов. Инициатива относительно Спасского была необычна, и чемпион породил её сам. Уже одно это раздражало Павлова, но к его реакции могли примешиваться личная горечь и зависть. Он был партийным боссом. Он помогал Брежневу свергнуть Хрущева. Теперь же в его законные владения вторгался секретарь Центрального Комитета.

Тов. Павлову С.П.

Прошу Вас оперативно рассмотреть поставленные вопросы и доложить.

П. Демичев

К этой записке был присовокуплён план подготовки Спасского, которую отныне будет курировать второй, наиболее властный орган страны.

Вопросы подготовки к матчу : Спасский — Фишер (конспективно)

Главная цель — победа. Ответственность за результат несет наш коллектив. Он состоит: гроссмейстеры — Спасский Б.В., Бондаревский И.З., Геллер Е.П., Крогиус Н.В., Ней И.П.

Всё, что касается подготовки к матчу, должно быть засекречено. Все участники подготовки должны дать подписку о неразглашении служебной тайны.

Все члены творческого содружества поступают в распоряжение Спасского Б.В. сроком до окончания матча.

Необходима постоянная база для работы и отдыха в Подмоскowie. Дача для 7 человек. Финансы. Смета расходов на весь период подготовки.

Необходим начальник подготовки, занимающийся организационными вопросами.

Обеспечение питанием и лечебный контроль.

Приезд на матч за 2 недели до начала. Цель — акклиматизация и организация рабочего режима жизни.

Переговоры о месте и сроках проведения матча ведутся непосредственно Спасским Б.В. при консультации всего коллектива и компетентных лиц.

Личные просьбы Спасского Б.В.: обмен квартиры (длится два года).

Общий план подготовки состоит из:

Физической

Шахматной

Психологической

Физическая. Цель — максимальная профессиональная работоспособность.

Шахматная. Объективный анализ сильных и слабых сторон Спасского и Фишера.

Теоретическая подготовка.

Психологическая. Устойчивость в борьбе.

Б. Спасский Москва, 17.11.71

Многие из этих вопросов уже поднимались в Спорткомитете, хотя требования Спасского, согласно которым все принимающие участие в подготовке должны дать подписку о неразглашении, а место проведения матча будет решаться им самим, были новыми. Последнее беспокоило Комитет: там хотели, чтобы Спасский сосредоточился на шахматах, а всё остальное предоставил им.

Одной строки Демичева было достаточно. Его желание быть в курсе происходящего подняло ставки для Спорткомитета. В советском понимании это звучало так: «Партия считает этот матч идеологически важным», или, другими словами, «Смотрите в оба!» Как выразился Спасский, ему удалось «перепрыгнуть через голову Павлова».

После получения плана Спорткомитет стал — или, по крайней мере, видел себя таковым — необычно услужлив по отношению к Спасскому, даже когда стало ясно, что он им не верит. К примеру, Комитет хотел послать в Рейкьявик команду, состоящую из журналиста, врача и переводчика. Спасский настаивал, чтобы вместо них поехал гроссмейстер Исаак Болеславский, а не профессиональный шахматный журналист; он отказался от услуг врача и переводчика, объяснив Ивонину: «Нам не нужен переводчик, мы всё можем сами. Это проблема доверия». Расшифровывалось это так (разумеется, Ивонин всё понял): с точки зрения Спасского, переводчик может оказаться офицером КГБ, которому поручено за ними следить. Комитет вынужден был одобрить команду и организовать оформление паспортов. В отчёте Ивонина о разговоре фраза Спасского была помечена тремя восклицательными знаками.

Баланс сил сдвинулся в сторону чемпиона. Принцип «головы вниз» превратился для Спорткомитета в правило. «Зачем рисковать? — размышлял Бейлин. — Павлов не идиот. Теперь за всё несут ответственность Демичев и Спасский. Отлично, вот пускай и отвечают».

Сегодня Спасский утверждает, что не получил той команды, которую хотел, и ему отказали в переводчике и поваре по его выбору; в 1978 году команда Карпова состояла из сорока человек, жалуется он. Спасский довольно пренебрежительно отозвался о составе, с которым тогда работал: «Крогиус был не особо хорошим психологом... В Рейкьявике от него было мало толку. Ней — теннисист, но шахматист так себе. Один Геллер мне помогал». Однако истина заключалась в том, что Комитет всеми силами пытался убедить Спасского в необходимости других помощников. Небольшая команда, отправившаяся в Исландию, была составлена самим чемпионом.

4 января 1972 года в секретном письме Демичеву, где рассказывалось обо всех аспектах

подготовки Спасского, включая режим питания, Павлов стремился убедить ЦК в том, что всё под контролем.

Для тщательного медицинского контроля, организации правильного питания и выработки рекомендаций по быстрому восстановлению работоспособности после больших умственных и нервно-психических нагрузок привлечены научные работники и специалисты Академии медицинских наук СССР и Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры. Совместно с Министерством торговли РСФСР решается вопрос о выделении фонда высококалорийных продуктов.

В последующие месяцы, когда семья чемпиона мира наконец переехала в элитный дипломатический квартал, поселившись в только что отремонтированной роскошной четырёхкомнатной квартире на улице Веснина, Спасский со своей командой переезжал с одной дачи на другую: они останавливались в Красной Пахре в тридцати пяти километрах от Москвы (где он жил во время матча на первенство мира с Петросяном), Архызе на Северном Кавказе, в Сочи на Чёрном море и, наконец, в Озёрах под Москвой. В Озёрах они поселились в санатории, где после войны проживал немецкий фельдмаршал Фридрих фон Паулюс. Спорткомитет следил за удобствами и условиями, осторожно пытаясь разузнать, насколько серьёзно Спасский работает.

К несчастью, в раю, созданном для Спасского, было довольно много змей.

Ко времени прибытия в Рейкьявик Спасский испытывал напряжение из-за разрыва с двумя ключевыми людьми в ходе подготовительного периода: одним из них был директор ЦШК Виктор Батурицкий, другим — личный тренер Игорь Бондаревский. Поссорился он и с Ботвинником; ссора оказалась достаточно крупной, чтобы Ботвинник отказался подписать петицию в поддержку еженедельника «Шахматная Москва», который собирались закрывать, — просто потому, что под ней стояла подпись Спасского.

Последствия разрыва с Батуриным были особенно серьёзными. Спасский отодвинул от себя человека, несшего прямую ответственность за шахматы и шахматистов, ведущего переговоры с американцами и ФИДЕ относительно места проведения матча и способного быть весьма эффективным лидером команды в Исландии. Непосредственная причина ссоры кажется банальной. Спасский хотел одолжить другу свою машину. Для этого ему требовалась надлежащим образом оформленная доверенность (эта практика сохраняется в России до сих пор). В конце ноября 1971 года Спасский написал доверенность и попросил Батурицкого поставить печать Центрального шахматного клуба, скрепив её подписью. Батурицкий отказался, объяснив Спасскому, что не имеет на это права (на самом же деле ему казалось, что документ оформлен не совсем верно и лучше бы Спасский отнёс его юристу). Чемпион принял это на свой счёт и дал понять, что больше Батуриному не доверяет. С этого момента его отстранили от процесса подготовки.

Даже в последние годы жизни, уже ослепший, плохо слышащий, не выходящий из квартиры, Батурицкий, вспоминая такое отношение Спасского, испытывал гнев и возмущение. Как советский гражданин, он отчаянно желал Спасскому победы. Воспитанный в эпоху Сталина, он плохо понимал свободного духом Спасского, считавшего, что, когда говорит чемпион мира, шахматный мир должен его слушать. В личном и политическом плане такой разрыв был неизбежен; некоторые подозревали, что Спасский придумал историю с доверенностью нарочно, создав повод для конфронтации и в конечном итоге удалив Батурицкого от процесса подготовки матча.

Спасский сообщил властям о своем нежелании, чтобы Батурицкий был его представителем в ФИДЕ на переговорах об условиях матча. Ивонин пытался разуверить Спасского. Строго говоря, объяснял он, Батурицкий был прав, не подписав доверенность. Но Спасский стоял на своем. Точку поставил сам Батурицкий: «Я сказал Ивонину, что отказываюсь ехать. Он ответил: паспорт и все документы уже готовы. Я повторил, что это неважно: если человек, который должен доверять мне, в доверии отказывается, я не поеду».

Ссора, без сомнения, расстроила Спасского, подорвав его силы. Переговорами стали

заниматься Геллер, который понимал в шахматах, и заместитель начальника международного отдела Спорткомитета Александра Ивушкина, в чью работу входило установление отношений с международными спортивными федерациями. Она великолепно говорила по-английски, обладала широким опытом работы с другими федерациями и знала позицию Спорткомитета. Однако с юридической точки зрения команда была недостаточно подкованной.

Разрыв Спасского с Батуриным повлиял на управление матчем. Разрыв с многолетним тренером Бондаревским — на подготовку к нему.

Сотрудничество Бондаревского и Спасского началось в 1961 году, когда карьера будущего чемпиона и его личная жизнь столкнулись с серьёзными трудностями. Интересно, что во время разрыва с Бондаревским его второй брак также был на грани краха. Завоевание Спасским титула изменило отношения и с тренером, и с женой. Бондаревский неожиданно стал тренером чемпиона мира. Да и Лариса не выходила замуж за мировую знаменитость. Она жаловалась, что когда Спасский стал чемпионом, то начал руководить всеми аспектами жизни, советуя ей даже, как варить суп.

Свидетельства грядущих осложнений появлялись на протяжении уже нескольких лет. Согласно автобиографическому очерку Спасского в «Большой стратегии», во время второго матча с Петросяном (1969) они с Бондаревским поссорились из-за условий проживания, которые организовал Бондаревский (по мнению Спасского, дом находился слишком далеко от города). Однако в конечном счёте они помирились. Спасский уважал Бондаревского и был ему признателен, что тренер принимал его таким, какой он есть. Вспоминая о начале взаимоотношений с Бондаревским, третьим и последним своим тренером, Спасский говорит: «Он знал, как стимулировать меня и заставить работать. В этом был его секрет».

Так он отзывался о своем тренере в 2002 году. Тридцатью годами ранее всё было иначе. Утром 2 февраля 1972 года Бондаревский сказал Ивонину, что они со Спасским больше не могут работать вместе и должны по-хорошему разойтись. У них, объяснил он, исчезло взаимопонимание, поэтому совместная работа ничего не дает. С тех пор как Спасский стал чемпионом, он практически не слушает ничьих советов. Бондаревский был недоволен уровнем работы шахматиста. Прежде чем встретиться с Ивоным, он посетил Батуриного. Батуринский вспоминал об этом разговоре так: «"Виктор Давыдович, я ухожу". — "Как вы можете бросать работу за три-четыре месяца до начала матча? Вы главный тренер и тем самым ставите Спасского в очень сложное положение". — "С ним невозможно работать, просто невозможно! Я увольняюсь. Он не следует моим инструкциям, занимается какими-то совершенно посторонними делами. До матча осталось так мало времени, а он не может сосредоточиться"».

Николай Крогиус проводит различие между Спасским, стремившимся к титулу чемпиона мира, и Спасским, уже завоевавшим его: «До этого (например, в ходе подготовки к матчу с Петросяном в 1969 году) Борис мог поначалу не согласиться с каким-то предложением, но потом, поразмышляв над ним, часто (обычно на следующий день) признавал, что в нем есть смысл. Мы с Бондаревским шутили, что Спасский проходит через две стадии: сперва отказ, потом согласие. Но теперь, сказав "нет", Борис упрямо отстаивает свою позицию — часто без всяких на то оснований».

Кое-кто считает, что Бондаревский предал команду, поскольку боялся, что его подопечный идёт напрямик к поражению, и не хотел связывать своё имя с провалом.

Той же причиной можно объяснить и уход с должности председателя Шахматной федерации СССР Дмитрия Постникова, бывшего замминистра спорта и друга Бондаревского. Место Постникова занял его заместитель Юрий Авербах — никто другой, по словам Авербаха, не захотел рисковать. Авербах говорит, что с момента ухода Бондаревского у него возник пессимизм относительно перспектив Спасского. Только сила личности Бондаревского могла заставить Спасского начать наконец вкалывать. Да, Спасский работал, «но, так сказать, в лёгком стиле».

Однако в истории ссоры с Бондаревским Спасского поддерживает множество людей. По словам Евгения Бебчука, Бондаревский был весьма непростым человеком: «Он потрясающий тренер, лучший из всех, но его грубость была просто невыносима. Вначале, когда он только стал тренером Спасского, тот нуждался в его опыте, независимо от характера. Но когда Спасский достиг пика своей карьеры и Бондаревский ругал его — а он всегда его ругал, — Спасский уже не мог этого вынести».

Вера Тихомирова знала Бондаревского ещё с Ростова-на-Дону, их родного города. Крупная, видная женщина, она пережила сталинский голод и репрессии, став чемпионкой РСФСР по шахматам среди женщин, и на тот момент являлась ответственным секретарем Всероссийской шахматной федерации. К Спасскому она испытывает материнскую любовь, и он отвечает ей сыновними чувствами. Ее вердикт Бондаревскому: «Говорят, что у него сильная воля. Но это не так. Он не хотел брать на себя ответственность».

В день ухода Бондаревского Спасский, Геллер и Крогиус прибыли в кабинет Ивонина для изложения своей версии. Бондаревский не верил в успех; он не был всей душой предан делу. Спасский больше не может терпеть обращения с собой, как с ребёнком, и сносить грубости. Кроме того, Бондаревский несведущ в новейших достижениях дебютной теории; теперь, когда в команде есть Геллер, Бондаревский не нужен. Спасский добавил, что именно он, Спасский, решил, что надо разойтись.

Чтобы подсластить пилюлю, они предъявили Ивонину внушительный отчёт о работе, проделанной к этой дате. Благодаря Спорткомитету их личные проблемы — дача, квартиры, зарплаты, жилищные условия — решены. Команда настроена по-деловому, творческая работа идёт отлично, тренировочный план успешно выполняется. В отношении подготовки они, возможно, даже опережают Фишера. Ивонин отметил: «Они сказали, что Спасский будет иметь значительное превосходство в дебютах, поскольку у Фишера нет времени расширить свой весьма ограниченный репертуар».

Всё это время группа жила и работала тесным коллективом, так что, какой бы ни была причина ухода Бондаревского, потеря одного из членов команды неизбежно выбила работу из колеи. Если в этом коллективе и была движущая сила, то исходила она от Бондаревского. Со Спасским — новым лидером — группа просто выполняла всё, что он просил. Независимый лидер мог заставить Спасского делать то, чего ему делать не хотелось. Геллер занял место Бондаревского, но совершенно не подходил на эту роль. Не желая противоречить Спасскому, он обратился к Нею. Может ли Ней уговорить чемпиона работать?

«Упрямый с ямочкой подбородок, медлительная походка вразвалочку, — описывает Геллера в книге "Мои показания" Генна Сосонко, — всем своим видом Геллер напоминал скорее бывшего боксёра или немолодого боцмана, сошедшего на берег, чем гроссмейстера мирового класса». Спасский восхищался им как «очень цельным шахматистом... Усидчивость была в нем необыкновенная. Можно сказать, что он развил свой талант задницей, а задница, в свою очередь, развивалась посредством таланта». Геллер принадлежал к элитному клубу игроков, имевших положительный счёт с Фишером; за свою карьеру он выиграл у американца пять раз.

Геллер был выходцем из самого космополитического города Советского Союза — Одессы — и казался тёплым и открытым, впитав эти качества в воспитавшей его еврейской среде. Однако Спасский как-то заметил, что его доброта была мнимой; на самом деле Геллер завистлив и недружелюбен. В своих взглядах он полностью поддерживал советский строй, испытывал глубокое недоверие к Западу, осуждая его испорченность и заблуждения. В своей книге «Советские шахматы» Эндрю Солтис приводит фразу Геллера, что в шахматах успех ожидает лишь тех, у кого глубокие моральные принципы и высокий интеллект, кто «свободен от пороков и недостатков, свойственных капиталистической системе». Уход Бондаревского сделал этого человека правой рукой чемпиона как в период подготовки, так и на самом матче.

Насколько же эффективной и концентрированной была подготовка Спасского на фоне всех этих сложностей?

Ходит множество слухов о его лени, и некоторые из них явно смахивают на вранье. Поскольку Спасский настаивал на полной секретности, лишь несколько избранных были посвящены в детали его подготовки. В одной такой байке утверждается, что Бондаревский подал в отставку, когда Спасскому предоставили два дня отдыха, а он вернулся назад только через две недели. Другая рассказывает, что приехавшие визитёры видели Спасского, коротающего время за бутылкой виски с журналом «Playboy» в руках.

Однако то, что у чемпиона был значительно более свободный график, нежели у его противника, не подлежит сомнению. Юрий Авербах говорит, что, заняв пост председателя Шахматной федерации после неожиданного ухода Постникова, он первым делом нанёс визит на тренировочную базу: «Спасский сидел с Геллером и Крогиусом... На столе лежали карты и домино, к обеду Спасский вышел с початой бутылкой виски. Мне всё стало ясно».

Спасский настаивает, что он работал, и работал упорно. Иво Ней соглашается, но уточняет: «И все же недостаточно». Спасский утверждал тогда и утверждает сейчас, что ему лучше работало с ясной головой, а потому была необходима физическая подготовка, то есть теннис, лыжи и плавание. Вдобавок чемпион, по оценке Бейлина, «любил жизнь, любил расслабляться, общаться с друзьями, отдыхать. Он не был похож на Корчного, который усердно работал по восемь часов в день». Обычно за завтраком Спасский потчевал команду греческими мифами, которые читал перед сном, затем занимался спортом, неспешно обедал и пять часов уделял шахматам.

«Основным недостатком нашей подготовки было легкомысленное поведение Спасского, — говорит Крогиус. — Он считал, что хорошо понимает Фишера и «найдет ключ» к шахматам Бобби в ходе самого матча. Это мнение сложилось благодаря отчётам ведущих советских шахматистов о стиле игры Фишера и Спасского. Керес, Смыслов, Петросян, Таль и Ботвинник (который выразил свою точку зрения устно) единогласно отвергали возможность каких-либо фундаментальных изменений в игре американца, особенно в дебютах. Только Корчной распознал свежие нотки в шахматной эволюции Фишера. Но поскольку Корчной высказал своё мнение в личном общении и в достаточно резкой форме, Борис не обратил на это внимания».

Начиная с мая, когда к тренировке подключился ещё один гроссмейстер, Исаак Болеславский, уровень работы повысился. Игра Спасского, говорилось в докладах Ивонину, стала более творческой и точной. Тогда же была определена дата начала матча, что, без сомнения, повысило концентрацию чемпиона. Батуринский, посетив базу, отметил изменения к лучшему: «Каждый день от шести до семи часов посвящалось шахматному анализу, три часа — физической подготовке (теннису и плаванию)».

Каким бы ни был их режим, Вера Тихомирова поразилась здоровьем, которое излучали чемпион и его команда: «Помню, когда они зашли ко мне, чтобы сфотографироваться, то выглядели такими здоровыми, такими цветущими — глаза горят, хвост трубой, — что я спросила себя: "Они вообще-то работают или только развлекаются?"».

Неприятные выяснения отношений, переговоры о матче, сложности с квартирой, неспособность к тяжёлой каждодневной работе — всё это вместе привело к тому, что в Рейкьявик Спасский прибыл не в самом спокойном состоянии и неважно подготовленный. Однако убеждение, что матч будет праздником для всех шахматистов и он достигнет исторической победы, оставалось непоколебимым. «Он действительно хотел войти в историю, — говорит Бейлин, — хотя и отрицает это. Я спрашивал его раз десять, и он всегда отвечал: "Что ты имеешь в виду?". Но я уверен — он к этому стремился». Спасский добился того, чего хотел, поскольку имя его навсегда будет связано с участием в уникальном событии, произошедшем в маленьком островном государстве посреди Северной Атлантики.

ГЛАВА 9

БОЛЬШАЯ БИТВА НА МАЛЕНЬКОМ ОСТРОВЕ

Острова — это далёкие места, где нет Европы.

У.Х. Оден и Луис Макнис. «Письма из Исландии»

К тому времени Фишер с абсолютной ясностью выразил своё мнение об Исландии. Американские военные называют это «дальним гарнизоном», утверждал он, и солдатам выплачивают там особое вознаграждение, компенсируя тяготы службы в подобных местах.

Во-первых, это было неправдой. Во-вторых, несправедливо. Прибыв на этот остров в 874 году, норвежец Ингольфур Арнарсон, первый поселенец тех мест, где ныне находится столица государства, был потрясён открывшимся перед ним видом: вдали возвышался покрытый снегом вулкан, рядом билась о берег морская пена. Он назвал эту область Рейкьявиком, что означает «дымный залив». Земля здесь с трёх сторон окружена водой, а в воздухе носится запах серы.

Этот суровый, ветреный, далёкий от континентов остров обладает удивительной, строгой красотой. Здесь край ледников и гейзеров, пустошей и дикой зимостойкой травы. Зимой ночь длится круглые сутки, летом круглые сутки светло. Весьма символично, что эта вулканическая страна расположена над огромным хребтом, разделяющим Атлантику. В 1972 году в Исландии жило 210 775 человек, а протяжённость мощёных дорог за пределами столицы едва ли насчитывала пятьдесят миль (до сих пор наиболее распространённым транспортным средством в Исландии являются полноприводные машины). Почти половина населения страны живет в Рейкьявике.

За предвзятое мнение Фишера некоторым образом несут ответственность современные городские архитекторы. Несмотря на потрясающий пейзаж, Рейкьявик превратился в эстетические руины. Отчасти это объясняется чрезмерным притоком населения. К концу Второй мировой войны этот город был чуть больше рыбацкого посёлка. За четверть века он невероятно разросся, но дома возводились среди величественного безжизненного пейзажа довольно хаотично. Магазины и офисные здания строились из серого бетона, а дома были в основном белые, с яркими крышами. В 1972 году в городе насчитывалось мало современных гостиниц, и связь с внешним миром была неважной. В Рейкьявике практически нет внушительных зданий, придающих лоск центру столицы.

На первый взгляд Исландия не внушала доверия как принимающая сторона матча, вызывавшего в мире столь огромный интерес. Может ли этот далёкий остров справиться с его организацией? У страны не было опыта в устройстве матчей такого уровня; она никогда и не претендовала на участие в международных конкурсах на их проведение.

Как же получилось, что чемпионат мира проходил в Рейкьявике?

Все три претендентских матча Фишер провел в Америке: в Ванкувере, в Денвере и Буэнос-Айресе. Через Эда Эдмондсона, исполнительного директора Шахматной федерации США, он предложил Максу Эйве, чтобы и финальный матч проходил в США, несмотря на то что игра на американской земле дает ему неоспоримые преимущества. Он категорически отказался рассматривать СССР в качестве варианта; в числе прочего, там бы он тревожился за свою безопасность. Спасский со своей стороны опасался того же в США. Однако он не хотел, чтобы матч проходил и в СССР; его сильно беспокоило, что некоторые коллеги могли поддерживать Фишера.

Если не в СССР и не в США, то где? Начиная поиски, ФИДЕ объявила, что любой город мира может заявить о своем желании принять у себя чемпионат, и запечатанные конверты с предложениями должны быть присланы до 1 января 1972 года. Некоторые города предложат за право проведения этого матча суммы, которые выглядели тогда

беспрецедентными.

Когда в 1969 году Спасский победил в Москве Тиграна Петросяна, приз составлял 1400 долларов. На сей раз речь шла о совсем других деньгах. Белград, столица Югославии, где по шахматам сходили с ума, предложил в сто раз больше — 152 тысячи долларов. Второй югославский город, Сараево, готов был выложить 120 тысяч. Буэнос-Айрес давал 100 тысяч долларов, как и третий югославский претендент, город Блед. Были и другие предложения: Амстердам, Рио-де-Жанейро, Монреаль, Загреб, Цюрих, Афины, Дортмунд, Париж, Богота и Чикаго (его дисквалифицировали за опоздание с подачей заявки). Рейкьявик предложил 125 тысяч, то есть по пятьдесят центов с каждого мужчины, женщины и ребенка Исландии; вся эта сумма была гарантирована правительством, хотя организаторы надеялись не только компенсировать издержки, но и получить доход, продав права на телевизионный показ.

Заявку послал Гудмундур Тораринссон, президент Исландской шахматной федерации. Его выбрали (в его отсутствие) двумя годами ранее: пост перешёл от его брата, Йохана, одного из лучших шахматистов Исландии. Именно Йохан посоветовал исландцам бороться за этот матч. Гудмундур говорит, что с неохотой согласился возглавить эту попытку; в конце концов, у него была основная работа — консультант по строительному бизнесу. Однако Тораринссон обладал политическими амбициями, а подобная кампания была единственным шансом обратить на себя внимание. Помогло и то, что он принадлежал к левоцентристской прогрессивной партии коалиционного правительства и был хорошо знаком с премьер-министром Олафуром Йоханнессоном.

Спасского и Фишера попросили составить список предпочтений. На этой стадии основным желанием Спасского было играть на нейтральной земле и не делить матч между двумя городами. Он беспокоился и о погоде, а потому склонялся к Голландии. Исландцы могли бы указать, что в Рейкьявике такой же климат, что и в родном городе Спасского, Ленинграде.

Фишера, казалось, климат не беспокоил. «Деньги, деньги, деньги» — вот о чем он заботился больше всего или, по крайней мере, так утверждал. Его предпочтения всегда были на стороне тех, кто предлагал большую сумму, — в данном случае Белграда, где его с восторгом встречали ещё после межзонального турнира в городе Портороже, когда ему было пятнадцать лет. Именно поэтому, с точки зрения Спасского, Югославия была неприемлема.

Что же тогда выбрать? Для советских необходимость торговаться и искать компромиссы означало болезненное пробуждение. Ещё со времён войны у них была монополия на чемпионаты. Детали любых разногласий держались за закрытыми дверями. За этими дверями определялись и место, и условия, и призы. Теперь советские власти должны были учиться искусству переговоров в сложнейших обстоятельствах, имея дело и с американцами, и со Спасским.

Преобладала атмосфера смятения и неуверенности. Обсуждалась возможность сыграть половину матча в США, половину — в Ленинграде. Идею отклонили; в списке оставались Амстердам, Исландия и Блед — или, если не Европа, то Аргентина. Позже сформировался следующий порядок: Рейкьявик, Дортмунд, Париж, Амстердам. Прежде чем был составлен окончательный список, произошли дополнительные перетасовки. Интересно, что в процессе принятия решения советской стороной материальный вопрос не играл существенной роли.

Неудивительно, что во всей этой суете первая серьёзная ссора между Советским Союзом и ФИДЕ возникла из-за простого непонимания в процессе спешного урегулирования списка предпочтений. Изначально его подача была назначена на 31 января 1972 года, но советская сторона считала, что Эйве перенёс дату приёма на 27 число; сам же он утверждал, что новая дата просто означала просьбу ФИДЕ ускорить процесс. Москва подала список 27 января. Американцы сдали свой четырьмя днями позже, и, к большому раздражению и ужасу Москвы, Эйве принял его как полученный вовремя.

Эйве заплатил за такое управление высокую цену: советская сторона больше никогда не верила в его беспристрастность. В закрытых советских документах подвергалась сомнению его честность, президент ФИДЕ обвинялся в том, что он «потакает» Фишеру.

После этого у Москвы возник ещё один повод гневаться: в ходе поездки по США Эйве публично предсказал победу Фишера. В защиту Эйве следует сказать, что он был не на стороне Фишера, а на стороне самого матча, однако для Советского Союза, ещё и в свете поведения американца, это казалось практически одним и тем же.

В конечном счёте Фишер и Спасский выбрали каждый по четыре города. Американец предпочел Белград, Сараево, Буэнос-Айрес и Монреаль; Спасский — Рейкьявик, Амстердам, Дортмунд и Париж. Таким образом, советский шахматист отдавал предпочтение капиталистическим городам, а американец — коммунистическим (хотя Югославия не входила в зону советского влияния). Иначе говоря, для обоих участников климат и деньги вытеснили политику.

Переговоры растянулись на два месяца. 7 февраля Эдмондсон прибыл в Москву за окончательным решением. Там его любили и уважали; он знал, как общаться с принимающей стороной, охотно делился своим мнением о личности и поведении Фишера. Разница между финансовыми предложениями Белграда и Рейкьявика была небольшой (особенно учитывая обязательство Исландии заплатить игрокам тридцать процентов от выручки за телевизионный показ), к тому же Спасский говорил, что югославское лето невыносимо, так что Эдмондсон подписал соглашение о проведении матча в Исландии.

Эйве ещё не успел облегчённо вздохнуть, как получил неприятное известие: Фишер, укрывшись в Нью-Йорке, отказывается признавать московский договор. Он повторял, что желает играть или в Белграде, или на американской земле.

Президент ФИДЕ отчаянно пытался найти выход. 14 февраля он предложил компромисс: провести первую половину матча в Белграде, вторую — в Рейкьявике. Это не устраивало оба города. В Белграде жаловались, что Исландия получит кульминацию. В Рейкьявике беспокоились, что за первую половину матча один из шахматистов может обеспечить себе такое превосходство, что, когда чемпионат переместится в Исландию, его можно будет считать законченным. Фишер согласился на компромисс. В Москве вновь преисполнились гнева и тревоги. Ивонин называл происходящее сумасшедшим домом. В дневнике он записал, что будет «стоять до конца».

Однако в своих переговорах с Москвой Эйве обладал большим преимуществом: чемпион мира хотел сражаться. Между 2 и 5 марта Спасский решил принять предложение о двух городах, настаивая на том, чтобы все пункты были оговорены во всеобъемлющем контракте. Спасая лицо, Москва сформулировала отход на попятный в терминах доброй воли: они изменили своё отношение, говорилось в письме от 5 марта, направленном в ФИДЕ, ради миллионов шахматных поклонников во всем мире и дружественных отношений с югославскими официальными лицами.

Для подведения итогов представители федераций США, СССР, Исландии и Югославии в конце марта прибыли на встречу в Амстердам. Эйве, вероятно, был уверен, что путаница разрешена, поскольку отправился с миссией доброй воли по шахматным федерациям Дальнего Востока. Вместо него приехал первый вице-президент ФИДЕ, пуэрториканец Н. Рабель-Мендес. Эйве удивился и даже обиделся на критику из Москвы, возмущённой его отсутствием.

Несмотря на отказ Фишера от последнего соглашения, Эд Эдмондсон действовал как его представитель. Переговоры велись несколько дней. К 20 марта была согласована каждая деталь матча, а финальное заседание продолжалось до трёх часов ночи. Правила покрывали все мелочи, от проведения жеребьёвки до времени, на которое может опоздать игрок, прежде чем ему засчитают поражение в партии (один час). Процесс оказался долгим, утомительным, но атмосфера была дружеской. Казалось, все разногласия утрясены.

Однако с Фишером не всё было так просто. Спустя два дня жилец номера G6 отеля «Гроссинджер» в северной части штата Нью-Йорк отправил срочную телеграмму. Полная орфографических ошибок, она адресовалась главе Югославской шахматной федерации и его исландскому коллеге Гудмундуру Тораринссону. В девяноста словах Фишер отказывался от соглашения Эдмондсона и угрожал вообще не появляться на матче до тех пор, пока

финансовые пункты не будут изменены так, чтобы весь доход, кроме издержек, отходил игрокам.

К чести исландца, тот послал смелый и краткий собственноручно написанный ответ. «Отвечая на телеграмму от 22 марта: любые изменения в финансовом договоре Амстердама невозможны. Г. Тораринссон». Из «Гроссинджера» пришёл однострочный ответ. Фишер вообще отказывался играть в Исландии; условия были «неприемлемыми».

Для Югославии матч был чем-то вроде азартного предприятия. Теперь организаторы отказывались его проводить, пока не получат взнос в размере 35 тысяч долларов от шахматных федераций СССР и США как гарантию, что матч не будет проводиться где-то ещё. Советские неохотно согласились, несмотря на то что Спасский вполне мог счесть себя униженным. Американцы, для которых это составляло гораздо больший риск, отказались.

Президент Исландской шахматной федерации Гудмундур Тораринссон. Он считал, что это не был матч века. Это был матч всех времён!

Возможно, Фишер понимал, что для Эйве ультиматум был, говоря словами американского писателя Амброза Бирса, последним предупреждением перед уступкой. Тем не менее ФИДЕ послала Фишеру ультиматум: до 4 апреля он должен подтвердить, что будет играть согласно амстердамской договорённости. Американская федерация прислала обнадеживающий, но несколько туманный ответ: «Мистер Фишер готовится играть в установленном месте и в установленное время. Пол Маршалл должным образом завершит переговоры от нашего лица».

Маршалл был манхэттенским адвокатом, специализирующимся на клиентах из шоу-бизнеса, а теперь работающим на Фишера. Впервые он встретил Фишера в 1971 году благодаря британскому предпринимателю Дэвиду Фросту и следующие несколько месяцев действовал от имени претендента в наиболее критических ситуациях. Будучи очень успешным адвокатом, он привык добиваться своего, хотя комбинация участников, состоящая из Фишера, ФИДЕ и СССР, была несравнимо сложнее голливудского опыта.

В отсутствие финансовых гарантий от американцев югославы сошли с дистанции, полностью аннулировав договор с ФИДЕ. Тораринссон воспользовался этой возможностью, предложив принять матч в Рейкьявике, если открытие можно отложить до 1 июля. В одностороннем порядке Эйве согласился: если Фишер откажется приехать в Исландию, то позднее в этом же году Спасский будет сражаться в Москве за титул с Тиграном Петросяном, проигравшим финалистом матчей претендентов.

Хотя теперь Эйве защищал место, выбранное Спасским, советские были полны предубеждений по отношению к президенту ФИДЕ. Фишер проигнорировал ультиматум от 4 апреля, хотя Эйве продолжал искать решение, приемлемое для американца. В секретной записке под № 14279 от 29 апреля 1972 года, посланной в ЦК КПСС, утверждалось, что

Макс Эйве находился «под каблуком американского гроссмейстера». «Претендент установил прецедент, которому и следует президент», – подвел горькие итоги ТАСС.

8 мая Эйве получил телеграмму, которая, казалось, решала все проблемы: «Бобби Фишер вынужден согласиться играть в Исландии согласно посланной ему программе». Подписали телеграмму Эдмондсон и Маршалл. По словам Эйве, текст был написан ими обоими и зачитан Фишеру по телефону. Когда он согласился с услышанным, телеграмму послали.

Фишер ничего не подписывал сам. Эдмондсон сумел убедить Эйве, что отсутствие подписи Фишера не связано с его колебаниями относительно игры. Однако что в таком случае означала фраза «вынужден согласиться»?

ГЛАВА 10 БОББИ ИСЧЕЗАЕТ

Люди потакают капризам Фишера. Одно упоминание его имени по радио или в газетах наполняет меня отвращением и негодованием. На месте Б. Спасского я бы решила, что играть с таким типом — ниже моего достоинства.

Из письма в ТАСС советской пенсионерки Веры Макаровой

Фишер готовился к самому важному матчу своей жизни почти в полной изоляции. Шахматная поддержка пришла из двух источников. Кен «Топ Хэт» Смит был шахматным мастером и игроком в покер мирового уровня, выходившим на карточные поединки в неизменной чёрной шёлковой шляпе с изогнутыми полями. Шляпа была немного маловата — он приобрел её на аукционе; утверждалось, что нашли шляпу в театре Форда в Вашингтоне, тем самым вечером, когда там был убит Авраам Линкольн. Всякий раз срывая банк, он бросал эту шляпу на стол и восклицал: «Что за игрок!». Смит неизменно собирал вокруг себя толпу. Он был настолько ценным клиентом, что отель «Хилтон» в Лас-Вегасе посылал частный самолёт, забиравший его из дома в Далласе. Его коньком была одна из форм покера, и фортуна ему благоволила, позволяя выигрывать десятки тысяч долларов.

В Далласе Смит выпускал журнал «Chess Digest», а позже организовал шахматное издательство. Два года он поставлял Фишеру тематическую литературу со всего мира: книги и журналы по дебюту, миттельшпилю и эндшпилю, всевозможные анализы, тексты партий крупнейших турниров. Чтобы утолить жажду Фишера, Смит прилетал к нему с чемоданом, битком набитым материалами. Игрок и его поставщик никогда не были близки; если Смит хотел связаться с Фишером, ему приходилось делать это через посредников, используя сложную систему кодов (после того как Фишер отправился в Исландию, Смит прилетел в Рейкьявик с ещё большим количеством литературы).

Другим помощником Фишера оказался добродушный, услужливый новозеландский международный мастер Боб Уэйд, житель южного Лондона и обладатель огромной шахматной библиотеки. У него было более специфическое задание: по требованию Эда Эдмондсона он посылал Фишеру тексты всех партий Тайманова, затем Ларсена, а перед финальным матчем претендентов — и Петросяна. Теперь Эдмондсон поручил ему собрать информацию для чемпионата мира.

С огромным трудом Уэйд нашёл все опубликованные партии Спасского; некоторые были хорошо известны, другие приводились в малоизвестных изданиях. Получившаяся в итоге папка содержала около тысячи страниц с тысячами партий. Он передал её Фишеру через Эдмондсона, который сделал для неё переплёт из красного бархата. К счастью, папка достигла адресата — работа была сделана вручную, и копий не существовало.

На этом этапе Фишер жил в «Гроссинджере», уединённом месте в горах Кэтскиллс.

«Гроссинджер» пользовался особой популярностью у еврейского среднего класса; некогда здесь была ферма, позже превратившаяся в большой гостиничный комплекс с теннисными кортами и тропами для верховой езды. Там останавливались многие знаменитости, включая Элеонору Рузвельт. Он был любимым местом жительства таких спортсменов, как легенда баскетбола Джеки Робинсон и непобедимый боксёр-тяжеловес, чемпион Роки Марчиано, на форме которого даже красовалась эмблема «Гроссинджера».

Тридцать лет Уэйд хранит письмо, пришедшее в ответ на его тщательно подобранный материал. В нем не было ни слова благодарности. Вместо этого на Уэйда изливались потоки брани, поскольку в написании ходов он не следовал методу, которого придерживался Фишер. Уэйд писал их подряд, в строчку, а не вертикально друг под другом. «Неужели вы не способны следовать даже простейшим инструкциям?» Ему было сделано замечание за «срезанные углы». Уэиду предлагалось тщательно переписать каждую партию, проделав всю работу практически заново. «Тон письма напомнил мне, — рассказывает Уэйд, шахматный тренер с многолетним стажем, — как учитель говорит со своими учениками». Ему заплатили 600 фунтов стерлингов, 200 из которых были оформлены как «вознаграждение» за добросовестный труд.

Для Фишера это досье стало постоянным спутником вплоть до июля 1972 года. В «Гроссинджере» он завтракал, обедал и ужинал только с этой папкой. Если он куда-то выходил, то брал ее с собой. Он любил посещать рестораны китайской или индийской кухни (официантки не были ему рады, поскольку он занимал два столика). Оставшееся время Фишер пребывал в своем номере, поглощая содержимое красной папки, стараясь разглядеть повторяющиеся структуры и выявить слабые места. Как обычно, вставал он поздно и работал до глубокой ночи. Журналисты, стучавшие в дверь его белой виллы, слышали в ответ только «убирайтесь прочь». Изредка его навещали один-два шахматных коллеги. Ларри Эванс рассказывает: «Мы изучали партии Спасского — обычно ближе к утру. В это время играла какая-нибудь рок-н-ролльная радиостанция». Но в основном Фишер работал один. Эванс объяснял в «New York Times»: «Возможно, у меня было больше влияния на него, чем у кого-либо другого, — ровно ноль».

Фишер оставался в «Гроссинджере» до 5 июня, а затем отправился в Калифорнию: ему хотелось улучшить свою спортивную форму игрой в теннис. Также он принял участие в службе Всемирной церкви Господней. Его вылет в Рейкьявик намечался на воскресенье 25 июня, за несколько дней до официального открытия, которое было назначено на субботу 1 июля, а на следующий день должна была состояться первая партия.

Фишер вернулся в Нью-Йорк во вторник 27 июня и остановился в «Йель-клубе» в качестве гостя своего нью-йоркского адвоката Эндрю Дэвиса. Это было за четыре дня до официального открытия матча. Драматическая история Рейкьявика уже началась.

Советская делегация прибыла в Рейкьявик 21 июня, чтобы обустроиться на новом месте и акклиматизироваться. В это время года в Исландии практически всегда светло — «белые ночи». Спасский чувствовал себя как дома, поскольку начало лета являлось сезоном празднеств в его родном Ленинграде. Они сняли номера в лучшем отеле Рейкьявика «Сага»; Спасский поселился в номере 730 — президентском сюите в охраняемом конце коридора. С прекрасным видом из окон, мебелью в имперском стиле и позолоченными кранами в ванной — такое жилье, вне всякого сомнения, было приятной переменой после Москвы. Чемпион до одиннадцати вечера играл в теннис с Иво Неем, а Геллер и Крогиус готовились к предстоящей битве.

Интересно сравнить команды обоих игроков. Спасский приехал с Геллером, Крогиусом и Неем — двумя гроссмейстерами и одним международным мастером. Свиту Фишера составляли адвокат Эндрю Дэвис, получивший образование в Йеле и Оксфорде, и Фред Крамер, в прошлом президент Шахматной федерации США, принявший от Эдмондсона роль представителя претендента. Фишер вызвал и другого юриста, Пола Маршалла. Корреспондент журнала «Life» Брэд Даррах присоединился к команде и позже написал красочный подробный отчет обо всем происходившем в Исландии.

Фишер ещё не выбрал себе секунданта; в самый последний момент им стал гроссмейстер Уильям Ломбарда. Ломбарда разительно отличался от всей остальной команды. Он был высококлассным шахматистом: в 1958 году на юношеском чемпионате мира блистательно одержал 11 побед, без ничьих и поражений — поистине выдающийся результат! — и дважды становился чемпионом США. В отличие от Фишера, он побеждал Спасского. Этой победы, в 29 ходов, он добился на студенческом командном чемпионате мира, проходившем в Ленинграде в 1960 году; американцы заняли тогда первое место. Однако шахматы составляли лишь часть его призвания: Ломбарда был католическим священником, возможно, величайшим из священников-шахматистов со времён жившего в 16-м веке испанца Рюи Лопеса, изобретателя дебюта, названного его именем (испанская партия), — одного из любимейших дебютов Фишера.

Полный, с маленькими глазками на толстом лице, обрамленном аккуратными бакенбардами и еле заметными усами, Ломбарда произвел в Рейкьявике двойственное впечатление. Некоторые находили его общительным, вежливым, открытым и весёлым. Другие — невыносимо суровым и напыщенным. Некоторые отзывались о нем, как о преданном и надёжном человеке. Другие — например, писатель Джордж Штайнер — называли его злобным интриганом. Но несомненно, отец Ломбарда, ведущий пресс-конференцию в сутане священника, был одной из достопримечательностей матча.

Дэвис и Маршалл привыкли к непредсказуемости Фишера; каждый из них уже столкнулся с его отказом от предыдущих договорённостей. Но, как и многие знакомые Фишера, они прощали ему то, чего не прощали другим клиентам и друзьям. Маршалл был «удивлён», когда Дэвис внезапно позвонил ему с просьбой о помощи от лица Фишера, словно между ними не было никакого разлада. Однако он взял Фишера обратно в клиенты, поехав действовать от его имени, при этом не включая в счёт время и издержки, — нью-йоркский адвокат, работающий по принципу «pro bono» (для общей пользы — лат.). Он вспоминал о своем клиенте, словно это был герой Чарльза Диккенса Малыш Тим: «Бобби никогда не делал деньги на своем имени. Те, кто с ним работал, когда Бобби было четырнадцать-пятнадцать лет, попросту использовали его. Если появлялись какие-то деньги, их забирали. Ему звонили и говорили: "Участвуй, мы оплатим все счета и дадим тебе пару баксов". А когда всё заканчивалось, вместо пары баксов они давали ему огромный счёт за гостиницу. И вот вам, пожалуйста, пятнадцатилетний мальчишка наедине с чудовищным счётом, без денег и в слезах».

Но в 1972 году Фишер уже вышел из детского возраста, и, говоря по справедливости, дальнейших переговоров о деньгах не должно было быть. Финансовое соглашение казалось утверждённым. Победитель получал 78 125 долларов, проигравший — 46 875, и оба участника получали по тридцать процентов от продажи прав на теле- и киносъёмку. Однако подход Фишера был традиционным: никаких соглашений, никаких подписей, никаких подтверждений. За несколько дней до запланированного старта матча он потребовал, чтобы ему заплатили ещё и тридцать процентов от продажи входных билетов, оценивая свой гонорар примерно в 250 тысяч долларов. Исландцы отказались: зал для игры вмещал 2500 зрителей, и организаторы зависели от дохода, покрывающего их издержки.

Хотя 27 июня Фишер был ещё в Нью-Йорке, уже на сутки опаздывая в Рейкьявик, его всё ещё ожидали на церемонии открытия матча. Но что, если он не приедет? У пресс-атташе Исландской шахматной федерации Фрейстейна Йоханнссона не было заявления для прессы на случай таких непредвиденных обстоятельств.

28 июня Фишер заказал в аэропорту Джона Кеннеди билет на другой рейс. Всё было готово, включая свежие апельсины, которые, по его настоянию, должны были выжиматься в его присутствии: он боялся, что готовый сок испортят советские шпионы. Финансовые требования претендента признаны не были, но адвокаты надеялись, что Фишер все же сядет в самолёт. Маршалл, перегруженный тогда работой, рассказывал прессе:

Энди [Дэвис] позвонил мне из лимузина по дороге в аэропорт. Он проезжал мост на

Пятьдесят девятой улице, и я сказал: «Поздравляю». Он ответил: «Не поздравляй — ещё рано». Мы оба засмеялись и распрощались. Я был счастлив... Подумал: теперь не увижу Бобби два с половиной месяца. Отправился домой; жена меня поздравила. Впервые за несколько недель я поцеловал своих детей. Ночью отлично выспался, наутро отправился в офис, всё было прекрасно, и вот настало время ланча. Я взял газету и увидел — о нет, он всё ещё здесь! Пришлось немедленно выпить.

Дэвис сам бронировал места, но в одном из переходов аэропорта разыгралась сцена, достойная фильма братьев Маркс (с участием Греты Гарбо): Фишер остановился купить будильник, увидел толпы операторов, жаждущих заснять исторический отъезд, — и дал дёру.

Он укрылся у своего друга детства Энтони Сейди в нью-йоркском районе Квинс, в Дугластоне, на Чедар-лейн 2, в просторном доме в стиле Тюдоров. Врач из ливанской семьи, Сейди однажды выиграл открытый чемпионат США по шахматам. Фишер чувствовал себя здесь как дома, наслаждаясь блюдами ливанской кухни, приготовленными матерью Энтони.

Дэвис проклинал СМИ за то, что те не учли желание его клиента не показываться публике. Другие подозревали скрытые мотивы: вместо того чтобы лететь на чемпионат, он полетел от него прочь. Третьи предполагали, что причиной являлись не папарацци, а патовая ситуация с последними финансовыми условиями. В портфеле Дэвиса лежали требования увеличить проценты от телепоказов, а также выдать Фишеру в начале матча сумму, равную призу проигравшего, и тридцать процентов от продажи входных билетов. «New York Times» нашло это ещё более трудным для понимания: сумма получалась тривиальной в сравнении с тем состоянием, которое он мог сделать, став чемпионом мира.

30 июня 1972 года: Фишер в аэропорту Джона Кеннеди. Он не сядет в самолёт, а убежит прочь, к выходу.

Ещё одна гипотеза состояла в том, что Фишер сознательно вел войну нервов со своим противником. Претендента ещё не было, а пресса утверждала, что чемпион «уже на грани». Репортёр «Washington Post», побывавший у Фишера в Дугластоне, сообщил ему об этом. «Я не верю в психологию. Я верю в хорошие ходы», — ответил тот.

На беду исландцев, 27 июня прилетел Фред Крамер, что для организаторов явилось началом двухмесячной эпопеи юридических разбирательств. Он представил список необходимых условий, касающихся освещения и иных деталей, а затем выдвинул неожиданное требование: новый арбитр, не шахматист. Опытный и уважаемый немецкий гроссмейстер Лотар Шмид вдруг оказался неприемлемой кандидатурой. Это довольно любопытно, поскольку, будучи подростком, Фишер останавливался у Шмида в Бамберге.

Выдав юного шахматного гения за своего племянника, Шмид привел его в казино в Бад-Хомбурге, пригороде Франкфурта-на-Майне, где увидел, что Фишер не склонен к риску. Спокойный, явно порядочный человек, Шмид был арбитром последнего претендентского матча Фишера против Петросяна. Высокое качество судейства и привело его в финал. Шахматы не были единственным интересом Шмида: его семейная фирма «Karl-May Verlag» издавала автора вестернов Карла Мея — второго по продажам немецкого автора после Гёте.

Фишер скрывался в доме Сейди, а тупик, в который попали исландские чиновники и адвокаты шахматиста, отодвинул президентские выборы США с первых полос газет. Пока адвокаты Фишера торговались о финансовых условиях, репортёры узнали, что отец доктора Сейди, Фред, был соавтором «Радуги Финиана», мюзикла о невероятной финансовой удаче. Сейди был озабочен тем, что его отец серьёзно болен и нуждается в госпитализации. Фишер сказал Сейди, чтобы он не беспокоился: болезнь Фреда ему не мешает.

В день официального открытия матча, в субботу 1 июля, «New York Times» описала всю историю на первой полосе: «Колебания Бобби Фишера относительно участия в чемпионате мира по шахматам подняли волну споров и дискуссий в Нью-Йорке и Москве, а также в исландском Рейкьявике». ТАСС мотивировал действия Фишера тем, что в нем проявился «отвратительный дух наживы». Эд Эдмондсон сказал: «Он будто разыгрывает какой-то спектакль, зачем — не знаю». Он ставил два к одному, что Фишер играть не будет. Когда матч был отложен, один журналист заметил: «Все ненавидели Бобби. Он уселся на электрический стул, и любой с радостью включил бы ток. Но никто не мог себе позволить дать этому сукину сыну сгореть. И что же они сделали? Дёрнули стоп-кран. Теперь, если все мы падём на колени, Бобби, может быть, соизволит появиться».

Исландцы обвинили Фишера в вымогательстве. По Рейкьявику ходили слухи, как в военное время. В одной из самых популярных баек говорилось о том, что Фишер скрывается в стране, прибыв сюда неделей ранее на самолёте американских ВВС или, по другой версии, добравшись до берега на резиновой моторке, спущенной с американской подводной лодки.

Напуганные перспективой срыва матча, организаторы столкнулись с проблемой, к которой не были готовы. Поскольку претендент отсутствует, как быть с церемонией открытия? Это могло казаться абсурдным, но никакого другого варианта, кроме как провести её, не существовало. Делать всё так, словно матч однажды начнётся, — наиболее разумный способ убедить всех в том, что он действительно состоится. По крайней мере, так представлялось в теории.

Итак, словно всё идёт по плану, в Национальном театре Рейкьявика гости собираются на церемонию открытия. Кресло рядом со Спасским пустует. На столь важном для страны событии присутствуют президент Исландии Кристьян Элдьярн и мэр Рейкьявика Гейр Халлgrimссон вместе с членами городского совета. Там же находятся премьер-министр Олафур Йоханнессон и министр финансов Халлдор Сигурдссон, гарантировавший стоимость проекта в сумме пяти миллионов исландских крон. Приглашены главы советского и американского посольств. Президент ФИДЕ Макс Эйве прилетел из Голландии, а главный арбитр Лотар Шмид прибыл из Германии. Они понимают, что это событие может оказаться шарадой; показное дружелюбие скрывает тревогу и затаённое чувство обиды.

Но больше всех расстроен и подавлен тот, кто несёт ответственность за проведение матча в Исландии, — Гудмундур Тораринссон. Он мечтал об этом моменте. Своей речью на открытии матча он хотел снискать одобрение исландской элиты и в дальнейшем начать политическую карьеру. Вместо этого он был охвачен паникой, потел и боялся опоздать. В отеле «Лофтлейдир» вот уже десять часов кряду ему приходится слушать, как он выражается, «всё новые, и новые, и новые требования». Без десяти пять, когда был наконец достигнут некоторый прогресс, Эндрю Дэвис встает и говорит: «Забудьте об этом. Фишер не приедет, и никакого матча не будет». За десять минут до открытия Тораринссон мчит в Национальный театр. Зная, что Фишер не намерен покидать Нью-Йорк, он должен будет появиться на сцене перед президентом своей страны. Хуже всего то, что он до сих пор одет в

рабочую одежду.

По дороге к Национальному театру он лихорадочно размышляет: надо ли ему говорить аудитории, что всё кончено, даже не начавшись, или скрестить пальцы и просто открыть чемпионат? Он прибывает в 17.15, опоздав на четверть часа, и Тораринссона ждет самый длинный в его жизни путь к трибуне:

Когда я подходил к двери, меня встретил высокий чин из Министерства иностранных дел: «Что вы за человек? Это невиданная грубость. Все сидят, ждут вас, а вы ещё так одеты». Он взял меня под руку и сказал: «Проходите, вот трибуна». До трибуны я шёл один, пятнадцать метров или около того. Краем глаза взглянул на балкон, где сидел президент Исландии. Это был пожилой опытный человек. Мне казалось, он догадывается о происходящем. Мы посмотрели друг на друга, и в метре от трибуны мне всё стало ясно. Я открою матч. Этим я никому не нанесу вреда. Потом можно будет сказать, что ничего не получилось. Но если объявить об этом сейчас, всё действительно будет закончено. Худобно я произнёс речь, к которой не готовился. Так и открыл чемпионат.

Президент Исландии на сцену не вышел. Правительственное приветствие оглашает министр культуры Магнус Торфи Олафссон. Мэр произносит по поводу шахматной игры многозначительную фразу: «Совершенно очевидно, что люди не желают быть пешками на доске даже в руках гениев». Речь Эйве отчасти объяснительная, отчасти извинительная, указывающая на власть Фишера над чиновниками: «Мистер Фишер непростой человек. Но мы должны помнить, что он повышает уровень мировых шахмат для всех игроков». На коктейле после церемонии Тораринссон подвергается критике со стороны своих исландских коллег. Ему говорят: «Нельзя заставлять правительство ждать. Если вы организуете чемпионат мира, необходимо избавляться от подобных привычек». «Я не мог выдать секрета, — говорит Тораринссон. — Информация тут же бы оказалась во всех газетах мира. Мне пришлось ответить: "Прошу прощения, буду стараться. Такого больше не повторится"».

В самом деле, правительству есть о чем беспокоиться, помимо рабочей одежды Тораринссона. Исландская экономика полностью зависит от рыбы, и страна собирается заявить об увеличении границ рыбного лова с двадцати до пятидесяти прибрежных миль, подтверждая своё обещание, сделанное годом раньше. Новые правила вступают в силу с 1 сентября 1972 года. Рыбная промышленность Британии уже страдает от прежних увеличений, и Лондон неминуемо выступит с протестом, а это значит, что вся небольшая нация, чей военно-воздушный флот (один вертолёт) на данный момент выведен из строя, сталкивается с одной из наиболее мощных военных держав мира (в конце концов, при поддержке Америки и эффективного оружия — электрокусачек, которые цепляют и разрезают траулерные сети, причиняя тысячи фунтов ущерба от потерянной рыбы и, что ещё хуже, от потерянных сетей, исландцы обеспечат себе желаемое расширение).

Помощник Фишера Фред Крамер на церемонии не появился, хотя по должности был обязан, назвав ее «музыкальным концертом с речами на исландском, которые все равно непонятны». Тем временем один человек, кажется, догадывается о сути происходящего. В откровенной беседе с югославским гроссмейстером Светозаром Глигоричем Спасский говорит, что ему, скорее всего, предстоит двухмесячный отпуск, а затем встреча в Москве с Петросяном.

Пока Тораринссон размышлял над следующим ходом, Фишер пребывал в Дугластоне, соблюдая шабат. Его требования всё ещё лежали на столе, а посадка в самолёт и не планировалась. Скрываясь от мировой прессы, он отказывался отвечать на письма, разговаривать по телефону и открывать дверь.

Когда матч угодил в такую трясику, были предприняты две попытки его спасти: первая исходила из самого сердца Белого дома, от Никсона, а вторая — поистине *deus ex machina* — от одного из самых богатых людей Британии, который неожиданно решил вмешаться в ход событий.

К первой попытке могло быть причастно исландское правительство. Хотя оно не имело прямого отношения к матчу, на кону стоял национальный престиж, и премьер-министр

Олафур Йоханнессон был глубоко озабочен возможным провалом. Поскольку они с Тораринссоном состояли в одной политической партии — Прогрессивной (левоцентристское движение фермеров), Тораринссон решил обратиться к нему за помощью.

Он постоянно искал пути выхода из тупика. Может быть, ему удастся уговорить Спасского и Фишера обсудить ситуацию напрямую? Чемпион отказался звонить своему сопернику, но с готовностью согласился на разговор, если американец позвонит сам. Однако Фишер не желал проявлять такую инициативу. Спасский вызвал исландца на встречу в своей гостинице.

Он сказал: «Гудмундур, ситуация очень серьёзная. Её можно решить только на самом высоком уровне». Я посмотрел на него и сказал: «Что ж, возможно, вы правы. Мы решим её на высоком уровне». Пожав ему руку, я отправился прямиком к премьер-министру. Объяснил, что у нас большие неприятности и он мог бы нам помочь. «Позвоните в Белый дом, попросите их повлиять на Фишера». «О нет, нет, нет! — сказал он. — Вы ещё молоды и не знаете, что подобные вещи не делаются таким образом». Потом подумал немного и сказал: «Что ж, если вы такой решительный, сделаю, что смогу». И позвонил в американское посольство.

Но русский и исландец не поняли друг друга. Тораринссон полностью сосредоточился на американце, и ему даже в голову не пришло, что Спасскому тоже нужна поддержка. Премьер-министр связался с американским поверенным в делах Теодором Тремблеем. Может ли американское правительство протянуть руку помощи?

Тремблея невероятно раздражал Фишер. На церемонии открытия его жена сидела рядом с пустым креслом, по другую сторону которого был Спасский. Но он склонялся к тому, чтобы помочь. В этот неустойчивый период отношений США и Исландии основное место в его мыслях занимала военная база в Кефлавике. Исландское коалиционное правительство (Исландия — единственная страна НАТО, имевшая министров-коммунистов) как раз сейчас решало будущее Кефлавика, и закрытие базы могло иметь стратегические последствия для Западного альянса. Географическое положение Исландии, лежащей точно посередине между США и СССР, делало этот уединённый остров бесценным союзником. Советский Союз давил своей новой военной стратегией в открытом море, и Исландия служила важнейшим наблюдательным форпостом, откуда велось слежение за советскими кораблями и подводными лодками.

Помимо защиты Кефлавик давал рабочие места и прибыль. Однако многие исландцы больше негодовали, нежели испытывали по такому поводу радость: база вызывала тревогу — исландская культура находилась под угрозой из-за присутствия большого числа иностранцев. Подобная двойственность в отношении к Америке не была внове. В конце 19-го века свидетели так описывали американского китобоя: «Он сходил на берег в цивильном костюме, швырялся долларами направо и налево, кутил в кабаках, пил одну кружку пива за другой и вновь исчезал, пугая исландцев до смерти». В романе 1948 года «Атомная станция» исландский писатель, лауреат Нобелевской премии Халлдор Лакснесс передает эту атмосферу в образе двух маленьких мальчиков, играющих в шахматы, пока по радио крутят американскую музыку. Героиня размышляет: «Слушая шум американской радиостанции, я вновь подумала о благородстве шахматной игры».

Вдобавок к интересам геополитики Тремблей попросту симпатизировал исландскому народу: «Было очень неприятно смотреть, как их замысел рушится из-за невоспитанности Фишера». Он вспоминает, что премьер-министр говорил ему, сколь много Исландия вложила в этот матч, и спрашивал: «Есть ли способ сделать так, чтобы он все-таки появился?»

В американском посольстве Тремблей послал телеграмму на имя госсекретаря США Уильяма Роджерса, а копии — в Совет национальной безопасности и в ЦРУ. В ней излагалась просьба Олафура Йоханнессона, выражавшего беспокойство в связи с отсутствием Фишера; Соединённые Штаты, разумеется, не несут ответственность за сложившуюся ситуацию, но действия Фишера, продолжал он, оскорбляют Исландию, и отмена матча будет стоить стране семь миллионов крон. «Все знают, что Фишер сумасброд и

не поддается контролю со стороны правительства, но его действия вполне могут повредить имиджу США». Премьер-министр обратился к Трэмблею с просьбой довести эту озабоченность до Белого дома: «Хотя он понимает, что подобный план может ни к чему не привести, он был бы благодарен за попытку убедить Фишера выполнять свои обязательства».

Учитывая, что все эти события разворачивались в течение двух выходных, остается неясным, произвела ли телеграмма Трэмблея какой-то эффект. Мы можем просто проследить цепочку событий: просьба Йоханнесона предшествовала действиям Трэмблея, а потом в Дугластон позвонил советник по национальной безопасности, доктор Генри Киссинджер.

В интервью авторам Киссинджер отверг мысль, что этот звонок был сделан официально: «Это не политическое решение. У меня не было официальной бумаги с указаниями. Просто эта информация каким-то образом привлекла моё внимание». Он скромно отзывается о собственном шахматном мастерстве: «Я рядовой любитель». Он даже отказался сыграть партию с советским послом Анатолием Добрыниным, умелым игроком, опасаясь дать противнику информацию о принципах работы своего сознания. Первые слова разговора Киссинджера с Фишером вошли в историю шахмат: «Это худший в мире игрок звонит лучшему игроку в мире». Он вспоминает: «Конечно, всё было непросто, но мне хотелось, чтобы Фишер знал: правительство желает ему удачи. И лично я пожелал ему удачи».

О реакции Фишера Тораринссон узнал от «американских юристов»:

Они были с Фишером, когда раздался звонок Киссинджера. Киссинджер сказал: «Америка хочет, чтобы вы поехали туда и победили русских». И Фишер тут же передумал, представив себя молодым солдатом, идущим на войну. Когда они спросили, почему он изменил своё решение, он ответил что-то вроде: «Интересы моей нации важнее моих собственных».

Юристов вполне устраивал такой самоотверженный патриотизм со стороны их клиента, однако они не понимали, почему Фишер до сих пор пребывает в своем убежище в Дугластоне, вместо того чтобы отправляться на передовую.

Тем временем в Рейкьявике американская команда давила на Тораринссона в отношении финансовых уступок такими способами, с которыми он никогда раньше не сталкивался и считал неприемлемыми. Он понимал, что если уступит хотя бы одному требованию, на него хлынет целый поток: «Поэтому мы упрямо отвечали: "Вот наше предложение. Мы это обещали, больше мы ничего не можем сделать, решение остается неизменным"». С оттенком восхищения он вспоминает тактику юристов: «Они говорили: "Это невозможно. Мы против. Мы вам говорим, как другу: чтобы спасти матч, вы должны сделать то-то и то-то. Иначе матча не будет". Никакой враждебности. Они просто давали мне совет! Пришли с бумагами и говорят: "Подпишите здесь, и всё будет в порядке"». У исландца был настоящий культурный шок:

Эта адвокаты — совершенно иной тип людей, не похожий на исландцев. Такое впечатление, что их движущая сила — деньги и что всё, что не запрещено, то разрешено. Мы так не считали. В Исландии гораздо больше внимания уделяется этике, нежели закону. А когда они произносят слово «деньги», сам звук их голоса меняется, меняется выражение лиц. Деньги! Деньги! Деньги!

Однако деньги имели значение и для исландцев. Они находились в убытке. Если матч не состоится, они потеряют все вложения, а для маленькой страны это была значительная сумма. Тораринссон не забыл, как Дэвис постоянно твердил об этом: «Вы потеряете всё. Просто отдайте нам доход от продажи билетов, ещё кой-чего, и Бобби будет здесь». Исландец находился под обстрелом со всех направлений. Журналист Брэд Даррах обвинял его в стремлении передать руководство матча советским. Местная пресса обвиняла в крахе международной репутации Исландии. В одной передовой статье вопрошали: «Почему он не может договориться? Он совершенно беспомощен».

Тораринссон был не единственным, у кого возникли сложности. Трэмблей послал в

Госдепартамент телеграмму, в которой сообщал, что его миссия столкнулась с «большим количеством финансовых и других требований от представителей Фишера...» Он привел список условий, которые оставил неудовлетворёнными. К примеру, Дэвис просил американское правительство гарантировать Фишеру сумму в 50 тысяч долларов на основании того, что требование процентов с продажи билетов было отклонено. Аргументы Дэвиса выглядели несколько вызывающе: американское правительство должно помочь, поскольку отсутствие его клиента может повлиять на отношения Исландии и США. Тремблей писал: «В этом было отказано. Исландцы уважают уникальную личность Бобби Фишера, и хотя его выходки могут бросить некоторую тень на США, маловероятно, что официальная позиция или реакция публики на задержку или отмену матча будет настолько негативной». Крамер потребовал дипломатических номерных знаков, на что ему ответили, что в этом нет необходимости. В субботу 2 июля, в два часа ночи, Даррах разбудил Трембля телефонным звонком и заявил, что для обеспечения безопасности Фишера требуется круглосуточная охрана из четырёх морских пехотинцев.

Исландское правительство было возмущено. Премьер-министр обиделся на утверждение Дэвиса, что Исландия будет требовать у американского правительства возмещения ущерба, если матч провалится. Йоханнессон негодуяюще отозвался на запрос представителей Фишера о гарантии его безопасности правительством США. По словам Трембля, «премьер-министр язвительно заметил, что правительство Исландии вполне способно предоставить необходимый уровень безопасности».

Однако поведение Фишера тревожило Трембля гораздо больше, нежели он говорил об этом вашингтонскому начальству. Он считал, что советские побеждали в пропагандистской войне: «Так и было. Борис — это само обаяние. Настоящий волшебник. Приятный, утонченный, хорошо образованный. Все его любили. А Фишер попросту отказывается появляться».

Возможно, предчувствуя грядущие неприятности, Дэвис изменил курс и попросил отложить матч. Причина? Его клиент страдает от переутомления. Дэвис и Крамер обещали представить заключение врача, но оно так и не появилось. Настроение в Рейкьявике царило мрачное, организаторы нервничали, город полнился слухами. Корреспондент «New York Times» Гарольд Шонберг писал: «Есть что-то печальное в тщательно подготовленной сцене, которая может так никогда и не увидеть представления».

Президент ФИДЕ Макс Эйве воздерживался от прямых контактов с Фишером. В течение полугода этот матч был для него сплошной головной болью, и теперь Эйве говорил: «Фишер не будет разговаривать со мной до тех пор, пока ему не понадобится, чтобы я заказал для него такси. Я не хочу с ним встречаться». В то же время, не видя никаких медицинских свидетельств, он дал Фишеру два дополнительных дня на основании одних только слов о болезни.

Пока всё это происходило, чемпион мира пребывал в одиночестве. Советскую команду в Рейкьявике известили, что жеребьёвка переносится на два дня, на 4 июля. Геллер позвонил в Москву и сообщил об этой новости. От имени Шахматной федерации СССР Батурицкий послал разъярённую телеграмму Лотару Шмиду. Он обвинял Фишера в «шантаже» с молчаливого одобрения руководства ФИДЕ. Его отсутствие на открытии, жеребьёвке и первой партии, назначенной на 2 июля, было беспрецедентным нарушением правил. Фишер заслуживает дисквалификации, добавлял Батурицкий. Эйве взял на себя «более чем неприглядную роль защитника Фишера». По собственной инициативе он отложил матч, следуя «несуществующему запросу» на основании «воображаемой болезни» Фишера.

Цитируя строки из амстердамского соглашения, Батурицкий заявлял, что если до полудня 4 июля правила ФИДЕ и соглашение не будут соблюдены, Шахматная федерация СССР станет рассматривать чемпионат «разрушенным» ФИДЕ и Фишером. Угроза была прозрачной: матч попросту потеряет законную силу.

Когда Геллер обвинил Эйве в том, что тот отложил матч, президент ФИДЕ использовал в качестве оправдания позицию чемпиона: «Я хотел спасти матч, потому что Спасский

рвется играть». Геллер передал эти слова Ивонину, который назвал их возмутительным аргументом. Однако они не знали, что чемпион мира в каком-то смысле действительно дал Тораринссону и Эйве зелёный свет.

Днем 2 июля, в воскресенье, Спасский долго беседовал с Эйве, который предложил ему поужинать вместе с американским миллионером и поклонником шахмат Исааком Туровером. Геллер и Крогиус считали, что Спасский может с честью вернуться в Москву, и, чувствуя колебания чемпиона, настаивали на том, чтобы он не ходил на ужин, где его могли уговорить подождать ещё. Спасский проигнорировал этот совет: на следующий день было заявлено, что он согласен на задержку.

Но затем прозвучал второй звонок, словно Фишер действительно зашёл уже слишком далеко.

Утром в понедельник 3 июля Джима Слейтера, ехавшего по лондонским улицам на работу, расстроил радиорепортаж о том, что претендент на звание чемпиона мира так и не появился в Рейкьявике. С 1964 года -тогда ему было немногим больше тридцати — Слейтер владел компанией «Slater Walker Securities». Его партнёр Питер Уолкер оставил общий бизнес ради членства в парламенте от партии консерваторов и поста министра в правительстве Эдварда Хита, а потом и Маргарет Тэтчер. Во время матча Фишер — Спасский компания Слейтера имела контрольные пакеты акций 250 предприятий по всему миру. В высшей степени уверенный в себе, решительный и жёсткий бизнесмен, Слейтер, по его собственным словам, обладал на тот момент состоянием в «шесть миллионов фунтов и более». Игрок по натуре, он позволял себе одну большую роскошь — играть в бридж на тысячи фунтов с более сильными противниками.

Он был большим поклонником шахмат и поддерживал игру, являясь спонсором ежегодного турнира в Гастингсе. В годы после матча Фишер — Спасский он вместе с бывшим британским чемпионом и журналистом Леонардом Барденом (отвечавшим за идею и организацию) изменил ситуацию в британских шахматах, начав вкладывать деньги в юношеские соревнования.

Теперь же он решил, что легко может позволить себе послать Фишеру деньги, чтобы тот наконец либо отправился в Рейкьявик, либо показал себя трусом. Он удвоил приз, добавив к нему 50 тысяч фунтов (125 тысяч долларов). Прибыв в офис, он передал своё предложение через Бардена, тот поговорил с Маршаллом и дал американскому юристу кое-какие сведения о спасителе чемпионата. Маршалл обсудил предложение с Фишером. Слейтер говорит, что он позвонил своему приятелю Дэвиду Фросту, который позвонил своему приятелю Генри Киссинджеру. После этого Киссинджер связался с Фишером. Что же двигало Слейтером? «Помимо того, что я сам получил возможность на протяжении нескольких недель наслаждаться удивительным зрелищем, я подарил любителям шахмат всего мира невероятное удовольствие».

Генри Киссинджер. После его звонка следующий ход — за Фишером.

Предложение Слейтера попало на первую полосу лондонской «Evening Standard», и вскоре его дом окружили репортёры. Вернувшись с работы, он объяснил изумлённой жене: «По пути в офис у меня возникла любопытная идея». Любопытная идея была сформулирована в довольно резких терминах: «Если он не боится Спасского, то тему денег я закрываю».

Бизнесмен-миллионер Джеймс Слейтер. Он вложил деньги, чтобы спасти матч.

Не совсем ясно, как предложение британца смогло убедить Фишера. К этому определённому приложил руку Пол Маршалл, поначалу представив предложение как ответ на финансовые претензии Фишера. «Но просто так Фишер его бы не принял, — объясняет он. — Опыт общения с людьми, которые постоянно что-то обещают, научил его им не доверять, особенно в вопросе денег. Он хотел доказательств. И сказал "нет"». Маршалл попытался уговорить его. Позвонив Бардену, юрист занял своё место в галерее спасителей матча: «Я сказал, что на их месте сформулировал бы предложение иначе. Слейтер должен заявить, что не рискует деньгами, поскольку Фишер только и ищет повода отказаться от игры. Ведь на самом деле в глубине души Фишер боится. Бобби мог разозлиться на эти слова. Так позже и случилось. Я знал, что Бобби чрезвычайно любил сражаться, бороться и не терпел, если о нем думали как о трусе». Слейтер же отрицает эту версию, настаивая, что мысль представить предложение как насмешку возникла у него с самого начала. Он никогда не разговаривал с Фишером и не получал от него слов благодарности. «Фишера описывают как грубого, невоспитанного, возможно, безумного, — говорит он. — Я сделал это не ради признательности, а ради шахмат». Одновременно с этим прошла информация, что жена Маршалла, Бетт, профессиональный фотограф, сообщила прессе, где скрывается Фишер, стремясь выкурить его из убежища.

Вмешательство Киссинджера, дополнительные деньги, сама формулировка Слейтера, толпившиеся перед домом на Чедар-лейн репортёры, информация из Рейкьявика о том, что если Фишер не прибудет к полудню 4 июля, то его дисквалифицируют, — всё это вместе или что-то одно наконец перевесило чашу весов.

Третьего июля, накануне Дня независимости, Фишер отправился по вечерним улицам в аэропорт Джона Кеннеди. Там он пересел на автомобиль исландских авиалиний и был доставлен на борт самолёта. Рейс 202А, запланированный на 19.30, улетел в 22.04. Пассажиры вынуждены были долго ждать, а некоторые сдали билеты. В Москве министр иностранных дел позвонил Ивонину и сообщил, что американский претендент в пути.

Маршалл заявил прессе, что проблема была не в деньгах. Речь шла о принципе: его клиент чувствовал, что Исландия не проявляет к этому матчу и к его соотечественникам того уважения, которого они заслуживают. Его же личное мнение было таково, что до предложения Слейтера Фишер «по сути, был готов сдать». Он определённно решил не ехать».

Маршалл сопровождал Фишера в Исландию вместе со своей женой. Фишер запрещал брать её в Рейкьявик, утверждая, что она будет отвлекать Маршалла. Тот нарушил указание, забронировав ей место в другом конце самолёта. «Мы пролетели уже четверть пути, я заметил, что Бобби перестал волноваться, и попросил жену прийти. Он очень живо её приветствовал, словно предыдущего разговора и не было».

Исландскому гроссмейстеру Фридрику Олафссону было официально поручено приветствовать Фишера, встретить его у трапа самолёта, проводить в аэропорт, представить публике и увезти в Рейкьявик. Соблюдая меры предосторожности, журналистов и фотографов собрали в здании аэропорта, но чиновник исландских авиалиний, отвечавший за связи с общественностью, поддался искушению мировой славы и выпустил репортёров на лётное поле.

План Олафссона потерпел крах в момент, когда Фишер вышел из самолёта ранним утром 4 июля. Гроссмейстер вспоминает:

Всё было хорошо, пока Бобби не вышел на трап, у которого собралась толпа журналистов и фотографов. Увидев их, Бобби рванул вниз, не замечая ожидающих его официальных лиц, растолкал журналистов, стоявших на пути, и прыгнул в ближайшую машину охраны. Пока всё это происходило, я стоял на верхней ступени, в изумлении наблюдая суматоху и глядя на Бобби, мчащегося вниз.

Олафссон остался стоять.

Олафссон был спокойным, достойным человеком, оставлявшим всю свою агрессию за шахматной доской (он являлся одним из лучших гроссмейстеров мира, и на родине ему не было равных; по выражению Тораринссона, он «гений, явившийся из ниоткуда»).

Постепенно все успокоились, члены команды Бобби разошлись по машинам. Вскоре колонна в сопровождении полицейского эскорта на скорости 150 километров в час двинулась в Рейкьявик — протокол для визита главы государства.

Организаторы матча сели в лужу, говорит Олафссон: «Это было первым впечатлением Фишера от Исландии, и получалось, что организаторы не сдержали слова».

Тораринссон испытывал облегчение, несмотря на то что среди хаоса, царившего в аэропорту Кефлавика, Фишер не обратил на него внимания.

Он отправился к Спасскому поблагодарить его за совет обратиться к вышестоящим лицам. Но когда они встретились, Спасский был зол. Он обвинил Тораринссона в нарушении обещания. И тут исландца осенило: «Я совершенно неправильно его понял. Советское правительство считало, что Спасского унижают и они должны его отозвать. Спасский хотел, чтобы я подключил высшее руководство в Москве, а не в Вашингтоне». Теперь, когда Фишер был в Рейкьявике, Тораринссону предстояла новая битва: чтобы не уехал Спасский.

ГЛАВА 11 КТО ВИНОВАТ?

На протяжении всего матча преобладает атмосфера ирреальности...

Телеграмма от Теодора Тремблея

Из аэропорта Фишера отвезли в дом, предоставленный целиком в его распоряжение; он располагался на тихой улице в новом пригороде Водаланд. Дом являлся первым призом грядущей государственной лотереи, и в нём ещё никто не жил (победитель лотереи позже жаловался, что на самом деле дом не был новым, как утверждалось в рекламе). Когда Фишер приехал, на территории всё ещё лежали кирпичи и горы земли. До центра отсюда было две мили. Вскоре он покинул дом, переехав в другие зарезервированные для него апартаменты — трёхкомнатный номер в отеле «Лофтлейдир». Одна из лучших гостиниц Исландии, она была скорее функциональной, нежели роскошной, и походила на терминал аэропорта: низкая, стоящая вдаль от городской суеты, с фасадом из прямоугольных окон и сборных панелей.

Фишер одарил Би-би-си интервью. Брал его хорошо известный корреспондент Джеймс Бёрк, а выпускал Боб Тонер, который с удовольствием вспоминает некоторые его детали: «Запись началась, Фишер откровенно скучал, так что на две катушки мы не получили ничего — двадцать минут односложных ответов. Карьера рушилась у меня на глазах. Между сменой катушек Фишер спросил Бёрка, какие события он обычно освещает. Бёрк ответил, что вел репортаж с запуска "Аполлона". Вы бы видели, как Фишер загорелся. Он сразу же начал интересоваться: "Вы были в Хьюстоне, подходили к стартовой площадке?" "Да, — ответил Бёрк, — я даже неплохо знаю Нейла Армстронга". После этого Фишера было не остановить».

Вскоре по прибытии Фишера Маршалл созвал новую пресс-конференцию, чтобы смягчить атмосферу: Фишер просит прощения за опоздание и благодарит Спасского, что чемпион его дождался. Дэвис, второй юрист Фишера, был менее разговорчивым, покуривал трубку и злобно поглядывал на окружающих сквозь очки. Однако терпение советских, как в Москве, так и в Рейкьявике, кончилось, и советская делегация ответила собственной пресс-конференцией: Эйве не следовал правилам ФИДЕ, Фишер должен быть наказан по нескольким пунктам.

И опять Тораринссон отправился к премьер-министру с просьбой вмешаться. На этот раз Йоханнессон вызвал советского посла Сергея Астафина. Отметив терпение Спасского, он спросил, что можно сделать, чтобы матч наконец начался.

Теодор Тремблей телеграфировал в Вашингтон: «С русскими чрезвычайно сложно... Матч опять под угрозой». Как и Спасский, он считал, что необходимо напрямую связаться с Москвой, посоветовав сделать это премьер-министру. Он отослал и отчёт о встрече премьер-министра с советским послом. Согласно Тремблею, Йоханнессон сказал, что русские «должны прекратить вести себя так глупо».

В Москве беспокоились за психологическое состояние Спасского и настаивали на недельной отсрочке матча. Им казалось, что чемпион мира слишком нервничал, имея дело с причудами Фишера, и был чересчур взвинчен, чтобы играть должным образом. Москва считала, что Фишер приехал в хорошей форме, хотя как они могли это знать, не ясно (в конце концов, в отличие от Спасского, у которого было время на обустройство, Фишер после перелёта мог чувствовать себя неважно).

Затем атмосфера накалилась ещё больше. До этого момента недовольство ФИДЕ и Фишером выражали в Москве шахматисты, журналисты и, что важнее всего, Спорткомитет. Теперь же оно возникло на более высоком уровне — в ЦК КПСС. Александр Яковлев, в то

время заведующий отделом пропаганды и агитации, был возмущён «унижением» чемпиона мира. Он обвинил Виктора Ивонина в том, что тот, по сути, помогал американцам, до сих пор не вызвав Спасского обратно. «Спасский должен уехать», — заявил он.

Любой, кто активно не поддерживал советскую систему, был против неё. Даже такой человек, как Ивонин, ни от чего не был застрахован. Он пишет: «Яковлев обвинил меня лично несколько раз в том, что я не создал ситуацию, при которой Спасский мог бы вернуться. Он сказал, что позиция, которую я занял, играет на руку американцам». Яковлев продолжал настаивать. Опытный партийный политик, Ивонин проконсультировался с психиатром в отношении того, как убедить Спасского вернуться, даже если он этого не хочет. Получив некоторые полезные советы, он сказал Яковлеву, что готов вылететь в Рейкьявик. «Легко давать советы, но не так-то легко принимать на себя ответственность, — вспоминает Ивонин. — Когда я сказал Яковлеву, что готов отправляться, он ответил: "Нет, пока погодите. Вернемся к этому позже". Через некоторое время он позвонил и передал мне слова Демичева: "Не надо туда лететь. Спасский не должен покидать Рейкьявик первым". После этого энергии у Яковлева прибавилось».

Разрешению ситуации не помогло и отнюдь не простое общение между Рейкьявиком и Москвой. Команда чемпиона использовала телефоны советских журналистов для консультаций с руководством Спорткомитета, включая и министра Сергея Павлова. Корреспондент ТАСС Александр Ермаков случайно подслушал разговор с Москвой о том, что Спасский находится в странном умонастроении и к нему нужно относиться внимательнее.

Существует множество версий о телефонных разговорах Павлова со Спасским, в которых министр убеждал его вернуться в СССР. Некоторые говорят, что он приказывал чемпиону мира, слыша в ответ только решительный отказ. Такое кажется неправдоподобным. Спасский был чемпионом мира и сам отвечал за свою защиту, да к тому же он верил, что может победить. Более того, в записях Ивонина, посвящённых заседаниям Спорткомитета, нет упоминания о подобных беседах. Ермаков вспоминает об одном телефонном звонке, но говорит, что это Спасский звонил Павлову, а не наоборот. Спасский разговаривал спокойным тоном и не очень долго. Павлов, продолжает он, пытался помочь чемпиону мира справиться с ситуацией, советуя ему подумать над заявлением о прекращении матча, но потом согласившись, что Спасский должен остаться. Седьмого июля Павлов сказал Ивонину, что его место — рядом со Спасским. Ивонин вылетел в Рейкьявик четыре дня спустя.

Проблема удалённых от эпицентра московских чиновников была в том, что события развивались чересчур быстро. С Фишером уже начались новые проблемы. Он закрылся от официальных лиц и послал своего секунданта Уильяма Ломбарда действовать от его лица на жеребьёвке, где определялось, кто будет играть белыми в первой партии. Это было слишком даже для Спасского. Сначала пустое кресло, теперь пропуск столь важной церемонии. Он прочитал короткое заявление на русском и покинул зал; внезапно будущее матча вновь оказалось под угрозой. В своем заявлении Спасский выражал протест против откладывания матча, обвинял Фишера в нарушении правил и оскорблении советского народа. Требовалось справедливое наказание, которым мог бы стать только зачет поражения в первой партии.

Реакция Спасского вызвала лавину круглосуточных встреч в гостиницах по всему Рейкьявику. Он требовал извинений и соответствующих санкций. Даже после трёхчасовой встречи представителей Фишера и Спасского дело оставалось неразрешённым.

Виктор Джакович, позже посол США, был единственным американским дипломатом в Исландии, говорившим по-русски. Его приглашали в качестве переводчика:

Никто в нашем посольстве не был знаком с правилами или с ФИДЕ. Если русские выйдут с заявлением и потребуют засчитать Фишеру поражение в матче, это будет провал, думали мы. Возможно, к тому всё и шло. СССР проявлял твёрдость и понятное недовольство сложившимися обстоятельствами. Мы пытались объяснить, чего же хотел Фишер, но что именно это было, оставалось загадкой. В конце концов, обсуждая эту

ситуацию с коллегами, мы подумали: что ж, может, русские здесь действительно пострадали; может быть, им целесообразней уехать.

Точка зрения Пола Маршалла на ситуацию такова, что эмоциональное отношение советских к матчу давало ему преимущество:

Ситуация позволяла мне проводить довольно странную комбинацию тактик — забавных, весёлых тактик, поскольку они чертовски серьёзно относились к происходящему. Это походило на плохое кино с кучей брюзжащих русских. Торговаться оказалось несложно, если кто-то занимал позицию, которая им не нравилась. Можно было над ними посмеяться, а то, что всё публиковалось, очень помогало делу.

Однако организатором было не до смеха. Им приходилось разбираться с требованием советской стороны, чтобы в первой партии Фишеру засчитали поражение. Все понимали, что подобное Фишер даже обсуждать не будет. «Ситуация критическая, — объявил Эйве. — Я не знаю, состоится ли матч вообще».

Главный арбитр Лотар Шмид признаёт, что у русских было право требовать штраф за первую партию, но, когда они с Эйве встретились со Спасским, «я попытался обратить всё это в шутку и сказал: "Как насчёт преимущества в пешку вместо зачёта поражения?"» Это вызвало редкую на лице Спасского улыбку. Шмид напомнил, что русские тоже частенько прибывали на день позже из-за задержек в перелётах — однажды и на турнир в Рейкьявике, — но начало игры им разрешали отсрочить. Это, считал он, устанавливало прецедент.

Вторая серьёзная встреча между Тораринссоном, Эйве и секундантами Спасского состоялась поздним вечером в отеле «Сага». На этот раз Тораринссон сделал ход конем:

Д-р Эйве долго сражался с ними. Я старался соблюдать нейтралитет и в основном помалкивал. Когда время приблизилось к трём или четырём часам ночи, Шмид и Эйве уже очень устали. Внезапно д-р Эйве сдался. Он сказал: «Не вижу никаких других путей. Объявляю, что первая партия засчитывается как проигрыш». Все встали. Мне было ясно, что всё кончилось, никакого матча не будет. Я стукнул ладонью по столу и сказал: «Это невозможно, и во всем виноват я. Согласно правилам шахматных соревнований, нельзя засчитать штрафной проигрыш, если не были пущены часы. Мы являемся организаторами, и мы не пустили часы». Утопающий хватался за соломинку. Но русские снова сели за переговоры.

Момент вдохновенной казуистики сразу закрыл вопрос о штрафе, но, чтобы спасти матч, этого было недостаточно: требовалось выражение раскаяния. Пятого июля советская делегация обнародовала заявление, зачитанное Геллером на пресс-конференции. Переведённое наспех, оно содержало жалобу на «беспрецедентную в истории шахмат ситуацию», в которой чемпиона мира заставили ждать. Произошло нарушение правил ФИДЕ. Отсутствие претендента на открытии и его трёхдневное опоздание унизило чемпиона. Однако это нарушение оказалось «под защитой» Эйве. Далее следовало предложение, с которым мало кто мог спорить: «Всего происшедшего вполне достаточно, чтобы Б. Спасский прекратил переговоры и уехал домой. Единственное, что удерживает его от совершения этого шага, — это понимание значения матча для шахматного мира и для гостеприимной Исландии».

Подтекст этого заявления содержал дополнительное условие сохранения матча. Помимо извинений от Фишера советская сторона требовала у Эйве осуждения американца за бесцеремонное поведение и признания собственного нарушения правил ФИДЕ в части откладывания матча.

Доктор Макс Эйве, президент ФИДЕ. Принесение извинений.

Ранее команда Фишера не особо стремилась извиняться, предложив только одно немногословное заявление, написанное Маршаллом: «Мы просим прощения за то, что задержали чемпионат... Если гроссмейстер Спасский и советские люди испытывали по этому поводу волнение и беспокойство, мне очень жаль, поскольку я ни в малейшей степени не желал этому способствовать». На пресс-конференции Геллер назвал это заявление недействительным — оно было отпечатано на ротаторе и не подписано.

Аудитория притихла. Позже Лотар Шмид назвал случившееся «великим жестом великого человека, спасшего матч»: Эйве немедленно решил выполнить ту часть условий, которая относилась лично к нему. Переводчик советского посольства Валерий Шаманин набрасывал слова Эйве на своей копии заявления Геллера. Президент подтвердил нарушение правил ФИДЕ по «особым причинам», за что просил прощения, осудил поведение Фишера и согласился с тем, что Спасский может готовиться к матчу в течение следующих четырёх дней.

Пресс-конференция разразилась аплодисментами, хотя с недоумением встретила утверждение Эйве, что Фишер не собирался доставлять неприятностей. «Washington Post» прокомментировала, что все считали Фишера и его спутников злодеями. Статья в «Los Angeles Times», продиктованная прямо из Исландии, носила заголовок «Бобби Фишер — ужасный американец». Однако критике подвергалась и советская сторона. Британские газеты опубликовали нападки Эдмондсона. Советы так стремились засчитать себе победу из-за опоздания Фишера, что «продемонстрировали своё истинное лицо: алчные и жадные, коварные и неспортивные». Эдмондсон добавлял: «Я не имею в виду лично Спасского, поскольку все мы знаем, что им руководит — и руководит из рук вон плохо — русское министерство спорта».

Сразу же после пресс-конференции Геллера Фред Крамер созвал свою собственную. Уступки не обсуждаются. Если и должны быть какие-то извинения, продолжал Крамер, то от доктора Эйве в адрес американцев: он нарушил правила ради русских. Что до Фишера, то он «не считает, что вообще что-либо нарушал».

Тем временем Трэмблей встретился с Ломбарда и Маршаллом на стратегическом, как выразился поверенный в делах, заседании «с целью усадить соперников за шахматную доску и изменить настроение прессы, которая явно была на стороне Спасского». «Washington Post» считала, что свита Фишера и сама по себе составляет значительную проблему: Ломбарда и адвокаты профессионально помалкивали, а Крамер — наоборот. Газета отметила: «Так или иначе, американцев можно назвать отличной командой — для Спасского».

Результатом встречи было новое письмо с извинениями от Фишера. В одном из тех внезапных и необъяснимых поворотов ума, отмечавших его карьеру, Фишер решил совершить акт самопожертвования. Он нацарапал записку, в которой предлагал отказ от всех призовых денег и состязание из одной любви к шахматам. Потрясённые, Маршалл и Даррах

работали над текстом целую ночь, убедив Фишера выбросить все упоминания об отказе. По словам Маршалла, он «чувствовал себя полицейским, ведущим переговоры с самоубийцей на краю крыши».

Письмо было доставлено в номер Спасского ранним утром, когда тот ещё спал. Фишер просил Спасского «принять искренние извинения», а также «приносил извинения Эйве и миллионам любителей шахмат во всем мире» за своё «неуважительное поведение и отсутствие на церемонии открытия». Он признавал, что был увлечён мелкими финансовыми спорами. Однако здесь хорошо заметна рука адвокатов. После первого абзаца льстивых речей в следующем речь заходит о штрафе за первую партию, подвергая сомнению мотивы советских, особенно в связи с принятой отсрочкой. В любом случае, говорилось далее, Спасский вряд ли хочет такого сомнительного преимущества. Затем, в лучших пиаровских традициях, следовало признание заслуг и качеств Спасского: «Я знаю вас как спортсмена и джентльмена и с нетерпением жду встречи за шахматной доской».

В такой ситуации это был психологический шедевр. Как он мог не обезоружить чемпиона? Американское посольство передало прессе текст письма ещё до того, как у советской стороны появилась возможность отреагировать.

И это сработало. Впервые за все время чаша весов качнулась в сторону американского претендента. Матч обрел перспективы.

Седьмого июля была проведена жеребьёвка. Фишер снова опоздал, заставив русского попотеть. Когда американец прибыл в игровой зал, по словам Дарраха, «выскочив из машины в блестящем зелёном шёлковом костюме с острыми плечами», то поначалу даже не заметил чемпиона. Спасский «стоял и смотрел в широкую зелёную спину, улыбка сползла с его лица, а бледность стала заметна даже под загаром. Высокий, энергичный и нарядный Бобби выглядел как заносчивая суперзвезда. В своем простом свитере Спасский был похож на охотника за автографами, которому сказали не лезть». Газета «Вечерняя Москва» описывала жеребьёвку так:

Спасский проделал то, что делают даже новички: зажал по пешке в каждой руке, совершил с ними несколько кругов по сцене, затем подошёл к сопернику и протянул ему оба кулака. Фишер указал на кулак, в котором оказалась черная пешка.

Спасский вышел на старт с белыми фигурами.

В драме наступает небольшой перерыв, утомлённые действующие лица могут немного передохнуть. Первая партия перенесена по требованию (или ультиматуму) советских на 11 июля. Спасский отправляется на рыбалку. Гудмундур Тораринссон отдыхает. Пол Маршалл возвращается к своим менее беспокойным нью-йоркским клиентам. Лотар Шмид ненадолго улетает в Германию к сыну, который упал с велосипеда, съезжая с холма, и ушиб голову. Фишер возвращается к своим обычным занятиям: целыми днями спать, играть в боулинг и поедать американские стейки на военной базе в Кефлавике.

ГЛАВА 12 В ГНЕВЕ

Аякс, страшный во гневе.

Софокл

Когда занавес поднимается снова, Фишер уже в игровом зале. Но на сцене появляется новый персонаж: Честер Фокс, амбициозный, считающий себя кинорежиссёром молодой человек с густыми баками, плотными кудрявыми рыжими волосами, одетый в полушинель с широкими отворотами, которой намеревается впечатлять публику. Он немного говорит по-русски. Когда приходят неприятности (то есть почти постоянно), он курит, забывает

затягиваться, и сигарета горит до тех пор, пока от неё не остается лишь фильтр. Фокс взволнован. «Скажите, я похож на насильника? — спрашивает он журналиста. — Разве я здесь ради насилия? Я только хочу заниматься своим делом». Юрист Фокса Ричард Штейн делает всё возможное, чтобы удерживать своего клиента от эмоциональных взрывов.

Несмотря на незначительный опыт, Фокс получил от Исландской шахматной федерации эксклюзивные права на кино- и фотосъёмки в спортивном зале. Фишер и Спасский получали по тридцать процентов каждый от дохода с продаж видеоматериалов, а остальные сорок делились между Фоксом и ИШФ¹². Фокса рекомендовал Пол Маршалл, утверждавший, что не смог найти другого режиссёра, заинтересованного в подобной работе. Детали сделки изумили Гудмундура Тораринссона. Исландец был удивлён, что на контракт претендовал один-единственный человек:

Нам не выделили денег авансом. Ясно, что у них было особое соглашение с Честером Фоксом за нашими спинами и, возможно, Фокс что-то заплатил американцам, подстраховывая соглашение.

Для Фокса матч был потенциально большим рывком. Встреча вызывала невиданный международный интерес, телеканалы жаждали увидеть видеоматериалы, поэтому обладание монополией на показ казалось ключом от банковского сейфа.

Когда проводилась жеребьёвка, Фишер не жаловался на оформление зала. Британский мастер Гарри Голомбек, вице-президент ФИДЕ, заменявший Эйве, похвалил исландцев за «лучшие условия для игры в истории шахмат»: кабельное телевидение, 15 тысяч квадратных футов красного паркета, тысяча зелёных кресел в партере и шесть тысяч футов занавеса, скрывающего дневной свет.

Теперь нервничающие организаторы вечер за вечером ожидали визита Фишера, но тот медлил с осмотром. Когда же наконец претендент появился, примерно за сорок часов до начала первой партии, его одобрения заслужили только тридцать две шахматные фигуры и кресло на шарнирах, специально доставленное из Нью-Йорка. Тяжёлые шахматы ручной работы были сделаны английской компанией «John Jacques & Son». Что до покрытого кожей кресла, его создал Чарльз Имс, изначально для лобби здания «Time-Life» в Нью-Йорке. Оно было куплено в магазине на Мэдисон-авеню, 600. Мичиганский изготовитель кресел Герман Миллер дал исландским организаторам скидку в 50 долларов «в знак дружбы и уважения» к исландскому народу. Официальная цена составляла 524 доллара.

Несмотря на ходящие о претенденте слухи, благовоспитанных исландских чиновников сразило то, что последовало далее. Стол, доска, освещение, расстояние от зрителей до сцены и замотанные тканью башни, в которых скрывались кинокамеры, — всё это объявлялось неудовлетворительным. Ножки стола из красного дерева ручной работы стоимостью 1200 долларов должны быть короче, роскошную шахматную доску — заменить, первые ряды — убрать, башни с камерами отодвинуть назад до точки, где съёмки будут почти невозможны, свет должен быть ярче — нет, не таким ярким; нет, ярче, чем этот... Обучавшийся в Швеции режиссёр-осветитель Дали Агустссон проявил терпение и понимание:

Мне нравился Фишер. Он быстро учился. Если я что-то объяснял ему относительно света, не нужно было повторять это снова. Разумеется, Фишер — сложный человек, но он не лгал. Ему просто требовалось определённое освещение, и было ясно, к чему он стремится. Он хотел незаметный свет — не слишком жаркий, без теней и бликов. Спасскому это было неинтересно. Я на всю жизнь запомнил, что рассказал мне Спасский. Он изучал азы шахмат на кухне своей матери, с одной лишь маленькой настольной лампой. После такого опыта Спасский уже никогда не задумывался об освещении. «Оставьте это Фишеру», — говорил он.

Было около трёх часов ночи, когда Фишер осмотрел шахматную доску. «Камень

¹² ИШФ. Исландская шахматная федерация, отвечающая за организацию шахмат в Исландии.

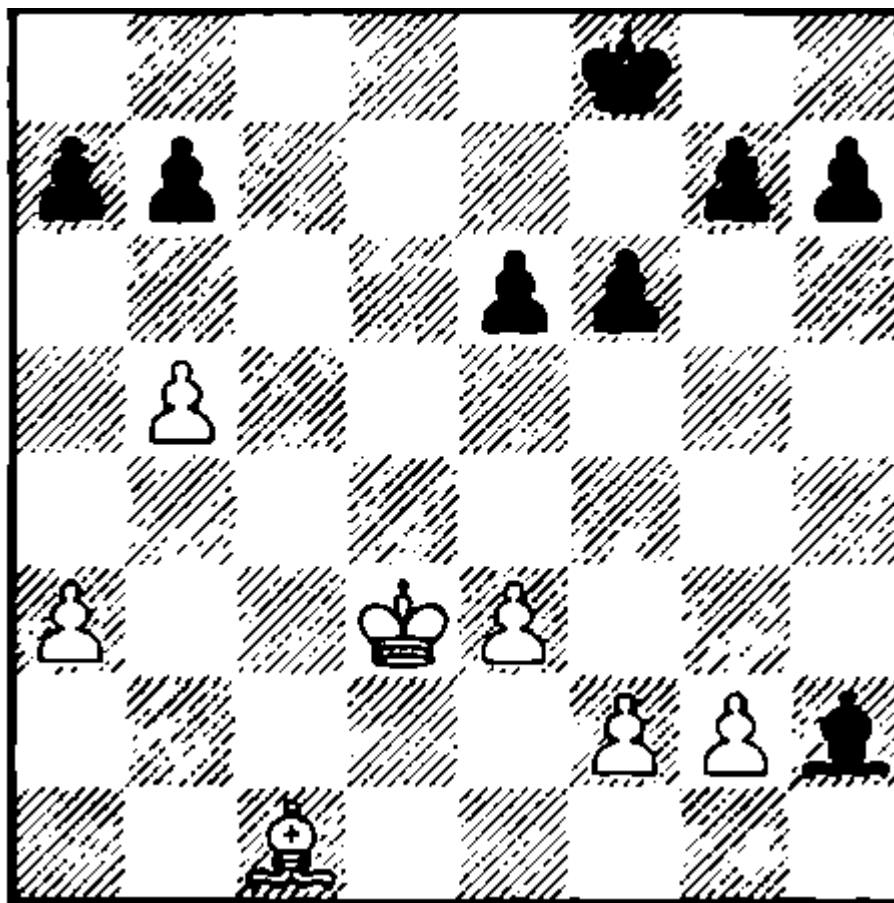
слишком пятнистый, — заявил он. — Нужно, чтобы он был чистым». Стол и доску по просьбе Тораринссона создал Гуннар Магнуссон. Он выточил стол из роскошного красного дерева с матовой отделкой и добавил две полочки для стаканов с водой. Сама шахматная доска была из белого и зелёного мрамора, а занимался ею один из лучших камнерезов страны Торстейнн Бьёрнссон. Его фабрика никогда прежде не делала подобных вещей — помимо прочего, он занимался надгробиями. Ранним утром исландские чиновники вытащили Бьёрнссона из постели и сказали, что у него есть тридцать шесть часов, чтобы сделать ещё одну доску. «Как это — ещё одну! — закричал он. — Мы уже сделали три! Что не так? Он совсем рехнулся?» Но в итоге Бьёрнссон со своими людьми все же вырезал из камня квадраты со стороной шесть сантиметров, скрепив их растёртой мраморной крошкой и прозрачным клеем.

Что касается кинокамер, то, когда Фишер покинул зал, исландцы и Крамер решили, что смогут найти компромисс за его спиной: немного сдвинут камеры и уберут один ряд кресел. Крамер проверил свои записи, есть ли у его подопечного ещё возражения. «Я всё тщательно просмотрел, — сказал он. — Насколько я понимаю, осталось только одно — воздух».

Через шесть минут после запланированного начала первой партии под аплодисменты зала появился Фишер. Чемпионат начался — и начался с партии, изумившей гроссмейстеров.

Спасский играл дебют и миттельшпиль с чрезвычайной осторожностью, так что первые два часа прошли спокойно. Ферзи вышли на 11-м ходу, пара коней — на 16-м, пара слонов — на 18-м, пара ладей — на 19-м, оставшиеся ладьи — на 23-м, два оставшихся коня — на 28-м. С каждой стороны осталось по шесть пешек и слону. Достигнув такой безжизненной, сбалансированной позиции, большинство игроков немедленно согласились бы на ничью. Не было и намёка на возможность победы. Казалось, расшевелить эту позицию невозможно. У Фишера было достаточно времени на обдумывание ходов — по показаниям часов Спасский его опережал.

И вот тут, на 29-м ходу, Фишер совершил немыслимое. Взяв в правую руку чёрного слона, покачав его между большим, указательным и средним пальцами, он отбросил ладейную пешку противника и поставил слона на её место.

Невероятно!

Непостижимо! Сыграв слон h2, Фишер оказался в стандартной ловушке. На первый взгляд незащищённая белая пешка выглядит так, что её легко можно взять слоном. Однако потом становится ясно, что в этом случае соседняя белая пешка продвигается на одну клетку, оставляя чёрного слона в беспомощном положении. Белые легко его заберут. Даже средний клубный игрок инстинктивно это понимает.

Газеты сообщали о том, что в этот момент по залу пронёсся вздох изумления. Фишер был шахматной машиной, не совершающей ошибок. Это было частью его ауры, частью легенды «Бобби Фишер», ключом к успеху. Спасский, приучивший себя не поддаваться эмоциям, на мгновение вздрогнул. Комментаторы матча также были в шоке. «Когда Бобби сделал этот ход, — писал Гарри Голомбек, — я глазам не поверил. До сих пор он играл так умно, зрело, и поначалу я даже решил, что просмотрел какую-то деталь; но сколько я ни вглядывался в позицию, мне не удавалось найти выход». Ни Роберт Бирн, ни Иво Ней, анализировавшие партию в своей книге о матче, не поняли, зачем это было сделано: «Такой ход — абсолютная ошибка». Британский шахматист и писатель К. Александер делает схожий вывод: «Невероятно. Играя столь внимательно и осмотрительно, Фишер достиг явно ничейной позиции... а теперь делает промах начинающего». Эксперт американского 13-го телеканала выразил мнение, что этот ход, должно быть, один из самых абсурдных во всей истории, а «Los Angeles Times» сочла, что его можно объяснить «редкостным просчётом американского гения». В Москве корреспондент центральной советской газеты «Известия» Юрий Пономаренко назвал источником хода жадность. Бондаревский прокомментировал это как «яркий пример для разоблачения мифа об ЭВМ». Восходящая звезда советских шахмат, 21-летний Анатолий Карпов выдвинул психологическую теорию, включавшую обоих игроков. Спасский побаивался американца и должен был доказать себе, что «при желании он всегда сделает белыми ничью». Обозлённый Фишер попытался доказать обратное: «На ровном месте пожертвовал фигуру, допустил неточность — и проиграл».

Спустя годы в исчерпывающем 20-страничном анализе британский гроссмейстер

Джонатан Спилмен пришёл к выводу, что даже после того как Фишер взял пешку «h», осторожная игра могла бы привести к ничьей. Фишер, вполне возможно, интуитивно понимал это. Но вряд ли объяснение было столь простым. При такой уступке видны лишь негативные стороны, не дающие никаких шансов на победу. В лучшем случае, при крайне внимательной игре, это приводило к тому же результату — ничьей, которой он мог достичь без всяких усилий, просто попросив об этом.

Партия была прервана после пяти часов игры, фигуры Фишера пребывали в безнадежном хаосе. Только «New York Times» проявила некоторую щедрость: «Даже если Фишер проиграл первую партию, он достиг уважения игроков, бросив вызов Спасскому и отвергнув верную ничью ради атаки, пусть и безнадежной». В 1992 году, когда Фишер и Спасский встретились вновь, журналист, всё ещё заинтригованный ходом двадцатилетней давности, спросил американца, не пытался ли он таким образом увеличить шансы на победу, осложнив ничейную позицию. «В принципе, это верно. Да», — ответил тот.

Однако тогда он дал другое объяснение, сказав Ломбарди, что среагировал слишком быстро, потому что его отвлекали кинокамеры. Вскоре после первого хода он гневно заявил Шмиду о шуме, исходившем от башен с камерами, и несколько раз в процессе долгой партии повторил свою жалобу. Никому не нравились башни, созданные Честером Фоксом; эти уродливые изобретения предназначались для того, чтобы скрывать под собой кинокамеры и операторов. Они были замотаны в чёрную мешковину, под которой человек чувствовал себя как в сауне. В процессе решения этой проблемы две башни из зала были убраны. Третья осталась в задней части сцены, направленная в игровое пространство.

Виктор Ивонин прибыл в первый день игры и отправился напрямик в зал, с удовольствием пытаясь предсказывать ходы (в записной книжке он указал, что на 35-м ходу, когда Спасский забрал слона Фишера, американец покинул сцену «с брюками, висящими под животом»). Несмотря на интеллектуальную встряску, ему представился и повод для тревоги. Он отметил в организации матча некоторые недочёты и отклонения. В первую очередь в глаза бросалось роскошное чёрное кресло Фишера. В советском посольстве сказали, что оно их тревожит, не объяснив причину. Ивонин решил, что дело было в манере Фишера постоянно вращаться и раскачиваться, отвлекая чемпиона мира от размышлений. Кресло же Спасского, по контрасту, представляло собой обычную офисную модель — крепкий прямой стул с подлокотниками. Обеспокоило Ивонина и то, что, когда Спасский записывал свой очередной ход, его действия были засняты телекамерой и показаны на большом экране, висевшем в задней части сцены (если партия откладывалась, игрок должен был записать свой следующий ход и запечатать его в конверт). Ивонин позже сказал Спасскому, что видел, как тот записал свой ход — пешка бьет пешку, — и предупредил на будущее, чтобы он скрывал от камеры свои записи.

За ужином царил хорошее настроение. Завтрашняя победа казалась в кармане. Ивонин процитировал Спасскому слова первого космонавта Юрия Гагарина: «Поехали!», имея в виду удачный старт. В какой-то момент Спасскому позвонил Лотар Шмид. Доволен ли он? «Да, — ответил Спасский, — всё отлично». Шмид сказал, что Фишеру опять что-то не нравится, но он не имеет возможности сказать, что именно.

Как и предсказывали эксперты, на следующий день Фишер быстро сдался; он боролся лишь 16 ходов. Другой игрок в подобной ситуации не стал бы заходить так далеко. Геллер заметил, что если Фишер такой мелочный — не сдаётся при очевидном проигрыше, — то он не столь силен, как представляется. Советская команда не смогла понять характер американца: он никогда не сдаётся, пока есть хотя бы слабый проблеск надежды.

Спасский не обманывался своей победой, назвав промах Фишера «подарком Спорткомитету». Когда они с Фишером расходились на перерыв, Фишер попрощался с ним по-русски: «До завтра». Русский увидел в этом признак устойчивости американца: предстояла битва, и всё это было просто мелкой стычкой перед грядущей войной.

Придя на доигрывание отложенной первой партии, Фишер казался довольным. Но

после 35 минут и трёх ходов он откинулся на спинку кресла и увидел единственную оставшуюся кинокамеру. Разъярённый, он слетел со сцены в поисках главного арбитра. Шмид, возмущался он, брызгая слюной в лицо арбитра, врал, сказав, что камеры убрали. Пока камеру не уберут, он играть не будет. Сломленный горячностью претендента, Шмид уступил, приказав убрать камеру. Камеры, операторы и продюсер Честер Фокс превратились в объект особенно яростных нападок американца.

Фокс уже стал непопулярной личностью, с которой никто не хотел иметь дела. Исландские операторы не считали его профессионалом, а сам подход расценивали как нелепый, поскольку он тратил километры плёнки на статичную сцену, тогда как действия — а значит, доходы — развёртывались вне игрового зала (вполне традиционно для операторов принижать режиссёра как смехотворного невежу, растрачивающего их талант и время на глупости). Играли роль и культурные барьеры. Фокс был ньюйоркец до мозга костей. Исландский оператор Гиссли Гестссон, которому был тогда тридцать один год, предоставлял американцу команду, оборудование и был настроен против него:

Он был странной личностью — типичный нью-йоркский еврей. Я ему не доверял, потому что скоро понял: обещает он больше, чем может сделать. Фокс был чересчур шумным, и у него с коллегами было какое-то странное мнение об Исландии. Они жаловались, что всё здесь слишком примитивное. Наверное, они думали, что найдут здесь второй Манхэттен.

Исландец мало сочувствовал проблемам Фокса с кинокамерами:

Он утверждал, что у него нет обещанного доступа, но у него был доступ к другим вещам, которые тоже могли принести хороший доход. На тот момент это было самое значительное событие в мире. Думаю, его потери в игровом зале можно было компенсировать наружными съёмками.

На самом деле Фокс был прав. Если вырезать длинноты, фильм, состоящий из одних лишь ходов, мог бы продаваться до сих пор. Гестссон находился под ужасным давлением, и это в известной степени объясняет его неприятие Фокса. Исландская киноиндустрия была очень мала, и оператор зарабатывал себе на жизнь, сотрудничая с двумя самыми большими британскими киноагентствами. Они требовали, чтобы Гестссон снимал матч для них, но в результате исландец лишил своих обычных заказчиков доступа и зап.

Исландская шахматная федерация столкнулась с дилеммой. Она заключила с Фоксом контракт, но теперь он находился в конфликте с представителями Фишера, теми самыми людьми, которые ранее его рекомендовали. Тораринссон вспоминает, что, хотя американцы сами настаивали на передаче эксклюзивных прав Фоксу, «когда начались проблемы, они пришли и сказали: "Вы должны разорвать контракт с Честером Фоксом". На что я ответил: "У нас в Исландии так не делается. Здесь, если мы договариваемся, то следуем договору"».

Как и Гестссон. Тораринссон был поражён «еврейством» ньюйоркца (количество евреев в Исландии ничтожно: в прошлом периодически появлялись торговцы и купцы, и исландское слово, обозначающее евреев, *gyoingur*, означаю «хитрый» или «коварный»). «Фокс был евреем, и вокруг него тоже были евреи, — замечает Тораринссон. — Он казался простым парнем, но никто его не поддерживал, и в результате он остался один». В битве между Фишером и Фоксом предпочтение отдавалось тому решению, при котором матч продолжался.

В любом случае, с точки зрения закона, ясности не было. Фокс считал, что Исландская шахматная федерация продала ему права на съёмки. Кино- и видеозапись разрешалась правилами матча и составляла значительную часть его бюджета. Но правила также гласили, что игроки имеют право заявить о любых беспокойствах, а Фишер пожаловался, что камеры его отвлекают.

В амстердамском соглашении были свои слабые места, но Эдмондсон сделал всё, чтобы предусмотреть любые случайные требования Фишера. Когда Шмид подошёл к Маршаллу после первой партии и протянул копию амстердамского соглашения, Маршалл продемонстрировал подход, приносивший ему успех и богатство в юридических битвах

Нью-Йорка: «Я бросил её на пол и сказал: "Это написано на английском: не цитируйте правила, которых не можете прочитать"». Следом Маршалл запоздало добавляет: «Поскольку правила здесь явно поддерживали позицию Бобби, его жалоба была абсолютно справедливой».

Через Маршалла Фишер требует, чтобы ИШФ переписала документ, предоставив ему полный контроль над съёмками. Считая, что нельзя давать такое преимущество одному игроку, федерация отвечает отказом. Сыграна лишь одна партия, а матч снова зашёл в тупик. У Фокса остаются права. Шмид и Тораринссон должны гарантировать проведение матча. Фишер злится. За стенами обнаруживается пространство, куда можно поставить камеры и снимать происходящее. Проблема решена? Узнав, что камеры ещё там, Фишер отказывается выходить на вторую партию.

Встреча назначена на четверг, 13 июля, на пять часов пополудни. Шмид запускает часы минута в минуту. Правило пятое гласит: «Если игрок не появляется в течение одного часа, он штрафуются проигрышем». Между залом и гостиницей Фишера дорога пуста. Полицейская машина с включённым двигателем готова в любой момент доставить претендента в зал. На всех светофорах — зелёный. Эндрю Дэвис звонит из Нью-Йорка Ричарду Штейну, одному из юристов Честера Фокса, и предлагает убрать камеры только на эту партию, обещая в дальнейшем уладить ситуацию. Штейн принимает звонок в половине шестого, когда у Фишера ещё есть время, и немедленно соглашается. По горячей линии, установленной между номером Фишера и игровым залом, он звонит Ломбарда. Тораринссон приказывает убрать камеры. Фишер добавляет новое условие: отсчёт на его часах должен начаться заново. Уже оскорблённый Фишером, а теперь окончательно разозлившись, Шмид отказывается. Правила есть правила. Он проявляет уважение к Спасскому, а чемпион мира и так ждет уже сорок минут.

Вопреки своему желанию, находя всё происходящее «вульгарным», гроссмейстер Олафссон по требованию ИШФ вступает в игру. За несколько минут он прибывает в гостиницу «Лофтлейдир» с миссией посредника, чтобы услышать очередную грубую тираду. Пройгнорировав исландского гроссмейстера в Кефлавике, Фишер теперь снисходит до него. Он без конца говорит о том, что Исландская шахматная федерация — это коммунистический фронт. Олафссон звонит Шмиду: единственная надежда — просить Спасского согласиться на возобновление отсчёта времени. Шмид отказывается: «Должны же быть какие-то пределы». Наступает один из наихудших моментов его жизни: ровно в шесть часов он выходит на сцену и провозглашает, что Спасский выиграл. Этой ночью он просыпается в слезах: «Я считал, что своим решением разрушил гения». Спасский ведет теперь со счётом 2:0. Кажется, что Фишеру будет невероятно сложно, поскольку чемпиону требуется лишь двенадцать очков из двадцати четырех, чтобы сохранить титул. «Washington Post» сообщает: американцы живо обсуждают «постыдное поведение» Фишера. Некоторые извиняются перед исландцами от имени Соединённых Штатов.

Начинается новый виток кризисных переговоров. Бросив всё, Эндрю Дэвис вылетает из Нью-Йорка, чтобы опротестовать решение Шмида. По его словам, протест основывается на гарантии со стороны Исландии, что всё телевизионное оборудование будет «невидимым и бесшумным». Ища пути решения для своего клиента Честера Фокса, Штейн старается уболтать Фишера. Он пишет. «Я могу только выразить своё восхищение вашими титаническими усилиями, благодаря которым шахматы займут в глазах жителей США подобающее им место. Как народный герой американцев, вы должны позволить миллионам сограждан увидеть по телевидению вашу игру». Штейн указывает на вложения Фокса и отмечает, что вся финансовая структура ИШФ зависит от дохода за видео- и киносъёмку. Однако с тем же успехом он мог запечатать письмо в бутылку и бросить в знаменитую исландскую Голубую лагуну.

Тем временем, страдая угрызениями совести, Шмид пытается встретиться с Фишером и обсудить положение. Он сообщает матчевому комитету, который вскоре столкнется с

неизбежным протестом американцев, что готов изменить решение. После получения письма от Крамера он просит Дарраха составить официальную апелляцию, которую необходимо подать до полуночи, предельного срока по правилам матча (шесть часов после штрафа). По словам Дарраха, Шмид приходит в номер Фишера незадолго до истечения срока, надеясь получить письмо. Ему показывают нацарапанные от руки страницы, он заключает, что письмо может считаться доставленным вовремя, если к нему прикоснуться, что он и делает, а затем оставляет его, чтобы текст напечатали.

Почему главный арбитр проявляет такую заботу об американском претенденте? «Я пытался дать Бобби шанс. Я должен быть честным с обоими игроками. Бобби необычен. Он протестовал не ради протеста. Он считал, что прав, даже если и не был прав. Я знал, что с Бобби непросто, но он не плохой человек. Мы должны были спасти матч».

Шмид был ещё в пижаме, хотя уже успел причесаться, когда Фишер лично доставил ему письмо. Резко встав, арбитр случайно ударился головой о лампу, висящую над кофейным столиком. По словам Дарраха, «Бобби ухмыльнулся» на неловкость Шмида. В письме Фишер утверждает, что камеры должны были быть тихими и невидимыми, но «ничто не могло отстоять так далеко от фактов... Бестактные лица, именующие себя профессиональными операторами, оказались грубыми, наглыми обманщиками. Что действительно было невидимым и тихим, так это честность организаторов. Я никогда не шёл на компромиссы в отношении того, что может повлиять на условия игры, составляющей моё искусство и мою профессию. Создаётся впечатление, что организаторы сознательно пытались расстроить и спровоцировать меня своим потворством [операторской] команде и раболепием перед ней». В ответ Спасский фыркнул: «Письмо обо всем, кроме шахмат».

Тем же утром, в пятницу 14 июля, собирается матчевый комитет. Явились один американец — Крамер, один русский — Крогиус и два исландца — помощник арбитра Гудмундур Арнлаугссон, а также член ИШФ и глава матчевого комитета от ФИДЕ Бальдур Мёллер, исландский министр юстиции.

Перед обсуждением неотложных проблем первый вопрос ставится о протоколе: вовремя ли появилось обращение Фишера? Шмид предоставляет факты. Прошлым вечером в 20.40 он получил письмо от Крамера, объяснившего, что это не официальный протест: официальный будет позже. В 23.50 Фишер пригласил Шмида в свою комнату и показал ему набросок. В час ночи Шмид ушёл к русским в отель «Сага» и сообщил, что протест подан, но текста ещё нет. Те дали понять, что не примут письмо Крамера: Фишер его не подписал, хотя, согласно правилам, обязан. Официальный протест, подписанный должным образом, был доставлен в восемь утра.

Затем вступает Дэвис. Он пытается убедить комитет, что письменный протест — простая формальность; необходимо обсуждать суть проблемы. Шмид не должен был запускать часы, поскольку Фишер до этого протестовал против присутствия в зале телекамер. Их не убрали. Условия не были соблюдены. Ergo, Фишер не опоздал.

На этом месте Геллер выдвигает контраргумент. Правила говорят, что игроки должны приходить на партию вовремя. Теперь, когда матч в полном разгаре, поздно выражать протест относительно общих условий — жалобы могут быть только по отдельным партиям и должны делаться во время самой партии.

Шмид молчит, поскольку это именно его судейство вызывает столько вопросов. В тот же день Арнлаугссон объявляет на пресс-конференции постановление комитета. Протест принят, но решение Шмида начать отсчёт времени не подвергается сомнению. Вопрос с камерами позже обсудят с участниками.

Проигрыш Фишера остается в силе.

Теперь всё встает с ног на голову: на этот раз вместо того чтобы тревожиться, приедет ли Фишер, все задаются вопросом, уедет ли он. Ломбарди, Крамер и Маршалл — последний из Нью-Йорка — спешат представить телеграммы от американских поклонников, упраснивающих Фишера остаться. Но одновременно с этим столько же людей, уже по доброй воле, шлют телеграммы с осуждением.

Во время этих событий Генри Киссинджер находится по делам в Калифорнии, развлекаая советского посла Анатолия Добрынина в Каса-Пасифика, на пляже Сан-Клемент, в западном Белом доме Никсона. Добрынину оказана честь и предоставлена возможность вести длительные разговоры в неформальной обстановке с советником по национальной безопасности о советско-американских отношениях. Они загорают на пляже; Киссинджер отвозит посла с женой в Голливуд пообщаться со звёздами. Не говорится, встречались ли они с братьями Маркс, хотя Хичкок предлагает снять в Кремле саспенс. «Время ещё не пришло», — произносит нараспев Добрынин. В какой-то момент Киссинджеру сообщают, чтобы он нашёл время позвонить в Рейкьявик, 22322, в отель «Лофтлейдир».

Главный оператор Фокса Гиссли Гестссон рассказывает, что находился в номере Фишера, когда раздался телефонный звонок: «Это был самый странный звонок из всех, которые я слышал. Генри Киссинджер заводил его, как тренер: "Вы — наш человек в борьбе с коммунистами". Просто невероятно». Так и есть. Памятуя о том, что всю проблему создала ярость Фишера, направленная на операторов, оказаться допущенным к Фишеру и слышать, как ему звонит правая рука президента США, было настоящей сенсацией матча.

Фишер не передумал, и матч вновь сводится к бурлескам в стиле братьев Маркс. Сцены бронирования билетов, планы по удержанию Фишера в Рейкьявике для предотвращения побега и отменённые поездки в аэропорт. Маршалл вспоминает:

Мы общались в основном по телексу. Но один парень периодически дозванивался до нас по телефону. Мы получали известия о том, что Фишер бронирует билеты на самые разные самолёты: в Нью-Йорк, в Гренландию — в общем, почти каждый рейс, вылетающий из Рейкьявика, имел его в списке пассажиров. Мы получали от исландца эти забавные сообщения о Фишере, заказывающем билеты, и Крамер отправлялся в аэропорт, чтобы его разубедить. В общем, так эти автогонки и продолжались.

Фишер привлекает практически всеобщее внимание. В прессе отзывы о нем не самые лестные. «Washington Post» переживает, что «Фишер отвратил от себя миллионы шахматных поклонников по всему миру». Все надежды «превратились в пепел, а Бобби Фишер — их поджигатель». Корреспондент агентства «France-Presse» пишет, что американец перешёл все допустимые границы приличного поведения.

Первые страницы исландских газет радовали своих читателей фотографиями благовоспитанного и на вид беззаботного чемпиона мира, который гулял, ловил лосося или играл в теннис. Это убеждает организаторов, что они могут сосредоточить все усилия на том, чтобы не дать Фишеру расстроить матч, тогда как чемпиону остается только ждать решения претендента. Трудно забыть, что такое их отношение вызвано и холодной войной. Запад против Востока, «мы» против «них» — всё это влияет на дальнейший ход событий. То, что он не один из «них», должно доказать поражение Спасского.

ГЛАВА 13 КРОВЬ В ЗАДНЕЙ КОМНАТЕ

Спасский был джентльменом. Джентльмен может побеждать дам, но джентльмен проигрывает в шахматы.

Виктор Корчной

Какое бы впечатление ни создавалось прессой, чемпион пребывал в глубоком волнении. Он не желал сохранения титула без борьбы. Чтобы успокоить чемпиона после штрафного очка, Ивонин увел его на длительную прогулку. Всё получалось не так, как хотелось. Спасский стремился к битве, к эстетическому творчеству за доской. «Я был очень терпелив с Фишером, но понять его невозможно, — сказал он. — А организаторы идут ему

на уступки. Помните, как они сказали: "Бобби Фишер плохо себя чувствует и находится в больнице..."».

Ивонин наблюдал за выражением лица Спасского, когда тот ждал Фишера на последнюю партию. К концу часа заместитель министра спорта страстно желал, чтобы Фишер так и не появился, поскольку его чемпион выглядел опустошённым и подавленным. Неопределённость предыдущих дней вернулась в большем масштабе. Спасский получил очко, но это была пиррова победа. Ивонин отметил, что Спасский говорил о Фишере, как одержимый. Министр счёл это беспокоящим фактором. Чувствительный Спасский не мог переключиться на иные, спокойные темы.

В четыре часа пополудни, после того как штрафное очко был подтверждено, исландские чиновники, Шмид, Бальдур Мёллер, представители обеих сторон, Фокс, операторы, несколько журналистов и дипломатов встретились в зале, чтобы пересмотреть условия и проверить камеры. Вопросов ни у кого не возникло.

Исландский главный эксперт по звуку Курт Бальдурссон провел официальную проверку уровня шума от камер. Это были последние американские модели самобоксированных камер, не издававших шума в процессе съёмки. Бальдурссон не получил денег за работу, но ему позволили бесплатно приходить на оставшиеся партии. Для своего эксперимента он принёс новейший датчик измерения звука. «Датчик не зарегистрировал ничего, что могло бы услышать человеческое ухо, — сообщает он, — так что либо Фишер обладал уникальным слухом, либо это было частью его игры». Уровень шума при выключенных камерах составлял 55 децибел и оставался таким же при их работе. Бальдурссон написал отчёт, который Фишер категорически отверг. Камеры передвинули за стену, направив объективы через маленькие окошечки. По мнению Ивонина, их было невозможно заметить.

К группе присоединился американский миллионер Исаак Туровер. Он сыграл с Ивониным партию на официальной доске матча. Советский политик воспользовался возможностью осмотреть кресло Фишера, всеми силами стараясь, чтобы этого никто не заметил. Кто-то пошутил, не станет ли их партия последней. Туровер сказал, что, если Фишеру не вернут очко, матч действительно закончен. Когда исландский журналист поинтересовался мнением Ивонина на этот счёт, тот ответил, что советская сторона не нарушала правил, не собирается этого делать и не позволит нарушать их кому бы то ни было.

На следующий день Эйве телеграфировал из Амстердама о позиции ФИДЕ. Если Фишер не появится на третьей партии, он снова будет оштрафован. А если не появится на четвёртой, то матч будет объявлен завершённым и титул чемпиона сохранится за Спасским. Это позволяло Шмиду больше не опасаться перспектив пребывания на сцене, от партии к партии запуская часы, тщетно ожидая Фишера и объявляя штрафы до тех пор, пока Спасский не наберет требуемые для победы двенадцать очков.

Однако, если организаторы матча думали, что тема штрафа канула в историю, они ошибались. Претендент соблюдал шабат и отключил телефон (то, что Фишер не мог играть от пятничного до субботнего заката, изумило исландцев, поскольку в июле солнце не заходит почти до полуночи и практически не бывает темно; Фишер решил эту теологическую дилемму, произвольно выбрав время). Его права отстаивал Маршалл, прибыв из Нью-Йорка в субботу 15 числа: он налетел как шквал, заменив Дэвиса и яростно настаивая на повторной апелляции. Решение комитета не окончательное — его всегда можно изменить или отсрочить в свете новых обстоятельств, утверждал Маршалл. Он продолжал спорить. Комитет слушал его до трёх утра. А затем подтвердил изначальное решение, объявив, что условия в зале соответствовали правилам матча.

В конце концов появились и хорошие новости. Хотя Фишер забронировал билет на очередной рейс в Нью-Йорк, его все же убедили остаться. Возможно, это сделал Маршалл, попросту обвинив его в трусости. А может, худая седовласая вдова Лина Груметт, заменившая ему мать, с которой он ужинал после окончания шабата.

Решение Фишера остаться означало, что матч пройдет на нервах: он будет играть третью партию только в небольшой комнате в задней части сцены и без камер. Лотар Шмид должен был искать выход. Но какое логическое объяснение могут найти организаторы для изменения места игры, когда апелляционный комитет, звукоинженер и публика установили, что всё соответствует норме?

Он постарался уговорить Фишера. «Я сказал: "Давайте начнём в главном зале. Если шум будет беспокоить, мы перейдем в комнату". Этого было недостаточно. Манеры Маршалла, говорит Шмид, были абсурдны. Если в зале нет помех, то, пообещал Шмиду Маршалл, он их создаст: "Если вы, мистер Шмид, не перенесете третью партию в комнату, я выйду на сцену с большим молотком и разобью столик". Я сказал: "Что ж, в таком случае я должен подумать"».

Мир встал с ног на голову. Нормальным ответом Маршаллу должен был бы стать такой: «Тогда вас арестуют по обвинению в нанесении ущерба, а мы возьмём другую доску». Вместо этого Шмид отправился к чемпиону. «Я спросил Бориса, не против ли он, чтобы третья партия проводилась в отдельной комнате. Он сказал: "Пожалуйста"».

Советскую команду никто не спрашивал. Спасский дал согласие без консультаций с секундантами и Виктором Ивоным. Они узнали об изменениях, лишь когда заняли в зале свои кресла. Ивоны и советский шахматный теле- и радиообозреватель Наум Дымарский обменялись возбуждёнными репликами.

Спасский вел себя как настоящий спортсмен, позже скажет Шмид. Сегодня он уже не столь щедр: «Разумеется, Спасский лидировал. У него были причины согласиться на перенос партии из зала, чтобы Бобби вернулся. Поэтому с ним было легко, и он с готовностью откликнулся». Пока Шмид и Тораринссон яростно пытались спасти матч — один ради Фишера, другой ради сохранения собственной репутации, всей подготовки и денег, ушедших на чемпионат, не говоря уже о своей политической карьере, — советский чемпион превратился в «настоящего спортсмена», или, скорее, в пешку. Американцы нарушали правила, а ИШФ вступила с ними в тайный сговор. Для Исландии продолжение матча было жизненно необходимо — слишком многое стояло на кону. Большая страна не обратила бы внимания на неуправляемый характер Фишера и агрессивные манеры его юристов: «Это его проигрыш, не наш». Исландия не могла себе такого позволить, и американцы это знали.

Для Спасского, как и для Шмида, худшее только начиналось.

Доску передвинули в неудобную пустую комнату за сценой, где обычно играли в настольный теннис. Она была небольшой, примерно 75 на 30 футов, со скошенным потолком. С одной стороны располагались окна, выходившие на газоны у главной дороги. Можно было слышать шум проезжающих машин и крики веселящихся детей.

Спасский прибыл вовремя и уже сидел за доской. Шмид открыл окно; Спасский тревожно озирался в поисках Фишера. Соперник появился и немедленно впал в ярость. Организаторы установили телекамеру, обернув её одеялами, чтобы транслировать партию собравшейся в зале тысячной аудитории, а также журналистам и комментаторам в пресс-центре. «Никаких камер!» — орал на Шмида Фишер. Затем он стал проверять всю комнату, включая и выключая свет. Когда Шмид возразил, что это мешает Спасскому, Фишер закричал на него, чтобы тот заткнулся.

Побледнев, Спасский встал. Шмид вспоминает: «Когда Бобби снова начал возмущаться, Борис окончательно расстроился и сказал: "Если вы не прекратите перебранку, я вернусь в зал и потребую, чтобы партия проводилась там"». Претендент тут же набросился на чемпиона мира, и Шмид в панике упрощал Спасского продолжать игру: «Борис, вы же обещали». Потом повернулся к Фишеру: «Бобби, пожалуйста, прояви понимание». «Я чувствовал, что это был единственный шанс собрать их вместе, — объясняет он ныне. — Они казались двумя взрослыми мальчишками, а я — самым старшим. Я положил им руки на плечи и усадил в кресла. Борис сделал первый ход, и я пустил часы».

Так, 16 июля 1972 года, в пять минут шестого матч на первенство мира по шахматам наконец начался по-настоящему.

Шмид не раскаивается в своей нетрадиционной тактике: «Я мог сказать Бобби: если ты споришь об условиях, то не обязан оставаться в этой комнате. Ты имеешь право подать новую жалобу. Но я подумал — и, скорее всего, так бы оно и случилось, — что он уйдет и уже никогда не вернется. Это был поворотный момент в матче».

Фишер отставал от чемпиона на два очка. Он ни разу не побеждал Спасского и теперь играл чёрными. Тем не менее уже в начале партии он бросился в ожесточённую атаку; наконец-то всё внимание было приковано к тому месту, к которому оно и должно было быть приковано, — к шахматной доске. «Это было потрясающе!» — восклицает один из очевидцев. Одиннадцатый ход Фишера конь h5 стал настоящим шоком: слева его пешечная структура превратилась в хаос, исчезла пешка, защищающая его короля. Один эксперт в Рейкьявике назвал ход «абсолютно новой концепцией»; Спасский провел полчаса, изучая позицию.

Гроссмейстер Ройбен Файн, психоаналитик, считал, что такие ходы, как конь h5, объясняют двойственные чувства Фишера по отношению к женщинам. Фишер, утверждал он, любил атаковать центр противника с флангов. Проведя профессиональный анализ, он заключил, что тенденция Фишера придерживаться края была, «скорее всего, шахматным эквивалентом побега, которым он всегда угрожал», и что этот побег был прямо связан с его отношением к женщинам.

Другой гроссмейстер изумлялся: «Бобби атакует так, словно сражается за свою жизнь». Спасский проигрывал. При откладывании партии Фишер записал ход, который, по словам его биографа Фрэнка Брэйдли, привел претендента в ликование. «Я запечатал нокаут! — шумно радовался он, стуча кулаком по ладони. — Я разобью его в пух и прах! Ха-ха!».

После ночного анализа отложенной позиции с гроссмейстером Исааком Болеславским, прибывшим в Исландию с кратким визитом, Спасский открыл запечатанный ход — слон d3 — подумал пять минут и сдался. Шмид извинился перед публикой за несостоявшееся шоу. Люди заплатили по доллару за минуту и увидели только один ход. Через десять минут после ухода Спасского вбежал Фишер и узнал о своей победе. Он выиграл у Спасского впервые в жизни.

Доигрывание третьей партии проводилось на основной сцене. Накануне вечером Спасский написал Шмиду письмо, неофициальный протест, доставленный ему незадолго до полуночи. Он заявил, что задняя комната его не устраивает: слишком громко работают кондиционеры, отвлекает шум машин и крики детей за окном (любопытно, что Фишера дети не беспокоили). Оставшиеся партии должны проводиться в зале, согласно правилам матча. Фишер, воодушевлённый победой, согласился вернуться в зал, если не будет вестись съёмка. Тораринссон проследил за этим, поставив Фокса в затруднительное положение и дав ему повод поворчать насчёт законности подобных действий. Тораринссон легко принял такое решение. «Съёмки не главное, — сказал он. — Матч важнее. Если это единственный способ, чтобы он состоялся, мы поступим именно так».

В связи с письмом Спасского организационный комитет и представители делегаций встретились на следующее утро — немного позднее, чем следовало бы, — чтобы обсудить законность перенесения партии в заднюю комнату. Голомбек, самый опытный деятель в шахматном мире, сказал комитету, что может припомнить только два случая, когда партии переносились в другое место из-за проблем с первоначальным помещением: в матчах Ботвинника со Смысловым и Ботвинника с Татем. В обоих случаях новое место предполагало возможность размещения зрителей.

Слева направо: Ефим Геллер, Спасский. Фишер и Уильям Ломбарда. Спасский помог спасти матч.

Затем заговорил Шмид. Он сказал, что Спасский проявил спортивный дух, достойный восхищения, легко согласившись перебраться в заднюю комнату. На всякий случай главный арбитр добавил: «Я спас матч, но не собираюсь впредь принимать подобных решений».

Похвала Спасского за его спортивность вызвала горькие комментарии в советском стане. Ивонин в дневнике отметил, что поведение претендента нанесло чемпиону тяжёлый удар. Спасский сказал, что его представления о Фишере пошатнулись: «Я идеализировал Фишера. Третья партия разрушила мой идеализм». Он находил в Фишере нечто беспокоящее, то, что он определил как «животное начало».

Вечером советская делегация собралась на встречу с послом Аставиным. Все согласились, что в отношении Фишера больше не должно быть никакой «благотворительности» — сами-то американцы ею не отличаются. Группа считала, что американцы намеренно сеяли хаос, чтобы вывести Спасского из равновесия и выбить его из колеи, в чем преуспели.

Позже Анатолий Карпов, говоря о неявке Фишера на вторую партию, заметил: «Это был гениальный ход. Ход, рассчитанный именно на Спасского. Ход, доказывающий, что Спасского он знал превосходно. Будь на месте Спасского, скажем, Петросян, тот бы только облизнулся, полакомившись дармовым очком».

Но не только советские обратили внимание на то, сколь разрушительными для чемпиона оказались эти события. Брэйди писал, что победа вернула претенденту цельность — он пустил кровь, и её струйка, говорит Брэйди, «превратилась в поток энергии, истекающей из духа Спасского».

Что же, в конце концов, двигало Фишером? Многие наблюдатели, включая некоторых представителей советского шахматного истеблишмента, считали, что он попросту боялся играть. Покинуть Исландию Фишеру было так же сложно, как и прибыть туда. Маршалл полагал, что, когда дело дошло до решения, «он меньше боялся игры, чем неизвестности. Но играть он действительно боялся».

Исландский гроссмейстер Фридрик Олафссон, друг и поклонник претендента, также считал мотивом его поведения страх: «Почему Бобби не появлялся? Я вот что скажу: внутри него было нечто больное. Он страшился проиграть». Проигрыш был для других: «Бобби Фишер» не мог себе такого позволить.

ГЛАВА 14

ПРЯМАЯ КОНФРОНТАЦИЯ

...и другой парень моргнул.

Американский госсекретарь Дин Раек после кубинского ракетного кризиса

Как можно вести переговоры с Фишером, который готов рисковать всем, лишь бы не идти на компромисс? Большинство людей не сочтёт этот подход разумным. Лишь в считанных случаях претендент не смог добиться желаемого от ФИДЕ, Исландской шахматной федерации и других турнирных организаторов. Доска и фигуры, освещение, кресло и стол, уровень шума, удалённость публики, видимость камер — всё должно было быть по его. Приз или деньги за выступление должны быть увеличены. Партии должны проводиться в необычное время. Возмущённые противники Фишера сдавались, иногда после формальных, нерешительных битв. Но ведь с другими участниками турнирные правила всегда строго оговаривались. Почему же в случае Фишера они приобретали заметную гибкость?

Теория игр — ветвь математики, анализирующая сложное человеческое поведение с помощью простых моделей, — предлагает разгадку успеха Фишера для тех, кто сбит с толку очевидной слабостью чиновников. Эта теория коренным образом изменила подход к интеллектуальным дисциплинам, от экономики до международных отношений, от теории эволюции до философии. Её создатели получили Нобелевские премии, а один из ключевых разработчиков Джон Нэш стал героем бестселлера голливудского блокбастера «Игры разума», получившего «Оскар».

«Игры» бывают различных видов. Есть, к примеру, игры идеальной информации, такие как шахматы, где на каждой стадии игры человек может просчитать все возможные шаги противника, и игры неидеальной информации, к примеру тайный аукцион, в котором участник может только предполагать сумму денег, предложенную соперником. Есть игры-сотрудничества, где, как понятно из названия, игроки кооперируются ради достижения наилучших результатов, и игры, его не предполагающие, когда люди действуют, исходя из эгоистических побуждений, без учёта того, что делают другие игроки.

Одной из причин, по которой А не желает сотрудничать с Б, является то, что победа А означает проигрыш Б: это игра с нулевой суммой. В играх с ненулевой суммой могут выиграть обе стороны. Сравните шахматы с обычными шарадами, когда не команды, а отдельные участники загадывают по очереди название книги, фильма, пьесы или песни остальным участникам. В шахматах твоё поражение есть моя победа. В шарадах мы выигрываем или проигрываем все вместе.

Итак, как же теоретик игры объяснит загадку безрассудных торгов Фишера и его успех?

Теоретики давно заметили, что преимущество в торгах — на стороне иррационального, или того, что кажется иррациональным. Классический пример: женщина возвращается домой и обнаруживает, что к ней забрался опасный грабитель. Она понимает, что грабитель намерен её убить, поскольку она может описать его приметы полиции. Если она проглотит таблетку, которая на короткий срок сделает её безумной, грабитель поверит, что она не опознает его, и оставит в живых.

Некоторые теоретики игры утверждают, что мы биологически запрограммированы на иррациональность: к примеру, хотим отомстить даже в тех случаях, когда, причинив вред другим, в дальнейшем будем страдать сами. Возможно, это эволюция сделала нас такими:

если мои враги знают, что я буду их преследовать, пусть даже мне это дорого обойдется, они с меньшей вероятностью нападут первыми. Отрицательной стороной такой мстительности является то, что, когда между людьми, группировками или нациями начинается конфликт, его сложно остановить, как показывают исчезнувшие из-за кровной мести целые поколения воюющих на Сицилии семей.

Джеймс Дин в классическом фильме 1955 года «Бунтарь без причины» сделал знаменитой смертельную игру в «труса». В одном из вариантов этой самоубийственной игры два водителя мчатся навстречу друг другу с расстояния нескольких сотен метров. Первый свернувший с линии, на которой столкновение неизбежно, проигрывает и получает звание «труса». Если никто не сворачивает, происходит чудовищная катастрофа. Если, будучи водителем одной из машин, вы сможете убедить другого, что не волнуетесь о последствиях столкновения и желаете смерти, битва наполовину выиграна. Когда противник понимает, что вы не боитесь, не цените свою жизнь и победа (или отсутствие поражения) — это всё, что имеет значение, он не видит смысла испытывать вашу смелость. Один из теоретиков игры Герман Кан писал: «"Умелый" игрок может садиться в машину уже пьяным и швырять из окон бутылки виски, давая понять, насколько ему все равно. На носу у него могут быть очень тёмные очки, из чего следует, что он мало что видит перед собой. Когда машина достигает наивысшей скорости, он снимает руль и выбрасывает его в окно».

Бертран Рассел говорил, что в «труса» играли две группы: юные правонарушители и нации. Во время матча Фишер — Спасский основным источником беспокойства американской администрации был конфликт во Вьетнаме и проблема его завершения. В 1969 году президент Ричард Никсон объяснил свою безумную политику главе своего штаба Г.Р. Хальдеману во время прогулки по пляжу Флориды. Хальдеман вспоминает его слова: «Я называю это теорией безумца, Боб. Северный Вьетнам должен поверить, что я дошёл до точки и могу пойти на всё, чтобы остановить войну. Когда они услышат "Ради Бога, вы же знаете, что Никсон помешан на коммунистах. Мы не можем его сдерживать, если он в таком состоянии, а палец — на ядерной кнопке", то Хо Ши Мин через два дня прилетит в Париж умолять нас о мире». Когда Никсон приказал бомбить Камбоджу самолётами В-52, этим он отчасти хотел намекнуть Северному Вьетнаму на возможность использовать бомбардировщики в роли носителей атомных бомб.

Советник по национальной безопасности Генри Киссинджер также помнит теорию безумца. В 1959 году он побывал на двух лекциях Даниэля Эллсберга под названием «Использование безумия в политике». В них исследовалась дипломатическая ценность экстремальных угроз очевидно безрассудного лидера. Эллсберг приводил в качестве примера бескровные завоевания Гитлером Рейнской области, Австрии и Чехословакии. Одним из условий успеха в политическом применении безумия, по Эллсбергу, было ограничение требований и формулирование настолько экстремальной угрозы, что сама возможность её осуществления должна была убедить врага уступить.

Вне всякого сомнения, Фишер смог бы выиграть мировой чемпионат по игре в «труса» — он всегда казался готовым разрушить свою карьеру. Выставляя условием своего участия в матче или турнире принцип «всё или ничего», он давал понять тем, кто с ним встречался, что каждое из условий обладает бесконечной значимостью и его угрозы абсолютно реальны. У него был целый список финансовых и карьерных потерь, понесённых в тех случаях, когда отстоять условия не удавалось: если организаторы отклоняли его требования, он отказывался играть и покидал турниры, на какой бы стадии они ни находились. Он не вступал в переговоры и не шёл на компромиссы. Угрозы не были тактикой; Фишер имел в виду именно то, что говорил.

Став взрослым игроком, Фишер продолжал казаться — и чиновникам, и своим друзьям — подростком, видящим всё вокруг как игру с нулевой суммой. На межзональном турнире на Мальорке в 1970 году британский шахматный деятель Гарри Голомбек задал риторический вопрос: «Как организаторам удалось совершить такое чудо, что Фишер сыграл весь турнир с начала до конца?» И сам же на него ответил: «Выполнив все условия Фишера».

Игра в «труса», если у вас нет намерений сворачивать с пути, может приносить постоянные победы, однако путь этот крайне опасен. Рано или поздно игрок встретится с противником, не знающим о его репутации, считающим, что слухи о его безрассудстве просто-напросто преувеличены, полагающим, что он слишком долго поступал по-своему и пора этому противопоставить новую силу, — или таким, кто также склонен к опрометчивым поступкам и рискованному поведению. Во время одного из турниров организатор прямо указал на такую опасность: «Конечно, Бобби — гений. Но что произойдет, если у нас будет три-четыре гения со своими фобиями и подобными требованиями?» Сус, как мы видели, явился одним из тех редких случаев, когда Фишер в своих требованиях зашёл слишком далеко.

Описывая пьяного водителя, который выбрасывает руль в окно, Герман Кан объясняет и другую вероятную опасность: «Если его противник это видит — он выиграл. Если же нет — у него проблемы». К счастью для Фишера, партнёры по переговорам следили за каждым его шагом. Несколько раз он ставил матч со Спасским на грань срыва. Он провоцировал не только советских, но и исландцев с ФИДЕ, испытывая всеобщее терпение. Почти в каждом случае они уступали.

Подчёркивая в Рейкьявике своё «безумие» и выдвигая требования, если не здравые, то по крайней мере осуществимые при определённых усилиях, Фишер доказал свою невероятную эффективность не только как шахматиста, но и как игрока в «труса». Условие успеха состояло в том, что угроза должна была стать экстремальной, а для исландцев угроза Фишера выйти из игры была именно таковой.

ГЛАВА 15 ЛЮБОВЬ — НЕНАВИСТЬ

Что вы нашли в Исландии ? — Что мы нашли ? Почти ничего нового...

У.Х. Оден и Луис Макнис. «Письма из Исландии»

Фишер встретил бы гораздо более жёсткое противодействие, если бы матч проходил в большом городе, например в Белграде, Амстердаме, Париже, Москве или Нью-Йорке. Другая шахматная федерация вполне могла бы и не уступить свою территорию.

Но для острова на самом краю Европы чемпионат мира был звёздным часом: гордость, шахматные традиции, наплыв туристов и мировой прессы, щелчки кассовых аппаратов создавали событие национального масштаба, никогда прежде не виданное. Было мобилизовано практически всё население Исландии — полиция, управляющие отелей и ресторанов, домовладельцы со свободными комнатами, техники, пресса. Исландские газеты отводили львиную долю первых полос шахматному матчу (расколовшись по идеологической линии: консервативная пресса отдавала предпочтение Фишеру, центр и левоцентристы пытались соблюдать нейтралитет, а радикальные левые поддерживали Спасского). Исландская публика говорила в основном о шахматах. На лавочках в парках, за столиками в кафе местные жители и туристы расставляли свои шахматные комплекты. В витринах были вывешены плакаты с изображением обоих соперников. Город украшали декорации в виде шахматных фигур. Продавались всевозможные памятные сувениры, включая открытки с финальной позицией каждой партии.

В течение июля и августа Рейкьявик посетило более пятнадцати процентов мировых гроссмейстеров. Это — три гроссмейстера в советской и американской командах, немецкий арбитр Шмид и восемь других гроссмейстеров, которые либо вели репортажи, либо просто смотрели матч: Олафссон, Найдорф, Ларсен, Бирн, Эванс, Глигорич, Драголюб Яношевич и Любомир Кавалек.

Уровень деятельности и прилагаемые для этого усилия наглядно показывали фундаментальную слабость исландцев в переговорах. Доброй воли, патриотизма, любви к шахматам, тяжёлой работы, гостеприимства и соблюдения правил хорошего тона было недостаточно. Поскольку в происходящее был вовлечён весь остров, Исландия не могла рисковать отъездом Фишера и преждевременным завершением такого важного дела.

Царящее напряжение было связано и с тем, что благодаря этому матчу Исландия попадала в международные новости, хотя интересы зарубежных журналистов были довольно узкими. Они вели себя как группа провинциальных туристов, собирая любопытные факты и истории для развлечения своих читателей: традиции, место, люди, даже домашние животные. Всеобщий восторг вызывали исландские собаки: в сельской местности, если собака облает незнакомца, её хозяина будут считать плохо воспитанным. В Рейкьявике с 1924 года было запрещено держать собак, и теперь велась кампания по аннулированию этого закона. Ассоциация друзей собак угрожала подать жалобу в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

К счастью для корреспондентов, исландцы были слишком добродушны, чтобы обижаться на гостей своей страны, сосредоточившихся всецело на поисках необычного или странного. Да, многие исландские дома имели «эльфийские камни», под которыми, согласно преданиям, жили эльфы, и горе постигнет того человека, который этот камень сдвинет, — он весь покроется нарывами. Да, на острове очень мало деревьев, нет рептилий, а в июле игроки в гольф делают первый удар в полночь. Да, абоненты в телефонной книге приведены по списку, начиная с имени, а таксисты не берут чаевых. Из-за того что население небольшое и все тесно связаны родственными узами, браки внутри семей не являются такой проблемой, как в более густонаселённых странах, а генеалогические записи позволяют людям вычислять своих предков на тысячу лет назад (в наши дни генетики изучают законы наследования именно на исландской популяции). Ко всему прочему, исландцы похваляются самым древним в мире парламентом — альтингом. Более того, в стране почти стопроцентная грамотность, почти нулевая преступность, и, согласно международным опросам, исландцы из всех народов наиболее готовы принести свою жизнь в жертву ради другого.

В США Ричард Милхауз Никсон пытался закончить вьетнамскую войну и размышлял над своими эффектными прорывами в отношениях с Китаем и Советским Союзом; в то же время лидер свободного мира готовился к ноябрьским выборам, баллотируясь на второй срок. Сравнение его с президентом Исландии повеселило американскую прессу. Доктор Кристьян Элдьярн вел свою во многом формальную работу отчасти потому, что никто другой на неё не претендовал. Она стоила лишь 12 тысяч долларов. Элдьярн был археологом, и его основным хобби было путешествовать по стране в поисках птичьих гнёзд и пуха.

Особенное недоверие вызывала героическая способность исландских мужчин поглощать алкоголь. В основном пили крепкие спиртные напитки, поскольку продажа пива была запрещена. Корреспонденты сообщали, как в выходные дни уважаемые граждане, пошатываясь, выходили из баров за полночь, практически ничего не соображая.

В американских газетах появлялись пренебрежительные комментарии журналистов из больших городов о тихой, мирной исландской жизни, неспешной, как игра гроссмейстеров. «Большую часть времени здесь почти ничего не происходит» — так начиналось послание Джо Алекса Морриса-младшего из «Los Angeles Times»; следом автор добавлял, что страна оживает в июле, когда принимает съезд скандинавских дантистов. Удивление выражалось и по поводу местной телестанции, которая, как обычно, прервала свою работу на весь июль, несмотря на то что в Исландии разворачивалось событие, вызвавшее интерес во всем мире. «Ночные клубы никогда не закрываются, — едко писал Моррис, — потому что их попросту нет».

Всеобщий любимец Спасский

Как же реагировали на подобное внимание местные жители? В целом с завидной благосклонностью. Мало-помалу они привыкали даже к Фишеру. Перед прибытием в Рейкьявик Фишер торжественно обещал: «Я преподам этим занудам-исландцам хороший урок». Когда он не явился на вторую партию, исландцы получили возможность ответить на такую любезность — кто-то в зале закричат: «Заберите его обратно в Соединённые Штаты!» Исландская пресса была настроена враждебно: одна газета назвала действия Фишера «шахматным скандалом столетия», другая поместила карикатуру, на которой был изображён гостиничный номер Фишера с вывеской на двери «Не беспокоить», а подпись гласила: «Выходи и сражайся, Бобби Фишер, или ты трусил?» Фишера называли «самым ненавидимым человеком в Исландии».

Теперь любят и Фишера. Слева — его исландский телохранитель «Сэми-рок» Паллссон.

Рядовых исландцев его поведение уязвляло и повергало в недоумение. Борьба за выживание на этом бесплодном острове взрастила в его жителях высокое чувство ответственности друг за друга. Преподобный Питур Маннуссон советовал своим прихожанам подставить другую щеку: «Я призываю тех, кого это оскорбляет... высоко держать голову, встретив Фишера на улице. Именно так я и сделаю, увидев этого гения-остряка». Бесконечные требования Фишера стали мишенью для местных острословов. В шутке, ходившей тогда по Рейкьявику, говорилось, что последнее условие Фишера касалось переноса захода солнца на три часа назад.

А Спасский тем временем потихоньку завоёвывал поклонников. Неизменно вежливый и дипломатичный, он всегда общался с теми, кто хотел взять у него автограф; фотографии в газетах показывали, как в дни отдыха чемпион наслаждается природой Исландии. Вскоре после прибытия Спасский отправился на рыбалку. Он любил спокойствие и, казалось, не брал в голову, много (или мало) лосося поймает. Где бы он ни появлялся, везде его встречали с неизменной теплотой. Однажды он зашёл в спортивный магазин, чтобы купить кроссовки,

и хозяин отказался брать у него деньги. Когда он пошёл в кино, его пустили бесплатно. Чемпион вполне мог подумать, что оказался в социалистической утопии.

Он подружился с несколькими исландцами, в том числе с Зигфусом Зигфуссоном, вице-президентом местного представительства автомобильной фирмы «Некла». Каждый вечер Спасский отправлялся на прогулку в окрестностях гостиницы «Сага» и каждый вечер проходил мимо дома Зигфуссона у самого берега, где на дорожке стоял «рейнджровер» британской компании «Leyland».

Однажды вечером Зигфуссон заметил, что чемпион мира любит машину. Он вышел поприветствовать его, завязался разговор, и вскоре они подружились. Торговец до мозга костей, Зигфуссон предложил ему пользоваться машиной на время матча. С того момента Спасского часто фотографировали за рулем «рейнджровера». «Это была бесплатная реклама», — говорит Зигфуссон.

В небольшом, тесно связанном между собой сообществе Рейкьявика информация о том, что Спасский — настоящий джентльмен, быстро стала общим достоянием. Но когда матч вошёл в свою колею, количество поклонников Фишера также увеличилось. Когда претендент приступил к своей непосредственной работе и перестал унижать Исландию, исландцы примирились с его своеобразной манерой поведения. В спорте «плохой парень» всегда вызывает огромный интерес, особенно когда такое поведение не исключает умения и славы.

Фишеру трудно было найти более благодарную аудиторию. В местном шахматном клубе «Глесибер» между матчевыми партиями кипела жизнь; туда могли заходить даже иностранцы, а мастеров, включая Дэвида Леви, приглашали давать сеансы одновременной игры. Леви вспоминает:

Исландцы любили шахматы. На каждом шагу попадался какой-нибудь символ матча на первенство мира. Помню, меня пригласили сыграть одновременно против нескольких школьников. В Исландии на тот момент находилось человек сто более сильных игроков, чем я, но они тащили к себе всех, кого могли: в стране было невероятное количество любителей шахмат, и каждый хотел каким-то образом оказаться причастным великому событию.

Итак, матч снова был спасён, и шахматные болельщики с нетерпением предвкушали битву титанов за доской.

ГЛАВА 16 ПОВЕРЖЕН

Меня не беспокоит, если я стану тем человеком, после которого чемпионство перейдет к другой стране. Это будет серьёзным делом по многим причинам...

Борис Спасский, цитата из «Washington Post» от 2 июля 1972 г.

Несмотря на лидерство, первая фаза матча закончилась с пугающим для чемпиона результатом. По мнению Карпова, уверенность Спасского в себе была разрушена.

Четвёртая партия игралась в зале, уже без камер. Тораринссон таинственно намекал, что история с телекамерами может скоро разрешиться, поскольку есть «один вариант, который Фишер принимает», однако деталей не уточнял. Партия была невероятно напряжённой. Выказав поразительную, даже отчаянную самоуверенность, Спасский избрал сицилианскую защиту — контратакующий дебют, популярный у гроссмейстеров, но сам он применял его крайне редко. Фишер знал этот дебют лучше, чем кто бы то ни было, поскольку играл так чёрными бесчисленное число раз. Спасский решил воспользоваться испытанным оружием Фишера против настоящего мастера: храбрый психологический приём.

Дебют, изобретённый сицилийцем Джоакино Греко, жившим в 17-м веке, упоминается в советском фильме 1925 года «Шахматная горячка», в котором снялся тогдашний чемпион мира по шахматам Хосе Капабланка. Брак заходит в тупик из-за того, что муж слишком увлечён шахматной игрой. В конце концов супруги примиряются — жена начинает понимать красоту шахмат. Её последняя фраза перед финальным поцелуем такова: «Дорогой... давай попробуем сицилианскую защиту».

На 16-м ходу Фишер неразумно принял жертву пешки, после чего два слона Спасского заполучили всю доску, распределив между собой контроль над большими диагоналями. Если бы чемпион в сложном миттельшпиле сделал кажущийся на первый взгляд опасным ход ладьей, он бы заставил белых (Фишера) продвинуть пешку. Позднее эта пешка помешала бы маневру, с помощью которого Фишер в конечном счёте спасся. Фишеру повезло, и партия закончилась вничью. Позже эксперты пришли к общему заключению, что Спасский избрал неверный порядок ходов и сам лишил себя победы. Вместе с тренерами он проанализировал развитие партии вплоть до 19-го хода. Однако ответные ходы Фишера в дебюте были столь быстрыми, что по ходу игры Спасский изводил себя мыслью, что где-то дал слабину и его отрететированная линия разгадана соперником. Решив, что он нашёл более сильное продолжение, на 19-м ходу Спасский отклонился от домашней разработки команды.

За пределами игрового зала американцы всё ещё проявляли недовольство, хотя несколько жалоб Фишера были удовлетворены. Их следующая атака, начатая в перерыве между партиями, оказалась настоящим кошмаром. Фред Крамер настроил от лица Фишера список из четырнадцати новых требований, который таинственным образом попал в прессу. Возмутительный характер некоторых из них заставил Крамера выглядеть глупо, а Фишера выставил истеричной примадонной. Он, Фишер, хотел: другую машину (что-нибудь получше предоставленного ему двухлетнего «мерседеса»), исключительное пользование бассейном гостиницы, доску с клетками меньшего размера, больше карманных денег (десяти долларов в день ему было недостаточно), другой номер в гостинице и более широкий выбор журналов. Поскольку некоторые пункты касались отеля «Лофтлейдир», менеджер жёстко заявил: «Мистер Фишер — ценный гость, но он не владелец нашего отеля». Крамер был взбешён, поскольку закулисные обсуждения всплыли в печати. «Это настоящий удар в спину», — жаловался он.

Пятая партия игралась в четверг, 20 июля. Пешка на d4, конь на f6, пешка на c4, пешка на e6, конь на c3, слон на b4 — защита Нимцовича, где чёрные быстро развивают свои фигуры и часто меняют слона на коня. В результате может возникнуть крайне несбалансированная позиция. Спасский не торопился, затратив на первые двадцать ходов 1 час 45 минут и оставив на дальнейшую игру в среднем по две минуты на ход. На 11-м ходу Фишер предпринял оригинальный маневр конем, который поначалу большинство игроков не поняли, поскольку взятие этого коня непоправимо портило его пешечную структуру от чего предостерегают начинающих игроков. Пешки имеют тенденцию создавать структуру, где на них трудно напасть и когда они представляют собой оборонительный щит, — то есть они стремятся находиться рядом и поддерживать друг друга. В наполеоновских войнах британская пехота обычно наступала рядами, а французы — колоннами; для пешек британская стратегия подходит гораздо лучше. Но Фишер глубоко вник в позицию и внезапно перешёл в наступление, превратив «слабые пешки» в мощную силу.

Хотя претендент добился лучшей позиции, для реализации своего небольшого преимущества ему предстояла долгая борьба, более двух дюжин ходов и несколько часов концентрации. Даже если он будет играть в высшей степени точно, победный исход не казался полностью очевидным.

Однако ничего этого не потребовалось. На 26-м ходу Фишер атаковал ферзя Спасского конем. У русского было несколько безопасных и достойных путей отхода. Но он не выбрал ни один из них. Вместо этого он отвел ферзя на одну клетку. Это было катастрофической ошибкой. Фишер забрал пешку слоном, и игра была закончена. Спасский тут же понял, что

слона Фишера нельзя взять из-за простой ловушки.

Он совершил вопиющую ошибку, которую любой шахматист совершает хотя бы раз в своей карьере; осознаёшь сделанное — и сердце падает — в тот момент, когда пальцы уже поставили фигуру на новую клетку. Шахматы — самый непрощающий вид спорта; после таких промахов не существует ни реабилитаций, ни повторных шансов.

Исландцы отнюдь не эмоциональные люди; самообладание — их национальная черта, которой они гордятся. Но тут толпа взорвалась, выкрикивая: «Бобби! Бобби!» Все затопали ногами, раздались аплодисменты. В буфете североевропейская публика проявила поистине греческий восторг, подбрасывая в воздух тарелки и стаканы. Счёт сравнялся, у каждого было теперь по 2,5 очка, и давление на Спасского внезапно увеличилось. Фишер покинул зал вполне довольным, а американский лагерь устроил брифинг для прессы: «Русские на грани срыва. Кончиками пальцев они цепляются за рассудок».

Виктор Ивонин по возвращении в Москву присутствовал на обсуждении матча, проходившем в кабинете министра Сергея Павлова. Были приглашены три экс-чемпиона мира — Петросян, Смыслов и Таль — и четыре других первоклассных гроссмейстера: Керес, Корчной, Семён Фурман и Леонид Штейн. Как Спасскому позволили применить защиту Нимцовича в пятой партии, вопрошал Петросян: чемпион безнадёжен в возникающем здесь типе позиций, как белыми, так и чёрными!.. Они понимали тщетность этой встречи. Как помочь Спасскому, находившемуся от них в нескольких тысячах миль, да ещё на такой поздней стадии? В любом случае они не могли советовать ему, что делать. Однако аппаратчики желали знать мнение экспертов, подобно тому, как премьер-министр хочет выслушать мнение военных о ходе далёкой кампании.

В Рейкьявике продолжались ежедневные дискуссии о камерах в зале между ИШФ, Фредом Крамером и представителями телевидения. Исландский бюджет получил от телевидения большие доходы. Заплатив значительные суммы, организаторы и продюсеры нуждались в каких-то гарантиях, что мнение Фишера не изменится. Чтобы попытаться изменить неприязненное отношение Фишера к Фоксу, привлекли американскую телекомпанию Эй-би-си.

Заключать сделку телекомпания послала 36-летнего Чета Форте, хотя предполагалось, что в сентябре он должен будет работать на мюнхенской Олимпиаде. Он сам был знаменитым спортсменом: несмотря на рост всего метр семьдесят, Форте являлся баскетбольной звездой Колумбийского университета.

В своем гостиничном номере Фишер сказал Форте: «Я определённо хочу, чтобы это снимали, но не хочу, чтобы съёмки мне мешали». Форте вел себя мягко. Позже он сказал прессе: «Бобби проявляет незрелость во многих жизненных вопросах... но если с ним посидеть и поговорить, то ваше мнение изменится». Вечером 22 июля, в субботу, они провели в зале почти два часа, и Форте терпеливо объяснял, каким образом можно обеспечить бесшумность и невидимость камер.

Тупиковая ситуация длилась две недели. В какой-то момент Фишер потребовал, чтобы Фокса выслали из Исландии (он остался). Фокс гневно ответил на появившиеся слухи о том, что его отстранили от дел, указав (совершенно справедливо), что всё ещё обладает эксклюзивными правами. «Я не вышел из игры», — заявлял он. Тораринссон сочувствовал трудностям Фокса: «Это не вопрос денег. Речь идёт о принципах. Мы сыты по горло требованиями Фишера. Этот фарс нельзя продолжать». Появился другой представитель Эй-би-си, Лорн Хассан. После длительных переговоров с юристами Фишера он решил, что можно получить разрешение на установку одной камеры на первом этаже зала, в задней его части, и ещё двух по сторонам зала.

Уже первый ход шестой партии, игравшейся в воскресенье 23 июля, потряс шахматный мир: Фишер продвинул пешку ферзевого слона на две клетки. Дебют, известный как «английское начало» (впервые зарегистрировано в 1843 году, когда его применил

англичанин Говард Стаунтон), противоречил прямому стилю игры американца и не входил в его, по сведениям, ограниченный дебютный репертуар; так он открывал игру только дважды. Когда-то Спасский заметил о Фишере: «Он играет только один тип дебютов и не сможет найти ничего другого» — и теперь пожинал плоды своей самоуверенности. Трудно преувеличить степень всеобщего удивления. Выглядело так, словно боксёр-правша внезапно стал левой, ведя бой левой рукой, а не правой, как ожидал противник.

Крогиус утверждает, что разработал детальные планы на тот случай, если Фишер вдруг решит изменить своим дебютным привычкам. Играя белыми, американец неизменно, за исключением буквально нескольких случаев, начинал партию ходом e2-e4, двигая королевскую пешку на две клетки. «Спасский не хотел тратить время на изучение подготовленного мною материала, — говорит Крогиус. — Когда его спросили, что он предпримет в ответ на 1.c4 или 1.d4, Спасский мне сказал: "Не тратьте время на эту ерунду — Фишер никогда не станет так играть"».

Партия получилась грандиозной, лучшей из всех сыгранных до этого. Гарри Голомбек назвал её «шедевром от и до». Фишер создал, а затем безжалостно использовал уязвимые места в баррикаде Спасского, взломав её с помощью батареи из ладей и ферзя, при этом ни разу не подвергнув опасности свою позицию. Спасский оказался в цугцванге — этот термин означает необычную позицию, в которой игрок предпочел бы вообще не ходить, поскольку любой ход только ухудшит его положение. Чёрные сдались в жалкой позиции: одинокий король забился в угол, как человек, оказавшийся в душевой кабине, когда его дом рухнул. Переполненный зал вскочил как один; ошеломлённый и раздавленный Спасский присоединился к аплодисментам, признавая творческую изобретательность, жертвой которой он пал. Фишер вышел в лидеры. Даже гроссмейстеры начали шептаться, что Спасский, вероятно, уже сломлен и его игра никогда больше не будет прежней. В шахматах такое случилось.

В течение этого периода команда Спасского послушно рапортовала в Спорткомитет, что проблемы чемпиона порождены его отходом от тщательно разработанных планов. В Москве гроссмейстеры критиковали дебютную неподготовленность Спасского и его импровизации. Тем не менее они считали, что ещё не всё потеряно.

Ивонин полагал, что Спасский находится в невыгодном положении, сидя на жёстком стуле, тогда как Фишер крутится и вертится в своем модном кресле, обтянутом чёрной кожей. В седьмой партии равновесие было достигнуто. Публика, пришедшая в зал, увидела два неотличимых друг от друга кресла. Герману Миллеру, мичиганскому мебельному фабриканту, чемпионат принёс прибыль: советская сторона через ИШФ заказала ещё одно его кресло. Крамер выразил горячий протест, хотя не имел для этого никаких реальных оснований, и охранникам пришлось физически его удерживать, чтобы он собственноручно не вынес привезённую мебель.

Это было не единственное изменение. Фишер снова обеспечивал себе контроль, диктуя условия игры. Теперь стол и доска были разделены. Фишер возражал против размеров стола — он был слишком большой, из-за чего к фигурам далеко тянуться. Что касается мраморной доски, созданной с такой любовью, то, по мнению американца, контраст между тёмными и светлыми квадратами был недостаточным. Её место заняла обычная деревянная доска, которая использовалась в третьей партии.

Вертящееся кресло, похоже, устраивало Спасского. Седьмая партия началась многообещающе, чемпион сразу взял инициативу в свои руки. Фишер направил игру в русло варианта Найдорфа в сицилианской защите. В этом варианте чёрный ферзь берет белую пешку («отравленную»), глубоко вторгаясь во вражеский лагерь, — «отравленной» пешку называют из-за высокого риска, связанного с её взятием. Чёрные должны успеть вывести ферзя прежде, чем его окружают и уничтожат.

Фишер, однако, успешно справился с давлением, сохранив лишнюю пешку. Спасский, мягко покачиваясь взад-вперёд в своем кресле, в конце концов сумел зацепиться за ничью, записав при откладывании партии спасительный ход: чтобы его найти, потребовалось сорок

пять минут. (Согласно западной прессе, помощь в продолжавшемся всю ночь анализе пришла по таинственной горячей линии, связавшей с командой двух бывших чемпионов, пристально наблюдавших за развитием матча в тысячах миль от Рейкьявика, — Михаила Таля из Латвии и Тиграна Петросяна из Армении.) Любители шахматных курьёзов отметили, что королевская ладья Фишера в течение всей партии не сдвинулась со своего места.

Ничья дала Спасскому лишь временную передышку. Накануне следующей партии Фишер объявил, что всё ещё недоволен оттенками квадратов: теперь ему казалось, что на этой доске они ещё хуже, чем на мраморной. Но, когда Спасскому сообщили об этом за час до начала игры, он не дал согласия на замену. Правило гласит, что любая замена инвентаря должна быть одобрена обеими сторонами.

Недавняя решительность советского игрока не усилила его концентрации. В восьмой партии он снова допустил грубые ошибки. Первая случилась уже на 15-м ходу, когда он просмотрел очевидное нападение слона на его ладью, которой некуда было деться. В итоге чемпион потерял ладью, получив за неё лишь слона. Последствия были не столь серьёзны, как при колоссальной ошибке в пятой партии, но симптомы так называемой шахматной слепоты проявились гораздо ярче, поскольку Спасский просмотрел не комбинацию, а один простой ход.

Обычно гордившийся своей непроницаемостью, чемпион начал выказывать признаки психологической усталости: ладони сжаты между коленями, на лице — тень беспокойства. На 19-м ходу он совершил ещё одну ужасную ошибку, отведя коня и позволив белым провести чёткую маленькую комбинацию (Ларри Эванс назвал её «остроумной»), в результате которой они выиграли пешку и навязали размен ферзей. Эндшпиль не вызывал сомнений. Когда чёрные сдались, Спасский оставался за столом ещё несколько минут, в потрясении глядя на доску. Гроссмейстер Глигорич сказал, что это худшая партия Спасского за всю карьеру.

Фишер не знал, что во время игры велась съёмка. Считая, что Эй-би-си наконец-то получила разрешение, Лорн Хассан заснял партию, тайком установив телекамеру на дальнем балконе. Когда Фишер узнал об этом из радиорепортажа, то впал в ярость. Его обманули. Как они посмели?! Он требовал извинений, много извинений, чтобы кругом были одни извинения. Он хотел полного запрета на использование телекамер.

Голливудский кинопродюсер Джерри Вайнтрауб и американский организатор гастролей «The Beatles» Сид Бернстайн прибыли в Исландию, чтобы попытаться, помимо всего прочего, купить права на телесъёмку, однако Фишер отказался с ними встречаться. Говорили, что Честер Фокс требовал четверть миллиона долларов. Возмущившись, даже в Эй-би-си опустили руки, и президент компании Рун Арледж послал телеграмму, объявляющую об уходе: «Камеры были незаметны, поскольку ни во время, ни после партии не возникло никаких возражений; нам очень жаль, что вы не знали об их существовании». С этого момента до самого конца матча не было снято ни единого хода, и лишь в последний день югославский журналист Димитрий Белица незаметно пронёс кинокамеру в сумке и тайком заснял происходящее на плёнку.

Фраза, приветствовавшая зрителей 30 июля, гласила: «Spassky veikur» — «Спасский болен». Эксперты считали, что сказалось переутомление от игры и выходок его соперника. Тайманов, Ларсен, Петросян — теперь и Спасский. День был воскресный, когда неизменно собирался полный зал, и 2000 зрителей были невероятно разочарованы. Русские представили справку от врача. Крамер торжествовал: «Мы ещё неделю назад ожидали, что Спасский запросит перерыва. Именно так обычно поступают русские, когда их человек быстро идёт ко дну». На самом деле после шестой партии в Москве состоялась встреча гроссмейстеров, на которой действия чемпиона подверглись серьёзной критике; её итогом стала рекомендация, отправленная Спасскому: он должен сыграть ещё одну партию и взять трёхдневный перерыв.

Когда чемпион вернулся в полном здравии после двухдневного отдыха, он сыграл небогатую событиями ничейную партию, где после многочисленных разменов возник

пресный ладейный эндшпиль. Похожие на апатичных часовых сонной границы, с каждой стороны доски смотрели друг на друга по четыре пешки. Игроки провели за доской целый день, обменявшись рукопожатием только после восьми вечера.

В 10-й партии, состоявшейся 3 августа, Спасский впервые позволил Фишеру (белые) сыграть его любимую испанскую партию. Никто в мире не знал этот дебют лучше Фишера, никто не добивался в нем такого убийственного эффекта. Ключевым ходом оказался 26-й — слон на b3, которым претендент небрежно отдал пешку. Внезапно пассивные войска Фишера ожили! Главные фигуры вступали в бой, каждая в наилучший момент, не слишком рано, не слишком поздно. Бент Ларсен, второй по рейтингу западный шахматист, был буквально наэлектризован этой партией, потрясённый её чистой, безжалостной логикой: «Я преклоняюсь перед блистательной комбинацией Бобби». В эндшпиле, продемонстрировав техническое совершенство, Фишер холодно и жестоко разгромил противника.

Секунданты Спасского в Рейкьявике и приунывшие чиновные зрители в Москве выражали беспокойство психологическим состоянием чемпиона, начались разговоры о возможном «постороннем воздействии» на его игру. 31 июля зампред Спорткомитета Станислав Мелентьев вылетел на десять дней в Рейкьявик. Мелентьев дружил с чемпионом. Ему поручили внимательно проследить за Спасским и его отношениями с командой. Нерешительность Спорткомитета и ощущение беспомощности, царящее в нем, отчётливо проявилось в противоречивой рекомендации, которую получил Мелентьев накануне отлёта. С одной стороны, ему (в очередной раз) предстояло проинформировать Спасского, что не должно быть никакой «благотворительности», никаких уступок причудам Фишера, и чемпиону следует твёрдо стоять на своем. Матч «не был личным делом Спасского; он нес ответственность перед обществом». С другой стороны, Мелентьеву запрещалось заставлять Спасского действовать против своей воли или угрожать тем, что «высшее руководство наказало ему то-то или то-то».

Фишер имел 6,5 очка, Спасский — только 3,5. Чемпион был раздавлен. В этом контексте 11-я партия бросала ему самый серьёзный вызов за всю профессиональную жизнь, вызов, который он принял с достоинством. Снова Фишер сыграл вариант Найдорфа с «отравленной» пешкой, приняв предложенную белыми жертву. Он нахально брал пешки в этой позиции против многих других игроков и всегда выходил невредимым. Великий шахматист (и композитор) 18-го века Франсуа Филидор называл пешки — пехотинцев шахматной доски — «душой игры», и Фишер никогда не недооценивал их важности.

Однако команда Спасского в течение недели искала способ усилить действие яда. Токсичность проглоченной пешки дала о себе знать на 14-м ходу, когда Спасский сделал противоречащий здравому смыслу ход конем, вернув его на исходное место. В своей книге Роберт Бирн и Иво Ней называют его «дьявольским отступлением» и «самым интересным ходом в Рейкьявике». По мере сужения кольца загонщиков Фишер обнаруживал, что клеток у его ферзя остается всё меньше и меньше; через одиннадцать ходов он оказался пойман. В зале слышались шорохи и шёпот, заставившие Лотара Шмида нервно вскочить со своего кресла и яростно нажать кнопку «тишина». Партия теперь действительно была закончена, хотя Фишер сделал ещё несколько ходов. Когда он наконец сдался, аплодисменты и приветственные крики: «Борис!» звучали по всему залу. Чемпион заметно расслабился. «Остаток матча будет для меня более интересным», — сказал он.

Фишер редко проигрывал, и каждый проигрыш психологически выбивал его из колеи. Как же подействует на него это поражение? Повсюду говорили о «поворотной точке», о том, что матч стоит «на распутье». В газете «Известия» гроссмейстер Давид Бронштейн написал: «Чемпион мира наконец вернулся к наступательной игре и теперь, возможно, целиком проявит свои многочисленные таланты».

Однако 12-я партия прошла довольно спокойно — некоторые гроссмейстеры назвали её попросту «скучной». То, что будет ничья, стало понятно ещё за два десятка ходов до того, как этот результат был скреплён рукопожатием, и игра продолжалась, вероятно, из чистого

упрямства. Единственное, что вызвало некоторое удивление, — это капли пота, стекающие с бровей обоих соперников. Несмотря на жаркий день, Фишер настоял, чтобы кондиционеры отключили из-за тихого гудения. В ходе партии он постоянно жаловался судье на то, что ему мешает шум в зале. На этот раз его жалобы были вполне обоснованными: местные детишки ухитрились пролезть в подвал и кричали в грубы вентиляции, ведущие прямоком в зал.

Позже Шмид получил письменное требование Фишера, чтобы тот освободил первые семь рядов кресел: «Зрители сидят слишком близко и чересчур шумят, так что я слышу их разговоры, кашель и смех. Это недопустимо на матче за звание чемпиона мира, и я требую, чтобы вы с организаторами предприняли немедленные действия для полного и окончательного исправления этих условий, предоставив мне полный отчёт о сделанном». «По стандартам Бобби, это было обычное письмо», — сказал Шмид, попытавшись не обращать на него внимания. Однако для Фишера, а следовательно, и для организаторов шум являлся постоянным раздражителем.

Худший момент для чемпиона.

Жалобы вызвали в Фишере душевный катарсис. Тринадцатая партия это отлично продемонстрировала. Даже просто сделать 74 хода в течение девятичасового марафона — это уже огромное напряжение. Большую часть времени позиция оставалась невероятно сложной, и было не ясно, кто выигрывает. К. Александер назвал партию «битвой античных масштабов». При доигрывании Фишер отдал фигуру, но взамен активизировал свою пешечную фалангу на ферзевом фланге; пешки медленно, неуклонно и угрожающе двигались по доске. Несколько раз под невероятным давлением Спасский находил спасительный маневр. Но на 69-м ходу, выбившись из сил, он дал ошибочный шах ладьей; советская пресса назвала это «роковым шахом». После него Спасский уже не мог помешать превращению одной из пешек Фишера в ферзя. «Бобби вложил в этот эндшпиль больше, чем когда-либо в своей жизни», — сказал Уильям Ломбарда. Когда Фишер покинул сцену, Шмид

— игнорируя американские заявления относительно его предпочтений — сел напротив деморализованного Спасского и посмотрел с ним финальную стадию партии. Несмотря на ошибку и усталость, Спасский утешился в таком *tour de force*. Давид Бронштейн переигрывал партию множество раз и так написал о ее восхитительной сложности: «Словно загадочный сфинкс, дразнит до сих пор она моё воображение».

В Исландию прибыла жена чемпиона Лариса вместе с жёнами остальных членов команды. «Надеюсь, я помогу ему и отдыхать, и размышлять», — сказала она. После титанических, но тщетных усилий в предыдущей партии Спасскому требовалось время на восстановление. Утром перед 14-й партией был взят второй тайм-аут. Ульвар Тордарсон, прекрасный шахматист и окулист, которого незадолго до начала матча попросили быть официальным врачом, обнародовал заявление о том, что «сегодня утром (в 10.20) Борис Спасский был обследован. По медицинским показаниям я советовал ему не выходить на сегодняшнюю партию». Точная природа болезни не называлась. Сейчас Тордарсон говорит, что ничего серьёзного не было: простуда, вызванная стрессом. Когда доктор прибыл к Спасскому в отель «Сага», чемпион был достаточно здоров, чтобы шутить. «Он предложил мне сыграть партию в шахматы. Я сказал: "Ваше призвание — шахматы, моё призвание — медицина"».

Крамер не проявил сострадания. «Бедняга Спасский. Его свалил какой-то русский вирус, потому что с исландским климатом всё в порядке. Возможно, ему нужна пара дней, чтобы пообщаться с женой и ненадолго забыть о шахматах». Потом Крамер отправился к Тордарсону, требуя медицинский отчёт, но был выставлен за дверь. «Прежде чем его вышвырнуть, я объяснил ему этические правила отношений между врачом и пациентом», — говорит Тордарсон, передавший отчёт Шмиду и запретивший арбитру публиковать его. Крамер пытался добиться текста документа и от Шмида, но получил второй отказ. «Спасский чувствует себя неважно. Вот и всё», — ответил ему немецкий гроссмейстер. Широко распространённым прогнозом в западной прессе был такой: Спасский, отстающий в счёте и невероятно уставший, теперь капитулирует без борьбы.

ГЛАВА 17 МИТТЕЛЬШПИЛЬ

Теперь у меня не осталось ничего, кроме жены.

Честер Фокс

После потрясений первой половины матча организаторы и соперники наконец-то занялись обычной рутинной. Шок от общения с Фишером прошёл. Подобно жителям оккупированного города, все мало-помалу приспособились к новому стилю жизни. В день приходило одно-два письма с жалобами, иногда за подписью Фишера, иногда Крамера; были угрозы, истерики, ультиматумы. Но в этой регулярности наличествовала успокаивающая, предсказуемая динамика — партия, выходной(ые), знакомые процедуры. Как при оккупации, граждане не могли позволить себе расстраивать завоевателей: всегда существовала опасность, что жалоба Фишера разрастётся до невероятных размеров. Некоторые протесты начали переходить грань разумного; уровень напряжения среди организаторов увеличивался, если не предъявлялось никаких претензий: что ещё задумал Фред Крамер?

Миллионер из Милуоки, бывший президент Шахматной федерации США, Крамер был невысоким человеком с гигантским эго, сколотившим свой капитал на осветительном оборудовании. Брэд Даррах описывал его так: «Полтора на полтора метра плюс сапоги» и добавлял, что в зависимости от настроения он мог «выглядеть как любой из семи диснеевских гномов». Когда Фреда Крамера окружали журналисты, маленький рост скрывал

его в толпе, и всё, что доставалось оставшимся снаружи, — это писклявые фразы, несущиеся из ниоткуда.

Тогда Крамеру было под шестьдесят, и официально он являлся вице-президентом ФИДЕ, ответственным за 5-ю зону (США). Он стал неофициальным представителем Фишера после того, как Эдмондсона без долгих рассуждений уволили. Трудно представить столь противоположные фигуры, как Эдмондсон и Крамер. Полковник американских ВВС Эдмондсон имел величественную военную выправку и умиротворяющее воздействие на окружающих. Бывший капитан Крамер легко выходил из себя и обладал большим самомнением. Однако за работу, проделанную в качестве президента Шахматной федерации США, его уважали: он ввел систему Эло, названную так в честь её изобретателя, профессора математики Эрпада Эло, которая измеряла силу игры шахматистов. Крамер оставил федерации немалое состояние.

Он считал себя исполнителем множества ключевых ролей: охранник американского гения, главный организатор, стратег и публичный представитель, равный президентскому главе персонала, преграждающему путь в Овальный кабинет. На самом же деле он был главным мальчиком на побегушках, отвечавшим за группу менее значимых слуг, которые с напряжением ждали приказов Фишера и исходили потом в том случае, если не могли удовлетворить запросы своего переменчивого хозяина в любое время дня и ночи. Однажды он и сам подтвердил это: «Я уполномочен только жаловаться». Так он и делал. Дня не проходило без его грубых писем. Он жаловался и лично, иногда шепча чиновникам что-то на ухо в общественных местах. «Громогласный шёпот от Дюймовочки», — писала «Guardian».

У него была привычка собирать импровизированные пресс-конференции в вестибюле игрового зала или в фойе гостиницы «Лофтлейдир», не представляя, насколько смешными или напыщенными считают их журналисты. Он наслаждался вниманием и разыгрывал драму последних событий, используя оригинальный словарь, состоящий в основном из военных метафор, например: «Русские поддерживают свои войска бумажными заграждениями». Не будучи одарён необходимыми качествами ума, такта и дипломатии, он являлся настоящей находкой для журналистов, поскольку всегда говорил что-нибудь, что можно было процитировать. В области пиара Крамер лет на двадцать опередил своё время, защищая поведение Фишера оскорбительными упрёками в адрес другой стороны, вместо того чтобы извиняться. Чем более абсурдным становилось поведение Фишера, тем более горластым был Крамер. Русские всегда говорили «чушь» и «ерунду». Чиновники были «глупыми», «некомпетентными» и «предвзятыми».

В Рейкьявике он был популярен только среди журналистов. Спасский обвинял Крамера, что он действовал так, словно Фишер был чемпионом, а «я — никем». Чиновники тоже его не любили. Сегодня Шмид со смехом называет его «службой Бобби»; он просто осуществлял его желания, чего Эдмондсон мог бы и не делать. Он так часто находил недостатки, говорит Шмид, «что я уже был готов ко всему». Вслед за своей первой попыткой сместить немецкого гроссмейстера с поста главного арбитра Крамер вновь озвучил свои сомнения относительно его беспристрастности, потому что Шмид в выходной день играл с чемпионом в бридж, а однажды был замечен с Иво Неем. Шмид твёрдо отверг обвинения: «Когда я встречаю мистера Крамера, он всегда старается спрятаться за большим человеком».

Большой человек был стимулом маниакальной деятельности Крамера. Говоря словами Дона Шульца, «он был стопроцентным подхалимом: Крамер не хотел, чтобы его уволили, как Эдмондсона. Поэтому делал буквально всё, что хотел Фишер. Что бы Фишер ни сказал, он отвечал: "Да, сэр. Я согласен, давайте так сделаем"». Легко смеяться над подбострастием Крамера, но он был далеко не единственным; те, кто служил Фишеру, признавали, что есть грань, которую не следует переходить, если хочешь избежать его гнева.

Пресс-конференции Крамера были его отчаянным способом доказать Фишеру, что он ревностно исполняет все приказы. Шульц считает это не самой эффективной стратегией: «Лучше было бы общаться с властями закулисно. Вместо этого Бобби что-то говорил, и тут же издавался пресс-релиз». Фрэнк Скофф, в августе 1972 года ставший президентом

Шахматной федерации США, был одним из помощников Фишера в Рейкьявике и проявляет больше великодушия: «Фред был бы хорошим парнем, если бы немного сбавил обороты, но он из тех, кто мигом заводится, а потом стреляет во все стороны».

Среди людей, которым удавалось достичь в общении с претендентом некоторого взаимопонимания, был Сэмундур - «Сэми-рок» - Палссон, вспоминающий, что, если Фишера нужно было разбудить к партии, Крамер «стучал в дверь его номера, говорил мне: "Стой здесь" — и тут же убегал».

Бликие отношения, сложившиеся между Фишером и Палссоном, между шахматной суперзвездой и исландским полицейским, являлись одной из странностей матча. В Исландии 35-летний Сэмундур Палссон был знаменитостью не меньшей, чем Фишер. Простой, добродушный парень, он завоевал золотую медаль в чемпионате Исландии по дзюдо (в среднем весе), взял первое место на танцевальном турнире в Рейкьявике и был экс-вратарем национальной команды по гандболу. Он обладал ещё одним счастливым качеством, позволившим ему стать телохранителем и появиться у дома Фишера тем вечером, когда претендент наконец-то прибыл в Исландию: Палссон немного говорил по-английски, вполне достаточно, чтобы общаться со звездой.

В тот вечер около полуночи Фишер высунулся из окна проверить, пуста ли дорога. На улице никого не было; он вышел и спросил Палссона, сидевшего в полицейской машине, как пройти к городскому центру, отказался от предложения подбросить его и размашистыми шагами исчез в ночи. Палссон запросил по радио инструкции. «Не выпускай его из виду», — приказали ему.

Шахматист направлялся на запад, прочь из города. Машина поравнялась с ним. «Добрый вечер, мистер Фишер, — сказал Палссон. — Не хотите прокатиться с нами? Можно осмотреть окрестности и даже не показываться в этих бетонных джунглях». Американец согласился на экскурсию. Погода стояла прохладная, а Фишер отправился на прогулку без свитера. Забрав из номера тёплую одежду, они поехали в горы. Палссон вновь связался со штабом, общаясь с начальством на исландском. Фишер потребовал от него ответа, о чем это они разговаривают. Палссон его успокоил.

Выехав за город, они наткнулись на отару овец и стали гоняться за ними, «как дети». Это и явилось началом крепкой дружбы — некоторые утверждают, что Палссон был единственным настоящим другом Фишера. «Мне нужен портной, — сказал в тот вечер Фишер. — Вы знаете кого-нибудь?» Палссон знал всех: он обещал представить Фишеру лучшего в Рейкьявике портного — Колина Портера, англичанина, женившегося на исландке. «Моя телевизионная антенна сломана. Можете найти, кто бы её починил?» «Я прослежу, чтобы её отремонтировали», — ответил Палссон.

Следующие два месяца Палссон и Фишер практически не разлучались. Фишер называл его «Сэмми». Полицейский превратился в надёжного старшего брата, которого у Фишера никогда не было. Они играли в теннис, плавали («Я плавал чуть быстрее, но, чтобы ему было приятно, отставал»). Палссон брал Фишера в свой дом у моря, где американец усаживался на диван, а миссис Палссон готовила изумительные блюда исландской кухни. Фишер привязался к сыну Палссона, семилетнему Асгейру. Он не мог понять, почему, когда посреди ночи они отправлялись гулять, миссис Палссон не разрешала ребёнку сопровождать их.

Палссон присматривал даже за финансами Фишера. Он вспоминает, что Фишер в вопросах денег был наивен до крайности, особенно в отношении иностранных чеков, которые получал из разных источников в Рейкьявике. «Он хотел только наличных. Я сказал: "Могу доказать, что эти чеки — настоящие деньги". Взяли чек на шесть или семь тысяч крон, пошли в банк, и я попросил его обналичить. Бобби подписал бумагу и получил деньги. Слава богу, что он не выкинул эти чеки в мусорную корзину».

Встретив Палссона сегодня, сразу понимаешь, почему Фишеру было с ним так легко. Полицейский инспектор — чрезвычайно приятный, надёжный и искренний человек. В Исландии он национальный герой. «Вы обязательно должны встретиться с "Сэми-роком"»,

— говорят люди, если им задают вопрос о Фишере, и глаза их начинают сиять, когда они заводят рассказы о его деяниях и о близости к странному американцу. Тон их повествований любящий, лишённый всякой насмешки.

Его репутация чрезвычайно дружелюбного человека выросла ещё больше несколько лет назад благодаря случаю, о котором знает большинство жителей Рейкьявика. На пьяной вечеринке завязалась громкая ссора, соседи вызвали полицию. Приехал Сэми и за несколько минут выпустил из всех пар, просто-напросто дав урок танцев: «Я сказал: послушайте, давайте веселиться. Может, попробуем сделать несколько движений?».

Все два месяца пребывания Фишера в Рейкьявике преданность Палссона награждалась скупыми подачками от полиции, Исландской шахматной федерации и самого Фишера. Ему платили за восемь часов, но иногда Палссону приходилось работать по восемнадцать. Первые две недели он был загружен в течение дня, а потом, из-за необычной привычки Фишера спать до вечера, пришлось проводить на работе ещё полночи. Позже его освободили от работы в полиции, чтобы быть с Фишером постоянно, но он все равно перерабатывал. Когда Палссон жаловался, ИШФ обещала платить сверхурочно, но денег он так и не получил. Пол Маршалл посоветовал Фишеру, чтобы тот вознаграждал старания Палссона, на что Фишер ответил: «Предложить Сэмми денег? Он мой друг. Это его обидит». «Был он очень умным или очень скупым, неизвестно, — говорит Палссон. — Я никогда не просил, но если бы он решил мне заплатить, я бы не отказался».

Финансовой выгоды от происходящего Палссон не получал, зато своими глазами наблюдал за разворачивающейся драмой и приходил на партии. Фишер просил, чтобы он находился за сценой, готовя апельсиновый сок и еду; поскольку Спасский не протестовал, Палссон появлялся практически на каждой партии. Как минимум однажды он обслужил и Спасского, не желая оставлять того без внимания.

Палссон признаётся, что он не самая яркая звезда на небосклоне, но зато он тонко чувствует эмоциональное состояние окружающих, что позволило ему «читать» настроение Фишера. «С Бобби надо было обращаться как со скрипкой, — говорит он. — Иногда лучше просто помолчать». Его преданность Фишеру трогательна, хотя ответную привязанность американца он переоценивает.

С конца июля матч входит в чёткий ритм. Партии начинаются в пять пополудни по вторникам, четвергам и воскресеньям, но Фишер всегда опаздывает, иногда на несколько минут, иногда на полчаса. Палссону дают строгие инструкции не будить его слишком рано. От гостиницы «Лофтлейдир» надо немного проехать до прибрежной дороги, а затем до «Лаугардалура», муниципального спортивного центра, состоящего из открытого атлетического стадиона, бассейна и огромного Выставочного зала в форме гриба, где и проводится матч.

Машина Фишера подъезжает к заднему входу. Игнорируя оживлённые улыбающиеся лица юных охотников за автографами, шахматист, опустив голову, проходит через двери, шагает по узкому коридору и поднимается налево, на сцену. Он практически не смотрит в зал. Его часы уже идут: если он играет чёрными, то взгляд падает на первый ход Спасского. Быстрое рукопожатие с соперником, который слегка приподнимается ему навстречу, и Фишер шлёпается в кресло. Минуту или две он изучает доску. Делает первый ход, а затем следует несколько быстрых ответов на ходы Спасского.

Оба игрока хорошо одеты. На первую партию Спасский выбрал костюм-тройку, однако предпочитает он что-нибудь простое и стильное: спортивный пиджак, белую рубашку и галстук, светлые брюки. Иногда он надевает спортивный шерстяной джемпер (в Москве и Лос-Анджелесе страдают от жары, но в Рейкьявике в это время года погода необычно плохая — холодно, пасмурно и сыро). Пиджак чемпиона висит на спинке кресла. Набор костюмов Фишера включает в себя все цвета радуги — от голубого до неудачного красно-коричневого, сшитого у местного портного. У него есть серые и чёрные костюмы. Коричневый джемпер под пиджаком защищает от холода. Рубашки также самых разных цветов, включая

канареечно-жёлтый.

Оба игрока обладают удивительной способностью к концентрации. Во время каждой партии, которая может длиться до пяти часов, они оставляют свои кресла лишь на короткий период, чтобы размять ноги. Когда Спасский поднимается, он делает это аккуратно, не торопясь, глаза всё ещё прикованы к доске; Фишер вскакивает с кресла одним движением. Крогиус установил две типичные позы Фишера за доской: «Первая — откинувшись на спинку кресла и слегка его раскручивая (руки на подлокотниках), Фишер буравит доску взглядом издалека; вторая — кресло придвинуто как можно ближе к столу, голова, охваченная руками, склонена над доской». Иногда он ковыряет в носу. Засовывает пальцы в уши. Крогиус видит, как Фишер закрывает глаза ладонями, но оставляет щелочки, через которые может наблюдать за противником.

У Спасского тоже есть свои излюбленные позы. В одной из них он сидит прямо, положив подбородок на руку, локоть на столе; в другой закрывает голову ладонями, блокируя посторонние звуки и отвлекающие виды. Что делают пальцы? Он запускает их в густую шевелюру, кладет кончики в рот или постукивает по переносице. Иногда он просто смотрит, но не на доску, а на противоположную стену, хотя ясно, что размышляет о позиции. Сделав ход, он фиксирует его на бумаге, по выражению одного из журналистов, «с таким видом, словно пишет записку секретарю». Непроницаемость, в изображении которой он преуспел, изменив свою прежнюю привычку эмоционально реагировать на происходящее, — чрезвычайно ценное качество. Фишер как-то рассказал о своих впечатлениях от Спасского за доской: «Сидит за доской с тем же застывшим выражением лица, он ли матует или матуют его. Он может просмотреть потерю фигуры, но вы никогда не определите, просмотр это или фантастически глубокая жертва». Единственным физическим признаком, хоть как-то выражавшим его эмоции, было почти незаметное поджатие губ в сложных позициях.

В процессе столь длительных умственных усилий энергия должна поддерживаться на высоком уровне. Во время партии Спасский медленно потягивает апельсиновый сок или наливает себе чашку кофе — он приносит с собой два термоса. Фишер пьет воду со льдом, томатный сок или колу. За занавесом, вдали от зрителей, есть еда. Помощники Фишера хранят её завернутой в фольгу, специально для своего бойца. Это целый набор сыров, свежие фрукты, холодное мясо и сельдь. Перед 14-й партией Крамер заявляет, что они добавили ещё и крутые яйца. Спасский ест сандвичи.

Сцена, на которой ведётся игра, покрыта зелёным ковром, а под столом и креслами лежит дополнительный коврик. Несколько скромных цветов в горшках. Зал вмещает примерно 2500 темно-пурпурных кресел. Он заполнен или наполовину, или целиком; больше всего народу приходит в воскресенье. В основном это мужчины. За посещение каждой партии они платят по пять долларов; некоторые покупают абонемент на весь матч за 75 долларов. У кого-то мощные бинокли, направленные на соперников: люди стараются угадать, о чем те думают.

Лотар Шмид находится в задней части сцены. Он пускает часы, принимает запечатанный конверт с ходом при откладывании партии и вскрывает его перед началом доигрывания. Но главная его задача — следить за шумом в зале, что делает его похожим на учителя в классе для отстающих. Шмид выработал несколько способов добиться тишины. Он может сказать перед партией короткую речь. «Даже не шепчите», — просит судья. Во время игры он подходит к краю сцены, прижимая палец к губам, или нажимает кнопку, зажигая неоновую надпись на английском и исландском: «SILENCE/POĞN».

Стремление предотвратить шум заставляет регулярно смазывать маслом дверные петли. При входе в зал плотники соорудили звукоизолирующие коробки, чтобы приглушить звуки, доносящиеся из ресторана. Продажа сладостей и еды в целлофановых упаковках запрещена, хотя ИШФ отказывается не пускать на партии детей, как того хочет Фишер; зал для игры, обижается он, «превратился в детский сад».

Но зал, по стандартам чемпионатов, вполне тихий. Зрители, отлично разбирающиеся в шахматах, ведут себя так же примерно, как и любая другая шахматная публика в любой

точке мире. Конечно, бывают и эксцессы. Фишер жалуется, что человек храпит, — Шмид немедленно отправляет служащих разбудить его. Кто-то роняет на пол вещь, по звуку, как тяжёлый кусок металла, — эхо отдается от стен, пролетая по залу. Зрители не обижаются на Шмида за его увещевания; в самом деле, его сложное положение заслуживает симпатии. «Что эти американцы от него хотят? — спрашивает один. — Чтобы он напустил в зал нервно-паралитического газа?».

По понятным причинам некоторые предпочитают смотреть матч не в зале, где могут попасть под пристальный взгляд Фишера, а по одному из телевизионных мониторов в кафетерии. Они сидят там, обсуждая ходы, жуя хот-доги и пирожные, попивая пиво. Желаящие могут спуститься вниз и почувствовать атмосферу возбуждения, царящую в зале для анализов. Здесь один из присутствующих гроссмейстеров объясняет нюансы позиции и пытается предсказать, что произойдет дальше. Бент Ларсен, прибывший с кратким визитом в Рейкьявик, — местный любимец; его ясные, увлекательные и подробные комментарии иногда встречают аплодисментами. Шум просачивается в игровой зал, Шмид снова в затруднении.

В конце партии кучка энтузиастов ожидает игроков по обе стороны от входа. Фишер игнорирует всех. Он садится в машину, пристёгивается, а водитель — обычно Палссон, иногда Ломбарда — медленно ведет машину сквозь толпу. Спасский уходит не столь торопливо. Проигранная партия может заставить его просидеть над доской ещё несколько минут, обдумывая, как, где и почему всё пошло не так. Шмид присоединяется к нему, утешая своей компанией. Чемпион надевает пиджак и медленным шагом покидает сцену. Зал пустеет. Шмид убирает фигуры.

Взгляните вверх, и вы увидите человека, перебирающегося по платформе под самой крышей здания. Он тайком уносит аппаратуру для видеосъёмки матча. Честер Фокс намерен завладеть записями, но человек, ответственный за съёмку, Гуннлаугур Йозефссон, считает, что американский продюсер не имеет на это права. Именно Йозефссон трижды в неделю забирается под самый потолок.

События, происходящие в те дни, когда партий нет, также приобретают более регулярный характер. Комитет ИШФ собирается практически каждый день, чтобы обсудить последние события. Казначей Хильмар Виггосон должен разработать ещё более искусные схемы для компенсации потерь дохода со съёмок. Некоторые советы приходят и от публики, после того как он разместил в газете объявление с просьбой присылать идеи. Наиболее успешным предприятием являются памятные золотые монеты. Расходятся они хорошо. «Мы сделали на них состояние», — говорит Виггосон.

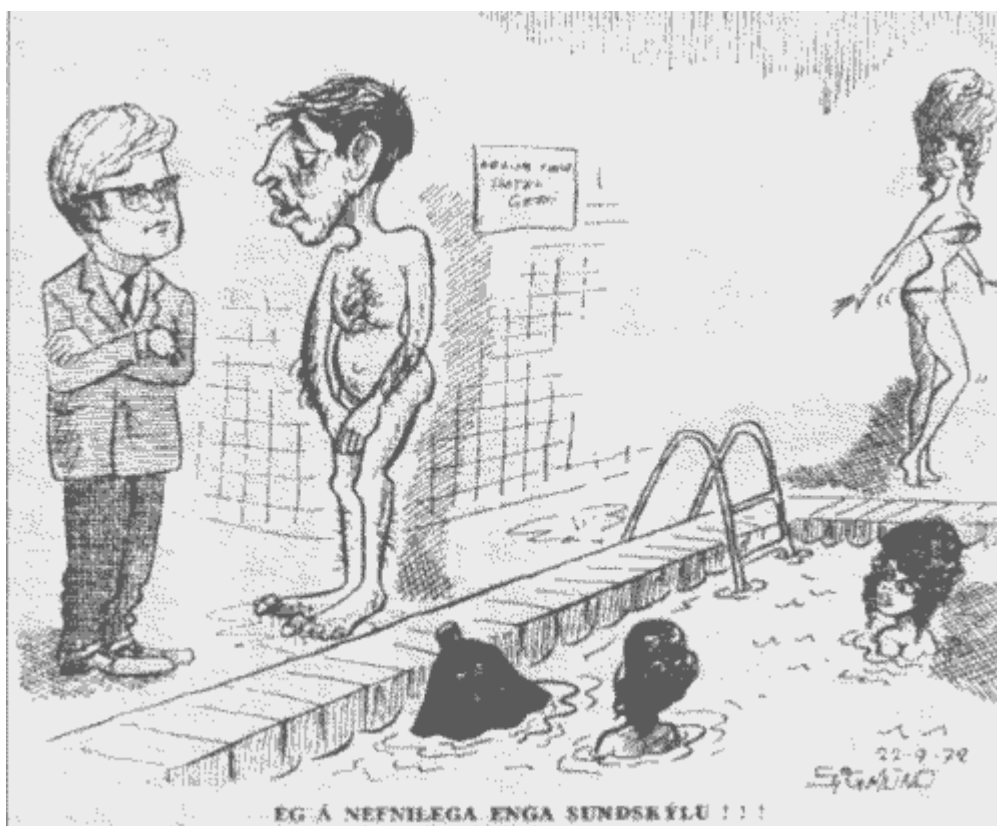
Подготовка к следующей партии остается для обоих соперников главным приоритетом. Между аналитической работой с секундантами Спасский отдыхает за игрой в теннис, если нет дождя и не слишком ветрено, или смотрит кино. (Когда приезжает Лариса, корреспондент ТАСС сопровождает её на фильм о похотливом монахе, отвечающем за женский монастырь, который никогда бы не достиг экранов Москвы.) Во время двухмесячного матча к Фишеру приезжают его друзья и родные. Среди них первый учитель Джек Коллинз, сестра Джоан Тарг с семьей, близкий друг из Лос-Анджелеса Лина Грумметт.

Под аккомпанемент рок-музыки он в одиночестве работает до позднего вечера, затем плавает в бассейне, играет в настольный теннис или выходит на корт, а иногда отправляется на военную базу в Кефлавике поиграть в боулинг. Довольно средний шахматист Арчи Уотерс — любимый партнёр Фишера за теннисным столом. В большом теннисе ему есть из кого выбирать, включая Светозара Глигорича и Роберта Бирна; оба они намного старше его самого. Бирн говорит, что они выходили на корт примерно в одиннадцать вечера: «Фишер видел, что я могу играть лишь двадцать минут, и все эти двадцать минут мы просто разогревались. Заметив, что я уже задыхаюсь, он говорил: "Ну ладно, разогрев закончился. Теперь начинаем играть"».

Любимый отдых Фишера — боулинг. Но даже он служил делу шахмат, вспоминает

Виктор Джакович из американского посольства. Как самый молодой дипломат, Джакович отвозил Фишера на американскую авиабазу:

Боулинг был для него физическим упражнением и отдыхом для ума. Всё. Боулинг как спорт его не интересовал. Он всегда бросал шар вне очереди. Я бросал, затем его секундант, преподобный Уильям Ломбарди бросал, затем Фишер, я, и опять поднимался Фишер. Если я говорил: «Это не твоя очередь, а преподобного», Ломбарди делал мне знаки, что не надо, не стоит. Позже Ломбарди сказал, что очередь здесь совершенно не важна. Это просто бросок шара в кучу кеглей, не настоящий боулинг, не спорт. Помню, кто-то на базе подошёл к Фишеру и из лучших побуждений предложил: «Слушай, давай я покажу тебе, что ты делаешь не так», потому что его шары катились куда угодно, только не туда, куда надо. Фишер ответил ему очень грубо, очень резко: «Я бросаю этот тяжёлый шар для тренировки руки, чтобы быть в лучшей физической форме, чтобы лучше спать и чтобы лучше играть в шахматы. Вот и всё». Он не был в этом смысле невежливым. Думаю, американец несколько опешил, поскольку считал, что может Фишеру что-то показать, помочь ему. Но Фишеру было все равно.

Фишер требует, чтобы бассейн предоставили в его личное распоряжение: «Дело в том, что у меня нет купального костюма».

Фред Крамер ежедневно составляет список требований, записывая их на бланках отеля «Лофтлейдир», и посылает Фрэнку Скоффу (который во время матча исполняет обязанности президента Шахматной федерации США) с копией для Ломбарда. Скоффу напоминают о его бесчисленных обязанностях, хотя те варьируются день ото дня. Он должен регулярно прочёсывать игровой зал в поисках камер. Он должен добиться, чтобы им выделили «мерседес», как и было обещано исландскими организаторами. Он должен организовать стирку. Он должен убедиться, что у Фишера есть доступные в любое время партнёры для игры в теннис или боулинг и что все места отдыха не заперты и готовы принять Фишера.

Всё, чем Бобби может заняться, должно организовываться в течение тридцати минут после уведомления или быстрее. Не оставляйте никаких пробелов. Никому ничего не поручайте, даже Сэмми. (Конечно, мы ему доверяем, как и многим другим, но всё должно

делаться так, чтобы Бобби смог отправляться туда независимо ни от кого. На каждый случай имейте трёх-четырёх человек для сопровождения.)

Скофф должен готовить подходящую для Фишера одежду. Следить, чтобы помещения не использовались «для посторонних людей или занятий». Искать возможность пополнить список потенциальных партнёров для развлечений американца: «Помните, что люда занимают и своими делами. Некоторые даже покидают Исландию».

Когда пятничной ночью заходит солнце, настроение у американской команды и организаторов чемпионата поднимается. Двадцать четыре часа Фишер будет сидеть взаперти, соблюдая шабат. Между Фишером и организаторами воцаряется краткое перемирие. Всё спокойно на фронте «Лофтлейдира».

Однако в трагикомедии Фокса не всё было так тихо и спокойно. Центральный вопрос теперь заключался не в том, можно ли разместить в зале камеры — все заинтересованные группы уже потеряли на это надежду, — но можно ли заставить Фишера заплатить за провал съёмки. Честер Фокс утверждал, что ему пришлось потратить около 200 тысяч долларов на страховку фильма, а потери с доходов составили около 1,75 миллиона долларов. Он хотел компенсации и угрожал отсудить у Фишера «каждый цент, на который только получится наложить руки». Чтобы застраховаться, Фишер потребовал у ИШФ положить на его банковский счёт 46 875 долларов — половину приза проигравшему. ИШФ отказалась.

Судебные разбирательства продолжались, и Фокс направился в Федеральный суд США, утверждая, что Фишер намеренно причинил ему «огромный финансовый ущерб». От имени Фишера Крамер отмел нависшую угрозу суда: Фокс просто старается переиграть Фишера — как обычно. Однако адвокаты получили приказ от федерального судьи Констанс Бейкер Мотли заморозить часть призовых денег претендента. «Всё, чего мы хотим, — чтобы этот исторический матч сохранился в фильме для грядущих поколений», — объяснял юрист Фокса Ричард Штейн. Он бы доставил приказ Фишеру лично, но если Фишер откажется с ним встретиться, у него не будет выбора, как только сделать это публично, даже если ему придётся выйти на сцену во время партии. С этого момента четыре полицейских в шлемах постоянно находились за сценой, чтобы защитить претендента, если кто-то попытается всучить ему бумаги.

27 августа ИШФ пришла с Фоксом к соглашению. В оплату за то, что Фокс отказывался от замораживания призовых денег и обещал не заводить в Исландии тяжбы против Фишера, ИШФ отказывалась от своей доли с любых доходов, достающихся Фоксу от обладания правами на фильм (он надеялся сделать его в будущем). Не в первый раз Фишера избавили от ответственности за свои действия. Исландцы снова проиграли. В конечном счёте Фокс полностью отказался от иска — это было пустым швырянием денег на ветер.

ГЛАВА 18

ШАХМАТНАЯ ЛИХОРАДКА

Творчество и деньги сопровождают друг друга. Вопрос в том, что важнее: деньги, чтобы играть в шахматы, или шахматы, чтобы зарабатывать деньги?

Михаил Ботвинник

Для всего шахматного мира мнение Фишера о том, что элитные игроки могут и должны требовать такого же уважения и почестей, как экранные идолы, звезды бокса, знаменитые гольфисты и гонщики Формулы-1, относилось, скорее, к области фантазий. До 1970 года шахматы на Западе считались по отношению к спорту бедным родственником, не избавившись от своей репутации суровой интеллектуальной игры для страстных любителей

в неизменных очках и с плохой стрижкой, играющих в прокуренных задних комнатах тёмных уединённых клубов или на голых досках сырых церковных залов.

За десять лет до Исландии Фишер жаловался: «Решевский и я — единственные в Америке, кто пытается зарабатывать на шахматах. Мы получаем немного. Другие мастера занимаются чем-то ещё: Россолимо водит такси, Эванс работает в кино. Русские получают деньги от правительства. Мы зависим от турнирных денег, а их отвратительно мало. Может, пара сотен баксов». Тысячи людей наслаждались игрой, но никто не зарабатывал себе этим на жизнь. На турнирах предлагались очень незначительные призовые, потребность в книгах и тренерах была невысокая. Когда в 1962 году Дональд Шульц, будущий президент Шахматной федерации США, устраивал турнир в небольшом городке к северу от Нью-Йорка, он решил пригласить юную суперзвезду Бобби Фишера: «Я связался с офисом шахматной федерации, и они запросили 500 долларов — сейчас это не так много, но в те времена было значительной суммой, и никто другой такого не делал. Так мы и заполучили Фишера на наш турнир».

Для тех американских игроков, чьей жизнью были шахматы, старость оказывалась трагедией. В декабре 1971 года один из американских шахматистов Ганс Кмох, которому было тогда за семьдесят, написал мэру Нью-Йорка Джону Линдсею письмо с отчаянной просьбой о финансовой помощи ему и его жене-инвалиду Кмох был человеком, назвавшим поединок 13-летнего Фишера с Дональдом Бирном «партией века». На тот момент он, как шахматист, зарабатывал лишь тысячу долларов в год, что даже в начале 70-х было ниже прожиточного минимума. Письмо к Линдсею заканчивалось так: «Мы будем вам очень благодарны, если вы сможете сказать, к кому обратиться, чтобы получить необходимые для выживания деньги».

И теперь, когда после этой просьбы прошло немногим более девяти месяцев, шахматы оказались на первой полосе национальной газеты «New York Times». Три основных телеканала США послали в Исландию свои съёмочные группы. К удивлению телевизионных продюсеров, когда 13-й канал показывал в дневном эфире партии, передаваемые по специальному телеграфу из Рейкьявика, это привлекало внимание около миллиона человек, что оказалось наивысшим рейтингом, какого только достигало общественное телевидение. Партии ход за ходом анализировал 35-летний ведущий Шелби Лиман, бывший преподаватель социологии, бросивший Гарвард; часто ему приходилось работать по пять часов кряду. В студию приходил гость, и между ходами они общались на различные темы, касающиеся шахмат. «Но ход был самой важной деталью, — вспоминает Лиман. — Когда кто-то делал ход, звонил маленький настольный звонок, и я объявлял: "Итак, у нас ход!" Приходила женщина, отдавала мне записку, и я говорил: "Вы не поверите. Фишер сделал то, о чем мы даже не думали!" Было очень эффектно».

Один репортёр во время партии прошёлся по двадцати одному бару и обнаружил, что в восемнадцати из них смотрят именно эту программу и лишь три показывают бейсбол, который обычно требуют любители выпить. Когда 13-й канал предпринял попытку вместо передачи о шахматах показать предвыборный съезд демократов, сотни людей быстро заставили их изменить решение, начав звонить с жалобами, а некоторые даже угрожали поджечь станцию. Телепередачи оказались настолько успешными, что Лиман потребовал увеличения оплаты за рекламное время. Когда матч перевалил за середину, мультинациональный компьютерный гигант Ай-би-эм выдал еженедельный грант в 10 тысяч долларов для поддержки вещания программы о воскресной партии на всю страну.

Некоторые предпочитали следить за матчем в компании таких же энтузиастов, заседая в клубах и тому подобных местах. В Маршалловском клубе шахматный эксперт Эдмар Меднис размышлял над ходами, воспроизводя их на большой демонстрационной доске. Он носил клубный галстук, украшенный синими и жёлтыми фигурами. Нужно было приезжать заранее, чтобы найти стул. Меднис рассказывал, что аудитория была в напряжении: «Когда Бобби выигрывал, все взрывались аплодисментами».

В лондонском Вест-энде поклонники собирались в зале «Нотр-Дам» неподалёку от

Лейчестер-сквер. Собиралось по 200-300 человек. Ходы получали по телетайпу прямо из Исландии. В зале находились две большие магнитные доски, одна для показа реальной позиции, другая — для анализа. В Женеве на международной конференции, посвящённой помощи при стихийных бедствиях, дипломаты следили за партиями в перерывах между переговорами.

Редакторы Би-би-си поначалу колебались, следует ли отводить матчу телевизионное время. Продюсер Боб Тонер вспоминает: «В новостях это обставили как сюжет о холодной войне. Одиноким американец противостоит советской шахматной машине». В конечном счёте корпорация решила проводить еженедельное шоу из студии в Бирмингеме; как и его американский двойник, оно быстро достигло популярности, собирая миллион зрителей. Вел его Леонард Барден, профессиональный шахматный эксперт, хотя ему часто ассистировал молодой, отлично излагающий свои мысли международный мастер Билл Хартстон: Би-би-си ценило его за уравновешенность в кризисных ситуациях (шоу проходило в прямом эфире воскресным вечером).

Во всем мире матч оказывался главной новостью. Премьер-министр Бангладеш шейх Муджибур Рахман завоевал всеобщую популярность, рассказав местным журналистам о своем восхищении шахматами. В «The Bangladesh Observer» сообщалось, что он настолько был поглощён шахматной партией в Национальном клубе прессы, что придвинул кресло и начал смотреть за игрой, — рядом со статьей приводилась подтверждающая это фотография. Египетская официальная газета «Al-Ahram» опубликовала фотографию Фишера в бассейне отеля «Лофтлейдир». Югославский гроссмейстер Светозар Глигорич делал ежедневные репортажи для белградского радио, а в самом Белграде партии воспроизводились на большом демонстрационном экране на площади Республики. В выходные дни сотни людей приходили ее посмотреть. В главной газете Аргентины «Clarín» матч держался на первой полосе почти два месяца, пока не сменился информацией о резне политзаключённых в тюрьме Патагонии. Гроссмейстер Найдорф писал репортажи для популярного радишоу «El Fontana».

В итальянской газете «La Stampa» врач приводил неврологический анализ мозга Фишера и Спасского. Более консервативная миланская газета «Corriere della Sera» напечатала эксклюзивное интервью с Фишером, которое репортёру удалось получить, столкнувшись с шахматистом в ресторане. В Британии, где придумывание заголовков превратилось в искусство, матч оказался плодотворной почвой для творчества журналистов. После одной из побед Фишера «Daily Mirror» провозгласила: «SPASSKY SMASHSKI!» — «СПАССКИЙ ГОТОВ!».

Шахматы внезапно получили возможность выйти из непрезентабельных задних комнат, став товаром в обществе потребления. Желая повысить продажи, рекламные и торговые менеджеры использовали шахматы, как образ, привлекающий покупателей. Для тех, кто хотел считать матч битвой политических систем, удивительная скорость, с которой капиталистическая Америка отреагировала на возможности получения прибыли от игры, должна была являться достаточным доказательством.

На соседней с ООН улице нью-йоркский музей «Метрополитен» организовал выставку собранных со всего мира шахматных фигур. Универмаги размещали в прессе полностраничную рекламу продажи курсов по быстрому обучению шахматам, а также шахматных книг. Игра вошла в моду и, подобно фотомоделям, использовалась для продажи любых товаров. В магазинах мужской одежды покупателей поощрял рекламный плакат с изображением шахматной доски и слоганом: «Ваш ход, джентльмены». Банк «Dime Savings» поместил на своей рекламе шахматную доску с таким слоганом: «Умные вкладчики делают ставку на Dime». Спортивный магазин изобразил комплект шахмат под заголовком: «Теперь это американский спорт!».

Так оно и было. Шахматы внезапно оказались на виду, и сам собой возник информационный голод: начали появляться статьи о разных гроссмейстерах, бывших

чемпионах мира и шахматной терминологии. Продажа шахматных комплектов приносила большую прибыль: британские магазины распродали весь свой запас традиционных деревянных и пластиковых комплектов и были вынуждены закупать их за границей. Книготорговцы с восторгом сообщали, что шахматные книги, обычно самый залеживающийся на полках товар, теперь уходят быстрее любовных романов.

В США во время обеденных перерывов и после работы доски раскладывались прямо в парках и скверах. Шахматная лихорадка захватывала все поколения и классы: старые играли с молодыми, «белые воротнички» — с рабочими. Вышла статья о двух строителях, которые с самого начала матча Фишер — Спасский каждый обеденный перерыв разыгрывали партии. На фотографии строители в касках сосредоточенно смотрели на доску. Всё большее участие в игре принимали афро-американцы, что могло говорить об уверенном распространении наследия Рейкьявика. Шахматные завсегдатаи перешли из незаметных клубов на парковые скамейки: «Давай, патцер, даже Фишер сдался бы в такой позиции».

В барах и салунах люди, которые едва знали, как ходят фигуры, начали ставить на результаты партий в Рейкьявике. Лондонские букмекеры ввели официальные ставки на пари: Фишер лидировал шесть к четырём. В Атланте владелица подвальной забегаловки Анита Чесе обнаружила, что её кафе «Шахматная доска» облюбовали любители шахмат. Создатель политических песен Джо Глейзер выразил всеобщее настроение семиминутной хвалебной песнью Роберту Фишеру. Стихи, сочинённые задолго до Рейкьявика, начинались вполне предсказуемо:

Он учился весь день,
А весь вечер играл,
Но за стол не садился,
Пока не уладит дела.

Естественно, шахматные метафоры проникли и в другие сферы жизни, особенно в политику. Аналитическая статья Тома Уикера в «New York Times» назвала решение президента Никсона выбрать Спиро Агню в качестве кандидата на пост вице-президента на грядущих выборах «дебютом королевской пешки». Почему «королевская пешка» противопоставлялась «ферзевой» или «слоновой», осталось неизвестным.

Вполне предсказуемым образом к шахматам обращались политические журналисты, описывая переговоры между Вашингтоном и Москвой. Одна такая статья высмеивала недавнюю встречу двух сверхдержав, представив её как шахматную битву между Бобби Никсоном и Борисом Брежневым. Американский президент был далёк от того, чтобы избегать внимания а-ля Фишер: «Никсон настаивал, чтобы матч проходил в самом большом помещении, чтобы повсюду стояли телекамеры, а репортажи начинались задолго до партии и заканчивались после неё; у Никсона или его секунданта ежедневно обязаны брать интервью, а партии должны играть между восемью и одиннадцатью часами утра по времени Лос-Анджелеса...».

Британская «Guardian» написала, что «встреча президента Никсона и мистера Брежнева [в мае 1972 года] была детской игрой по сравнению с шахматным саммитом Фишер — Спасский». Авторы предполагали, что читатели по обе стороны Атлантики следят за разворачивающейся шахматной драмой. «Лица продают прессу» — железное правило; высокий, видный гений даёт привлекательную обложку, а истории о его причудах можно считать крючком, на который ловится любопытный читатель.

Внимание прессы к матчу представляется интересным и в свете соперничества держав за мировое пространство.

Самым важным объектом на тот момент был Вьетнам. Пока Генри Киссинджер метался между Вашингтоном, Сайгоном и Парижем, пытаясь договориться о мире, Никсон заверял, что без существенного прогресса на переговорах никаких перерывов в бомбардировках

Северного Вьетнама не будет, хотя американские войска продолжали выводиться. Тем временем начался суд над Даниэлем Эллсбергом, обвинённым в заговоре, воровстве и шпионаже в связи со сверхсекретными «Пентагоновскими бумагами» — исследованием американского участия во Вьетнаме на семи тысячах страниц.

Конфликт в Юго-Восточной Азии был не единственной темой, занимающей президента: приближались выборы. В 2.30 ночи 17 июня 1972 года (День независимости Исландии) в штаб-квартире национал-демократов, расположенной в вашингтонском комплексе Уотергейт, были арестованы пятеро взломщиков в резиновых перчатках. Полиция обнаружила, что при себе они имели электронное подслушивающее оборудование, камеры для фотокопирования документов, переносные рации и большую сумму последовательно пронумерованных стодолларовых банкнот. Пока в Исландии матч набирал обороты, двое молодых журналистов Боб Вудвард и Карл Бернштейн шли по следу скандала, и их статьи медленно протискивались с внутренних страниц на первые полосы.

Никсон имел отношение к попыткам скрыть роль Белого дома в этом незаконном вторжении и продолжал находиться в центре событий, а лето тем временем подходило к концу, начиналась осень, и мысли его всё чаще обращались к подготовке республиканского съезда в конце августа (он был выдвинут на второй срок 1347 голосами против одного). В фильме об Уотергейте «Вся президентская рать» на фоне радиорепортажа о присуждении Фишеру проигрыша во второй партии Вудвард находит своё первое послание от секретного источника «Глубокая глотка», спрятанное в утренней «New York Times». К скандалу подключился Конгресс; начинались суды, в прессе ежедневно появлялись новые доказательства. Матч продолжался, а Никсон разыгрывал собственную отчаянную партию, делая ход за ходом, чтобы спасти свою президентскую шкуру.

В Чили, где правительство демократически избранного социалиста Сальвадора Альенде сеяло разногласия и в конечном счёте оказалось обречено, нарастала анархия (питаемая, как теперь известно, из США). В Северной Ирландии лето сопровождалось ужасными восстаниями, убийствами и бомбардировками. 5 августа психопатический правитель Уганды Иди Амин изгнал из страны 50 тысяч азиатских граждан, обвинив их в «саботаже», хотя на самом деле азиатское сообщество являлось средоточием бизнеса и торговли Уганды, что страна поняла вскоре после того, как изгнанникам неохотно предоставило убежище британское консервативное правительство.

В поисках более приятных новостей читатели переходили к спортивным событиям. Билли Джин Кинг победила Ивонн Гулагонг в женском финале Уимблдона, а Стэн Смит выиграл у Или Настаса в мужском. Ли Тревино победил на британском открытом чемпионате по гольфу, а бельгийский велосипедист Эдди Мерке в четвёртый раз выиграл Тур-де-Франс. Шахматный чемпионат подходил к концу, внимание общественности смещалось к Мюнхену и Олимпиаде: сердца советских граждан забились сильнее, когда маленькая Ольга Корбут завоевала «золото» в гимнастике.

Триумфально выступали и американцы: Марк Спитц выиграл в плавании семь золотых медалей.

Мюнхен будут помнить и за потоки крови, пролитые там. Через несколько дней после церемонии закрытия в Рейкьявике палестинская террористическая группа «Чёрный сентябрь» возьмёт в заложники одиннадцать членов израильской олимпийской команды и убьёт их.

Если среди всех этих событий матчу Фишер — Спасский удалось пробиться на первые полосы газет, это произошло не благодаря личности претендента, самим шахматам или причудам Фишера за пределами сцены. Для США в этом матче было заключено гораздо большее. В стране царил культурный пессимизм, в основном из-за Вьетнама, но и благодаря собственным расовым и социальным проблемам. Говоря словами Джорджа М. Коэна, это был «истинный племянник дяди Сэма, настоящий янки» — другими словами, безусловный игрок мирового класса, который (начав наконец играть) оказался способным на победу.

Погружаясь в мир шахмат, американцы убеждались в истинности американского пути. Фишер казался гарантом того, что энергичная Америка способна на подвиги, когда уверенность в этом была ей крайне необходима.

ГЛАВА 19 ГОРЬКИЙ ФИНАЛ

В битве за звание самого обаятельного игрока Бобби Фишер точно бы проиграл. Но он лучший в мире шахматист.

Исаак Кэжден

Матч следовал привычным для Фишера путём от блицкрига к финалу. Спасский казался сломленным, и опыт подсказывал, что в таких случаях противники Фишера не восстанавливались. Претендент был мастером психологического убийства. Видя слабость или травму, другие могли умерить свой нажим, но он давил и давил. Повторится ли такая история и в этом матче?

Четырнадцатую партию Фишер снова открыл ходом 1.c4. Спасский уже понял, что большая часть его дебютной подготовки оказалась напрасной. Однако игра чемпиона улучшилась. Возможно, его подбодрил приезд жены Ларисы или переезд из отеля в похожий на дачу небольшой домик, где они могли спокойно наслаждаться семейной жизнью.

Его позитивный настрой в этой партии был очевиден. На 14-м ходу он пошёл конем на e7, отклонив возможность упростить позицию и разменять коней. В книгах о матче ход Ne7 отмечен восклицательным знаком, что говорит о его силе (слабый ход награждается знаком вопроса). Захваченный врасплох, Фишер отдал пешку. Тринадцатую ходами позже Спасский допустил ответную ошибку, двинув пешку на f6 (двойной вопросительный знак) в эндшпиль, который был сложным, но сулил шансы на успех. С каждой стороны на доске осталось по ладье, слону, коню и пять пешек. Кони и слоны были скоро разменены, и партия свелась к ничьей.

Без сомнения, оба игрока всё ещё чувствовали усталость после титанической 13-й партии. Гроссмейстеры, восхищаясь мужеством Спасского, не были особо впечатлены качеством игры. Намекая на похмелье после исландского шнапса, кто-то пошутил: «Они играли, как после "Бреннивина"».

Единственную жалобу Фишер высказал на первой минуте партии, обратив внимание на плохое освещение. За этим последовала телеграмма от Крамера Максу Эйве, в которой судья и ИШФ были раскритикованы за «высокомерие и невниманье». Требование Фишера не занимать первые ряды не было принято. Исландцы, уже потерявшие доход с телевидения, указали Крамеру, что освобождение первых семи рядов уменьшит вместимость партера наполовину, до 475 человек, что серьёзно скажется на выручке.

Пятнадцатую партию, состоявшуюся 17 августа, Гарри Голомбек назвал «одной из самых потрясающих, какую я только видел в матчах на первенство мира». В сицилианской защите Фишеру был предложен тот же вариант с «отравленной» пешкой, который так унизил его в 11-й партии. Примет ли он вызов, не испугается, захочет ли отомстить? Иначе говоря, выведет ли ферзя на b6? Часы шли: в комнате для анализов все ждали этого хода. У Фишера было почти две недели на изучение позиции и поиск ошибки.

Ферзь остался стоять на месте. Фишер вывел королевского слона на e7. Он уже играл так несколько раз, но для Спасского это был небольшой психологический триумф. Казалось, у русского прибавилось оптимизма: на 25-м ходу он преждевременно двинул вперёд пешку, заготовив элементарную ловушку, в которую Фишер никогда бы не попался. Бирн и Ней

назвали идею Спасского «глупостью». Затем чемпион уверенно забрал пешку, другую, но его прожорливость только дала Фишеру больше возможностей для атаки. В результате, после перерыва, получилась ничья: чёрные не нашли ничего лучшего, чем повторять шахи королю белых. Доигрывание оказалось настолько быстрым, что люди у демонстрационных досок запутались, потеряв нить игры.

В тот день жалобы Фишера носили более личный характер. Крамер требовал от Шмида «сделать что-нибудь, вместо того чтобы благостно разводить руками». Американцы снова требовали освободить в зале ещё несколько рядов. Ответ исландцев гласил, что расстояние между сценой и первым рядом больше, чем на любом предыдущем матче.

Шестнадцатая партия игралась в воскресенье, и на неё собралось небывалое количество народу. На 9-м ходу последовал размен ферзей, и игроки, минуя миттельшпиль, перешли в эндшпиль. Через несколько ходов Спасский пошёл на тройную изоляцию пешек, получив три изолированные пешки на одной вертикали. Это очень необычное расположение пешек, и для шахматиста такая архитектурная конструкция интуитивно представляется уродливой. В конце концов, три беззащитные пешки были потеряны, и на 32-м ходу позиция превратилась в безжизненную, лишённую всяких перспектив. Однако партия не закончилась! Упрямство заставило игроков сделать ещё тридцать бесполезных ходов, в то время как любой из них вполне мог бы предложить ничью, а другой — с готовностью её принять. Мстил ли Спасский Фишеру, вынуждая его оставаться у доски? Считал ли Фишер ничью унижением? Каковы бы ни были причины, они продолжали играть до 60-го хода; Ларри Эванс и Кен Смит в своей книге о матче «Фишер — Спасский: ход за ходом» назвали это «бессмысленным марафоном». Зал недоумевал. Голомбек писал: «Печально признавать, но последние тридцать ходов... довели меня до слез». Бирн и Ней одинаковы в своей оценке: два гения, ведущие игру в столь элементарной позиции, были похожи на Фрэнка Ллойда Райта, «играющего в песочнице».

Фишер мог не атаковать за доской, но вне игрового поля спуска чиновникам не давал. В ответ на отказ убрать первые семь рядов он предъявил ультиматум, заявив, что не будет выступать, пока условия не изменят: «Я не намерен больше их терпеть». С 17-й партии, сказал он, матч будет проходить за закрытыми дверями в отдельной комнате, до тех пор пока зал не изменят «точно по моему желанию». Крамер, разумеется, его поддержат: 16-я партия, сказал он, проводилась в зале «таком же шумном, как футбольный стадион в Милуоки».

22 августа, в день 17-й партии, Крамер встретился за ланчем с Тораринссоном. Исландец согласился убрать первые три ряда кресел; два из них поставят сзади. Это увеличит расстояние между игроками и залом с семи-восьми рядов до двадцати. «Чтобы спасти матч, мы должны убрать несколько рядов кресел, хотя делаем это с болью в сердце, поскольку теряем доход», — сказал Тораринссон. Согласия чемпиона мира и его команды никто не спрашивал.

Советская контратака произвела эффект разорвавшейся бомбы. Секундант чемпиона мира Ефим Геллер выступил с заявлением для печати, в котором обвинил американцев в использовании «неспортивных методов», призванных ослабить Спасского. Приводим его так, как оно было написано:

Матч на первенство мира по шахматам, проходящий сейчас в Рейкьявике, вызывает огромный интерес во всех частях света. Борис Спасский, я и другие члены нашей шахматной делегации получают много писем из разных стран, в том числе и из США. Немало корреспонденции посвящено одной, необычной до сих пор в истории шахмат теме, а именно — возможности использования вне шахматных средств воздействия на одного из соперников.

Указывается, что бесчисленные «капризы» Р. Фишера, его претензии к организаторам матча, постоянные опоздания на игру, требование играть в закрытом помещении, необоснованные протесты и тому подобное преследуют вполне сознательную цель — оказать психологическое давление на партнёра, вынести Б. Спасского из состояния

боевой спортивной формы.

Считаю, что поведение Р. Фишера противоречит амстердамскому соглашению, в котором говорится о джентльменском поведении участников матча. Полагаю, что судейская коллегия уже имела достаточно оснований, чтобы потребовать от Фишера соблюдения условий матча и в этом пункте. Тем более незамедлительно это надо сделать сейчас, когда борьба вступает в решающую фазу.

Имеются письма, указывающие на воздействие на Бориса Спасского с помощью средств электроники и химических веществ, которые могут находиться в игровом помещении. Говорится, в частности, о кресле Фишера и влиянии специального освещения на сцене, устроенного по настоянию американской стороны.

Всё это может показаться фантастикой, но некоторые объективные факты в связи с этим заставляют задуматься и над внешне «фантастическими» предположениями. Почему, например, Фишер категорически протестует против киносъёмок, хотя это и наносит ему материальный ущерб? Может быть, одна из причин состоит в том, что он хочет избавиться от постоянного объективного контроля за поведением и состоянием участников матча? То же самое можно предположить, приняв во внимание его неоднократные требования перенести игру в закрытое помещение и освободить от зрителей 4 семь первых рядов.

Вызывает удивление появление американцев в матче в неигровое время, даже ночью, требования Крамера предоставить Р. Фишеру именно «его» кресло, хотя оба кресла участников выглядят совершенно одинаковыми и изготовлены одной и той же американской фирмой.

Хочу отметить также, что, зная Бориса Спасского в течение многих лет, я впервые наблюдаю в его игре необычные для него спады внимания и проявления импульсивности. Причём я не могу объяснить это какой-то. — исключительно сильной игрой Р. Фишера. Напротив, в нескольких партиях претендент допускал технические ошибки, а в ряде партий проявлял непонимание позиции.

В связи с вышеизложенным советская делегация передала соответствующее заявление главному арбитру и организаторам матча, в котором выражается настоятельная просьба проверить с помощью компетентных специалистов игровое помещение и находящиеся в нем предметы, а также исключить возможность пребывания в помещении для участников посторонних лиц.

Е. Геллер

Третьего августа 1972 года был объявлен следующий актёр на роль Джеймса Бонда: с этого момента британского тайного агента 007 с лицензией на убийство будет играть Роджер Мур. Исландия могла бы стать его первым заданием. Когда советское заявление было опубликовано, в публике раздалась лёгкие смешки. «Мы вызовем агента 007, чтобы он обыскал помещение», — съязвил представитель Исландской шахматной федерации.

В том, почему Рейкьявик настолько подогрел воображение публики, играет свою роль обширный поток шахматных реминисценций и образов, появлявшихся в литературе и кино. Демократ против тоталитариста, личность против машины, заговор против контрзаговора; образ бесчувственного, безумного и блестящего шахматиста-одиночки, плетущего интриги и полностью лишённого морали, — таковым было (преимущественно на Западе) восприятие матча. Некоторые шутники в Рейкьявике вспомнили фильм 1963 года о Джеймсе Бонде «Из России с любовью», основанный на появившемся чуть раньше романе. Тема фильма — холодная война. Он укреплял мнение о том, что навыки, необходимые для контролирования событий за шахматной доской, допускают широкое применение: созревает дьявольский заговор Советов против британской разведки и её лучшего агента 007 — Бонда, Джеймса Бонда.

Фильм открывается финальной партией международного гроссмейстерского турнира. Кронштейн, человек с высоким лбом, тяжёлыми веками и напряжёнными немигающими

глазами, сражается с канадцем по имени МакАдамс. «Кронштейн» созвучно с «Бронштейн», и партия в фильме действительно является вариацией великолепной партии, сыгранной в Ленинграде в 1960 году между двумя советскими гроссмейстерами, претендентом на титул чемпиона мира Давидом Бронштейном и Борисом Спасским. В фильме Кронштейн побеждает, рискнув не подчиниться приказу прервать партию, и предоставляет отчёт тайной международной террористической организации, на службе которой он находится. На самом же деле Бронштейн проиграл, после того как Спасский осуществил блестящую жертву ладьи, одержав эффектную победу на 23-м ходу. Другим отличием было то, что в фильме убрали две пешки, — по мнению режиссёра Теренса Янга, они эстетически разрушали кадр. Без этих пешек комбинация Спасского не получалась; в кинотеатрах всего мира шахматисты лишь качали головами.

А в Рейкьявике шахматисты качали головами на заявление Геллера. Но если бы, посмеявшись вдоволь, публика и чиновники прочитали заявление более внимательно, они бы ощутили напряжённость, царящую в советском лагере. Хотя на первый взгляд заявление касалось Фишера, на самом деле оно было порождено глубоким разочарованием в Спасском, тем, что Геллер называет его «импульсивностью», его «невозможностью сосредоточиться», его неспособностью использовать технические ошибки противника и отсутствием у него «схватывания позиции». С точки зрения Геллера, 17-я партия должна была явиться началом решающей стадии. Иво Ней позже напишет, что у Спасского оставался последний шанс изменить ход матча. В Москве прокомментировали так: «Поезд отправляется».

Выбор времени для заявления не менее показателен. Упоминание Геллером «неоднократных требований» Фишера говорит о том, что настоящей причиной письма был последний ультиматум американца и переживания из-за постоянных потакании ему со стороны организаторов чемпионата.

Главный арбитр заверил, что подозрения Геллера будут проверены: «С американской стороны у нас сплошная фантастика творится, так почему бы и русским не взяться?» В зале выставили круглосуточную охрану, чтобы предотвратить ночной шпионаж. Американская делегация предложила довольно замысловатое объяснение своего требования, чтобы каждый игрок сидел только на своем кресле: Фишер на десять сантиметров выше Спасского, и кресло необходимо подогнать под его рост. Крамер охарактеризовал заявление так: «Вздор. Каких ещё экспертов они хотят? КГБ?» Он находился гораздо ближе к истине, нежели предполагал.

Что касается 17-й партии, Фишер снова преподнёс дебютный сюрприз: защиту Пирца (названную в честь словенского гроссмейстера Васи Пирца) он никогда прежде в турнирах не применял. В этой защите, всегда считавшейся несколько эксцентричной, чёрные уступают центр в надежде на возможную контригру. Основной темой пересудов, однако, явился финал партии. Игрок может потребовать ничьей, если одна и та же позиция повторяется трижды. На 45-м ходу Фишер подозревал Лотара Шмида, и они недолго о чем-то совещались, изучая запись партии. Затем Шмид кивнул, и часы были остановлены. Если Фишер передвигал ладью на e1, позиция действительно повторялась в третий раз. После этого Спасский долго оставался в кресле; похоже, ничья повторением ходов застала его врасплох. Он собирался отдать ладью за коня и был настроен на борьбу, хотя неясно, мог ли он прорваться.

Партия закончилась, и исландские организаторы пригласили местных учёных исследовать завуалированные обвинения в электронном и химическом воздействии. Одним из них был Дали Августин, инженер-электрик, другим — Зигмундур Гудбьярнасон, преподаватель химии, получивший образование в Америке и вернувшийся в родную Исландию из Детройта двумя годами ранее. Августин исследовал освещение, а задачей Гудбьярнасона было изучить шахматный столик и кресла. «Из Америки я привез новейший газовый хроматограф, — рассказывает Гудбьярнасон. — Он позволял анализировать содержание химических веществ. Мы надели одноразовые перчатки и взяли пробы для тестов, для чего протёрли стол и кресла специальной тканью». Пробы были взяты также со стен и сцены. Их тщательно упаковали в пластиковые пакеты, на которых написали: «кресло

Фишера», «задняя стена», и так далее. Учёные согласились провести свои исследования бесплатно. Говорит Гудбьярнасон: «Это был наш вклад в матч; мы хотели сделать так, чтобы он продолжился». Если бы советская сторона это услышала, то вполне могла бы подвергнуть сомнению объективность такой оценки.

Затем Гудбьярнасон сравнил данные по химическим веществам одного кресла и другого, а также исследовал поверхность обеих сторон стола. В течение этого периода преподаватель химии отказывался отвечать на вопрос журналистов, возможно ли и впрямь кого-нибудь тайно заразить, как заявляет в своем письме советская сторона? Он молчал отчасти потому, что не хотел нагнетать обстановку, поскольку «знал, что такое вполне реально, американцы и русские прекрасно умеют это делать. Уверен, в прошлом они использовали эти методы».

Для завершения работы потребовалось несколько дней, и результаты были занесены в небольшой отчёт на нескольких страницах. Отчёт передали исландскому помощнику судьи Гудмундур Арнлаугссону. ИШФ заявила, что обвинения советской стороны в тайных махинациях оказались беспочвенными. В процессе расследования Гудбьярнасон не нашёл ничего подозрительного: химические составляющие кресел и обеих сторон стола были идентичны и состояли преимущественно из материалов для полировки. Августину повезло больше — в осветительных приборах он обнаружил двух мёртвых мух, создав этой находкой большое веселье в прессе.

Однако этим дело не кончилось: нечто странное все-таки обнаружили. Исландское управление торгового флота провело рентгеновский анализ кресел (обычно они исследуют таким образом сварку кораблей). На рентгеновском снимке кресла Фишера обнаружился продолговатый объект с цилиндрической петлей на конце. В кресле Спасского ничего подобного не было. Сделали второй снимок, но на этот раз ничего не нашли. Позже кресло разобрали. Внутри был деревянный наполнитель, оказавшийся там из-за трещины в фанерном сидении. Организаторы тут же заявили, что это и есть тот самый объект, который был на первом снимке, хотя так и не смогли объяснить, почему его не было видно на втором.

Если 17-я партия рассматривалась советской стороной как последний шанс на изменение хода матча, то теперь из-за неспособности Спасского пробиться сквозь ничьи на горизонте маячил проигрыш. В следующей встрече он сражался упорно, однако партия вновь закончилась ничьей. Король Спасского активно путешествовал, а вот король Фишера большую часть игры был заперт в углу, причём в довольно-таки стеснённых условиях: при атаке ему некуда было бы пойти. На этот раз готовность Фишера принять ничью удивила экспертов — у него было на пешку больше. Для любого другого игрока ничья в такой позиции была бы объяснима, поскольку каждые пол-очка приближали его к победе. Но Фишер, по выражению Глигорича, «не обладал репутацией охотника за ничьими», каким бы ни был счёт. Что мы здесь видим? Его человеческую сторону? Психологическую слабость? Прагматизм?

Счёт в матче теперь был таким: Спасский — 7,5 очка, Фишер — 10,5; американцу оставалось до титула лишь два очка. Перед 18-й партией Геллер опубликовал протест относительно удаления из-за зала первых рядов, поскольку советская сторона не давала на это разрешения. Шмид начал переговоры, сведя их к искусному компромиссу, который сделал бы честь и такому опытному переговорщику, как Генри Киссинджер. Кресла вернутся на свои места, но они будут пусты. Когда Фишер вошёл в зал, то, казалось, даже не заметил разницы. Однако терпение Шмида подошло к концу. Когда Крамер вновь потребовал убрать первые семь рядов, обвиняя Шмида в потакании советским, главный судья ответил ядовитым письмом, тон которого был для Шмида нехарактерен. Крамер, заявлял он, «без сомнения, хотел помочь, но, к сожалению, ему это не удалось из-за крайне неточного содержания письма». Далее говорилось: «Если у вас есть какие-то жалобы и протесты, пожалуйста — я должен подчеркнуть всю важность этого, — делайте их согласно правилам матча».

Девятнадцатая партия была очень интересной, и оба игрока удивили зрителей. На 21-м

ходу Фишер продемонстрировал потрясающую защиту. Спасский принёс в жертву фигуру — когда он это сделал, один гроссмейстер сказал: «Теперь пристегните ремни». Нахально игнорируя незащищённую ладью противника, Фишер разменял ферзей, оставив Спасского с ничьей. Он был абсолютно прав: взять ладью или сделать какой-то другой ход означало бы катастрофу. Спасский рисковал отважно, но ничего не добился. «Это Бобби, — сказал Глигорич, — он всегда ускользает».

Перед 20-й партией исландское министерство финансов сделало жест доброй воли. Правительство попросило парламент на следующем заседании освободить призовые деньги от налогов. Без этого победителю пришлось бы уплатить государственный и местный подоходные налоги размером в 28 тысяч долларов, а проигравшему — около 16 тысяч.

Сама партия оказалась долгой, жестокой битвой, продлившейся пять часов. Перевес склонялся то на одну, то на другую сторону. Перед откладыванием на доске стоял эндшпиль, но исход поединка был неясен. На следующий день, когда партия продолжилась, Геллер едва не уснул в зале — ночь была посвящена анализу. Спасский выглядел мрачным и усталым; всю ночь они искали возможность победы, но так и не нашли.

Это была седьмая ничья подряд! После марафонской битвы 1927 года между Алёхиным и Капабланкой в мировых чемпионатах ещё не было такой ничейной серии. Партии не были скучными и сонными — напротив, некоторые из них оказались отчаянными, затяжными, бескомпромиссными схватками, блестящими по сути и красивыми по форме. Фишер, обычно игравший гораздо быстрее противника, теперь думал столь же долго. Спасский пробовал, рисковал; Фишер, если у него были сомнения, не отваживался на дерзкие ходы. Хотя комментаторы предсказывали полный упадок сил Спасского, чемпион работал энергично, придерживался своей стратегии и, что удивительно, давал мощный отпор. Тут требовались не только умение и концентрация: он должен был находить в себе глубокие источники психологической силы.

Двадцать первая партия началась 31 августа. Начиная с восьмой партии ни один ход не был снят на плёнку. Но в этот день югославский журналист Димитрий Белица пронёс в зал видеокамеру «Sony» и уселся с ней в боковом ряду. Периодически взад-вперёд ходили служители, высматривая малейшие нарушения спокойствия. Белица приглушал жужжание камеры покашливанием. Он понимал, что эта партия может оказаться последней, а потому это был его последний шанс на съёмку.

Фишер имел 11,5 очка, и для завоевания титула ему требовалась либо победа, либо две ничьи. Билеты на партию было не достать, игровой зал был забит до отказа, все ожидали кульминационного момента. После двух месяцев фарса, тайн и трагедий, крайнего напряжения и гнева, шоу и бурного веселья, блефа и двойного блефа, требований и уступок жители и гости Рейкьявика — даже те, кто не знал правил игры, — жаждали оказаться свидетелями развязки.

Как обычно, Лотар Шмид пустил часы. Как обычно, Фишер опоздал. Партия началась сицилианской защитой. На втором ходу Фишер, игравший чёрными, поставил пешку на e6, что было для него внове. Спасский пил кофе чашку за чашкой. Возможно, удивление от седьмого хода Фишера — выпад пешки, известный, но довольно неоднозначный — заставило руку русского дрогнуть, и он пролил кофе. Часы Спасского шли, а он отправился искать тряпку. Фишер наблюдал за происходящим так, словно его противник сошёл с ума.

Ферзи рано покинули доску, оставив Фишера с преимуществом двух слонов, но с двумя изолированными пешками. «Когда Фишер получил это преимущество, — сказал позже Спасский, — я почувствовал, что всё кончено». На 18-м ходу чемпион пожертвовал ладью за слона с пешкой в безрассудном стремлении осложнить игру и увеличить шансы на победу. Тридцатый ход оказался поворотной точкой. Вместо того чтобы начать окапываться, построить неприступную крепость и прийти к ничьей, Спасский двинул свою пешку на g4, создав в своей позиции смертельную слабость. Фишер провел эндшпиль с неумолимой точностью.

На 41-м ходу партия была отложена. Спасский казался истощённым. На обдумывание секретного хода он потратил лишь шесть минут; он записал его на бумаге и отдал Шмиду, который тщательно запечатал листок в конверт. Теперь зрители могли наконец перевести дух и обменяться мнениями; когда они поднимались из кресел, разговоры в основном шли о том, у кого позиционный перевес. Фишер пожертвовал пешку, так что теперь у него оставалась ладья и две пешки против слона и четырёх пешек Спасского, а потому теоретически позиция была примерно равной. Однако силы белых были стеснены, ходить им было некуда. Между тем ладейная пешка Фишера была проходной, то есть могла без помех в виде вражеских пешек достичь последней горизонтали, где она превращалась в мощную фигуру, обычно в ферзя, а потому такая пешка — исключительная угроза. Ладья и король Фишера занимали хорошие позиции, чтобы помогать её продвижению.

Большинство любителей сочли бы шансы сторон приблизительно равными. Однако эксперты понимали, что битва Спасского за титул! окончена; его доблестная защита была сломлена, и гроссмейстеры предсказывали победу Фишера. В Москве признали тот факт, что их человек проиграл: чемпион сказал Геллеру, что анализировать позицию не имеет смысла. Спасский знал, что в конверте был запечатан не лучший ход.

На следующий день в зал набилось две с половиной тысячи человек, некоторые прибыли заранее, чтобы гарантировать себе лучшие места; все они заплатили по пять долларов за желание оказаться свидетелями потрясающей развязки. Фишер приехал поздно, выглядел уверенным, но, ко всеобщему удивлению, вопреки обычной заботе о своем безупречном виде был одет в поспешно выбранный мятый кроваво-красный костюм. Кресло Спасского — для разнообразия — было пустым.

Двумя часами ранее, в 12.50, чемпион позвонил главному арбитру Лотару Шмиду. Он официально проинформировал его о том, что сдаётся и не придёт на доигрывание. Шмид позвонил Эйве: может ли он принять сдачу по телефону? Эйве решил, что такое возможно. Фишеру об этом не сообщили, и он мог этого не узнать, если бы фотограф журнала «Life» Гарри Бенсон не столкнулся со Спасским в отеле «Сага», когда теперь уже бывший чемпион отправлялся на прогулку. Последовал шквал телефонных звонков. Бенсон позвонил Фишеру, тот позвонил Шмиду, заявив, что если это правда, то сдача должна быть подтверждена письменно. Шмид написал что-то от своего лица, но сказал, что Фишер все равно должен появиться в назначенный час на доигрывании партии.

Матч закончился.

Грандиозного финала не было: никаких последних решительных ходов, ставящих чемпиону мат, никаких победных ударов о трибуну или разрывания ленточки. В воздух не подбрасывали шляпы, никто не топал ногами, не издавал победных криков. Корона перешла без шума, одним лишь официальным объявлением. Когда Фишер прибыл, Шмид подошёл к краю сцены и обратился к залу: «Дамы и господа, господин Спасский сообщил по телефону, что сдаётся». В зале раздались вежливые хлопки. Зрители не увидели никаких действий, но оказались свидетелями события, вошедшего в историю шахмат. Новый чемпион мира неуклюже помахал рукой, но отказался от предложения Шмида поклониться. Итальянская газета «Corriere della Sera» была разочарована отсутствием Спасского: «Он лишился аплодисментов, которых заслужил. Но с этих пор он их не заслуживает. Шахматист должен сражаться до последнего. Это закон спорта, а он его нарушил».

Машины исландского правительства были припаркованы перед залом вместе с автомобилем американского посла. В нем сидел Виктор Джакович. Он вспоминает:

Это было частью плана, поскольку Фишер не желал ни с кем разговаривать или делать заявления для прессы. Он должен был выйти из боковой двери и сразу оказаться в моей машине, неприметном чёрно-жёлтом «форд маверик». Мне сказали: «Не ждите никого. Когда он сядет, сразу уезжайте на базу». Я довез его до Кефлавика. На базе он отпраздновал победу своим знаменитым стейком и стаканом молока — как всегда, стакан молока. Не помню, чтобы он выражал какую-то радость: сплошной комок нервов, такой

же напряжённый, как спортсмен в конце партии. Это был всё тот же Фишер, которого я всегда отвозил на базу.

Победив, Фишер наконец-то проявил великодушие к побеждённому сопернику. По его словам, Спасский был «лучшим игроком», с которым он когда-либо встречался. «Все, с кем я играл, на определённом этапе ломались. Но я никогда не чувствовал ничего подобного со Спасским». Президент Никсон прислал Фишеру телеграмму с поздравлениями. Спасский дал несколько интервью. Он выглядел утомлённым и сказал, что ему нужно только «спать, спать и спать».

«New York Times» использовала ницшеанскую риторику в своем исследовании того, что журналисты называли «аурой убийцы». «В своей основе аура Фишера состоит из стремления подавить, унижить противника, взять верх над его сознанием». Отмечалось, что игроки, побеждённые Фишером, уже не восстанавливались, что само по себе производило достаточно жуткое и зловещее впечатление. Проигрыш другому сопернику можно было оправдать, сославшись на плохой день или случайный просмотр. «Но поражение от Фишера каким-то образом влияло на цельность игрока. Часть его словно оказывалась съедена». Так что Фишер был виновен в серии «психических убийств».

Тем временем советская сторона заинтересовалась, виновен ли Фишер в других преступлениях.

ГЛАВА 20

ЗАКУЛИСНЫЕ СОБЫТИЯ И ТАЙНЫЕ ВРЕДИТЕЛИ

Вынюхивай, запоминай и выживай.

«Принцип КГБ» — Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский

Удивительно, но до сих пор некоторые советские участники полагают, что в поражении Спасского сыграли свою роль и грязные махинации.

Прилетев 10 августа в Исландию, Лариса Спасская прекрасно понимала уровень нервного возбуждения, царящего в номере её мужа на седьмом этаже отеля «Сага». Вместе с жёнами других участников команды она покинула Москву как раз в тот момент, когда на неё напал тяжёлый коричневый смог от лесных пожаров; огонь подбирался к пригородам уже целый месяц, поглотив тысячи акров земли. До пригородов оставалось около двадцати пяти километров, когда его наконец остановили военные и пожарные. Дым был настолько плотным, что самолёт на Рейкьявик вылетел из Внуково, поскольку из международного аэропорта Шереметьево самолёты отправляться не могли.

Вид Спасского поразил её. В тот день чемпион проиграл — серьёзный психологический удар после победы четырьмя днями ранее, которая, как казалось, приостановила движение Фишера. «Он выглядел потерянным, напряжённым, нервная система была расшатана». Проблемой являлось и жильё. «Борис тяжело себя чувствовал в атмосфере отеля. В ней витало нечто нездоровое, и это его угнетало, — вспоминает она. — Он не мог спать, очень нервничал. Особенно его раздражали матрасы. Возможно, в них что-то находилось». Она не имела в виду возможную аллергию чемпиона к наполнителям. Закрадывалось подозрение, что в матрасы могло быть заложено вещество, воздействовавшее на его нервную систему.

И она была не одинока в своих подозрениях. «Геллеру казалось, что кто-то заходит в их отсутствие в номера. Кто-то из американского лагеря. Наша команда была очень наивна. Геллер оставил в чемодане свои записи по партиям, а когда его открыл, там всё лежало в другом порядке. У него была запечатанная коробка со специальным лекарством от пчёл, «Королевским желе». Однажды он пришёл в номер, а коробка оказалась открыта. Кто-то

немного позаимствовал».

Вернувшись через десять дней в Москву, жена Геллера Оксана сообщила о беспокойстве мужа властям, добавив, что счёт в матче не отражает шахматных способностей Спасского. «Их неудачи — не шахматные». Она сказала, что её муж потерял восемь килограммов, а Спасский чувствовал, что его сознание будто в тумане. С Иво Неем тоже происходило что-то неладное. Он стал апатичным, вялым. Из-за утомления он практически отключился от подготовки.

Подозрения касались не только условий жизни в отеле. По словам Ларисы, «Борис считал, что с ним происходят удивительные и тревожные события. Внезапно в первом или во втором часу дня он мог почувствовать сонливость. Сперва ему казалось, что он слишком много ест. Он урезал себе рацион и стал есть только закуски, но желание спать не пропадало. Дважды он уезжал на партию с нормальным пульсом, от 68 до 70, а через час оказывался в состоянии протрации. Он не пил кофе или сок, который ему давали, опасаясь, что туда что-нибудь подсыпали».

Лариса Спасская присоединилась к мужу. Он боялся, что в его еду что-то подсыпают, но домашним блюдам доверял.

Проведя несколько дней в посольстве, Лариса и Борис переехали в дом, расположенный в десяти километрах от Рейкьявика. Организацией занимался советский посол Сергей Асташин. «Нам удалось сбежать» — так говорит об этом Лариса. Дом принадлежал отелю и напоминал обычную дачу. Там её муж впервые за несколько недель выспался. Глаза заблестели, вернулась нормальная оживлённая манера разговора. Он начал больше обращать внимания на слова Крогиуса и Геллера, чьих советов практически не замечал, находясь во взвинченном состоянии. Обратившись за помощью к повару посольства Виталию Ерёменко, большому поклоннику Спасского как человека и как шахматиста, Лариса взяла на себя заботу о еде. «Сперва я делала им обед, потом стала наливать термос кофе и фляжку сока». Она выжимала свежие апельсины, что было приятным разнообразием после приторно-сладких суррогатных соков Москвы. «С этими двумя фляжками он оправлялся на матч». Она добавляет: «Раньше я ни разу не видела его в таком состоянии. Ничего подобного на других матчах не происходило. Даже отдалённо». У Ларисы техническое образование: по профессии она инженер. Она не из тех женщин, что любят строить пустые домыслы, и до сего дня уверена, что против её мужа использовались психотропные вещества. «Я не знаю, как они это делали, но уверена, что так было. Возможно, какой-то особый свет, или что-то в зале, или в еде».

Твёрдое убеждение, что команда Фишера предприняла серьёзные защитные действия, увеличило советскую паранойю насчёт вреда их чемпиону, и это казалось единственным

возможным объяснением того, что Спасский был не в себе. Геллер позже отметил подготовку американцев к матчу: «С ними приехала техническая команда. Зачем, скажите на милость, она им понадобилась? А ещё психологи, служба охраны и служба информации». Лариса не единственная, кто утверждает, что дом Фишера охранялся вооружёнными морскими пехотинцами.

Однако это было не так. Американские записи сообщают, что, хотя люди Фишера потребовали морских пехотинцев, американский поверенный в делах Теодор Трэмблей им в этом сразу отказал. Его отвращала невоспитанность Фишера, он был разочарован в нем и не мог дожидаться, когда Бобби покинет остров, а потому в ответ на попытки Фреда Крамера запугать всех окружающих совершенно сознательно сократил посольскую помощь до минимума. Крамер предупреждал, что дойдет до Белого дома. Трэмблей молился, чтобы этот «проклятый» не прилетел в Рейкьявик, предвидя проблемы, которые Фишер может создать исландцам. «У меня не было сомнений, что исландцы справятся. Но Фишер ещё до матча обладал такой репутацией, что даже я, не будучи шахматистом, знал о ней и предвидел одни сплошные неприятности». И когда Крамер, этот солдат личной гвардии Фишера, заявил, что посольство должно помогать ему деньгами, Трэмблей выставил железный заслон. «Я не был расположен сотрудничать ни с одним из этих людей, и, честно говоря, их угрозы меня не волновали. Государственный департамент приказал, чтобы я не тратил на Бобби Фишера ни единого цента из кармана американских налогоплательщиков, поскольку он совершенно наплевательски относился к окружающим. Вот так всё и было».

Советские «воспоминания» показывают всю глубину неуверенности и подозрительности, сопровождавших граждан СССР, куда бы они ни направлялись. Мысль о том, что против команды в Рейкьявике использовались неспортивные методы, звучала как погребальная песнь в течение четырёх месяцев после матча, хотя и не очень громко, поскольку участникам приходилось улаживать более срочные дела. Сталинизм воспитал в людях постоянное стремление искать тайный умысел, внутреннего и внешнего врага, преступников, тех, кого можно было бы во всем обвинить. Памятка для сотрудников КГБ, «Словарь КГБ, официальное руководство советского офицера разведки», утверждает, что «политическая бдительность советских граждан выражается в их неизменном внимании к возможным опасностям, угрожающим стране».

Бдительность такого рода проявлялась ещё до матча, что явствует из официального доклада в Спорткомитет о подготовке Спасского, составленного 16 октября 1971 года Виктором Батуриным. В докладе он предупреждает, что американцы могут попытаться провести матч на своем континенте, давая тем самым Фишеру «определённые преимущества». Далее говорилось:

Более того, в связи с результатами матчей, которые Фишер провел с Таймановым, Ларсеном и Петросяном, существуют некоторые предположения о возможности воздействия на них факторов, не имеющих отношения к шахматам (гипноз, телепатия, отравление еды, подслушивание домашнего анализа, и так далее).

После разгрома Тайманова руководитель его команды Александр Котов поднял вопрос о возможности внешнего влияния на Спасского: «Кажется, такое происходило и раньше. На матче Тайманов — Фишер у меня постоянно возникало ощущение, что нас подслушивают».

Ботвинник также не доверял американцам; он считал, что Спасский не должен играть в стране, на территории которой располагается американская военная база. Поэтому он был против Исландии. Инженер-электрик с ранним и страстным интересом к компьютерной науке, Ботвинник боялся губительных компьютерных манипуляций с сознанием Спасского и помощи самому Фишеру — по-видимому, здесь имелось в виду американское оборудование спецслужб. Когда Рейкьявик утвердили в качестве места проведения матча, некоторые представители Спорткомитета даже советовали, чтобы туда отправили советский корабль, на котором советская команда могла бы жить в безопасности. Эта идея не вышла за пределы Спорткомитета, что, возможно, было и к лучшему для нервов Спасского.

Потом, уже во время матча, советскую сторону встревожило то, что Спасский катастрофически ошибался и не использовал многообещающие позиции. Не причастны ли к этому гипноз, парапсихология или химические вещества, слухи о применении которых так пугали команду?

Вернувшись в Москву, Спасский и сам не мог объяснить своё умственное состояние. «Могло ли такое произойти, чтобы моё понимание шахмат настолько сильно ухудшалось в результате незначительных инцидентов и задержек? Могла ли моя психика быть настолько нестабильной? Либо она сделана из стекла, либо там были какие-то внешние воздействия». Прежде чем мы недоверчиво и удивлённо пожмём плечами, давайте вспомним, что СССР использовал против своих врагов токсичные вещества. Когда КГБ решил поставить квартиру полковника Олега Пеньковского на прослушивание, подозревая его в шпионаже в пользу Британии, специалисты намазали ядом его кресло, и он быстро оказался в больнице. Почему же другие не могут иметь доступ к подобным технологиям?

Разумеется, не все в Союзе обвиняли американцев в очевидной потере Спасским своей формы. Но даже те, кто отрицал возможность «внешних воздействий», обвиняли Фишера в использовании нешахматных приёмов, имея в виду психологическое оружие. Тренер и помощник Спасского Николай Крогиус являлся в то же время заведующим кафедрой психологии Саратовского университета. Размышляя о случившемся, он выносит следующий вердикт:

Психологическая война, развязанная Фишером против Спасского, и его (Фишера) попытки отстаивать свои притязания (подавляя волю другого игрока) были связаны; это две стороны единого процесса борьбы со Спасским... В 70-е годы Фишер большое значение начал придавать психологическим аспектам в игре. Он неоднократно заявлял, что стремится подавить волю соперника. Для этого все средства хороши. Психологическое подчинение противника неизбежно приводит к резкому снижению его шахматной силы. Эту программу Фишер последовательно осуществлял до и во время матча.

В Спорткомитете такие игры Фишера виделись корнем проблем Спасского. Комитет размышлял о возможности гипноза ещё в начале августа, но отменил её. Бывшая чемпионка мира Елизавета Быкова заявляла Ивонину, что среди юристов Фишера находился телепат. Это было неправдой. В любом случае, Спорткомитет в телепатию не верил.

Советский посол в Исландии жаловался в Спорткомитет, что пресса, как советская, так и западная, неправильно понимает мотивы поведения Фишера, обсуждая его «выходки». Это не выходки, говорил он, а хорошо спланированная, неспортивная кампания, направленная на подрыв сил чемпиона. В Москве специалисты проанализировали личность Фишера и пришли к выводу, что это психопат, человек, для которого конфликтная ситуация представляется нормальной, а Спасский с этим справиться не мог.

Кризис Спасского, решили они, коренится в неспособности чемпиона справиться с психологическим давлением. Сыграл свою роль и его отказ брать с собой руководителя делегации. После матча Батуринский заявил: «Если серьёзно, то мы не должны считать внешние факторы самыми главными, особенно если у нас нет тому доказательств». Однако, озвучивая точку зрения, что Спасский был не прав, отказавшись от надлежащей команды (другими словами, не взяв с собой переводчика или врача из КГБ), он проявляет и некоторую осторожность: «Вопрос о том, могли ли определённые химические вещества находиться в еде, — совсем другое дело. Делегацию об этом предупреждали. Чтобы изучить вопросы безопасности, мы специально посылали в Рейкьявик на несколько дней товарища Крогиуса. Мы предлагали послать и повара, и врача. Но их отклонил Спасский».

С каким бы недоверием ни относилась Москва к внешним воздействиям, надо было страховаться и предпринимать соответствующие действия. Например, чтобы узнать, содержатся ли в пище Спасского определённые химические вещества, в советскую столицу для тщательного лабораторного анализа привезли образец сока, который исландцы ему поставляли.

Мысль о том, что американцы используют психологическое оружие, также была проверена. Отказ Спасского взять в Рейкьявик врача не остановил Комитет, и 10 августа было принято решение послать туда специалистов. За помощью обратились к министру здравоохранения. В итоге известный психиатр, профессор Вартанян, к собственному немалому удивлению, получил письмо, в котором его просили приехать 21 августа в Спорткомитет для встречи с Ивоным. Ему предложили отправиться в Исландию с коллегой по своему выбору, провести наблюдения и сообщить о результатах. На повестке дня стояло и прикрытие: решили, что они поедут туда как гости Астасина. «Мы не хотели расстраивать Спасского, — говорит Ивоны, — поэтому оформили психиатров как друзей посла». Их задачей было оценить личность обоих игроков и возможность «влияния» на Спасского.

Покойный профессор Вартанян был тогда генеральным директором Центра психического здоровья. Он поговорил с профессором Жариковым, психиатром Медицинского института, который ныне является деканом кафедры психологии. Приманкой была сама поездка в Исландию, экзотическую страну, куда практически не было шанса попасть. Жариков участвовал в грандиозной танковой битве под Курском, в которой был ранен. Над входом в его кабинет висит табличка, указывающая на его статус ветерана Великой Отечественной войны. Внутри — большой портрет Ленина.

По приезду сотрудники посольства предоставили Вартаняну и Жарикову последние сведения относительно гипноза, парапсихологии и воздействия гипотетического прибора, спрятанного в кресле Фишера. Гости полистали прессу в поисках карикатур на матч. Жариков был настроен скептически. Он не верил в применение парапсихологии: если бы она была, то при таких ставках неизбежно пошли бы слухи. Сегодня, когда профессор вспоминает, как сидел в зале и наблюдал за игроками в бинокль, в его глазах мелькает удовольствие. Он отнёсся к эпизоду, как к увеселительной прогулке. От специалистов трудно было ожидать многого. Возможности лично познакомиться с объектами своих исследований и диагностировать их характеры, чтобы отличить нормальное поведение от ненормального, у них не было. «Каждый, оказавшись в столь сложной психологической ситуации, отреагирует на неё по-своему, — говорит Жариков. — Здесь нет стандартов. Нельзя сказать, что вот такое поведение проблемное, а такое — нет».

Он сделал вывод, что чемпион ведет себя вполне уравновешенно. Их единственная встреча со Спасским произошла на приёме в посольстве, и Жарикова она весьма впечатлила: «Очень умный молодой человек, возможно, немного чопорный — у такой личности редко развивается психоз. Он был очень уверенным, любил порисоваться, живо беседовал». Профессора убедили Астасина, что беспокоиться не о чем. Они повторили своё мнение и в официальном отчёте Спорткомитету: «Мы написали короткий доклад, отмечающий все спекуляции и говорящий о том, что участники матча находятся в совершенно нормальном психологическом состоянии».

Паранойя, однако, не была односторонней. Второй секретарь советского посольства Дмитрий Васильев вспоминает жалобы Фишера на агентов КГБ, якобы сидящих в зале и пытающихся его гипнотизировать. Виктор Джакович считал это проявлением антисоветского мировоззрения Фишера.

Фишер был уверен, что Советы прослушивают его разговоры и устраивают слежку. Он считал, что с ним играют множеством способов: к примеру, в первых рядах сидят люди, каким-то образом воздействующие на его концентрацию, — возможно, электронными приборами. Его паранойя была глобальной. Отчасти поэтому визиты на американскую базу в Кефлавике являлись для Фишера таким успокоением — мы помогали ему чувствовать себя более комфортно: «Смотри, это американская база НАТО. Здесь ты в безопасности». Если кто-то говорил о русских, он немедленно засыпал человека вопросами. У меня создалось впечатление, что, если вы хотите завоевать его внимание, нужно просто упомянуть русских.

Напряжение было таким сильным, что его ощутил даже нью-йоркский адвокат Пол Маршалл. Он вспоминает, как с конторки портье в отеле исчезли паспорта его и его жены, а потом внезапно обнаружили в номере. «Мы начали ощущать какое-то давление и думали: "Всё очень странно". Это происшествие и несколько других заставили нас полагать, что мысль Бобби о русских может иметь под собой какие-то основания». Однако такую атмосферу можно было иногда использовать и для развлечений. Как-то раз Маршалл с женой Бетт направлялись в зал, когда мимо них прошёл Крогиус. Адвокат вспоминает: «Бетт позвала его: "Гроссмейстер Крогиус, друзья в Америке просили передать вам кое-какие бумаги". Крогиус тут же повернулся и убежал». Памятуя о том, что поблизости мог находиться наблюдатель из КГБ, кто может его винить?

И всё же нельзя сказать, что Спасский и Геллер полностью заблуждались. Посторонние действительно пытались воздействовать на ход матча.

Сейчас мы знаем, что всё это время КГБ проявлял активность, пытаясь отследить возможные атаки на чемпиона мира и провести упреждающий пропагандистский удар против американцев. Офицеры работали с молчаливого одобрения шахматных чиновников в Москве, возможно приложив руку и к распространению слухов о том, что Спасский собирается бежать.

Советские гроссмейстеры той эпохи предполагали, что КГБ имеет свой интерес в шахматах, как и во всех делах, считающихся ключевыми для государства. Шахматисты присматривались друг к другу. У кого из них была задача помимо шахмат? Кто получал дополнительный доход, имел так называемую «побочную работу»? Кто информатор? А кто на самом деле офицер КГБ?

До сего дня многие жители бывшего Советского Союза убеждены, что деятельность КГБ по защите государства была почётным занятием, а потому ничего постыдного в сотрудничестве с этой организацией нет. КГБ обладал реальной властью над выездами за рубеж, скрываясь за всеми комитетами партии и рассматривая заявления тех, кто собрался за границу. Через своих информаторов КГБ узнавал, что происходит в шахматных кругах, и «советовал» властям, кого надо поддержать, кого не одобрять, кому запретить покидать пределы Советского Союза, а кому, наоборот, можно позволить работать за границей. Обычной практикой было предлагать будущим путешественникам такой вариант: паспорта им выдадут с большей готовностью, если они согласятся быть глазами и ушами КГБ.

Некоторые утверждают, что у КГБ был кабинет в Центральном шахматном клубе, хотя более реальным представляется, что там просто находился один из офицеров КГБ. Гроссмейстер Юрий Авербах заявляет, что ни о чем подобном не слышал: «У меня там был кабинет, и если действительно всё так обстояло, то я просто об этом не знал». Тем не менее он отлично понимал, как система работает, если его глубоко сидящие инстинкты — или, возможно, суеверная привычка — до сих пор запрещают напрямую говорить о КГБ. «В эпоху Сталина, если команда покидала страну, вместе с нами ехал представитель этой организации. Этот человек следил за всеми участниками команды. В 1952 году я играл в межзональном турнире, и такой человек там присутствовал. В 1953-м на турнире претендентов в Цюрихе тоже был такой человек. В 1955-м, когда Спасский выезжал на юношеский чемпионат мира — тогда его тренировал я, — с нами также ездил представитель этой организации. После 1956 года на протяжении примерно трёх лет никого не посылали. Была оттепель. Затем, в начале 60-х, эти люди вновь начали появляться. На Кюрасао, например, вместе с нами ездил человек из КГБ».

«Такие люди» были строго засекречены. Александр Никитин, бывший тренер Гарри Каспарова, пишет: «С самого начала, как только Гарри начал выезжать за границу, у него был сопровождающий, который не являлся профессиональным тренером. Это подполковник КГБ Виктор Литвинов. Литвинов следил за Гарри и его матерью, куда бы они ни отправлялись». По словам Никитина, «охраняли» даже Карпова: «С 1975 года Владимир Пищенко, известный агент КГБ, следовал за Карповым, как тень, во всех его зарубежных

командировках».

Никитин считает, что агенты выполняли полезную роль: «Сегодня у всех вошло в привычку проклинать эту организацию. Однако мы не должны думать, что люди, работавшие на КГБ, были монстрами. Те, с кем мы имели дело, были искренними и опытными офицерами с очень широким интеллектуальным кругозором. Организация действовала во всех спортивных федерациях. Спорт как аспект культуры отражал успехи системы. ...» Интеллектуальный уровень действительно был высоким — в КГБ отбирались наиболее одарённые личности.

Памятуя об официальном мнении относительно личности Спасского («незрелый»), о его ранних трениях с ленинградским КГБ, о том, что советско-американская битва проходила на острове, где располагалась одна из основных американских военно-воздушных баз, — вряд ли было возможно, чтобы в Исландии не появилось ни одного агента КГБ. Николай Крогиус допускает возможность того, что они вполне могли там находиться: «Насколько я знаю, официальные представители КГБ отсутствовали. Ходили слухи, что туда приехали два-три работника. Но они, разумеется, просто наблюдали. Ничего более». Иво Ней считал, что их было много. Недавно уволившийся из Министерства иностранных дел, а в то время второй секретарь советского посольства Дмитрий Васильев вспоминает, как видел двух-трёх «таких людей» в зале Рейкьявика: «Я не уверен, что это были люди из КГБ, но они казались довольно странными. Знаете, люди из ЦРУ или КГБ всегда несколько странные». Члены обеих секретных организаций были разными, но благодаря какому-то неувловимому сходству опознать агентов было несложно. Как говорят русские, «одного поля ягоды».

Гости советского посольства в Рейкьявике уже перешли все допустимые границы для такого малонаселённого острова: за два месяца матча там побывало невероятное количество русских «туристов». Кое-кто называет главой КГБ в Исландии чиновника посольства Виктора Бубнова, но на самом деле он был из военной разведки, ГРУ, и имел другие интересы. Тем не менее недостаток в офицерах и информаторах там вряд ли испытывали, и у нас есть причины полагать, что некоторые из них не просто, как выразился Крогиус, «наблюдали».

К концу июля мрачные предчувствия насчёт игры Спасского достигли в Москве критического уровня. 27 июля, когда чемпион играл свою худшую партию — восьмую, — Виктора Батуринского вызвали в Центральный Комитет с требованием объяснить, что же, в конце концов, происходит, почему Спасский никак не реагирует на опоздания Фишера. Присутствовали глава отдела пропаганды Александр Яковлев, его первый заместитель Юрий Скляр и ответственный за спорт Борис Гончаров, который, по-видимому, вообще им не интересовался. Они обсуждали, как помочь Спасскому, как обнаружить и нейтрализовать психологическое давление, которое на него оказывается.

После этого в кабинете Виктора Ивонина побывало множество старших чинов КГБ (разумеется, это совпало и с подготовительной работой к Олимпиаде). В их список входил Виктор Чебриков, заместитель председателя КГБ и протеже Брежнева. В 1968 году Брежнев назначил его заместителем Юрия Андропова — в период кремлёвской битвы за власть, после которой Сергей Павлов отправился в Спорткомитет. В 1982-м Чебриков стал председателем КГБ. Заглядывал сюда также Семён Цвигун, первый заместитель председателя КГБ, поднявшийся наверх в той же перетасовке, что и Чебриков. Наносил визиты и заместитель главы пятого отдела (имевшего дело с идеологией и тем самым со спортом) генерал-майор Валентин Никашкин. Один из его подчинённых, агент КГБ Виктор Гостиев, ещё появится в нашей истории. Он также работал на пятый отдел. Позже, всё ещё оставаясь офицером КГБ, Гостиев стал зампредом спортивного общества «Динамо», которое тренировало работников КГБ и Министерства внутренних дел.

Столь высокие звания посетителей из КГБ имели больше отношения к министерскому статусу Ивонина, нежели к тому значению, которое придавалось Рейкьявику. Ивонин не может припомнить все эти визиты. Стоит напомнить ему об именах из КГБ, как всегда

хорошая память на людей и события его покидает. Тон разговора становится более осторожным, а информация забывается.

Что же они могли обсуждать?

На этих встречах менее всего пытаются сделать подкоп под Фишера, а больше думают о том, как помочь выбитому из седла Спасскому. (Возникает мысль отправить чемпиону «Когитум», лекарство для снятия нервного напряжения, но Спасский отказывается, что вызывает некоторое раздражение.) В первую очередь требуется расследовать возможность постороннего влияния на игру. Один доклад в КГБ упоминал о том, что Фишеру помогают компьютер и прибор, спрятанный в его кресле (связаны ли эти две детали — компьютер и прибор в кресле Фишера, — остается неясным). В западной прессе уже появлялись сообщения, что Фишеру помогает компьютер, но Спасский, Геллер и Крогиус отнеслись к этому иронически. КГБ не верит в то, что интриги, связанные с высокими технологиями, имеют смысл. Товарищ Львов, офицер КГБ, специалист по компьютерной технике и в то время постоянный собеседник Ивонина, объясняет заместителю министра спорта, что Фишеру потребовался бы целый год, чтобы разработать необходимую программу, а также переносной приёмник и наушник. Львов приносит мрачную новость о получении Спасским письма с угрозами в адрес его семьи, если он вернется в Москву победителем. Это расследовано, но никаких подтверждений не найдено. Происхождение письма неизвестно; сегодня Спасский говорит, что понятия об этом не имел.

Предпринимаются другие способы защитить чемпиона. Июль переходит в август, и один из судебных психиатров встречается со Львовым и Гостиевым. Львов сообщает о возможности организовать проверку наличия радиоволн и рентгеновских лучей «на месте» — по-видимому, в зале. Обсуждается вероятность того, что на Спасского воздействует гипнотизёр и телепат. Возможно, посещение Рейкьявика психиатрами является идеей Гостиева. Выбор падает на Вартадяна и Жарикова, и Гостиев приступает к организации их визита.

Появляется тревожное известие о том, что 15 августа Спасский выпил сок и им овладела апатия. Снова к делу подключаются КГБ и Гостиев. Образец сока привозят в Москву, где специалисты КГБ проверяют его состав. Позже начальник Гостиева Никашкин сообщает Ивонину, что ничего постороннего не обнаружено.

Однако КГБ не желает только пассивно реагировать. Помощь Спасскому включает в себя инициативу распространения слухов о том, что Фишер обманывает, используя прибор, спрятанный в кресле: прибор, мол, ухудшает игру Спасского и/или улучшает игру Фишера. Эта идея обсуждается в конце июля. Она должна выглядеть убедительно. Ивонин слушает, о чем говорят «товарищи», а сам размышляет, может ли нечто подобное быть на самом деле. 29 июля Борис Гончаров из ЦК партии сообщает Ивонину, что слух «запущен». Дальше — тишина.

Неизвестно, есть ли связь между «запуском» этого слуха и заявлением Геллера, сделанным тремя неделями позже, 22 августа, когда он протестовал против грязных трюков, применявшихся для воздействия на Спасского, хотя сам Геллер утверждал, что «такие письма были». О событиях, последовавших за этим заявлением, уже рассказано. Никашкин проинформировал Ивонина, что эпизод получил большую огласку; исландские эксперты всё проверили, но ничего не нашли.

Подчинялся ли Геллер приказам из КГБ? Знал ли он детали плана или сам стал его жертвой, публично озвучив мысль об американских махинациях с высокими технологиями? Геллер, крайне подозрительно относившийся к Западу, действовал в одиночку. Крогиус не подписал сомнительное заявление и сегодня характеризует его, как «бессмысленное и топорно сделанное». Он относит его к «склонности Геллера действовать спонтанно». Ней отказался ставить свою подпись, поскольку, по его словам, было очевидно, что Геллер действует по указанию из Москвы. Ивонин говорит, что впервые услышал об этом письме в новостях, пришедших из Рейкьявика. Спасский ныне вспоминает, что какое-то письмо до

матча предупреждало его о кресле, и это «письмо взялось неизвестно откуда». Возможно, ближе к концу сражения, отчаявшись объяснить неудачи на доске, они с Геллером, сознательно или бессознательно, искали им какое-то внешнее объяснение. До сих пор не зная о замысле КГБ, Спасский продолжает верить, что в черном кожаном кресле Фишера действительно могло что-то быть; он говорит, что заявление Геллера его не смутило.

Остается открытым вопрос: действительно ли тайный агент КГБ что-то подложил в кресло Фишера и это выявил рентген? Было ли это частью неудачной попытки спасти репутацию чемпиона, а может быть, даже обесчестить Фишера и добиться его дисквалификации? Удивительно, но даже американец Дон Шульц, инженер Ай-би-эм и президент Шахматной федерации США с 1996 по 1999 год, проявляет подозрение. На рентген кресла Фишера американцы послали Шульца в качестве наблюдателя. Он до сих пор хранит сделанные тогда записи, включая набросок самого объекта с петлей, увиденного на первом снимке. В то время он публично смеялся над домыслами советской стороны, но позже подтвердил свои сомнения: «Не было точных объяснений произошедшему». Его удивила разница между двумя рентгеновскими снимками. Когда делался второй анализ, петлеобразный объект — «аномалия», как он его назвал, — исчез.

Я долго думал об этом. Единственный правдоподобный вариант звучит радикально, и в то время говорить об этом не хотелось, поскольку вряд ли мне бы поверили; но думаю, есть небольшой шанс, что какой-нибудь ненормальный русский агент — ведь это действительно дико — пытался дискредитировать США, запихнув что-то в кресло. Предполагалось, что потом будет сделано заявление и эту штуку найдут. А их служба безопасности узнала о происходящем и решила, что всё это чистое безумие, поэтому его оттуда достали.

Всё это, говорит он, «очень вероятно; убеждён, что такое вполне могло произойти». Когда была поднята тревога, и советская, и исландская стороны могли иметь свои причины на то, чтобы в кресле ничего не обнаружили. Шульц был потрясён сообщением исландских чиновников, что всё чисто, которое поступило ещё до результатов второго просвечивания.

Вложило КГБ в кресло Фишера какой-то предмет или нет — ясно одно: Крогиус прав, называя обвинения Геллера бессмысленными и топорными. Исландские организаторы их отменили, американская пресса высмеяла, и Советы остались униженными.

Возникла и мысль о шпионе в советском лагере. Неожданная непредсказуемость претендента в дебютах обезоружила Спасского; с тем, что Фишер лучше подготовлен, трудно было спорить. Но Геллер считал, что анализ, проделанный Спасским до матча, был каким-то образом передан сопернику.

С точки зрения подозрительного советского гражданина, кто мог оказаться пятой колонной, кто был виновен в утечке? В записях разбора матча в Спорткомитете нет прямых обвинений в адрес конкретного участника команды, но комментарий Батуриного дает очевидное указание. Спасский называет Нею слабым звеном команды, гневался Батуринский и, защищая его, писал: «О Нее говорят почти как о шпионе. Я возражал против включения Нея в тренировочную группу, но Борис Васильевич настоял. Ссылаться теперь на Нею как на одну из причин его плохой игры по меньшей мере бессовестно».

С точки зрения Спорткомитета, у Нея в Рейкьявике не было никаких дел. С момента формирования команды Спасского он считался «физическим тренером» чемпиона. Ней настаивает, что играл важную роль в шахматном анализе, работая по вечерам вместе с остальными. Он бегло говорил на немецком и немного на английском, а в Рейкьявике переводил для главного арбитра Лотара Шмида и президента ФИДЕ Макса Эйве, которых отлично знал.

Сочетание в Иво Нее знания шахмат и положения «внутреннего наблюдателя» позволило Полу Маршаллу рассматривать его в качестве возможного автора книги о матче. Маршалл понимал, какой огромный рынок открывается перед такой книгой, особенно если она будет написана человеком из команды Спасского. Ней говорит: помимо гонорара

Маршалл предложил ему всё, что он только пожелает, из Америки. Ней отправился к гроссмейстеру Роберту Бирну, делавшему в Рейкьявике комментарии для голландского телевидения, с просьбой стать его соавтором. Ней завел дружеские отношения с официальными лицами матча и американскими гостями. Советский посол не запрещал ему подобные развлечения, но советовал быть внимательным при контактах с американцами. Как тренеру Спасского, Нейю представляется, что его встречи делали чемпиону только лучше: он давал команде информацию о происходящем в лагере соперника.

Книга, которую заказал Маршалл, называется «Две стороны шахматной доски». В неё включено предисловие Эйве, где президент ФИДЕ отмечает, что Ней был посвящён в закрытую информацию, как техническую, так и психологическую. С точки зрения Нейя, более подходящим названием было бы «Прощание с Рейкьявиком». 22 августа, после семнадцатой партии, Ней совершенно внезапно покинул матч и должен был дожидаться в Копенгагене рейса на Москву. Сейчас он говорит, что его работа была окончена и пора было готовиться к началу учебного года в Эстонии, где он являлся директором шахматной школы. Матч был практически завершён. Ней больше не занимался серьёзным анализом с секундантами Спасского, и Геллер считал, что оставаться ему не имеет смысла. Спасский был согласен.

Крогиус говорит иначе. Сотрудник советского посольства сообщил ему и Геллеру, что «Ней ведет себя странно». Эстонец проводил много времени наедине с Бирном. Помощники передали это Спасскому. Тем же вечером Нейя подвергли жёсткому допросу. Он не отрицал своих контактов с Бирном, того, что они с американцем анализируют матч и что он передает Бирну свои комментарии к партиям для последующей публикации в США. Коллеги пребывали в сомнениях и давили на Нейя: почему он занимается посторонней работой без разрешения Спасского, да ещё такой подозрительной, при этом всё держит в секрете? Что в материалах, переданных американцам, было написано о состоянии Спасского и о его собственной оценке игры чемпиона? Они остались недовольны ответами Нейя; разговор чрезвычайно накалился. Нейя заявили, что его услуги больше не требуются и он должен уехать. (Спасский говорит, что члены его команды не имели права заниматься бизнесом.)

На следующий день эстонец улетел. В Москве он сел на самолёт до родного Таллина, даже не зайдя в Спорткомитет, где должен был сдать загранпаспорт.

Ней говорит, что многие люди из мира шахмат удивились, увидев его вернувшимся в Эстонию; они полагали, что ему дорога либо в Сибирь, либо на Запад. «Но почему? — удивляется Ней. — Разве я вел себя как-то неправильно?» Из Таллина он выслал в Штаты последние записи для книги, семь частей. Проект заставил его поволноваться: каждую из них он отправлял по разным адресам в Канаду и в США.

Неем были недовольны: он не сообщил о книге ни КГБ, ни властям. Ему запретили покидать страну на два года; это было сравнительно лёгким наказанием и означало, что обвинение в разглашении шахматных секретов не было принято всерьёз. Совершенно неразумно, говорит Ивонин, обсуждать матч, пока он ещё идёт, но Нейя нельзя было наказывать, поскольку ничего не было доказано. «Одни только подозрения».

Подозрений было более чем достаточно — хватило на всех. КГБ взял на прицел даже самого Спасского.

К концу матча Рейкьявик наполнился слухами, что Спасский собирается остаться на Западе. Теодор Трэмблей вспоминает: «Югославы во время матча подходили ко мне и спрашивали: "Спасский хочет остаться? Спасский хочет остаться?" На тот момент у меня с Борисом были достаточно близкие отношения. Я отвечал: "Послушайте, если Борис хочет остаться, всё, что ему нужно, это сказать об этом мне. Мы разберёмся, как ему помочь"».

Трэмблей впервые встретил Спасского на приёме после официального открытия матча, и они разговорились за бокалом шампанского. По словам Трэмблея, они стали хорошими друзьями и «продолжали друг с другом видеться». Американский дипломат иногда обедал в отеле, где жил Спасский, и если чемпион замечал его, то подходил поговорить. Трэмблей считал, что атмосфера вокруг советских шахматистов была гораздо более спокойной, нежели

на его предыдущем посту в Бангкоке. Никто не крутился поблизости, отгоняя от Спасского посторонних, хотя, если он вступал в длительную беседу где-нибудь в отеле или на улице, кто-то обязательно её прерывал. Естественно, американец отрицает, что целенаправленно искал общества Спасского, хотя слова его не кажутся искренними: «Мы вполне могли вывезти его из страны, если бы он того захотел, но Спасский не собирался эмигрировать».

Советские власти не разделяли уверенности Тремблея. В кабинете Ивонина звучали беспокойство и тревога относительно поведения Спасского. КГБ, разумеется, был в курсе. Генерал-майор Никашкин решил, что им необходимы представители в Рейкьявике, и рекомендовал Ивонину, чтобы в Исландию отправился друг Спасского Станислав Мелентьев. Ивонин не хотел будить в Спасском ощущение того, что ему не доверяют, и предупредил Никашкина, что чемпион может неправильно понять появление Мелентьева. Вмешался Павлов; он позвонил и сказал, что всё это — много шума из ничего и нужно просто довериться преданности Спасского. Никашкин холодно указал на сообщения прессы, что в начале матча Спасский проигнорировал совет Павлова, хотя другие спортсмены его бы приняли. (По словам Ивонина, если они считали, что Спасский всерьёз собирается остаться на Западе, то должны были бы принять меры предосторожности: послать человека, который отвезет его обратно, или найти стимул для возвращения.)

Четвёртого сентября все облегчённо вздохнули. Никашкин сообщил Ивонину, что Спасский купил в Исландии машину и хочет привезти её в Ленинград. Сперва ему хотелось переправить машину в Копенгаген и оттуда доехать на ней до дома, но его убедили, что путешествие будет слишком рискованным. Пришли ещё более обнадеживающие новости: Спасский набросился на журналистов, спросивших у него, действительно ли он хочет остаться. «Это провокация», — ответил он и добавил, что намеревается купить дачу под Москвой. Яковлеву доложили: Спасский возвращается.

Мнение Тремблея о Спасском оказалось правильным. Коллеги никогда не подвергали сомнению его патриотизм — русский, не советский. Сегодня Спасский говорит, что тогда ему и в голову не могло прийти остаться за границей. Где же был источник слухов, так усердно распространяемых югославами? Матч был проигран, и не могло ли это оказаться очередной неуклюжей попыткой КГБ дискредитировать Спасского, вместо того чтобы поддержать, объяснив таким образом, почему он не смог одолеть американца?

ГЛАВА 21

ПАРТНЕРЫ — СОПЕРНИКИ

В целом в 1972 году отношения США и Советского Союза были лучше, чем все предыдущие годы.

Генри Киссинджер

Глядя сегодня на происходившее в те далёкие года, можем ли мы сказать, что шахматный триумф Фишера явился пусть и символической, но все равно победой США над своим старым противником в холодной войне, Советским Союзом?

В интерпретации матча с позиции холодной войны сразу же виден существенный недостаток. У Фишера и Спасского было нечто общее — они абсолютно не подходили на роль представителей политических систем своих стран. Спасский не был советским патриотом и не скрывал этого. Асоциальное поведение Фишера сделало его для многих соотечественников не-американцем.

В «Sunday Times» от 2 июля Артур Кёстлер, автор потрясающего исследования о сталинизме «Слепая тьма», мягко предупреждал: «Бобби — гений, но в качестве посланника свободного мира он, скорее, достигнет обратных результатов». «Washington

Post» размышляла, как поведение Фишера превратило матч «из спортивного состязания в повод для нарастания атмосферы холодной войны». Один из читателей «Post» написал, что «Фишер — единственный американец, который заставил всех в США болеть за русских». В статье, написанной в конце июля и развеселившей всё советское посольство в Рейкьявике, фельетонист «Washington Post» Арг Бухвальд размышлял над дилеммой: позвонит ли Никсон в Исландию, если Фишер победит? Он предположил между ними такой разговор:

— Хелло, Бобби, это президент Никсон. Я позвонил просто, чтобы поздравить тебя с победой в Исландии.

— Покороче, если можно. Я устал.

— Это великий день для Америки, Бобби.

— Ещё более великий для меня. Я выиграл 150 тысяч долларов и показал дулю этим исландским подонкам.

В конце концов президент вешает трубку и звонит директору ЦРУ Ричарду Хелмсу.

— Дик, я посылаю президентский самолёт в Исландию за Бобби Фишером. Сделай одолжение: как только он сядет в него, постарайся, чтобы самолёт угнали на Кубу.

Виктор Джакович вспоминает чувства, царившие в день завершения матча:

Когда он выиграл для Америки шахматную корону, нашей первой реакцией была не гордость. Нашей первой реакцией было облегчение, что всё наконец закончилось. Второй — мы победили! Америка победила. Наш парень — чемпион. Победитель, родившийся и выросший в США, — это было нечто. Но самое первое чувство — огромное облегчение. Испытание оказалось суровым.

Однако сложно возразить, что самой распространённой точкой зрения на матч было восприятие его как эпизода холодной войны. Новый чемпион рассматривал это именно так. В апреле «The Times» отметил: «Фишер верит, что в каком-то смысле сражается за свободный мир против Советского Союза, в атмосфере, схожей с берлинской блокадой двадцатилетней давности». Фишер убрал бы слова «в каком-то смысле». В интервью Джеймсу Бёрку из Би-би-си он сказал:

Это действительно борьба свободного мира против лгущих, изворотливых, лицемерных русских... Сражение между мной и Спасским — микрокосм мировой политической ситуации. Они всегда говорят, что мировые лидеры должны вести борьбу лицом к лицу. Именно это мы и делаем — но без бомб, сражаясь на доске.

Западная публика также была убеждена в геополитической значимости сражения — письма, выражающие мнение подобного рода, наводняли местную и национальную прессу. Дональд Кёртис из Коннектикута писал в «New York Times»: «Шахматы гораздо важнее для миллионов людей за границей, нежели в Соединённых Штатах. Победа мистера Фишера может впечатлить их больше, чем все торговые и военные договоры или договоры о помощи, вместе взятые». То же утверждал редактор «New York Times» в своей колонке, сравнивая произошедшее с советскими достижениями в космосе: «Несомненно, потеря Спасским титула может рассматриваться как огромный национальный регресс, спутник наоборот». Перед первой партией «Washington Post» писала: «Победа Фишера наносит удар по основам советской идеологии». Даже десятилетия спустя многие персонажи нашей истории совпали во мнениях. Для исландского оператора Гиссли Гестссона это был не просто шахматный матч: «Это была битва за умы людей по всему миру — ведь сражались супердержавы. Думаю, шахматам было обидно, что их использовали таким образом».

Стереотипные контрасты между «мы» и «они» можно найти во многих статьях и книгах современных писателей — это отражает период, в который они жили. Переводчика советского посольства Валерия Шаманина приводили в качестве примера отсутствия у советских чиновников человечности. Фрэнсис Уайдхем, один из авторов экспресс-отчёта о матче, считал Шаманина похожим на манекен. (Однако насколько оживлённым должен быть профессиональный переводчик? В обычной жизни Шаманин полон теплоты и энергии.)

По словам Брэда Дарраха, Шаманин был «одним из числа псевдоофициальных советских чиновников, чьи лица казались восстановленными до человекоподобной формы

после смертельной травмы». Он отмечал, что советская делегация ходила гуськом; все были невыразительными и необщительными, «как финалисты в соревновании на самоуничтожение». Все, за исключением Спасского и ещё Крогиуса, чья выразительность для жителей Запада казалась даже пугающей; он напоминал персонаж из фильма ужасов: психолог, плетущий интриги и с жестокой пронизательностью ведущий героя к провалу. Ефим Геллер, даже с точки зрения советских современников, не говоря о западных репортёрах, необычайно подозрительно относился к Западу, и корреспондент ТАСС Александр Ермаков называл его «мистер Нет» за нежелание делиться информацией даже с советским государственным агентством печати.

То, как «Sunday Times» воспринимала двух соперников, позволяет понять, в какой степени реальность искажается через призму идеологической конфронтации: «Оба они отлично подходят для своих ролей. Фишер — строгий индивидуалист, авантюрного склада, иногда безрассудно поступающий как в жизни, так и на шахматной доске. Спасский — более приятный тип советского чиновника, осторожный, уклончивый, труднодостижимый».

В Спорткомитете скептически отнеслись бы к мысли о Спасском, как о «приятном чиновнике», но для Москвы и советского блока матч Фишер — Спасский тоже являлся столкновением систем. Естественно, за помешательство американца на деньгах нес ответственность капитализм с кровавыми когтями, хотя в речах о способе, которым Фишер снял сливки с матча, нетрудно услышать завистливые нотки. Чиновники беспокоились, что это может изменить отношение советских игроков к деньгам, делает их менее подконтрольными государству и отвратит от социалистических приоритетов.

Но даже если поначалу всё обстояло так, после открытия матча идеология ушла в тень. Поворотной точкой стала катастрофическая третья партия, после которой советская пресса погрузилась в конструктивный шахматный анализ с намёками на то, что чемпион сам виновен в своей неудаче. Матч занимал второе место после Олимпиады из-за малых валютных средств и журналистских ресурсов. Расходы на содержание Ермакова были строго ограничены; он нашёл жилье для студентов и готовил себе сам. Заданием корреспондента ТАСС было передавать в Москву ходы; редакторы практически не интересовались смешными историями, драмами и человеческими судьбами, так занимающими западных журналистов, — сообщались только основные факты.

Комментарии в советской прессе говорили о недовольстве гроссмейстеров уровнем игры Спасского. Хотя события, связанные с Фишером, освещались мало, американский журналист в Москве Роберт Кайзер был удивлён свободой обзора самих партий:

Все в России прикованы к этому событию... Эгоистичный, непредсказуемый американец вызывает здесь изумление, но при этом является объектом восхищения. Его ходы, равно как и ходы Спасского, даются в редкой форме репортажа — живой и яркой журналистике. Гроссмейстеры пишут прямо, открыто, больше в стиле американских политических комментариев, нежели по стандартам советской прессы. Такие фразы, как «Спасский грубо просчитался», могут казаться нормальными для американского читателя, но советскому это бросается в глаза.

Среди экспертов на парковых скамейках также царила свобода слова, и другой американский журналист слышал мрачные фразы: «Спасский играет, как сапожник».

В течение двух третей матча его выдающееся положение на страницах газеты «Известия» постепенно сходило на нет. После семнадцатой партии логотип ФИДЕ рядом со статьей был убран (возможно, в знак официального неодобрения Международной федерации, возможно, для того чтобы сделать матч менее заметным, или по обоим причинам сразу), равно как и имя автора, гроссмейстера Давида Бронштейна, комментировавшего партии. Последний репортаж ТАСС был затиснут в нижний левый угол спортивной страницы, тогда как фотографии советских атлетов и гимнастов сразу бросались в глаза. Он состоял из одной колонки в одиннадцать строк:

Не придя на доигрывание, Спасский подтвердил своё поражение в отложенной накануне двадцать первой партии чемпионата мира по шахматам. Решение объясняется

тем, что, как показал анализ, дальнейшее сопротивление белых бессмысленно. Таким образом, Фишер выиграл матч со счётом 12,5:8,5 и завоевал титул чемпиона мира.

Газета «Советская Россия» поместила известие о переходе титула в чёрную рамочку, словно некролог. Но теперь всех интересовали мюнхенские Олимпийские игры, и причины на это были. Когда Фишер завладел титулом, русский спринтер Валерий Борзов отнял у бегунов США звание самого быстрого человека на планете. Никогда прежде американцы не становились чемпионами мира по шахматам, и русские никогда не выигрывали олимпийскую стометровку (Павлов как будто подгадал).

Снижение внимания к шахматам было вполне ожидаемым. Роль советской прессы состояла в отражении официальной позиции, а не в удовлетворении запросов читателей. Учитывая силу, с которой Фишер бросил вызов советской гегемонии, ответная реакция журналистов была очень тихой из прагматических соображений. Важно, что в ней не содержалось ни политических заявлений, ни обвинений Запада. Хотя потеря титула явилась ударом, она рассматривалась как внутреннее шахматное дело, а не как событие политической или идеологической значимости.

Это было не время для лишних разногласий с США. Далёкий от того, чтобы считаться столкновением Востока и Запада, чемпионат проходил в самый разгар разрядки международной напряжённости. В Европе, арене холодной войны, наконец-то начиналось послевоенное урегулирование — отложенное так надолго подписание мира после Второй мировой войны. Хотя практически все западные корреспонденты характеризовали матч Фишер — Спасский в терминах геополитики, они, как ни странно, ошибались. Матч мог казаться таковым с точки зрения публики и прессы, но в Кремле и в Белом доме демонстрация силы не стояла на повестке дня.

Поэтому с советской стороны уровень политического интереса к подготовке Спасского был высоким, но не чрезмерным. Михаил Сулов, один из двух секретарей ЦК КПСС, шедший в партийной иерархии сразу за советским лидером Леонидом Брежневым, отвечал за идеологию, а следовательно, за шахматы. Он никогда официально не обсуждал матч. Брежнев тоже, кажется, не обратил на него внимания, хотя номинальный глава СССР Николай Подгорный послал Спасскому телеграмму с добрыми пожеланиями (для Брежнева было бы немыслимым поставить свою подпись под таким посланием). Когда на Спасского навалились неприятности, Лев Абрамов, возглавлявший отдел шахмат в Спорткомитете, хотел послать в Рейкьявик руководителя команды. За поддержкой он отправился к одному из помощников Брежнева, Константину Русакову. Однако Русаков был за границей, а в Кремле не видели срочной необходимости помогать, так что инициатива Абрамова ни к чему не привела.

Мы знаем, что Генри Киссинджер дважды звонил Фишеру, но ежедневные записи советника по национальной безопасности (книга «Годы в Белом доме») не содержат об этом сведений. Нет упоминания о матче в столь же детальных «Воспоминаниях» Никсона. Советский посол в Вашингтоне Анатолий Добрынин рассказал нам, что за всё время его частых контактов с Киссинджером тема матча никогда не поднималась. Ни Фишер, ни Спасский не появляются на страницах его книги «По секрету», хотя Киссинджер звонил Фишеру именно тогда, когда советский посол был гостем президента в Калифорнии, работая и отдыхая вместе с советником; в то время американский претендент угрожал улететь в Бруклин.

В интервью для этой книги д-р Киссинджер вспоминает: «Звонок Фишеру не был каким-то серьёзным решением, но мне казалось, что он может способствовать атмосфере мирного состязания». Действительно, есть ли что-то более состязательное или более мирное, чем шахматный чемпионат? Бывший советник по национальной безопасности настаивает, что, в отличие от большинства, он не рассматривал матч как эпизод холодной войны, борьбу демократии против коммунизма.

На страницах ежегодного «Стратегического обозрения», выпущенного в конце 1971

года, Международный институт стратегических исследований в Лондоне сравнил 1971 и 1947 годы: они являлись точками, в которых «международные отношения сформировались в осязательно новую систему». Один из выдающихся стратегических мыслителей Америки Сэмюэль П. Хантингтон так описывал геополитическую ситуацию начала 70-х: «Небеса наполнились самолётами, на которых дипломаты отправлялись на переговоры, и в воздухе витали обещания разрядки напряжённости». В «Стратегическом обозрении» 1972 года институт объявлял, что с холодной войной покончено.

В год чемпионата и в следующий за ним произошли три успешных саммита: в 1972 году Никсон посетил Пекин и Москву, а в июне 1973-го Брежнев приехал в Вашингтон. Потоки переговоров, предложения дальнейших встреч, грядущие и реальные соглашения каскадом изливались на дипломатическую пустыню. В них входили советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), временная договорённость о мерах в отношении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) и соглашение об антибаллистических ракетах. В конечном итоге было подписано 150 соглашений и создано одиннадцать совместных комиссий. Рукопожатие в космосе 1975 года вполне можно было рассматривать как кульминационный момент перемирия.

Киссинджер утверждает: основным отличием между разрядкой и эрой напряжённости было то, что Никсон верил в возможность переговоров с советским режимом. Предыдущие администрации США считали, что любой серьёзный диалог с Советским Союзом возможен лишь после фундаментальных трансформаций в советской политической системе. Никсон перевернул это мнение с ног на голову. Он считал, что если на достаточно длительный период создать международную стабильность, монолитная советская система не сможет сопротивляться политическим трансформациям.

Брежнев видел разрядку только как механизм для урегулирования проблем, возникших между правительствами, и не рассматривал зарубежную политику применительно к домашним делам. Если же такая связь и была, то она касалась сохранения системы, а не её либерализации. Действительно, в годы разрядки репрессии в Советском Союзе ужесточились.

Для Кремля было важно, что разрядка демонстрировала признание СССР как военной сверхдержавы, политически равной Америке. В 1971 году советский министр иностранных дел Андрей Громыко говорил: «Нет ни одного вопроса, который можно было бы решить без Советского Союза или в противовес ему». Для Брежнева признание равенства было гораздо более значимым результатом, нежели договоры. Он мог убеждать себя и советских граждан, что так называемый «баланс сил» в мире склоняется в сторону коммунизма; Советский Союз поднялся на волну истории, которая сметает капитализм с лица земли. Статья в «Комсомольской правде», доказывавшая справедливость такой политики, называлась «Триумф реализма». Разрядка не означала конец глобального политического соревнования. Напротив, пришло время вступить в борьбу; на этом этапе истории обстоятельства для прогрессивного марша социализма казались исключительно благоприятными. (Киссинджер видел в чувствительности Брежнева к политическому равенству признак его психологической незащищённости: «Что более уверенный в себе лидер мог рассматривать как общее место или снисходительное отношение, он воспринимал как долгожданный знак серьёзности наших намерений».)

Разрядка предлагала быстрые практические выигрыши для соперничающих сверхдержав: СССР хотел торговать, чтобы избежать радикальной экономической реформы, а США надеялись, что разрядка даст Советскому Союзу стабильность и снизит его активную деятельность за границей. Таким образом, в корне разрядки лежало неизменное противоречие между сотрудничеством и соперничеством. Соревнование сверхдержав оставалось интенсивным, что видно из длинного списка ответных действий против предполагаемых угроз СССР, составленного Никсоном. Администрация предпринимала действия против создания советской военно-морской базы на Кубе (американские самолёты-

шпионы сфотографировали футбольное поле, но национальной кубинской игрой был бейсбол), против перебазирования советских баллистических ракет «земля — воздух» к Суэцкому каналу, против советской роли в индо-пакистанской войне, против агрессивности Брежнева и кажущейся готовности СССР к военному вмешательству в арабо-израильский конфликт.

Обе стороны работали над улучшением вооружений и расширением своего влияния. И обе имели проблемы с союзниками и зависимыми государствами, чьи интересы не совпадали с их собственными или были поставлены в зависимость от интересов сверхдержав. К примеру, в первые дни матча Фишер — Спасский египетский президент Анвар Садат выслал из своей страны 20 тысяч советских консультантов и специалистов вместе с войсками и разведывательными самолётами. Разозлившись на отказ Москвы дать ему современное вооружение, Садат установил тайные контакты с американцами.

Когда матч закончился, кое-кто в прессе поднял тему конфликта — подозрительность и вражда против мирного соревнования. С одной стороны, Фишер и Спасский представляли свои страны, и матч, по общему убеждению, отражал противостояние Востока и Запада, особенно если вспомнить советские заявления, что превосходство СССР в шахматах являлось результатом более эффективной идеологии. С другой стороны, никакого национального соперничества не было. Многие американцы поддерживали Спасского, а многие русские в душе болели за Фишера. Так или иначе, заключает «New York Times», матч имел уникальное политическое значение с точки зрения улучшения советско-американских отношений.

Рейкьявик был полигоном холодной войны, иллюстрируя напряжённость, существующую внутри разрядки, и те проблемы, что привели к развалу этой инициативы за три последующих года. Матч Фишер — Спасский имел привкус продолжающегося разделения политики и общества, подозрительности и неприязни, влияющей на поведение людей за железным занавесом. Отдельная территория, выделенная советской команде, их традиционная недоверчивость и бдительность, отсутствие опыта в общении с прессой, активная агрессия команды Фишера, тенденция западных чиновников и американцев принимать односторонние решения, а затем представлять их советской стороне как свершившийся факт, стереотипное восприятие западными журналистами советской команды — всё это отражало холодную войну и напрямую влияло на матч.

Два наших героя также обнажили противоречия эпохи. Для Спасского Рейкьявик виделся праздником шахмат, радостью, которой можно поделиться в дружественных схватках. Фишеру же последствия его победы представлялись совершенно иначе. Он заявлял, что сломит любого советского игрока, которого против него выдвинут. «Русские сметены», — утверждал он. Американец был счастлив, что отобрал титул именно у Советского Союза. «Они наверняка теперь жалеют, что вообще начали играть в шахматы, — говорил он корреспонденту Би-би-си. — В последние двадцать лет у них было всё. Они говорили о своей военной и интеллектуальной мощи. Теперь вот вам интеллект... Меня радует... как свободного человека... что я разбил их интеллектуально».

Как оказалось на проверку, утверждения о кончине холодной войны были сильно преувеличены. Но если бы Фишер не был таким капризным и настроенным против СССР, если бы он оказался таким же компанейским и дружелюбным, как Спасский, матч вполне мог бы войти в историю как символ разрядки.

ГЛАВА 22

НО НЕТ ПОКОЯ ГОЛОВЕ В ВЕНЦЕ

Ничто, кроме проигранной битвы, не может быть
и наполовину столь же печальным, как битва выигранная.

Герцог Веллингтон

Слава — это когда вы перестаете петь и начинаете раздавать автографы.

Билли Уайлдер

Матч закончился, Фишер праздновал победу, но организаторы всё ещё не могли вздохнуть спокойно. Его отсутствие на церемонии открытия было катастрофой; теперь они волновались, что новый чемпион мира проигнорирует заключительный банкет. Обессиленный после двух месяцев фишеризма Гудмундур Тораринссон почти свыкся с этой мыслью. Фред Крамер подпитывал его сомнения. Он считал, что его подопечный должен быть коронован в своем номере: «Не могу себе представить, чтобы Бобби спокойно высидел длинные речи».

Макс Эйве, Лотар Шмид и Тораринссон встретились до церемонии в отеле «Эсья». Журналист спросил Шмида, будет ли он судить ещё. «Буду. Но перед этим ещё хорошенько подумаю», — осторожно ответил он. По мнению Эйве, лучшим в этом матче было то, что он закончился. «*Coggiere della Sera*» завершила свой рассказ о матче Фишер — Спасский как сказку: «Спокойной ночи, Фишер, спокойной ночи, Спасский, спокойной ночи, волшебный остров Исландия».

Новый посол Китая в Исландии Чен Тунг — один из тех, кто радовался завершению матча. У него давно были забронированы президентские апартаменты в отеле «Лофтлейдир», но, чтобы туда въехать, его вынудили ждать конца чемпионата. Не желая создавать дипломатических трений, служащие отеля обратились к Крамеру с просьбой, может ли Фишер переехать в другой номер. «Мы не готовы обсуждать ничего, кроме шахмат, — заявила эта важная персона. — Бобби нельзя беспокоить проблемами китайского посла». Чен Тунг мог выбрать другой роскошный отель, «Сагу», но там жили представители идеологического противника — Советского Союза.

Для заключительного банкета, проходившего в Лаугардалсхолле в воскресенье 3 сентября (вход — 22 доллара с человека), выбрали тему викингов. На головах официантов были пластиковые рогатые шлемы. Гости наслаждались жареным молочным поросёнком и горным барашком на вертеле, запивая «кровью викинга» — крепким варевом, викингам неизвестным и содержащим вино, коньяк, апельсиновый сок и лимонад. Обед начинался в семь вечера. На нем присутствовали Спасский, Шмид, Тораринссон, Эйве, министр финансов Хальдор Зигурдссон и около 1200 гостей. В сценарии церемонии открытия место Фишера было свободно.

Ты бы проиграл, что бы ни делал.

Почти через час, в 19.55, когда оркестр на сцене играл гимн Международной шахматной федерации, почётный гость, одетый в бархатный фиолетовый костюм, наконец явился. Гарри Голомбек писал, что костюм «наверное, сделан из парчи, изысканный, великолепный...» Нового чемпиона встретили стоя, овацией. Он занял место справа от Эйве, Спасский был по левую руку. Президент ФИДЕ поднялся, чтобы произнести одну из нескольких речей, предстоящих ему в этот вечер. Фишер тут же уселся в освободившееся кресло, запустил руку в пиджак, достал карманные шахматы и начал показывать Спасскому отложенную позицию их финальной партии. Это было последним, что хотел бы видеть уставший экс-чемпион, однако сегодня он утверждает, что спокойноотреагировал на такое поведение Фишера. В любом случае, он вежливо следил за его анализом, время от времени вставляя свои комментарии.

Темой разговора была возможность ничьей при другом ходе перед откладыванием. Фишер считал, что ничьей быть не могло. Толпа немедленно их окружила. В конце концов Фишер заметил их и повернулся к Сэми Палссону, своему другу и телохранителю: «Сэмми, убери их отсюда».

Задачей Тораринссона было вручить чеки. Победитель получал 76 123 доллара, две трети от 125 тысяч. Точно такая же сумма ожидала перевода из Британии — деньги Джима Слейтера, спасшие матч.

Фишер не произносил благодарственных речей, не отметил тяжёлой работы организаторов, проведённой в ходе этой длительной борьбы, не отдал дань уважения своему сопернику. Взяв приз, он тут же разорвал конверт и несколько секунд исследовал его содержимое, проверяя цифры. Довольный увиденным, он вернулся в кресло.

Честеру Фоксу наконец-то повезло, и он мог снимать всё, что попадало в поле его зрения, вдохновляемый не только доходом, но и возможностью превзойти других. Танцы продолжались до часу ночи. Фишер неуклюже танцевал буги-вуги с двумя молодыми исландками, Анной Торстейнсдоттир восемнадцати лет и её семнадцатилетней подругой Ингой; на следующий день газеты назвали их прекрасными исландскими блондинками. На приёме девушки оказались благодаря Палссону (они с Фишером сидели в ресторане, когда Сэми заметил подруг, таращивших глаза на Фишера, и пригласил их на банкет; после банкета девушек даже позвали в номер американца послушать рок-музыку). Они отрицали слухи о романтических отношениях: «Он очень любезный молодой человек, но между нами ничего не было. Бобби невозможно заинтересовать женщинами — он женат на шахматах».

Чтобы завершить все формальности, был устроен ещё один, уже правительственный приём в официальной резиденции исландского президента. На этот раз Фишер с Палссоном приехали рано. «Когда Бобби увидел, что министры приходят позже него, то отвел меня в

сторону и спросил: "Сэми, как получилось, что мы приехали сюда вовремя?"» Удалой исландский полицейский раскололся. Пока Фишер был в душе, он перевел вперед настенные и наручные часы, а также те, что стояли на столике. «"О, — сказал Бобби, — это был замечательный ход". Иногда можно делать или говорить всё, что угодно. Но если он был в плохом настроении, то мог вскипеть, а потом уйти или улететь напрямик в Америку».

На этом приёме Фишер любезно побеседовал с чиновниками советского посольства, а со Спасским они договорились пойти на следующий день в бассейн. Спасский позже отменил встречу: ранним утром он улетал домой и должен был собрать вещи. Фишер разозлился и заявил Палссону, что не станет прощаться со своим соперником. Палссон рассказывает, что он в свою очередь тоже разозлился и ответил, что Фишер должен по крайней мере написать прощальные письмо. Фотограф «Life» Гарри Бенсон подарил Фишеру дешёвую фотокамеру. Поскольку тому она была не нужна, исландец предложил отдать её Спасскому. Фишер ответил, что камера слишком дешёвая. «Дело совсем не в этом, — сказал Палссон. — Это же символ». Он отвез её в отель «Сага» и отдал Спасскому. «Спасский был очень тронут. Я никогда ещё не видел его таким довольным. Думаю, это один из лучших поступков, которые мне довелось совершить за время матча».

В 2000 году, возвращаясь ко времени, когда он был чемпионом мира, Спасский сказал корреспонденту «Irish Times»: «В России я был королем». Однако период царствования оказался столь непростым, что можно представить те смешанные чувства, с которыми он смотрел на почитаемого им Фишера, занявшего его трон. Дэвид Спаниер из «Times» чувствовал, «что на каком-то глубинном, бессознательном уровне Спасский хотел, чтобы победил Фишер».

После фиаско в третьей партии Спасскому пришлось тяжело. Когда всё закончилось, он сказал, что Фишер начал матч как спринтер, а продолжил как марафонец; казалось, что американец в любой момент может сломаться. После церемонии закрытия он встретил Фишера лишь раз, на приёме у президента, и спросил нового чемпиона, не сыграть ли им в будущем матч-реванш. «Возможно», — ответил Фишер. «Когда?» — «Может, через год — если будет улажен денежный вопрос».

Бывший чемпион размышлял о судьбе, ожидавшей его преемника: «Наступает сложное время. Сейчас он чувствует себя богом. Думает, что все проблемы закончились, — у него будет много друзей, люди станут им восхищаться, ему подчинится история. Но это не так. На таких высотах очень холодно и одиноко. Скоро возникнет депрессия. Мне он нравится, и я боюсь того, что с ним теперь может случиться». Эти горькие слова касались и его самого.

К концу матча Спасский был не похож на того излучающего радость человека, который прибыл в Исландию полный праздничных ожиданий. Лариса вспоминает, что напряжённая обстановка повлияла и на неё: в Рейкьявик она прилетела здоровой женщиной, а вернулась с болями в животе и полгода приходила в себя. Спасский, говорит она, чувствовал себя плохо, пил больше обычного; потребовалась помощь психотерапевта, чтобы справиться с

пережитой травмой.

Травма не была неожиданной. «Не знаю, когда было хуже: до матча или после, — говорит Спасский. — В длительном поединке игрок очень глубоко уходит в себя, словно ныряльщик. Потом происходит быстрый подъем. И каждый раз, независимо от того, выигрываю я или проигрываю, после матча у меня такая депрессия, что хочется умереть. Я не могу общаться с людьми. Мне нужен только другой шахматист. Я буквально скучаю по нему. Лишь спустя год эта боль уходит. Год».

Стресс компенсировали материально. Спасский получил свою долю призовых денег, составляющую 93 750 долларов. Шахматные власти СССР не предприняли никаких мер по отношению к столь поразительному выигрышу; Спасский оставил эти деньги у себя, а чиновники никогда о них не заговаривали. В Советском Союзе эта сумма делала его столь же богатым, каким был миллионер на Западе. Петросян заметил: «Обычно на выигранные деньги можно купить машину, но если вы получали возможность приобрести весь автопарк, это было уже совсем другое» (в будущем советских участников матчей на первенство мира обязывали отдавать государству половину своих премий). Спасский разъезжал в новом «рейндж-ровере», купленном по себестоимости у друга-дилера Зигфуса Зигфуссона: тот заказал ему последнюю модель белого цвета, укомплектованную запчастями, и отправил из Рейкьявика напрямик в Ленинград. Лариса на призовые деньги купила себе исландское зимнее пальто. (После двух тяжёлых лет на советских дорогах машину продали; пальто прослужило гораздо дольше.)

После того как 7 сентября Лариса и Спасский покинули Рейкьявик, они задержались на несколько дней в Копенгагене, а потом вернулись в Москву, где Спасскому предстояло держать ответ. Разве не был он советским спортсменом, который сдал чемпионскую корону американцу, а с нею и советскую гегемонию в шахматах? Не рассматривают ли его как человека, который не смог жить по заветам великой родины? Возможно, его преследовали воспоминания о том, как приняли Тайманова после проигрыша Фишеру.

Однако от Петра Демичева уже поступило распоряжение, чтобы Спасского встретили цивилизованно. В аэропорту Шереметьево его встречали представитель Спорткомитета, журналист и несколько близких друзей. Крогиус вспоминает, что «проигрыш Спасского восприняли спокойно. Было приятным сюрпризом, что спортивное руководство и пресса не стремились наказывать его и команду».

Тем не менее это не походило на встречу героя, ожидавшую его в случае победы. Агентство «Associated Press» охарактеризовало обращение с ним в аэропорту словом «анти-VIP». Спасский выстоял длинную очередь к паспортному контролю, толпился за своими сумками, заполнял таможенную декларацию. На выходе их ждал старенький сине-голубой автобус, а не лимузин «Чайка». Лариса жевала жвачку: «грязная привычка», которую она выучила «там», заметил кто-то. Автобус останавливался на всех светофорах; вернись Спасский победителем, он бы пролетел всю дорогу без остановки, как Брежнев.

Однако нападки не замедлили появиться. Ботвинник позже высказал мнение, что Спасский проиграл, поскольку переоценивал свои силы. Бывший чемпион мира Василий Смыслов сурово критиковал Спасского. В творческом плане, говорил он, Спасский отправился на матч полностью опустошённым. И добавлял, что каждый из игроков привез домой то, о чем думал: Фишер — титул и деньги, Спасский — только деньги. Геллер свою точку зрения изложил лично Ивонину: Спасский любит себя, и этот проигрыш преподнёс ему большой урок; он недооценил необходимость подготовки и мало играл, да к тому же оставался идеалистом, «таявшим» при разговорах с Фишером. Спасский был «очень мягок со своими врагами и очень резок по отношению к тем, кто пытался ему помочь».

Всё это послужило лишь прологом к официальному разбирательству, которое состоялось 27 декабря 1972 года в Спорткомитете под председательством Ивонина. Помимо Спасского, Геллера и Крогиуса за стол село высшее шахматное начальство из пятнадцати человек. В их числе пять гроссмейстеров, двое из которых — бывшие чемпионы мира, а также руководство Шахматной федерации СССР. Их дискуссия была застенографирована.

Цель встречи — будущее, заявил Ивонин с места: «Мы должны составить план по возвращению титула в нашу советскую семью». Однако, открывая дискуссию (как официальный член команды), Геллер, не теряя времени, напрямую перешёл к личности Спасского, обвинив того во всех грехах. Он ссылаясь на «принятое единолично» решение играть в закрытой комнате, постоянное и необъяснимое уклонение от согласованной тактики и непостижимые ошибки. Наиболее серьёзное обвинение относилось к провалу в психологической подготовке:

Мы не могли изменить мнение Спасского о личных качествах Фишера. Он полагал, что Фишер будет играть честно. Возможно, такое видение Спасским капиталистического спорта сыграло важную роль в его согласии на игру в закрытой комнате. Он наивно верил в честность Запада.

Геллер задал общий тон, хотя в своей короткой речи Крогиус сформулировал более позитивное мнение: проигрыш Спасского связан с тем, что он относился к людям лучше, чем те того заслуживали. Он относился к Фишеру как к товарищу и несчастному гению, а не как к хитрому врагу.

Настала очередь Спасского защищать себя. Следуя традиции оправдательных речей, он отводил от себя прямую вину, но признавал человеческую — по существу, простительную слабость. Он жаловался, что, поскольку им не выделили организатора, энергия команды рассеивалась на мелкие повседневные трудности. «Проработка технических деталей» до Рейкьявика не была удовлетворительной — подкоп под Геллера и Крогиуса. Но основной проблемой оказалось то, что он был слабым психологом и «это привело к серии ошибок», — иными словами, он подтверждал, что оказался слишком доверчив:

Я знал Фишера как шахматиста, но, возможно, идеализировал его как человека. Уход Бондаревского был сильным ударом. Без него пришлось тяжело. Большой минус — включаться в посторонние проблемы, если вы недостаточно хорошо в них разбираетесь. Бондаревский ограждал меня от таких проблем. Бессонные ночи... из-за сделанных нами ошибок были невероятно разрушительными. Мне кажется, надо было послушать совета моих товарищей, чтобы Виктор Давыдович [Батуринский] был на время отстранён от матча.

Спасский признал, что не предвидел сложностей «предматчевой лихорадки» в Рейкьявике и того, что он назвал «настоящей войной»: кто-то должен был поехать туда специально для улаживания этих проблем. Он предложил свою версию «кульминационного момента», третьей партии, после которой всё повернулось против него. Проявив мягкость и отсутствие боевого настроя, он встретил Фишера вполсилы, вместо того чтобы заставить его играть в зале или сдать. В результате открылась дорога к «колоссальному доминированию» Фишера до девятой партии. Только с десятой партии Спасский начал контролировать свои эмоции. Он не признал своих недостатков в процессе подготовки к Рейкьявику. Разлады с Батуринским и Бондаревским были названы незначительными.

Неудивительно, что в подробном ответе Батуринского было заметно сдерживаемое возмущение. Он говорил об игнорировании Спасским советов гроссмейстеров (Авербах сухо заметил, что «когда человек не желает слушать, ему трудно советовать»), о пассивном отношении к маневрам Фишера и Эйве в предматчевый период, о провале эффективной подготовки и отказе от полноценной команды. От Батуринского не ускользнуло, что, хотя Спасский жаловался на отсутствие руководителя делегации, он не консультировался с Ивоным относительно переноса игры в закрытое помещение. Наконец, сам Батуринский сделал всё, что от него требовалось, ради победы Спасского и всегда делал всё возможное ради самих шахмат и интересов шахматистов.

По мере развёртывания дискуссии вопрос о подготовке Спасского и его нежелании воспользоваться советами поднимался снова и снова: работа была признана «поверхностной» и «неудовлетворительной». Таль был особенно резок: «Проиграть такому игроку, как Фишер, — это не позор, но игра Спасского попросту ужасает».

Разбору подвергли стиль поведения и личность Спасского. Глава ленинградской

шахматной федерации А.П. Тупикин заявил, что любовь ленинградцев к экс-чемпиону испарилась, обвинив того в высокомерии, чуждых взглядах и неспособности понять политическую значимость такого матча. Зампред Шахматной федерации СССР и вице-президент ФИДЕ Б.И. Родионов высказался более жёстко и прямо: «Спасский забыл, что он спортсмен, но — в красной майке! Своим выступлением он поставил под удар престиж государства». Непостижимо, как Спасский мог подчиняться своему противнику — тому, что Родионов назвал «абсолютно беспочвенными требованиями, выдвинутыми этим мерзавцем».

В конце Ивонин подвел итог. Он был беспощаден к Спасскому, подвергнув серьёзной критике как его работу, так и идеологическую сторону произошедшего:

Все его требования и желания были выполнены. Сегодня мы можем только сожалеть, что эти возможности не использовались целиком... Слова Спасского, что матч будет праздником и на нем должна быть честная борьба, можно назвать проявлением идеализма. Это был не праздник, а жестокая битва. Недаром Маршалл, юрист Фишера, сказал, что победа Фишера была вопросом национальной и личной гордости. К сожалению, товарищ Спасский не делал подобных заявлений.

На этом совещании царило чувство разочарования. Проигрыш был предупреждением. Как и всё в СССР, советская шахматная машина начинала ржаветь. Первой проблемой был новый чемпион. Батуринский полагал, что «борьба, в которую мы вступаем в чемпионате мира, будет очень сложной и жёсткой. Если Фишер выдвигал так много требований, будучи претендентом, то что же будет теперь, когда он выиграл звание чемпиона мира?» Товарищи должны работать ещё упорнее и целеустремлённее, а тренеры — понимать, что служат государству, а не независимым деятелям.

Петросян посетовал на инертность элитных игроков: «Наши гроссмейстеры начинают работать меньше». Ивонин жёстко указал на отсутствие единства среди шахматистов, объяснив это длительной монополией СССР в отношении титула чемпиона мира. «Мне кажется, — сказал он, — что за прошедшие годы некоторые шахматисты были атакованы червем паразитизма, попросту отказавшись от исследовательской работы». Проблемы также виделись в излишней секретности и внутренних распрях, которые ослабили игру советских мастеров за рубежом.

Не избежал критики и Спорткомитет. Ещё один зампред Советской шахматной федерации В.И. Бойков пророчески указал на изменение доминирующего положения этой игры в стране:

Комитет строит спортивные комплексы, плавательные бассейны, крытые стадионы. А что получают шахматисты? Старые подвалы. Такие огромные города, как Свердловск и Новосибирск, вообще не имеют шахматных клубов, а ведь клуб — это место, где выращивают квалифицированные кадры. Работа ведущих мастеров пущена на самотёк... В России около 250 детско-юношеских спортивных школ, но лишь в семи из них имеются шахматные отделения, и руководят ими кандидаты в мастера, а не гроссмейстеры. Издательство «Физкультура и спорт» планирует выпустить в этом году лишь три книги по шахматам.

Тема, столь мучительно обсуждаемая на этом заседании, имела продолжение. Ивонин разработал план из четырнадцати пунктов, утверждённый постановлением Спорткомитета. В него входило повышение уровня шахматного образования, создание шахматной библиотеки (куда поступали бы и зарубежные издания), реформирование чемпионата СССР, а также предложения по улучшению физического самочувствия и питания профессиональных игроков.

Николай Крогиус, возглавивший в 1981 году управление шахмат Госкомспорта, говорит, что поражение Спасского в конечном итоге принесло множество положительных плодов: «Власти начали помогать молодым шахматистам, развивать шахматы в целом. Было открыто много детских шахматных школ, увеличен выпуск шахматной литературы, реорганизована система чемпионатов СССР, больше внимания стало уделяться ведущим молодым шахматистам, главным из которых был Карпов. Звучит парадоксально, но победа

Фишера положительно повлияла на повышение статуса шахмат в Советском Союзе».

Что до Спасского, ему не позволяли играть за границей в течение девяти месяцев. Это плохо, говорит он, «после поражения необходимо играть, ибо у вас много энергии, которой требуется выход». Его лишили прибавленных в период подготовки 200 рублей в месяц, но он все равно получал хорошую стипендию гроссмейстера.

Всё могло быть гораздо хуже. В начале холодной войны, когда Советский Союз только начинал принимать участие в международных соревнованиях, нетерпимость Политбюро к поражениям привела к тому, что генерала Аполлонова перевели из Министерства внутренних дел в Спорткомитет. Проигрыш за рубежом влек за собой телеграмму от генерала, приказывающего немедленно улучшить результаты. Каким-то образом спортсмены находили в себе дополнительные силы. В 1974 году министр внутренних дел Николай Щёлоков, произведённый Брежневым в генералы, посетил матч Карпов — Корчной (его победитель выходил на матч с Фишером за звание чемпиона мира). По словам Батурина, он стал расспрашивать его о шахматных делах. И, в частности, сказал: «Я бы всех, кто там был со Спасским в Рейкьявике, арестовал бы».

Хотя последствия матча были болезненными, карьера Спасского на этом не закончилась. После поражения он не утратил воли к соперничеству, хотя сказал Ивонину, что хотел бы, чтобы к нему относились, как к обычному гроссмейстеру. Он решил не принимать участия в чемпионате СССР, но на следующий год намеревался сыграть в большом турнире. И действительно, тогда он стал чемпионом СССР. В 1974 году он победил в четвертьфинальном матче претендентов американского гроссмейстера Роберта Бирна, не проиграв ни одной партии, но дойти до финала, чтобы встретиться с Фишером и свести с ним счёты, не смог.

Он всё ещё любил удивлять и дразнить. Однажды такая шутка едва не стоила ему загранпаспорта, когда он проходил выездную партийную комиссию. Оценивая политическую лояльность Спасского, ему задали вопрос о ситуации в Анголе. В то время португальские войска боролись там с марксистскими повстанцами. Советские газеты уделяли войне большое внимание, празднуя победу народа над своими «колонизаторами». Возможно, чтобы шокировать собравшихся, Спасский ответил: у него нет времени следить за развитием дел в Анголе. Комиссия действительно была в шоке, и паспорта Спасский не получил. Решение отменили только после вмешательства Спорткомитета.

Потеря мирового титула вызвала в жизни Спасского не только профессиональный, но и личный кризис; последовал развод, а в сентябре 1975 года — новая женитьба. Спасский встретил Марину Щербачеву — подданную Франции — в доме французского дипломата: она работала в торговой миссии французского посольства в Москве. Её дедом был генерал Щербачев, командовавший царскими армиями на румынском фронте в 1916 - 17 годах. Позже генерал эмигрировал во Францию.

Спасский мог быть королем в России (или экс-королем), но, как любой советский человек, хотевший жениться на гражданке Запада и уехать из страны, он столкнулся с препятствиями. На Марину давили, вынуждая покинуть Советский Союз; она отказывалась. После того как Спасский переехал в её московскую квартиру, оба попали под наблюдение, а в августе 1975 года собственную квартиру Спасского тайным образом ограбили, похитив все личные вещи (включая камеру, подаренную Фишером). Примерно с того же времени всех его западных гостей обыскивали при выезде из страны.

У этой истории счастливый конец. Приближалась запланированная франко-советская встреча в верхах, и СССР стремился избежать дурной славы. Спасский выиграл и от подписания Брежневым Хельсинкского соглашения в 1975 году: разделы о правах человека предполагали свободное передвижение и содержали статьи, касающиеся международных браков. Шахматные чиновники видели, что экс-чемпион желает уехать, но хотели удержать его на привязи; он тоже не стремился полностью порывать с родиной. С помощью Ивоны, говорит бывший замминистра, и нескольких публикаций в западной прессе Спасский

пришёл к соглашению с властями. В сентябре 1976 года он покинул Советский Союз вместе с Мариной, отправившись в Париж по регулярно обновляемой гостевой визе и сохранив советский паспорт. Среди коллег и друзей в Москве бытовало мнение, что его отъезд усилил отдаление от советского общества. Сын Василий благоразумно изменил отцовскую фамилию на девичью фамилию матери — Соловьёв, — чтобы подстраховаться при поступлении на факультет журналистики.

В 1977 году Спасский снова вышел в претендентский цикл. В том же Рейкьявике, к удовольствию исландцев, он победил чехословацкого гроссмейстера Властимила Горта, а затем, уже в Швейцарии, венгерского гроссмейстера Лайоша Портиша. По иронии судьбы, он представлял Советский Союз в матче с презренным Виктором Корчным, бежавшим из СССР в 1976 году: оказавшись в Амстердаме, он вошёл в полицейский участок и попросил политического убежища. Будучи сам в добровольной ссылке, Спасский принял предложение Спорткомитета помочь ему в подготовке. Более того, по его требованию в Белград послали Бондаревского; даже Ивонин отправился оказать экс-чемпиону моральную поддержку. Спасский проиграл со счётом 7,5:10,5, но, несмотря на такой результат, его умение вести психологическую войну показало, что кое-чему он у Фишера научился.

Корчной находился под серьёзным прессингом: он был мишенью для язвительной советской прессы, а бывшие коллеги бойкотировали турниры с его участием. Семья Корчного оставалась в Советском Союзе. После девятой партии, проигрывая со счётом 2,5:6,5, Спасский начал выходить на сцену только для того, чтобы сделать ход, а потом уходил обратно. Корчной жаловался, что он словно играет с призраком. Вдобавок Спасский надел серебристый козырёк от солнца и поворачивал его, когда входил и уходил. В этой ядовитой атмосфере, с нотами протеста и взаимными обвинениями, Спасский написал открытое письмо «шахматистам», защищая свои действия и утверждая, что воцаряется анархия: матч вступил в ту стадию, когда, «по выражению Фёдора Достоевского, "всё позволено"». В 1976 году он не стал подписывать письмо, осуждающее бегство Корчного, но после матча отозвался о нем в выражениях, которые одобрил бы сам Павлов: Корчной «утратил моральные принципы, а потому его будущее, как в нравственном плане, так и в отношении шахмат, незавидно».

Проигрыш Спасского не означал конец его участия в соревнованиях мирового уровня. В 1980-м он вновь играл в матче претендентов, но на этот раз Портиш с ним расквитался, одолев в решающем поединке. Последний раз Спасский участвовал в цикле розыгрыша мирового первенства в 1985 году, а на олимпиадах и Кубке мира продолжал играть до 1989 года.

Поселившись во Франции, Спасский, судя по всему, обрел лучшее из возможного: счастливую семью, право участвовать в турнирах по собственному выбору, свободу от репрессивной советской системы. Сегодня он живет среди других русских эмигрантов в тихом старинном пригороде французской столицы, в знаменитом доме скульптора Родена. Его часто просят быть «послом» шахмат; он активно посещает как Россию, так и другие страны. В его квартире стоит шахматная доска, но и теннисная ракетка всегда под рукой.

Он не таит злобы на Фишера, сказав в 2000 году корреспонденту «Irish Times»: «Уже в двадцать два — двадцать три года у меня сложилось хорошее впечатление о Бобби. Он всегда был очень честным и говорил то, что думал».

После того как Фишер стал чемпионом, он остался в Исландии ещё на две недели, проводя дни с Палссоном, плавая, играя в боулинг и, разумеется, сидя за шахматной доской. 15 сентября он променял спокойную исландскую жизнь на нью-йоркскую суету. На следующей неделе в «Сити-холле» состоялся пышный приём у мэра-республиканца Джона Линдсея, который приветствовал Фишера как «величайшего в мире мастера», а глава Бруклина Себастьян Леон отозвался о жителе своего района как о чемпионе «поистине бруклинского спорта — спорта интеллектуалов». Большой плакат гласил: «Добро пожаловать, Бобби Фишер, чемпион мира по шахматам». Внимательный взгляд на

официальные приветствия мог заметить бережливость местных властей: на обратной стороне плакатов были поздравления другим героям — команде «Аполлона-16», вернувшейся на землю 27 апреля, через шесть дней после прилунения.

Как и все шахматные организаторы, городские чиновники пребывали в неведении: придёт ли Фишер вообще? Пресса приводила слова одного помощника, что, когда Фишеру предложили ключи от города, он ответил: «Я здесь живу, для чего мне ключи?» На самом приёме он был в необычайно расслабленном состоянии, с такой готовностью раздавая автографы, что принял нескольких слоняющихся поблизости журналистов за поклонников, схватив их ручки. Произнеся свой спич, он даже пошутил: «Мне бы хотелось развеять кое-какие слухи — думаю, они пущены из Москвы. Это неправда, что по ночам мне звонил Генри Киссинджер и подсказывал ходы». Но, к удовольствию тех, кто ожидал от Фишера диких выходок, чтобы потом рассказывать о них на вечеринках, кое-что в его поведении оставалось неизменным. Он запретил на приёме любые съёмки, и только после длительных переговоров была допущена пресса.

Его будущее и будущее мирового шахматного чемпионата казались обеспеченными. Передовица в «New York Times» сообщала: «В шахматах началась эра Фишера, она обещает блеск древней игры, которого никогда раньше не было». Фишер утверждал, что не станет увиливать от защиты своего титула; напротив, он будет регулярно сражаться с претендентами. Мало кто думал, что он потерпит поражение в ближайшие десять лет. Единственным исключением оказался его бывший секундант Ларри Эванс: «У меня возникло ощущение, что он больше никогда не будет играть в шахматных соревнованиях».

Все считали, что скоро Фишер войдет в клуб мультимиллионеров. Почти сразу после матча предприниматель и поклонник бриджа Аира Дж. Корн, с финансовой поддержкой которого американская команда по бриджу побеждала в чемпионатах мира 1970 и 1971 годов, предложил устроить матч-реванш между Фишером и Спасским. Речь шла о возможной одновременной демонстрации партий в лондонском «Альберт-холле». Выгодные предложения о турнирах чуть ли не ежедневно прибывали отовсюду, от Катара до Южной Африки, от президента Филиппин Фердинанда Маркоса до иранского шаха.

Однако вскоре продюсеры и промоутеры, финансисты и спонсоры столкнулись с раздражительной реакцией Фишера на необходимость ставить подпись под контрактами. Расстроенный Пол Маршалл вспоминает, что были согласованы грандиозные контракты, но, несмотря на то что «Фишер хотел денег, письменных обещаний он не давал, а получить деньги без них было невозможно».

Компания «Warner Brothers» задумала выпустить Рождественскую пластинку, на которой Фишер записал бы несколько основных шахматных уроков. Два продюсера во время матча вылетели в Исландию, чтобы попытаться договориться об условиях. Фишер был слишком занят, чтобы уделить им время. Тем не менее предложенные деньги произвели впечатление — возможная прибыль могла оказаться весьма значительной. Эванс выразил желание помочь в составлении документа с заманчивым гонораром. Он спросил президента «Warner Brothers», должен ли сам Фишер подписывать контракт, и ему ответили «нет», это было простой формальностью. Все детали должны были быть согласованы в принципе. Эванс сказал: «В таком случае я бы предпочел получить деньги заранее». Ему заплатили.

Один предприниматель предложил Фишеру около миллиона долларов за автограф на шахматных комплектах, и Палссону обещали процент, если тот сможет убедить своего приятеля. «Я сказал Бобби: "В чем дело? Ты же хочешь, чтобы шахматы были в каждом доме". Я уверен, что смог бы его уговорить, но для этого требовалось больше времени. Они хотели быстрого ответа, поскольку был уже сентябрь, а наборы должны были появиться в магазинах к Рождеству». В конце концов это и все остальные предложения сели на мель.

Тем временем Фишер несколько раз появлялся на телевидении, в том числе и на шоу Боба Хоупа, где отвечал на исполненные благих намерений вопросы иногда мрачно, иногда с неохотной усмешкой, склонив голову набок, уставив глаза в пол и нечётко выговаривая слова. По приглашению Фишера в Штаты прибыл Палссон, взяв в полиции неоплачиваемый

отпуск, с желанием стать его помощником и посредником, а при случае найти возможность и для реализации собственных танцевальных талантов. Его семья осталась в Исландии. «Жена, наверное, ревновала к Бобби, поскольку он всегда хотел общаться со мной и отнимал очень много времени», — рассказывает Палссон.

Палссон и Фишер остановились в Нью-Йорке у Маршаллов, а затем переехали на западное побережье, в Пасадену. Никто из знакомых Фишера не удивился бы, узнав, что Палссон не получил ни цента за свой визит. Но сегодня исландец не жалеет о поездке. Его цитировали в прессе и обращались с ним, как со звездой; днем, когда Фишер спал, он разъезжал в лимузине, нанятом для них Бобом Хоупом. На одном шикарном приёме председатель приветствовал его как телохранителя Фишера, «без которого, по словам Фишера, он бы никогда не смог стать чемпионом мира». «Все стояли и аплодировали, — говорит Палссон. — Это Америка. Было здорово. Настоящая вершина жизни».

Фишер клялся Палссону, что он даже может встретиться с президентом, — из Белого дома пришло приглашение, и они оба туда отправятся. На самом деле по записям Белого дома видно, что вопрос о приглашении Фишера вызвал в администрации серьёзные сомнения, создав поток противоречащих друг другу рекомендаций. Годом раньше, после победы Фишера над Петросьяном, обсуждалась десятиминутная совместная фотосессия. Президент должен уделить этому время, гласила первая рекомендация, поскольку тем самым он «продемонстрирует интерес к интеллектуальному спорту, поклонников которого в мире насчитывается почти 60 миллионов». Идея возникла у специального советника президента Никсона и его наперсника Леонарда Гармента. Д-р Киссинджер и Совет национальной безопасности одобрили предложенную встречу, но письмо Гармента от 18 января 1972 года всё погубило:

Надёжный источник описывает Фишера, как «невероятно эксцентричного, абсолютно непредсказуемого человека со странными религиозными воззрениями, очень яркой личной жизнью, одновременно грубого и обаятельного».

После триумфа Фишера тема встречи вернулась в Белый дом. Шёл даже разговор о приглашении на неё Спасского. Генерал Александр Хейг, глава администрации Никсона, не видел «проблемы в том, чтобы президент согласился на встречу с Бобби Фишером. К матчу был проявлен широкий международный интерес, и такая встреча будет приятна, например, исландцам, учитывая, что их президент сам недавно встречался с Фишером. С другой стороны, нам представляется, что президенту не следует встречаться с Борисом Спасским».

Что случилось с приглашением, неясно. Палссон утверждает, что оно было, но Фишер никак не мог решить вопрос с датой: «Бобби знал, что мне хотелось попасть в Белый дом. Он должен был отослать список гостей и сказал: "Ты в списке самый первый". Я спросил, когда же мы идём. Он, как обычно, откладывал». Ценность этой встречи для президента с каждым днем становилась всё ниже. Почти через тридцать лет разгневанный Фишер ворчал: «Меня никогда не приглашали в Белый дом. Они пригласили эту олимпийскую русскую гимнастку — маленькую коммунистку Ольгу Корбут».

Трёх месяцев в Штатах Палссону вполне хватило. Его семья не хотела переезжать в США, а он скучал по дому. Наконец он сказал Фишеру, что должен улетать; исландская авиакомпания купила ему билет на родину. Фишер примчался к своему другу в аэропорт и спросил: «Ты действительно оставляешь меня?» Ощувив некоторые угрызения совести, Шахматная федерация США нашла 500 долларов на оплату трудов Палссона: он пробыл с Фишером целых пять месяцев, так что каждый день стоил три доллара.

На несколько месяцев Фишер исчез из поля зрения публики, появившись только в конце 1972 года на турнире «Жареные цыплята». Турнир проходил в Сан-Антонио, в Техасе, и финансировался Джорджем Чёрчем, сколотившем состояние на продаже жареных цыплят. Туда приехали несколько лучших игроков мира, а вот Фишера играть не пригласили. Один из организаторов объяснял это так: «Опасались, что для оплаты участия Бобби потребуется весь бизнес мистера Чёрча». Однако его позвали в качестве почётного гостя, выделив

частный самолёт. Разумеется, он опоздал, задержав начало тура на пятнадцать минут.

Кульминацией турнира было соперничество между армянским ветераном Тиграном Петросяном, венгерским ветераном Лайошем Портишем и худосочным 21 -летним русским. Анатолий Карпов был надеждой советских чиновников, хотя они тревожились за его физическую выносливость. Он весил около 48 килограммов и выглядел так, словно сил у него хватало лишь на то, чтобы оторвать от доски фигуру не тяжелее пешки. Однако он был невероятно талантливым, жёстким игроком, последователем школы Ботвинника, преданным шахматам и социализму. Как-то раз он сказал, что у него есть три хобби — шахматы, коллекционирование марок и марксизм. Его игра, как и его личность, была серьёзной, практичной и спокойной.

В 1974 году Карпов в матчах претендентов победил одного за другим ведущих советских шахматистов. Выиграв у Льва Полугаевского и Спасского (в серьёзность борьбе), он затем победил и Корчного, который обвинил советских чиновников, что в их противостоянии они откровенно заняли сторону молодого человека.

Таким образом, Карпов оказался претендентом на титул чемпиона мира и должен был играть с Фишером. Генеральная ассамблея Международной шахматной федерации должна была утвердить положение о матче во время шахматной олимпиады 1974 года. Фишер выдвинул огромный список из 179 требований, и всем из них, за исключением двух, ФИДЕ немедленно уступила. Петросян ворчал: «Эти люди делают всё, что хочет Бобби, и он усядется за доску на тех условиях, которые сам продиктовал». Хотя в команду Фишера вернулся Эд Эдмондсон, основным проводником требований оставался Фред Крамер. Одним из условий было такое: судья не имеет права писать о матче даже после его окончания. Кто-то из ФИДЕ съязвил: «Мистер Крамер не способен помолчать даже трёх минут, а хочет, чтобы судья молчал всю оставшуюся жизнь».

Были, однако, два спорных пункта. Во-первых, от ФИДЕ поступило предложение, что победителем объявляется тот, кто первым выиграет шесть партий. Фишер настаивал на десяти победах, при этом ничьи не считаются и число партий не должно быть ограничено. Во-вторых, Фишер требовал, чтобы при счёте 9:9 чемпион сохранял свой титул, то есть претендент должен был выиграть с разницей в два очка — здесь преимущество явно было на стороне чемпиона. После споров за закрытыми дверями делегаты предложили компромисс: борьба идёт до десяти побед, но при лимите в тридцать шесть партий (в этом случае победителем объявляется игрок, набравший больше очков). Иначе, указали они, матч может продолжаться бесконечно. Фишер немедленно ответил: «Меня проинформировали, что мои предложения отклонены большинством голосов. Поступив так, ФИДЕ выступила против моего участия в чемпионате мира 1975 года. Поэтому я отказываюсь от титула чемпиона мира ФИДЕ».

Ещё не всё было потеряно. Многие восприняли его демарш как ещё одно проявление привычной конфронтации. Процесс переговоров о матче шёл быстро; Манила предложила поразительную сумму в 5 миллионов долларов, что явилось вторым по величине призом за всю историю спорта (после заирской «Битвы в джунглях» между Мохаммедом Али и Джорджем Форманом).

В марте 1975 года собрался чрезвычайный конгресс ФИДЕ. На нем Фишеру сделали ещё одну уступку, согласившись на неограниченное число партий. Однако принять требование о сохранении титула при счёте 9:9 делегаты отказались. Эдмондсон отправился в Калифорнию умолять чемпиона.

Тем временем ФИДЕ объявила, что если Фишер не даст согласия играть матч до 1 апреля, то его лишат титула. Этот день наступил и прошёл; потом ещё один... Наконец, 3 апреля был провозглашён новый чемпион — Карпов. На пресс-конференции он намекнул, что готов встретиться с Фишером в неофициальном матче, возможно думая о Маниле и пяти миллионах долларов. Карпов трижды неофициально виделся с Фишером — в Японии, Испании и Вашингтоне, — обсуждая условия матча. В конце концов министр спорта Сергей Павлов при поддержке ЦК КПСС отклонил эту идею. Главный идеолог Михаил Суслов

подписал ей приговор, сочтя затею «нецелесообразной».

Фишер оказался самым бездеятельным из чемпионов, не сыграв ни одной серьёзной партии в течение трёх лет. Стремясь показать себя достойным короны, Карпов продолжал активно играть; год от года сила его росла, он выиграл серию элитных гроссмейстерских турниров и утвердил свой авторитет в шахматном мире. Он дважды победил в матче Корчного, в филиппинском городе Багио в 1978 году (едва-едва) и в 1981-м в итальянском Мерано (убедительно). Его преемник на шахматном троне Гарри Каспаров писал о Багио: «После этого воспоминания о Рейкьявике окончательно стёрлись, и престиж советских шахмат восстановился».

Где же пропадал Фишер? Несколько лет он жил в Пасадене, в лоне Всемирной церкви Господней, где его называли «сотрудником». Церковь кормила его, предоставила хорошие апартаменты на Мокинберд-лейн и даже выделила личный самолёт. В ответ Фишер перечислил им около трети (61 200 долларов) исландских призовых денег. Он подружился с Гарри Снайдером, национальным чемпионом-штангистом, тренировавшим прихожан. Почти каждый вечер они с Фишером занимались физическими упражнениями — футболом, баскетболом, теннисом, плаванием, настольным футболом. Фишер проводил много времени, слушая по радио выступления христианских проповедников.

Были и другие люди, желающие помогать ему. Одной из таких оказалась Клаудия Мокароу, также прихожанка Всемирной церкви Господней. В 1976 году международный мастер Дэвид Леви приехал к Фишеру в гости. Тот жил в большом доме без мебели. Леви и Фишер спали на матрасах, постеленных прямо на полу. Леви вспоминает, что Фишер использовал Мокароу в качестве водителя, звоня ей, чтобы та отвезла их в какой-нибудь ресторан.

В 1977-м Фишер расстался с церковью, обвинив её в «сатанизме» и подвергнув резкой критике методы работы и принципы руководства. С этого времени шахматная знаменитость превратилась в полного затворника. Те, с кем он ещё поддерживал контакт, были связаны клятвой не сообщать о его местонахождении. Отношения с нарушившими это обещание разрывались навсегда. Чтобы его не узнали, он отрастил бороду и усы. Письмо Фишера старому приятелю по шахматам Бернарду Цукерману, датированное 13 мая 1978 года, говорит о том, что он всё ещё использовал Клаудию в качестве секретарши. Он прислал её телефонный номер и разрешил Цукерману звонить туда, чтобы оставлять сообщения.

Жизнь Фишера превратилась в плодотворную почву для слухов, хотя мало какие из них казались преувеличенными. В начале 1981 года он провел несколько месяцев в Сан-Франциско, сыграв семнадцать блиц-партий с канадским гроссмейстером, греком по рождению, Питером Байясасом (Фишер выиграл их все). Байясас сказал, что Фишер таскал с собой чемодан, набитый китайскими и мексиканскими лекарствами, объясняя это так: «Если коммунисты решат меня отравить, я легко им не дамся». Появлялись сообщения, что он заменил все свои пломбы, решив, что Советы способны использовать металл в зубах в качестве приёмника зловредных волн.

Днем 26 мая 1981 года Фишера арестовала полиция, приняв его за банковского грабителя, и бросила на два дня за решётку. Позже он опубликовал памфлет, ярко описывающий пережитые унижения: «МЕНЯ ПЫТАЛИ В ТЮРЬМЕ ПАСАДЕНЬ! Написано Бобби Фишером, чемпионом мира по шахматам». Отказ сотрудничать с властями и нежелание сообщить свой адрес были лишь частью проблемы. Фишер жаловался, что его «приковали наручниками» и металл въедался в его плоть. Когда он отказался отвечать на вопросы, офицер, по словам Фишера, «схватил его за горло и начал душить». Хотя Фишер не знал имени полицейского, он потребовал, чтобы его опознали по следующим приметам: «Очень агрессивный, как пёс, который лает, кусается и скалит зубы. Чрезвычайно жестокий». Фишер заявил, что его раздели и оставили голым в сырой, продуваемой сквозняками клетке. Через маленькое окошко он видел, как мимо проходят люди, кричал, что его пытаются до смерти, но никто не пришёл к нему на помощь.

Очевидная неспособность Фишера отделить серьёзность от обыденного потрясает.

Истериический тон сохраняется на протяжении всего памфлета. «Соблюдение законов в тюрьме — обман. Повсюду висят надписи "Не курить", и заключённым действительно строго запрещают курить. Однако я заметил, как светлокожий цветной надзиратель курит, когда ему вздумается».

Текст подписан:

Роберт Д. Джеймс (профессионально известный как Роберт Дж. Фишер или Бобби Фишер, чемпион мира по шахматам)

После этого «Роберт Дж. Фишер, чемпион мира по шахматам», превратился в скитальца. В середине 80-х он какое-то время жил в Германии. Михаэль Бецольд, тогда школьник, а позже — гроссмейстер, ежедневно в течение трёх месяцев анализировал с ним. Фишер всё ещё был ночным животным, поднимаясь во второй половине дня и плотно обедая в пять вечера кашей, яйцами и хлебом. Согласно Бецольду, его преследовала «одна партия 60-х годов, и проблема состояла в том, двигать пешку на h6 или нет. Это был единственный вопрос. Он сказал, что анализирует эту партию более тридцати лет и не может решить, надо ли ходить туда или нет. Такое казалось очень странным».

Затем затворник появился вновь. В 1992 году, в разгар войны в Югославии, аккуратно через два десятилетия после матча в Рейкьявике, Спасский и Фишер встретились в матче-реванше. Его организовал Ездимир Василевич, сербский банкир с сомнительной репутацией, предложивший пять миллионов долларов из своих банковских денег (две трети — победителю, одна треть — проигравшему), чтобы соблазнить экс-чемпионов вернуться за доску. Разумеется, мировая пресса собралась в полном составе, мучимая любопытством увидеть битву между двумя старыми противниками, но главное — самого Фишера. Как выглядит он после всех этих лет?

Гибкая мальчишеская фигура Фишера времён Рейкьявика полностью изменилась. Теперь ему было сорок девять, он облысел, пополнел, борода с проблесками седины сочеталась с его костюмом, и в целом он стал похож на университетского преподавателя. Фишер рассматривал матч в качестве «мирового чемпионата» — абсурд, учитывая, что его лишили титула семнадцать лет назад, а Спасский по рейтингу был примерно сотым игроком в мире.

Матч, проходивший в Белграде и на живописном острове Свети-Стефан в Черногории, на Адриатическом море, был триумфом непреклонности Фишера (а также его принципов), поскольку правила оказались теми, на которых Фишер настаивал в 1974 году. Но его участие в матче в разгар югославской гражданской войны нарушало санкции ООН: американское министерство финансов заранее проинформировало его, что, если матч начнётся, он нарушит президентский приказ (№ 12810), а это серьёзное преступление, влекущее за собой большой штраф и/или тюремное заключение.

Он проигнорировал предупреждение. На пресс-конференции Фишер раскрыл свой потёртый кожаный портфель и достал письмо из министерства финансов. А потом плюнул на него. Когда его спросили о двух сильнейших игроках мира, Карпове и Каспарове, он назвал их «мелкими шавками». В США был выдан ордер на арест Фишера, который до сих пор остается в силе.

Для поклонников обоих чемпионов матч-реванш оказался не особо интересным; он походил на встречу бывших боксёров-тяжеловесов не в лучшей форме, вышедших на ринг для оплаты старых долгов. После первой партии эксперты пришли в восторг: Фишер выиграл в блестящем стиле, напомнив Фишера прежних времён. Но такую форму он смог удержать лишь пару партий. Хотя выиграл он убедительно — десять побед против пяти Спасского, при пятнадцати ничьих, — качество игры было довольно прозаичным. Два месяца матча принесли соперникам отличный доход, но лишили легенду Рейкьявика блеска, как плохой сиквел портит оригинальный фильм.

Затем кочевник снова исчез. Девятнадцатилетняя венгерская шахматная звезда Зита Райчаньи помогла вытащить Фишера на матч-реванш со Спасским и составила ему

компанию в Югославии. Хотя в 90-е годы Фишер провел несколько лет в Будапеште, Райчаньи вышла замуж за другого и исчезла со сцены. В какой-то момент Фишер переехал в Токио. Ходили слухи, что у него родился ребёнок. Его появления стали такими же редкими и непредсказуемыми, как и лохнесского чудовища.

Фишера поглотила пучина иллюзий, он сошёл в мир отрицания холокоста, мании преследования и теории заговоров. В 80-е годы он погрузился в чтение антисемитских трактатов, таких, как подделка времён царизма «Протоколы сионских мудрецов» и «Mein Kampf» Гитлера. В конце 90-х он давал редкие интервью, требуя, чтобы они проходили только в прямом эфире. Для руководства каналов это было рискованным делом: Фишер всячески бранил евреев, обзывая их еврейскими ублюдками или жидами. Тем людям, с которыми он ещё сохранил какие-то отношения, Фишер внушал, что его миссия — рассказать правду. «Это грязная работа, но кто-то должен ее делать. Ха!» После атак 11 сентября 2001 года на Пентагон и Всемирный торговый центр он заявил: «Америка получила то, что заслужила». В тот самый день, дозвонившись на филиппинское радио, он кричал: «Смерть Америке!» (Шахматная федерация США потом приняла резолюцию, осуждающую своего единственного чемпиона мира.) Его антикоммунизм каким-то образом превратился в антиамериканизм. В интервью исландскому радио Фишер советовал Исландии порвать с США и снести базу в Кефлавике. Его электронный адрес в Японии начинался так: us_is_shit (США -дерьмо).

Мать и сестра Фишера умерли. Его мать Регина унесла в могилу удивительный секрет: биологическим отцом Бобби являлся не её бывший муж Герхард, а уроженец Венгрии физик Пол Неменьи, с которым у неё завязался роман в 1942 году. Вопреки желанию Неменьи, Фишеру никогда не говорили то, что было известно американскому правительству. Четверть века, пока Фишер рос, ФБР внимательно следило за Региной, подозревая её в том, что она агент коммунистов. Они изучали каждую деталь её жизни: её политические пристрастия, её контакты, передвижения. Они прослушивали её телефонные разговоры и контролировали банковский счет, допрашивали её соседей и коллег по работе. Были задействованы десятки специальных агентов и толпы информаторов.

Многие отчёты ФБР исходят от тогдашнего директора ЦРУ Эдгара Гувера или ему адресуются (подробности всей этой истории описаны в приложении к этой книге). Памятуя об антисемитизме и антикоммунизме Фишера, во всем этом есть горькая ирония, поскольку его родители симпатизировали коммунистам, а сам он является этническим евреем с обеих сторон.

Играет ли Фишер сейчас? С наступлением эры сетевых шахмат в международном шахматном сообществе повсюду начали циркулировать слухи. В интернете многие игроки, особенно гроссмейстеры, выбирают себе псевдоним, сетевое имя. Так вот, ходят упорные слухи, что Фишер также играет в шахматы в киберпространстве. Какой-нибудь поразительно успешный игрок вызывает лавину кибер-перешёптываний: «Фишер вернулся». Готовность, с которой принимаются все эти истории, сродни страстному ожиданию второго пришествия членами религиозного культа. С исчезновением Фишера его тайна стала частью шахматной мифологии и послужила основой, к примеру, голливудского фильма «В поисках Бобби Фишера», повествующего об отношении отца к своему талантливому сыну и о том давлении, которое он испытывал от сравнения с предыдущим чемпионом.

Он изобрёл часы — часы Фишера, — принципиальная идея которых была на ура принята шахматным сообществом. Её сутью, как и многих других предложений Фишера, было желание освободить шахматы от рисков и случайностей, чтобы в конечном итоге побеждал действительно лучший игрок. С обычными часами у игрока может остаться одна минута на десять ходов. При таких обстоятельствах возможны досадные ошибки. На часах Фишера, когда игрок делает ход, ему плюсуется дополнительное время. Скажем, часы можно установить так, чтобы они давали игроку по две минуты после каждого сделанного хода. Таким образом, стресс, связанный с истечением времени, уходит.

Чтобы вернуть шахматам энергию и освободить их от давящей массы теоретических знаний, Фишер теперь выступает за так называемые random chess (случайные шахматы), где в начале каждой партии все фигуры, кроме пешек, расставляются произвольным образом, тем самым вынуждая игроков очистить своё сознание от предварительной работы и думать над каждой партией сызнова. Он мечтает ещё об одном матче со Спасским — на этот раз именно в random chess. Спасский сказал авторам, что он бы согласился на одну партию, просто «развлечься».

Рейкьявик изменил сами шахматы. После 1972 года на волне популярности игры шахматные мастера оказались широко востребованы. Книжные издатели искали их сами, стремясь удовлетворить потребность людей в информации: появилось огромное количество книг, рассчитанных как на новичков, так и на опытных игроков. Выпускались книги о дебютах, книги о миттельшпиле, книги об эндшпиле. Выпускались книги по тактике и стратегии, о том, как расправиться с патцером, и о том, как победить Фишера. После матча было издано множество книг, рассказывающих о событиях в Рейкьявике. Первая, написанная Дэвидом Леви и Светозаром Глигоричем, была отправлена в печать ещё до того, как результат матча был объявлен официально, и появилась на прилавках нью-йоркских магазинов через сутки после оглашения итогов. Глигорич написал последнюю фразу после того, как его приятель Лотар Шмид сообщил, что Спасский сдался по телефону. Сто тысяч экземпляров разошлись в считанные дни.

Интерес к шахматам был таков, что гроссмейстеры и даже международные мастера смогли зарабатывать ими себе на жизнь. Призовые деньги поднялись для всех соревнований; можно было получать наличность от сеансов одновременной игры, от написания книг и статей, от преподавания. Эдмар Меднис стал профессионалом вместе с несколькими другими игроками высокого класса: «В первый год после матча деньги падали буквально с неба».

Вскоре после Рейкьявика промоутер из Сан-Франциско Сайрус Вайс выдвинул идею профессиональной шахматной Большой лиги, в которой пять американских команд будут сражаться друг против друга в серии показываемых по телевизору матчей. В то время такая идея представлялась вполне реальной. Шахматы входили в круг национальных спортивных интересов. Десять лет спустя в Шахматной федерации США осталось менее 10 тысяч членов. Но тогда их количество превысило 60 тысяч, оно всё возрастало, и прогресс представлялся заоблачным.

Молодёжь заинтересовалась игрой. Начало превращения Британии в шахматную державу можно отнести к Рейкьявику. Найджел Шорт, который в будущем сыграет матч на первенство мира с Гарри Каспаровым, именно тогда, будучи семи лет от роду, решил, что станет профессионалом.

Матч вдохновил и на самый дорогой на тот момент мюзикл «Чесс», написанный Тимом Райсом и группой АББА — Бенин Андерссоном и Бьёрном Ульвеусом. Мысль о мюзикле появилась у Райса вскоре после победы Фишера. «Хорошим парнем был русский, которого все должны были считать плохим, а плохим — американец, который, по идее, должен был быть хорошим, — говорит Райс. — Всё это представлялось очень запутанным и отлично иллюстрировало то, как политика влезает во все области жизни». Стихи мюзикла это отражали:

Масштаб события поймёт любой:
Восток и Запад — за одной доской,
Увлечены игрой, а не войной,
Братаются, вражду в бокалах топят,
Пока соперники друг друга топят.

Перевод А. Плисецкой

Аспект матча, касающийся холодной войны, был затронут в 80-х годах британской поп-группой «Prefab Sprout» в своей песне «Звуки фанфар»:

Настаёт тот желанный миг — ожидание окончено,
Звучат фанфары, взгляды прикованы к самолёту
Бобби Фишера, который касается земли.
Он разобьёт этих русских парней, сотрёт их в порошок,
Сражаясь насмерть, как и подобает гроссмейстеру.

Однако, по крайней мере в Америке, интерес к шахматам не длился столь же долго, как холодная война. Хотя гроссмейстеры не вернулись в нищету, через несколько лет энтузиазм организаторов начал ослабевать, спонсорские деньги для турниров иссякли. Фишера можно было считать ответственным за возникший бум; исчезнув со сцены, он, в принципе, нёс ответственность и за потерю интереса к шахматам.

Кроме Фишера, никто из западных участников на этом матче не заработал. Сэми Палссон испытывал в то время большие материальные трудности, хотя в его доме осталось множество толстых альбомов с вырезками. Пол Маршалл не получил ни цента, но ни о чем не жалеет: «Оказаться непосредственным участником события, потрясшего мир, и то, что на всю оставшуюся жизнь мне есть о чем рассказывать на вечеринках, — вполне достаточное вознаграждение». Гудмундур Тораринссон ещё два срока оставался членом парламента, но не смог добраться до тех политических высот, на которые, как он надеялся, его вознесет матч. Тем не менее спустя более чем три десятка лет он с удовольствием вспоминает событие, состоявшееся в Рейкьявике благодаря его инициативе: «Люди говорят, что это был шахматный матч столетия. На самом деле это был матч всех времён».

Легенда ушла, партии остались. Как и следовало ожидать от схватки двух выдающихся игроков своего времени, какие-то из них оказались потрясающими произведениями искусства, оставшимися с нами навсегда. Например, великолепная десятая партия: такая естественная, экономичная, не особо яркая, но от этого не менее прекрасная. Было несколько удивительных ошибок — следствие нечеловеческого стресса обоих игроков. Слон h2 в первой партии (Фишер), ферзь c2 в пятой (Спасский), пешка на b5 в восьмой (Спасский), пешка на f6 в четырнадцатой (Спасский). В создании произведения искусства обычно рука и ум действуют воедино. Шахматный шедевр — произведение сражающегося гения: грубые ошибки с обеих сторон могут лишить партию истинного величия. Однако ошибки Спасского и его проигрыш не затмевают того, что он был одним из лучших игроков мира. Он может гордиться победами в матчах с культовыми шахматистами второй половины двадцатого века — Кересом, Геллером, Талем, Ларсеном, Корчным и Петросяном.

Поклонники Фишера считают его самым выдающимся игроком в шахматной истории, хотя такие же почитатели есть и у Ласкера, Капабланки, Алёхина и Каспарова. Многие шахматисты отметут такие сравнения, как бессмысленные; невозможно, например, выстроить иерархию великих музыкантов всех времён. Но стиль Фишера на пути к Рейкьявику, его триумфальное шествие на межзональном турнире в Пальма-де-Мальорке, то, как он разгромил Тайманова, Ларсена и Петросяна, — всё это беспрецедентно. В современных шахматах никогда не случалось, чтобы один игрок мог настолько затмить остальных.

Наша история по сути своей трагедия. То, что могло оказаться праздником шахмат, которого ожидал Спасский, запомнится благодаря патологически-манипулятивному поведению претендента, панике должностных лиц и психологическому коллапсу чемпиона, а не только благодаря качеству сыгранных партий.

Можно только посочувствовать организаторам матча, на которых было оказано явное

давление, причём самого разного рода; капитуляция перед претендентом накануне третьей партии была для них моральной трагедией. Если бы их не вынуждали склоняться перед Фишером, Спасский мог бы покинуть Рейкьявик раньше, оставшись чемпионом. С другой стороны, Спасский был чересчур заиклен на самом факте игры с Фишером, и если бы он не был таким самостоятельным, а больше сотрудничал с властями, то уехал бы из Рейкьявика по собственной инициативе и оставаясь чемпионом.

Жизнь Фишера можно охарактеризовать словами Скотта Фитцджеральда: «В американской жизни нет второго акта». Достигнув своей единственной цели, он разрушил свой *raison d'être* (основание жизни. — фр.). Лишённый цели, он потерял и без того слабое сцепление с реальностью. Ему больше нечего было доказывать, а над желанием играть витал страх поражения. Фишер превратил Рейкьявик в поле боя, и матч оказался последней настоящей шахматной войной, которую он провёл.

Спасский улетал из Москвы на праздник шахмат. Фишер отправлялся на войну. Его подход к матчу привел к триумфу. Реликвии той битвы можно увидеть в музее Исландской шахматной федерации, расположенном на одной из небольших улиц Рейкьявика, на первом этаже старого офисного здания. Музей едва сводит концы с концами. Несколько фотографий и карикатур передают атмосферу события. Там же, недавно вернувшись из хранилищ Национального музея, куда они были переданы, находятся шахматная доска, подписанная соперниками, фигуры, которые по ней двигались, и часы, которые в пять часов вечера 11 июля 1972 года запустил Лотар Шмид, открыв матч столетия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БЛАГОДАРНОСТИ

Матч Фишер — Спасский был международным событием. Наше исследование стало таким же широким, равно как и выражение благодарности.

Есть те, без кого эта книга попросту не была бы написана, — этим людям мы выражаем нашу самую глубочайшую признательность. Несмотря на работу над автобиографией, Борис Спасский любезно согласился ответить на вопросы авторов. В Париже он и его жена Марина продемонстрировали нам настоящее русское гостеприимство. В Германии Лотар Шмид прервал на несколько дней свои дела, детально рассказав нам о матче, а также показал красоты своего родного города, древнего Бамберга. Гудмундур Тораринссон проявил чрезвычайное радушие и дал нам три длинных интервью. Фрейстейнн Йоханнссон, который на матче представлял Исландскую шахматную федерацию и три десятилетия назад написал об этом книгу, неутомимо разыскивал все факты, имена и телефоны, относящиеся к исландской части повествования. Без него работа над книгой шла бы гораздо дольше. Сэмундур Палссон порадовал нас историями о своей жизни того времени, тепло приняв нас в своем доме у моря, как тридцать лет назад принимал там американского претендента.

Виктор Ивонин представил великолепный отчёт о событиях московской части нашей истории, обращаясь к впечатляющим личным записям и архиву, своим (не совсем) полным воспоминаниям о событиях, происходивших в Спорткомитете, а также о самых разных товарищах, имевших отношение к матчу. Мы сердечно благодарим Ларису Соловьёву, отбросившую понятные колебания и поделившуюся с нами воспоминаниями о жизни со Спасским. Николай Крогиус, живущий ныне в Нью-Йорке, выслал нам подробные ответы на наши многочисленные вопросы. Иво Ней на некоторое время оставил своё руководство эстонскими шахматами в доме Кереса в Таллине, чтобы поведать о своей роли в матче.

Бывшие шахматисты, администраторы и наблюдатели матча щедро поделились с нами временем и воспоминаниями: это Лев Абрамов, Юрий Авербах, Юрий Балашов, Виктор Батуринский, Евгений Бебчук, Михаил Бейлин, Валерий Шаманин, Наум Дымарский, Виктор Корчной, Александр Никитин, Александр Рошаль, Марк Тайманов, Вера Тихомирова, Александр Ермаков и Николай Жариков. Очень важными оказались

вспоминания Анатолия Добрынина об отсутствии разговоров о Фишере и Спасском на этапе его работы в Белом доме, Дмитрия Васильева — о сложных задачах, стоявших перед ним во время работы на дипломатическом посту в Рейкьявике, и Виталия Ерёмченко — о предпочтениях Спасского в еде. Ольга Батуриная любезно помогала своему отцу во время нашего интервью и предоставила важные документы и фотографии.

Необходимо упомянуть исследователей и переводчиков с русского языка. Карл Шрек листал советскую прессу и шахматные журналы. Ханна Уайтли и Эндрю Йорк умело переводили мёртвый язык советской бюрократии и расшифровывали интервью; с их прекрасным знанием русского и России они предложили своё видение прочтённого и услышанного. Мы благодарны Тесс Стоби — нашему собственному Московскому центру, — руководившей исследовательской работой авторов. Джон хотел бы поблагодарить Тесс и Аластера за их радушное гостеприимство.

Мы должны особо отметить Викторину Ивлеву-Йорк. Виктория проявила себя как бесподобный координатор, исследователь и переводчик. Никто не мог сопротивляться её обаянию и настойчивости; её интерес к этой истории и последующие вести были бесценны.

Мы чрезвычайно признательны и представителям противоположной стороны холодной войны за шахматной доской — США. Мы благодарим Боба Аксельрода, Пала Бенко, Сиды Бернштейна, Артура Бисгайера, Роберта Бирна, Билла Чейза из Кливлендской публичной библиотеки, Ларри Эванса, Ральфа Гинзбурга, Филипа Холла, Элиота Херста, Берта Хохберга, Шелби Лимана, Пола Маршалла, Эдмара Медниса, Хэнона Рассела, Фила Скиви, Дона Шульца, Джима Шервина, Фрэнка Скоффа, Элен Смит, Барб Вандермарк и Джоша Уайтткина. Что касается информации о роли Белого дома, Государственного департамента США и посольства в Рейкьявике в работе с матчем и неугомонным претендентом, мы благодарим Джеральда Форда, Лена Гармента, Виктора Джаковича, Генри Киссинджера, Гельмута Зонненфельда и Теодора Трембля. Франклин Нолл выискивал информацию в правительственных документах США и обнаружил несколько жемчужин.

Решив использовать преимущества американского Акта о свободе предоставления информации, мы запросили ФБР, могут ли они передать нам папку, заведённую на Регину Фишер. Через полтора года в нашем почтовом ящике оказалось два документа размером с телефонный справочник. За это время бюро поработало над текстом — об их усердии говорили многие вымаранные страницы. Тем не менее мы благодарны американской системе за её открытость и за усилия, проявленные со стороны Донны Шейклфорт, которая любезно отвечала на наши регулярные запросы относительно местонахождения досье.

Судя по нашему опыту, жители Исландии — самые искренние и радушные люди в мире, всегда готовые помочь. Мы благодарны всем, кто оставил свои дела, чтобы уделить нам время. Демонстрируя наше уважение к их стране, мы приводим их имена в алфавитном порядке — по имени, как в исландском телефонном справочнике: Гильфи Бальдурссон, Гиссли Гестссон, Гуннар Магнуссон, Гуннлаугур Йозефссон, Дали Агустссон, Зигмундур Гудбьярнасон, Зигурдур Хельгасон, Зигфус Зигфуссон, Карен Торстейнсдоттир, Колин Портер, Пол Теодорссон, Рагнар Харальдссон, Сверрир Кристинссон, Стейнн Бьёрнссон, Сэмундур Палссон, Тинна Гуннарсдоттир, Трейнн Гудмундссон, Фридрих Олафссон, Фридтор Айдал, Хильмар Виггосон, Храннар Арнарсон, Хьяльмар Бардарсон и Ульвар Тордарсон. Валур Ингимундарсон объяснил матч в широком контексте исландской политики, а Ингольфур Гисласон и Валур Стейнарсон провели для нас некоторые исследования в Исландии.

Мы хотим поблагодарить всех тех, кто нашёл время поделиться своими воспоминаниями, профессиональной информацией и советами: это Тони Аттвуд, Михаэль Бецольд, Димитрий Белица, Арчи Браун, Хенк Червет, Саймон Барон Коэн, Джим Дамиган, Эстер Айдинау, Ханна Айдинау, Леонид Финкельштейн, Майкл Фитцджеральд, Светозар Глигорич, Билл Хартстон, Рей Кин, Бент Ларсен, Дэвид Леви, Леннокс Льюис, Майкл Макдональд Росс, Хельмут Пфлегер, Стюарт Рубен, сэр Тим Райс, Джим Слейтер, Олексий Сологубенко, Боб Тонер, Вольфганг Унцикер и Лоуренс Уорнер.

Симона Келотти-Стилл любезно уделила нам время, переведя множество итальянских газетных статей. Ханна Эдмондс помогла с немецкими документами, а Арлен Грегориус и Джоанн Эпископе — с испанскими.

Мы в особенном долгу перед гроссмейстером Даниэлем Кингом, который давал нам шахматные рекомендации и советы на всем протяжении работы. Боб Уэйд позволил осмотреть его обширную библиотеку и снабдил воспоминаниями о своих исследованиях, проведённых для Фишера.

Дэвид хотел бы поблагодарить Чарльза Айзендрата за невероятную честь, оказанную ему Мичиганским журналистским товариществом и всеми коллегами-журналистами, которые сделали его отпуск столь же приятным, сколь и полезным; Марцио Миан и Карлос Прито, которые позднее помогли с книгой, заслуживают особого упоминания. Билл и Бетти Инграм сделали это возможным, согласившись на обмен дома: к счастью, у их прекрасного дома в Энн Арбор была противостормовая прочная крыша.

Различные главы набросков рукописи были разосланы друзьям, которые обнаружили в них изъяны и недостатки и предложили необходимые улучшения. Мы бы хотели поблагодарить Арчи Брауна, Ханну Эдмондс, Эстер Айдинау, Сэма Айдинау, всеведущего Дэвида Франклина, Фрейстейнна Йоханнсона, Даниэля Кинга, Питера Мангодца, Дэвида Прайса, Зину Роэн, Невилла Шейка, Кристофера Тагендхата, Мориса Уэлша, Ханну Уайтли и Эндрю Йорка.

Наконец, мы хотели бы отдать должное Джулиану Лузу и Энгусу Каргиллу из «Faber», Джейн Бейрн и Джулии Серебрински из «Ессо», редактору нашей рукописи Яну Бахрами и Жаклин Корн из «David Higham» за поддержку и великолепные профессиональные навыки.

Стихи из мюзикла «Чесс» Бенни Андерссона, Тима Райса и Бьёрна Ульвеуса приводятся с разрешения «3 Knights Ltd.». Лирика «Prefab Sprout» приводится с разрешения «Kitchenware Management». Строки из «Избранных стихов Евгения Рейна» приводятся с разрешения «Bloodaxe Books».

ПОД КОЛПАКОМ ФБР

Мы упоминали Регину Фишер, мать Бобби, лишь мимоходом. ФБР подозревало, что она была советским агентом, и папки Бюро, плод тридцати лет наблюдения, являют нам удивительный портрет женщины, наделённой невероятной силой характера и нетрадиционным мышлением. Они проливают свет и на секрет, лежащий в самом сердце этой семьи.

У родителей Регины польско-еврейские корни. Её отец, Якоб Вендер, был по профессии закройщиком. Поначалу семья переехала в Швейцарию, где 31 марта 1913 года родилась Регина, а затем, когда ей было всего несколько месяцев, в Сент-Луис, на американский Средний Запад. Её мать Натали умерла, когда Регине было десять лет, и Якоб женился на Этель Гринберг, с которой Регина не сошлась. Якоб и Регина приняли американское гражданство 12 ноября 1926 года.

После выпуска из школы в Сент-Луисе Регина сменила подряд три университета: Вашингтонский, Аризонский и Денверский. В 1932 году, девятнадцати лет от роду и без диплома, она отправилась в Берлин учиться и подрабатывать гувернанткой. Там она влюбилась в Герхарда Фишера, который был на пять лет старше. Знали его и под другим именем — Герардо Либшер.

В начале 1933 года пара приняла решение переехать в Москву. Позже Регина утверждала: они сделали это, чтобы пожениться. К тому же с подъёмом нацистской партии в Германии она ощущала всё возрастающий дискомфорт. Но то, что они направились в Россию, могло указывать на истинную причину отъезда: Герхард был коммунистом. И даже, возможно, агентом Коминтерна.

Оказавшись в Москве, они сочетались браком 4 ноября 1933 года и прожили в этом городе пять лет. Их дочь Джоан родилась в 1937 году. Регина училась в Первом Московском медицинском институте, Герхард был связан с Московским институтом мозга. Какое-то время они занимали квартиру 42 в доме 14/16 на Земляном Валу, по соседству с шикарными по тем временам сталинскими апартаментами, где были большие комнаты и кухни. Страна, куда они сбежали от нацистского режима, тоже не предлагала мира и безопасности — шёл самый разгар репрессий. Однако, в отличие от многих зарубежных коммунистов, искавших убежища в Советском Союзе, Герхард не оказался среди жертв сталинизма.

К концу пятилетнего периода их брак, судя по всему, оказался в кризисе. Когда 29 июля 1938 года Регина отправилась в американское посольство обновлять паспорт, она сообщила чиновнику, что рассталась с мужем. Однако это вполне могло быть прикрытием. Возможно, Герхард поехал (или его послали) в Испанию действовать на стороне Республики в гражданской войне.

Годом позже Регина отправилась во Францию, встретившись с Герхардом в Париже (приехал ли он туда из Испании или СССР, неясно). Мир в Европе был очень непрочен, и Регина намеревалась вернуться в США; так она и сделала, уехав 23 января 1939 года. Герхард, у которого не было американского паспорта, остался в Европе; каким-то образом он смог получить испанский паспорт, № 5999 — свидетельство участия в гражданской войне в Испании. Остается загадкой, почему ему отказали во въезде в Штаты, если он был женат на американской гражданке. 4 января 1940 года он оказался в Чили, где открыл магазинчик, продающий и устанавливающий флуоресцентные лампы, и занялся фотографией.

До тех пор пока Бобби не исполнилось семнадцать, Регина постоянно присутствовала в его жизни. То, чего она практически точно не знала и чего не мог знать Бобби, — за семьей пристально наблюдало ФБР, составив в итоге дело на 900 страниц. Досье показывает, что некоторые фактические детали, обычно приводимые в биографических сведениях о ранних годах жизни Бобби, неверны.

Регина впервые попала под наблюдение ФБР 3 октября 1942 года, работая в качестве студенческого инструктора в школе радиоинструкторов Военно-воздушных сил в университете Сент-Луиса. В марте она ожидала второго ребёнка. Регина настолько нуждалась в деньгах, что через еврейские благотворительные организации пыталась пристроить дочь Джоан в другую семью.

Договор быстро расторгли — приёмная мать потребовала у Регины забрать Джоан обратно. Женщина не сказала Регине, что связалась с властями: Америка находилась в состоянии войны. Она обнаружила некоторые «подозрительные» вещи и документы среди имущества, которое Регина оставила с Джоан, и решила, что они являются потенциальной угрозой «национальной безопасности». Подозрительные вещи включали в себя несколько страниц рукописных «химических формул», фотоаппарат «В-2 Cadet» с новым объективом и складной зонт. Там же находилось письмо от друга, придерживающегося левых взглядов, в котором была такая фраза: «Вашингтон — потрясающий город, хотя сейчас в нем жарковато». Женщина отметила, что у Регины есть «тяжёлый чёрный резиновый фартук и две клеёнки».

Так началась операция, затянувшаяся на два десятилетия и стоившая американскому правительству десятки тысяч долларов, несмотря на то что все эти вещи имели вполне логичное объяснение. По возвращении в США Регина получила степень бакалавра в Денверском университете, где изучала французский, немецкий, биологию и химию. Последний предмет является причиной появления тетради с химическими формулами и, возможно, клеёнок и перчаток. Что касается фотоаппарата и зонта, её отсутствующий муж Герхард был профессиональным фотографом.

Хотя улики были косвенными, ФБР пришло к выводу, что Герхард мог представлять большую опасность — вероятно, он был советским агентом. Почему он провел столько лет в России? Как у него оказался таинственный испанский паспорт? Не присоединился ли он в

Чили к коммунистической партии, не вступил ли в дружеские отношения с левыми? Но наиболее значимым в глазах ФБР оказалось письмо, найденное среди вещей Регины в 1942 году. Оно было отправлено в июне 1941-го и написано в высокопарном стиле; ФБР описало его язык как «тайный» (хотя английский не был родным языком Герхарда). В письме Герхард объяснял, как он снимал рыбацкие лодки и рыбаков в порту Сан-Антонио, в полутора часах к западу от чилийской столицы Сантьяго. ФБР обратило внимание, что в то же время три немца, действовавшие под видом рыбаков, были обвинены в передаче шпионской информации по радио.

Если Герхард был советским агентом, то как же тогда его жена? Для ФБР не имело значения, что 14 сентября 1945 года Регина получила развод на основании того, что Герхард умышленно не обеспечивал её и двух их детей: она не получала финансовой поддержки с июля 1942 года. (В то время она жила в городе Москве, что в штате Айдахо. Местная газета «Daily Idahonian» шутила: вышла замуж в Москве и развелась в Москве.)

Папки ФБР содержат полудюжину описаний Регины; одно из них, как раз того времени, описывает её так: рост 162 см, темно-коричневые волосы, темно-карие глаза, густые брови, полные губы, смуглое лицо, толстые ноги, низкий и тяжёлый бюст, «неряшливая» внешность. Описание носа приводится отдельно: длинный и «слегка изогнутый».

Согласно информатору, в год развода Регина вступила в коммунистическую политическую ассоциацию Орегона (КПА), которая в президентском приказе № 9835 была названа коммунистической и подрывной, стремившейся «изменить форму правления в Соединённых Штатах неконституционным путём». Этот приказ президент Трумэн издал 22 марта 1947 года, инициировав программу поиска «предателей» в правительстве США. К декабрю 1952 года за 6,6 миллиона людей была установлена тайная слежка. Ни одного случая шпионажа обнаружено не было.

Была ли Регина активным членом КПА? ФБР утверждает, что её выгнали в 1950 году за «неверность». Однако она проявляла политическую активность, в разное время состоя в нескольких левых организациях, от Международного объединения рабочих до «Американских женщин за мир», позже присоединившись к Комитету ненасильственных действий. За годы наблюдений Бюро собрало против неё «разоблачающие свидетельства». 15 мая 1945 года она связалась с русским представителем Комиссии по закупкам советского правительства в Портленде, интересуясь возможностью работать там в качестве переводчика. Водопроводчик сообщил ФБР, что однажды он услышал, как у Регины играет «коммунистическая пластинка», и что она пыталась агитировать его вступить в коммунистическую партию. Источник, «сведений о котором недостаточно, чтобы судить о его надёжности», рассказал ФБР, что Регина брала её ребёнка (один раз) в летний лагерь коммунистов. К тому же её обвиняли в проявлении коммунистических симпатий, поскольку она пикетировала дом неподалёку от её собственного, протестуя против вывоза оттуда «цветной семьи»; это наглядно демонстрирует политику ФБР Гувера.

Бюро считало Регину яркой и умной, но также, по словам одного информатора, «настоящей занудой». Другой источник описывал её как «враждебную» и «склонную спорить». Упоминалось, что жители бруклинского дома не любили Фишеров и что у Регины был «комплекс сутяжничества», поскольку она часто затевала тяжбу против домовладельца по «воображаемым жалобам».

Был и отчёт психиатра. Вскоре после рождения Бобби Регина воспользовалась фондом благотворительности Чикаго, решив поселиться в Мемориальном доме Сары Хакет для нуждающихся одиноких женщин с детьми. Когда она захотела, чтобы к ней с Бобби присоединилась дочь Джоан, после того как попытка удочерения не прошла, ей было сказано, что лишней комнаты нет, а у Джоан отличный дом (девочка жила в Сент-Луисе, возможно, со своим дедушкой). Регина провела дочь тайком; в результате разразился скандал, поскольку Регина попыталась восстановить обитателей дома против его управляющих. В конечном счёте её арестовали за нарушение порядка. Судья счёл её

невиновной, но потребовал психиатрического освидетельствования. Муниципальный психиатрический институт вынес ей диагноз: «неестественная (параноидная) личность, раздражительная, но не психотик». Отчёт рекомендовал: «Если маленькие дети страдают из-за характера матери, в эту ситуацию должен вмешаться суд по делам несовершеннолетних».

Расследование ФБР не ограничивалось одной Региной. Особые агенты собирали информацию о её отце, Якобе, придерживающемся левых взглядов, а также о брате Максе, «известном коммунисте», переехавшем в Детройт. Поскольку Регина и Этель, вторая жена Якоба, ненавидели друг друга, ФБР попросило Этель предоставить информацию о своей приёмной дочери (хотя прошло уже много лет с тех пор, как женщины перестали общаться). В октябре 1953 года ФБР напрямую вышло на Регину, полагая, что если она оставила коммунистическую партию, то сможет помочь им покончить с бывшими товарищами. Регина не желала сотрудничать; она была готова беседовать, но только в присутствии адвоката.

В середине 50-х сведения о ней перестали поступать столь интенсивно. Но когда в марте 1957 года Регина связалась с советским посольством относительно поездки Бобби в Москву, дело возобновилось с новой силой. 21 мая агент писал директору ФБР:

Необходимо отметить, что объект — хорошо образованная, много путешествовавшая интеллигентная женщина, которая годами сотрудничала с коммунистами и личностями прокоммунистических взглядов. Ввиду вышеупомянутого и в свете её недавнего контакта с представителем советского посольства желательно, чтобы дело было снова открыто и возобновлено наблюдение. Необходимо понять, был ли объект в прошлом и может ли быть ныне втянут в действия, враждебные интересам Соединённых Штатов.

Проверили её банковские счета, тайно допросили коллег-медсестер в больнице, записали марку машины («крайслер седан» 1957 года), исследовали завещание её отца (от него Регина унаследовала кругленькую сумму — около 40 тысяч долларов).

В то время Бобби уже стал знаменитостью, и отношения между ним и матерью начали рассматриваться под официальным микроскопом. Гувера уверили, что слежка осуществляется с «крайней осторожностью», чтобы не привлечь внимание Регины. Один источник рассказал ФБР, что Регина не может контролировать сына. Она «живет в страхе перед ним, но в то же время "хвастается" его известностью».

Поездка Бобби в Москву также отслеживались, как туда, так и обратно, через Брюссель и Прагу. Агентов просили узнать, почему он так плохо отнёсся к принимающей стороне. Не пытались ли коммунисты его «завербовать»? После Москвы, перед межзональным турниром в Портороже, информатор описал Бобби, как «эмоционально больного мальчика, в таком состоянии ума, что проигрыш в турнире может сделать его агрессивным и повлечь госпитализацию в психиатрической клинике».

В 1959 году Бобби и Регина отправились в Аргентину, а затем в Чили. Бобби играл в шахматы. А что делала Регина? Не пыталась ли связаться с бывшим мужем? (Она могла не знать, что двумя годами ранее «Дон Герардо Фишер Либшер» вновь женился, на миссис Ренате Стерно Мейер в Альгарробо, Чили.) 22 мая Гувер написал директору ЦРУ Аллену Даллесу, требуя от него помощи и сотрудничества в расследовании: «Ввиду того что миссис Регина Фишер сопровождала своего сына в Южную Америку, скорее всего, она была с ним и в Сантьяго, где проходил шахматный турнир. Таким образом, существует вероятность, что миссис Фишер могла общаться со своим бывшим мужем Герардо Фишером».

В конце сентября 1959 года ФБР наконец признало свою ошибку в разоблачении заговоров: «Единственным логическим следствием может быть только беседа с объектом, но из-за её душевной нестабильности это не рекомендуется. Таким образом, расследование следует прекратить, дело должно быть закрыто».

Несмотря на эту рекомендацию, настороженность в её адрес не исчезла. В 1960 году Регина пикетировала Белый дом, поскольку Госдепартамент отказался выдать американской шахматной команде разрешение на участие в олимпиаде, проходящей в Восточной

Германии. Её демонстрация спровоцировала множество статей в газетах по всей стране. Агент тайной службы следил за её передвижениями: она прибыла в 10.30 утра и уехала в 14.33. Она вернулась к Белому дому в 16.52 и оставалась там до 17.30. Осенью, когда Регина съехала из своего дома в Бруклине, ФБР отправило агента, замаскированного под курьера, чтобы проверить, действительно ли она поселилась в новом жилище в Бронксе.

В 1961 году, во время «похода за мир» из Сан-Франциско в Москву, оплаченного Комитетом ненасильственных действий, Регина встретила своего второго мужа, английского представителя левых, преподавателя Сирила Пустана. Она переехала в Европу, но Бюро всё ещё следило за ней: она участвовала в акциях против вьетнамской войны, проходивших во Франции, в Западной Германии и Великобритании, а 24 июля 1967 года оказалась в Стокгольме на конференции по Вьетнаму. Наконец ФБР сдалось, расставшись с Региной после почти четверти века наблюдения. В конце концов Регина вернулась в США, где умерла от рака в 1997 году (дон Герардо Фишер Либерс умер 25 февраля 1993 года в родном Берлине).

Детальная информация, представленная в досье, дает повод задуматься, кто же на самом деле отец Бобби: если Герхард был его биологическим отцом, когда же они с Региной зачали сына? Бобби родился в 1943 году. Герхард и Регина развелись только в 1945-м, но жили отдельно с 1939-го, хотя Регина утверждала, в основном ради Бобби, что встречалась с Герхардом в Мексике в 1942 году.

Отношения между ними прервались, однако Регина попыталась навестить своего мужа в 1944 году, хотя намёков на её мотивы или намерения нет. Она обратилась за визой в Чили, но шла война, и Госдепартамент вернул ей анкеты, поскольку в них отсутствовали какие-то детали. В мае 1945-го она представила документ, полученный из Чилийского университета и предлагающий ей место студентки. Она так и не воспользовалась этим предложением; развод произошёл четыре месяца спустя. Папки ФБР не содержат свидетельств, что Герхард пытался связаться с ней до или после рождения Бобби. Несколько раз она утверждала, что не видела мужа с 1939 года.

Если отцом был не Герхард, то кто же? По неизвестным причинам — с вымаранными объяснениями — в папках Регины присутствуют обширные заметки о докторе Поле Феликсе Неменьи. Его описывают как человека с крупным носом, большими узловатыми пальцами, неуклюжей походкой и небрежно одетого.

Родившись в еврейской семье в венгерском Фьюме 5 июня 1895 года, Неменьи учился в Технологическом институте Будапешта и в Берлине. Он принимал участие в совместных исследованиях в Копенгагене и в лондонском Империял-колледже. В 1939 году эмигрировал в Соединённые Штаты. Там Неменьи преподавал математику, а позже стал инженером-механиком в строго засекреченной военно-морской исследовательской лаборатории в Вашингтоне. Областью его исследований была механика жидкостей. 1 марта 1952 года он умер на танцевальной вечеринке в Вашингтоне. ФБР подозревало, что и он был коммунистом.

Записки об отношениях Регины и Пола указывают на то, что именно Неменьи — биологический отец Бобби. За год до рождения мальчика, будучи ещё ассистентом профессора математики в Колорадо, Неменьи познакомился с Региной. Когда родился Бобби, он проявил к ребёнку особый интерес. Регина с младенцем переехала в Вашингтон, и похоже, что именно д-р Неменьи нашёл ей квартиру и оплачивал жильё. После того как она уехала в Нью-Йорк, он платил за обучение Бобби в бруклинском общественном колледже и присылал Регине 20 долларов в неделю. Он часто навещал мальчика, и Бобби даже привязался к нему. В 1948 году Бюро зафиксировало, что Неменьи рассказывал социальному работнику, как расстроен условиями, в которых растёт Бобби, особенно из-за «неуравновешенности матери».

Письма, написанные сыну Пола, Питеру, а также письма самого Питера, активного защитника гражданских прав, ныне доступны в архивах и ясно указывают, что Пол был

биологическим отцом Бобби. Через месяц после смерти отца Питер написал психиатру Бобби, доктору Клайну, советуясь с ним, кто должен рассказать Бобби о смерти Пола, — он думал, что доктор знал о том, кто настоящий отец мальчика. В следующем месяце Регина пожаловалась Питеру в письме, что у неё нет денег на еду и на починку обуви ребёнка. Бобби болеет, но она не может позволить себе пригласить врача. В умоляющем тоне она спрашивала, оставил ли им Пол какие-нибудь деньги. Она писала, что Бобби всё ещё ждет визитов Пола, потому что она не рассказала сыну о его смерти.

Вряд ли ему вообще что-либо говорили. Если бы ФБР не следило столь пристально за жизнью Регины, если бы Бобби Фишер, чемпион мира по шахматам, не был до сих пор объектом восхищения прессы и публики, его семейная тайна навсегда бы осталась похороненной.